

С.Т. Минаков.
Д.и.н., профессор,

Орловский государственный университет.

Орловско-Кромское сражение.

Социальные бури, войны, революции, людские трагедии и бедствия, прокатившиеся по земле русской в XX веке, разорвали ткань прошлого. Лоскуты ее, полощась на ветру времени, обнажили распоротое сознание людей, внесли гражданскую войну в их мировосприятие...

...Кажется, тема Гражданской войны давным-давно должна была себя исчерпать. Сколько о ней написано, показано кинофильмов, рассказано в воспоминаниях участников.... На одной стороне «красные», долгое время самоотверженные герои, романтические «комиссары в пыльных шлемах, но-стальгически-искренно воспетые Б. Окуджавой. Ныне – «белые», новые кристально чистые герои все «той гражданской», с вождями-патриотами, «рыцарями белой идеи».... А потому по-прежнему актуальны слова М. Волошина из незабываемого 1919 года:

...Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию.
Другие, разнуздав стихию, хотят весь мир пересоздать.
В тех и других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула.
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам...

...Сражение под Орлом и Кромами осенью 1919 г., в котором, без преувеличения, решалось будущее России, несмотря на наличие достаточно масштабной историографии, пока еще не нашло всестороннего и, что самое главное, объективного освещения.

А.Н. Гребенкин,
ассистент кафедры
«Философия и история» ОрелГТУ

Кадеты и юнкера в рядах Добровольческой армии.

Революционный пожар, охвативший Российскую империю в начале XX века, оказался полной неожиданностью для многих ее подданных. В числе тех, для кого сожженные имения, баррикады на улицах и красные флаги означали проявление не только возмутительного, но и необъяснимого феномена, были и воспитанники военных учебных заведений – кадетских корпусов и военных училищ. Самым старшим из них не было и двадцати лет.

Вся воспитательная работа, весь строй корпусов и училищ были направлены на воспитание христолюбивого воинства, до гроба преданного Отечеству и обожаемому монарху.

Стремление воспитать будущих офицеров в духе служения Богу, Царю и Отечеству полностью исключало осведомленность воспитанников в явлениях современной им политической жизни. По словам А.И. Деникина, «военная школа уберегла своих питомцев от духовной немочи и от незрелого политиканства. Но сама не помогла им разобраться в сонме вопросов, всколыхнувших русскую жизнь».

Неудивительно поэтому, что кадеты и юнкера крайне негативно восприняли события Первой русской революции и как один человек встали на защиту монархии, не признавая ничего, кроме традиционных порядков, будучи не в силах осознать шокировавшие их явления.

Еще большие потрясения выпали на долю питомцев корпусов и училищ во время Революции 1917 года и последовавшей за ней событий.

Февральская революция, отречение Николая II, демократизация армии были встречены питомцами военных учебных заведений в штыки. По словам Анатолия Маркова, «красный флаг, заменивший русский национальный, они сочли, с первых же дней его появления, тем, чем он в действительности и был, а именно грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем для них дорогим и священным». В Морском корпусе красных знамен не было, но национальный флаг был перевернут «вверх ногами», и нижняя, красная, полоса стала верхней. Будущие офицеры-моряки расценили это как неслыханное оскорбление.

Кадеты и юнкера собственными силами боролись с нововведениями. Так, в Чугуевском военном училище печально известный Приказ №1 так и не привился и, несмотря на то, что устав внутренней службы был им уничтожен, наказания теперь налагали сами юнкера, образовавшие дисциплинарные комитеты под председательством училищных офицеров, и наказания эти были «более строгими, чем прежде налагало начальство».

Взрыв негодования вызвали переименование кадетских корпусов в гимназии военного ведомства и лишение воспитанников погон и требование сдать корпусные знамена. Позорный день утраты погон кадеты оттягивали как могли: сначала они спорили погоны на шинелях, и лишь много позже – на мундирах. Собственно говоря, наступление на столь дорогие сердцу каждого воспитанника символы началось еще в марте. Так, питомцы Морского кадетского корпуса были вынуждены снять с погон вензель Наследника Цесаревича.

Началась кампания по спасению столь много значивших для каждого воспитанника хоругвей. А.Л. Марков вспоминал: «Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем подполковником В. Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте при очень трудных обстоятельствах. Кадеты Полоцкого кадетского корпуса, с опасностью для собственных жизней, спасли знамя из рук красных и вывезли его в Югославию, где оно затем было передано Русскому кадетскому корпусу. В Воронежском корпусе кадеты строевой роты тайно вынесли из храма знамя, а на его место в чехол положили простыню. Исчезновение

знамени красные заметили лишь тогда, когда оно находилось уже в надежном месте, откуда было затем вывезено на Дон».

Спасали не только знамена, но и погоны. Кадеты Омского корпуса в 1918 году, получив приказ снять погоны, вечером того же дня собрались в полном составе и сложили все погоны в гроб, который кадеты-старшеклассники зарыли в землю. Товарищи старались во что бы то ни стало снять погоны с убитых кадет и юнкеров – среди красноармейцев бытовал обычай цеплять погоны на хвосты своих лошадей.

В Воронежском кадетском корпусе, когда директор зачитал в церкви манифест об отречении Николая II, настоятель храма, законоучитель корпуса протоиерей о. Стефан (Зверев), и все кадеты зарыдали. В тот же день кадеты сорвали с флагштока красное знамя, вывешенное писарями, и сыграли национальный гимн, который подхватили все воспитанники.

Особую ненависть кадет и юнкеров вызывали так называемые «педагогические комитеты», куда наряду с директором, училищными и корпусными офицерами вошли солдаты-барабанщики, дядьки и военные фельдшера, причем три последние категории лиц сразу же получили особые полномочия. Когда воспитанников Симбирского кадетского корпуса стали заставлять ходить на собрания общеученического комитета и призывать к организации забастовки, а агитаторы стали угрожать приходом в корпус и срывом занятий, кадеты кричали им в ответ: «Пожалуйста, приходите, и мы набьем вам морду!»

Повсеместно воспитанники военных учебных заведений открыто демонстрировали свою преданность старым устоям. Так, когда Николай II отрекся от престола и возле Симбирского кадетского корпуса собралась обезумевшая от радости толпа, то кадеты 2-го отделения 5-го класса открыли форточки в окнах, выходящих на площадь, и хором запели: «Боже, Царя храни!» Несколько дней спустя они же вышли на улицы города с огромным транспарантом: «Война до победного конца!».

Несмотря на то, что до революционных событий наблюдались соперничество и даже вражда между отдельными военными учебными заведениями, Гражданская война сплотила воспитанников всех корпусов и училищ, подтверждая принцип того, что «погоны у кадет разные, но душа одна».

Самыми энергичными участниками создания Добровольческой армии были юнкера Владимирского военного и Константиновского артиллерийского училищ. Впоследствии в Добровольческую армию попали также юнкера Александровского военного и Николаевского кавалерийского училищ и кадеты некоторых корпусов.

В ноябре 1917 года в Новочеркасске была сформирована Юнкерская рота. Ее 1-й взвод состоял из юнкеров пехотных училищ (главным образом Павловского), 2-й – артиллерийских, 3-й – морских и 4-й – из кадет Орловского, Одесского и других корпусов, а также учащихся. К середине ноября, когда контроль на железных дорогах был еще не очень тщателен, из Петрограда малыми группами смог пробраться весь старший курс Константиновского артиллерийского училища и несколько десятков юнкеров Михайловского во главе с штабс-капитаном Н.А. Шаколи. 19 ноября, по прибытии первых

100 юнкеров, 2-й взвод Юнкерской роты был развернут в отдельную часть - Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, послужившую ядром будущей Марковской батареи и артбригады (командир – капитан Шаколи), а сама рота развернулась в батальон (две юнкерских и «кадетская» роты).

Батальон этот вместе с полусотней Донского казачьего военного училища принял боевое крещение в сражении под Нахичеванью, положившем начало Добровольческой армии.

В январе 1918 года в Екатеринодаре был создан отряд добровольцев имени «Спасения Кубани», под командой полковника Лесевицкого, состоявший из кадет различных корпусов – Воронежского, Владикавказского, Третьего Московского – и юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Воспитанники Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса совместно с юнкерами московского Александровского училища и строевыми ротами 2-го и 3-го Московских кадетских корпусов более недели вели бои с красногвардейцами в Москве; после подавления сопротивления юнкера и кадеты присоединились к добровольцам.

Юнкера Одесского пехотного училища в течение трех дней защищали *alma mater*, после чего организованным порядком отошли на Дон и вступили в ряды Добровольческой армии. Воспитанникам Киевского пехотного военного училища после боев в городе удалось захватить поезд, сформировать эшелон и в полном составе выехать на Кубань.

До выхода Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход ее состав определялся следующим образом: треть офицеров, около половины юнкеров, более 10% штатской учащейся молодежи и воспитанников кадетских корпусов и одиночные солдаты. К середине 1918 г. число юнкеров и кадет снизилось до 12,7%, то есть в четыре раза (за счет погибших и произведенных в прапорщики).

В феврале 1918 года маленькая Добровольческая армия вышла в свой первый Кубанский поход. В станице Ольгинской генерал Корнилов сделал смотр юнкерскому батальону и произвел всех юнкеров в прапорщики, а кадетам старших классов дал звание «походных юнкеров».

В первые месяцы борьбы производства в следующий чин почти не практиковались, за исключением производств за отличие в первый офицерский чин юнкеров, кадет и вольноопределяющихся. Первое такое производство последовало 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской: при выходе в 1-й Кубанский поход все юнкера были произведены в прапорщики, а кадеты старших классов - в «походные юнкера». Тут же всем произведенным были выданы приготовленные еще в Ростове погоны, а кадеты нашили на погоны ленточки национальных цветов по нижнему ранту. По окончании похода, 6 мая, во время парада в Егорлыцкой «полевые юнкера» были произведены в офицеры. Тот факт, что в офицеры производились, как правило, все лица, бывшие к моменту большевистского переворота юнкерами, совершенно закономерен, ибо им оставалось до выпуска не более полутора-двух месяцев, а участие в боях делало такое производство тем более правомерным. Производство в офицеры за

боевые отличия кадет приводило к тому, что они затем, когда вновь открылись кадетские корпуса, доучивались там уже в офицерских чинах.

Под ст. Выселки в марте 1918 г. партизанскому отряду, который впоследствии был назван Алексеевским, пришлось выдержать тяжелый бой. Селение было взято, но полк понес тяжелые потери. Генерал Богаевский, позднее Донской атаман, который тогда командовал этим полком, потом в своих воспоминаниях писал: «Особенно жалко мне было нескольких мальчиков – кадет Донского корпуса, погибших в этом бою... Какими молодцами шли они в бой! Для них не было опасности, точно эти дети не понимали ее. И не было сил остановить их в тылу, в обозе. Они все равно убегали оттуда в строй и бестрепетно шли в бой». В том же походе в том же полку, 17 марта 1918 г., умирал от ран кадет 5-го класса Донского корпуса, 15-летний Алексей Тихонов. Его последние слова, сказанные офицеру-воспитателю, были: «Я знаю, что я скоро умру, но смерть за веру, за Россию можно с радостью принять».

Полковник Зайцев зафиксировал в своем дневнике: «В стан. Веселой добровольцев нагнал небольшой отряд. В этом отряде было 4 офицера, 6 кадет и 9 донских казаков. Он проделал с большим риском путь из Новочеркасска». В январе 1918 года в Екатеринодаре был сформирован отряд под командой полковника Лесевицкого, получивший название «Отряд Спасения Кубани». Пятый взвод этого отряда назывался «кадетским». Он состоял из кадет Владикавказского корпуса и других корпусов. Поначалу этот отряд защищал Екатеринодар. Но большевиков было чересчур много, а их чересчур мало, пришлось отступать. Встретив Добровольческую армию, идущую на Екатеринодар, отряд влился в нее. Потери были большие. В его рядах героически отдали свою жизнь кадеты.

На одних из похорон генерал Алексеев сказал: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям, и этот памятник должен изображать орлиное гнездо и убитых в нем орлят...».

Большое число кадет приняло участие и покрыло себя славой в легендарном Ледяном походе. О них всегда говорили с отеческой любовью и грустью... С винтовкой выше себя ростом, уходя с головой под воду при любых переправах вброд, они безропотно сносили все тяжести похода. На всех фронтах Гражданской войны кадеты выделялись лихостью и отвагой, равняясь на старших товарищей и стараясь им ничем не уступить.

В знаменитой Дроздовской дивизии Добровольческой Армии всех кадет, гимназистов и реалистов шутливо называли «баклажками».

Офицеры старались сохранить в кадетах и юнкерах благоговейное отношение ко всему военному, в особенности к мундиру. Комендант Анапы полковник Чиж наставлял кадета Одесского корпуса Александра Лермонтова: «Помни, что ты солдат, помни, что ты член Добровольческой армии, что ты не имеешь права снимать форму. Я знаю, что сейчас многие мальчики снимают форму. Передай своей матери, что я буду строго карать кадет, снимающих форму. Я знаю, что времена тяжелые, что Одесса сдана, что красные наступают, но это не значит, что должны трусить и предавать свое настоящее. Ты кадет, и будешь ходить в своей форме и никаких».

«И никаких» – это стало девизом для многих. Кадеты и юнкера сражались до последнего. Игорь Родин, представитель РОВС в Киеве, вспоминал: «Ничто так не иссушало душу и не рвало сердце, как лежащий убитый ребенок в военной форме. Вот рядом винтовка и фуражка, на груди, залитой кровью, маленький крестик, а за поясом любимая книга или тетрадь со стихами Пушкина и Лермонтова, переписанными по кадетской традиции. Как не хотелось порой их ставить в строй, который всегда диктовал свои суровые законы! Казалось, что все будущее России находится здесь в армии, с винтовкой, а не с ручкой в руках и не за школьной партой... Никогда не забыть боя белого бронепоезда, а точнее бронеплощадки, с несколькими бронепоездами красных. Когда большинство команды и сам командир были убиты, площадка стала отходить и среди «... обваленных и обгоревших мешков с землей, острых пробоин, тел в тлеющих шинелях, среди крови и гари, стояли почерневшие от дыма мальчишки-пулеметчики и безумно кричали «ура»... И если люди не оценили их жертв, и не воздвигли им еще достойного памятника, то их жертву видел Бог и принял их души в свою райскую обитель...»

Эмигрантская литература двадцатых годов полна воспоминаниями о стойкости, героизме и жертвенности кадет – бойцов Добровольческой армии. Бывший кадет Донского корпуса Николай Богаевский писал:

...Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первым рвался ты в неравный бой.
В небе заревном пылающей Каховки
Вижу твой дрожащий силуэт –
Помню: с папиной «взаправдашной» винтовкой
Ты шагал, тогда в тринадцать лет.
И желая как-то скрыть фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил...
Как боялся ты тогда, что ненароком
С фронта к мамочке отправят в тыл!
В сапожищах ноги детские шагали,
И дорог на них ложилась пыль...
И Ростов и Перекоп тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль...
О семье своей ты ведал понаслышке,
Или слабо помнил... До того ль?
И все в той же рваной шинелишке,
Ты шагал, тая печаль и боль.
Не твои ли это слышали мы стоны,
Твой недетский, леденящий крик?
Не тебе ль, дружок, кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик?
Ты, кто Белое святое наше дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее искрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах...

Однако сила была не на стороне мальчиков и юношей, сражавшихся до последней капли крови. Оказавшись в одиночестве, было вынуждено прекратить борьбу Чугуевское военное училище. Ярославский, Симбирский и Нижегородский корпуса были разгромлены в самом начале братоубийственной войны. По словам Анатолия Маркова, «красногвардейцы ловили кадет в городах и на станциях железных дорог, в вагонах, на пароходах, избивали их, калечили, выбрасывали на ходу поездов из окон и бросали в воду». За годы Гражданской войны погибли все военные училища и большая часть кадетских корпусов, существовавших до революции.

История военных учебных заведений Российской империи на этом не закончилась. В эмиграции были воссозданы и существовали еще много лет ряд кадетских корпусов и военных училищ, в том числе и знаменитое Николаевское кавалерийское – «славная школа» юнкеров. В них были восстановлены старые корпусные и училищные порядки: знаменитый «цук», «корнетские комитеты», «Звериада» и прочие неперемненные атрибуты жизни каждого военного учебного заведения. По-прежнему декларировались преданность монархии и старому порядку. Крымский кадетский корпус, основанный в 1920 году, имел такой девиз:

«Завет наш – до гроба быть верным царю,
Наш символ – орел двухголовый,
Кумир наш – священный погон корпусной,
Одетый в године суровой».

Потомки русских кадет и юнкеров – бойцов Добровольческой армии сознавали необходимость сохранения идеалов своих отцов и дедов: «В нас были заложены идеалы мальчиков-кадет – фундамента Добровольческой армии, участников Ледяного Похода и защитников Перекопа. Наша обязанность принести эти идеи к себе домой – это наш долг...»

В настоящее время в России активно идет процесс восстановления кадетских корпусов. Хочется верить, что нынешние кадеты будут обладать такой же моральной стойкостью и любовью к Родине, как и их предшественники, и в случае опасности проявят столь же беззаветное мужество и стойкость. Пусть же их наставники почаще напоминают будущим офицерам о мальчиках и юношах в военной форме, отстаивавших свои идеалы с оружием в руках до последней капли крови и до последнего вздоха веривших в победу.

К.Б. Грамматчиков

Орловские кадеты в Белой борьбе.

В 2008 г. исполнилось 165 лет Орловскому Бахтина кадетскому корпусу, основанному в 1843 г. Высочайшим повелением Государя Императора Николая I. В декабре 1841 г. Царь, приняв от подполковника в отставке Михаила Павловича Бахтина дар на устройство корпуса в Орле - 1 миллион 100 тысяч рублей и большое имение, соизволил именовать корпус «Орловский Бахтина». Об истории и традициях корпуса в последние годы стало много известно благодаря подвижничеству покойного Олега Владимировича Левитского и его дочери Натальи Олеговны Петровановой-Левитской, чей отец и

дед Владимир Владимирович Левитский был преподавателем ОБКК. О некоторых его питомцах после октября 1917 г. - выпускниках корпуса разных лет - эта статья.

О героях гражданской войны большинство сограждан знает по фильмам «Красные дьяволята», «Белое солнце пустыни», показываемым периодически электронными СМИ на ТВ, в лучшем случае по фильмам «Тихий Дон», «Белая гвардия» или «Дни Турбиных», где юнкера и кадеты изображаются невротическими, истеричными или, наоборот, инфантильными личностями. Непременные атрибуты офицеров - карты, рулетка, пьяный угар. Помимо Госзаказа, спускаемого идеологами, режиссёры фильмов брали образы с портретов курирующих их политработников, приведших страну и армию к разложению, где моральный уровень офицеров в большинстве мало отличается от уровня солдат, а «дедовщина» имеет место уже не только в войсках, но и в некоторых Суворовских и Нахимовских училищах, где поступление гарантировано за у. е.

О реальных героях белого движения гражданской войны - уроженцах Орловской губернии, живших или связанных с ней, - известно очень мало, можно сказать ничего или почти ничего. Экспозиции музеев до сих пор рассказывают о красных командирах – аскетичных комиссарах и мудрых чекистах, устанавливающих Советскую власть на Орловщине. Героям Белой гвардии в экспозициях уделяется довольно мало места. И то только большей частью портретам генералитета: Деникина, Корнилова, Алексеева, Май-Маевского, Колчака, Врангеля и Юденича.

Одной из страниц в истории Белого движения является участие в нем кадет Орловского Бахтина кадетского корпуса, упоминание о которых можно встретить в журналах «Кадетская переключка», «Часовой», «Военная быль» и других эмигрантских изданиях.

Как пишет Сергей Владимирович Волков в книге «Трагедия Русского офицерства»:

«Лучшим элементом были офицеры из числа бывших воспитанников кадетских корпусов, которые служили в белых армиях почти поголовно, что вполне подтверждается имеющимися данными».

«Большевизм и революция привели к тому, что в период 1917–1918 годов погибли все военные училища и 23 кадетских корпуса из 31 существующего до марта 1917 года в России. Гибель большинства из них была ужасна, и беспристрастная история когда-либо отметит те кровавые события, которые сопутствовали этой гибели. Избиение поголовное персонала и кадет, которое можно приравнять к избиению младенцев на заре Нового Завета» (А. Марков. «Кадеты и юнкера в Белом движении»).

Приведем некоторые имена и фамилии выпускников Бахтина кадетского корпуса – офицеров, генералов и кадет.

Знамя Орловского Бахтина кадетского корпуса тайно было вынесено из храма Архистратига Божия Архангела Михаила офицером-воспитателем В.Д. Трофимовым совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте. Дальнейшая судьба знамени не известна до сих пор.

Знамя Сумского кадетского корпуса спас, вывезя на груди из осажденного петлюровцами Киева в Одессу, уроженец г. Орла кадет Дмитрий Потёмкин – сын преподавателя Орловского и Сумского кадетских корпусов А.Д. Потёмкина. В составе Марковского полка 16-летний Дмитрий Потёмкин участвовал в боях под Орлом в 1919 г. Закончил Крымский корпус в Югославии, университет в Страсбурге. Работал рабочим, горным инженером во Франции, Германии, Бразилии, США, где и умер в 1978 г.

Сразу после октября 1917 года многие орловские кадеты устремились на юг и влились в отряды создавшейся Добровольческой армии. Кадет 5-го класса князь Накашидзе вместо того, чтобы отправиться к матери в Грузию, пробрался на Дон. Воевал в конном отряде разведчиков дивизиона полковника Гершельмана, который позднее отправил его, чтобы уберечь от гибели, в охрану генерала Алексеева, состоящую из юнкеров и кадет (генерал называл их своими мальчиками). За участие в 1-м Кубанском Ледяном походе Василий Накашидзе, прозванный друзьями Бичо, получил звание корнета. В русской армии после эвакуации из Крыма на корабле «Лазарев» в 1920 г. – штабс-ротмистр. Умер 9 марта 1965 года в Нью-Йорке.

Из книги А. Маркова «Кадеты и юнкера в Белом движении»: «Первые отряды добровольцев, начавшие бороться с красными у Ростова и Таганрога, были в огромном своём большинстве составлены из кадет и юнкеров, как и отряды Чернецова, Семилетова и других основоположников борьбы с красными. Первые гробы, неизменно провожаемые в Новочеркасске печальным атаманом Калединым, заключали в себе тела убитых кадет и юнкеров. На их похоронах генерал Алексеев, стоя у открытой могилы сказал:

- Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям, и этот памятник должен изображать орлиное гнездо и убитых в нём орлят...

В ноябре 1917 года в городе Новочеркасске сформировался юнкерский батальон, состоявший из двух рот: первой – юнкерской, под командой ротмистра Скосырского, и второй – кадетской, под командой штабс-капитана Мизерницкого. 27 ноября он получил приказание погрузиться в поезд и с полусотней Донского казачьего военного училища был направлен в Нахичевань. Выгрузившись под огнем противника, батальон быстро построился, как на учении, и, идя во весь рост, бросился в атаку на красных. Выбив их из Балабановской рощи, он в ней закрепился и продолжал стрелковый бой при поддержке двух наших орудий. В этом бою почти целиком погиб взвод капитана Донскова, состоявший из кадет Орловского и Одесского корпусов. Найденные после боя трупы оказались обезображенными и исколотыми штыками. Так кровью русских детей-кадет обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и Белой борьбе при взятии Ростова-на-Дону».

Кадет ОБКК Комаревский Алексей Иванович воевал в Добровольческой армии и на бронепоезде «Генерал Дроздовский» в Русской армии до эвакуации из Крыма. Галлиполиец. В 1926 году в составе гвардейского отряда в Болгарии, подпоручик. В эмиграции в Бельгии. Умер в 1982 году в Брюсселе.

Среди выпускников ОБКК много генералов, игравших не последнюю роль в Белом движении.

Генерал-майор Черепов Александр Николаевич (1877 – 1964). Один из создателей Добровольческой армии. Георгиевский кавалер. Командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда, участвовавшего в 1-м Кубанском Ледяном походе. В эмиграции в Югославии и Франции являлся председателем Союза первопроходников и Союза инвалидов. Умер во Франции.

Генерал от инфантерии Щербачёв Дмитрий Григорьевич (1857 – 1932). Командующий войсками Румынского фронта в 1-ю мировую войну. Георгиевский кавалер. В гражданскую войну был представителем белых армий при союзных правительствах, начальником управления по снабжению белых армий в Париже. Умер в 1932 году в Ницце (Франция).

Акинтиевский Константин Константинович (1884 – 1962). Генерал-майор в белых войсках Восточного фронта, начальник Полевого штаба Верховного Правителя адмирала Колчака. Начальник штаба Дальневосточной армии. В эмиграции в Китае. Умер в 1962 году в Нью-Йорке.

Генерал-майор Данилов Михаил Федорович (1879 – 1943), командующий лейб-гвардии Кирасирским Её Величества полком до 1917 года. В Русской армии – командир 1-й бригады кавалерийской дивизии. В эмиграции во Франции – председатель объединения лейб-гвардии Кирасирского Её Величества полка в Париже. Умер в 1943 году в Венгрии.

Генерал-майор Субботин Владимир Фёдорович (1874 - ?). В 1-й мировой начальник инженеров Румынского фронта. Комендант и командующий Севастопольского гарнизона в 1920 году.

Генерал-майор барон фон Нолькен Александр Людвигович (1879 – 1957) в 1-й мировой генерал-квартирмейстер. В Добровольческой армии с 1918 года. В штабе главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции в Югославии и Франции председатель гвардейского объединения.

Генерал-майор Генерального Штаба Вахрушев Михаил Николаевич (1865 – 1934) участник Русско-японской и Первой мировой войн. Во ВСЮР – Начальник штаба Киевской группы войск. В эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) в Сараево. Служил в державной комиссии. Почетный председатель Сараевского общества офицеров. Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Генерал-лейтенант Лехович Владимир Андреевич (1860 – 1941). В Первую мировую войну Начальник Главного артиллерийского управления. Во ВСЮР – в Управлении по артиллерийскому снабжению армии. В эмиграции в Белграде. Председатель общества артиллеристов. С 1924 г. в США. Являлся главой Общегвардейского объединения и Почетным членом правления Союза русских военных инвалидов. Умер в Нью-Йорке.

Генерал-лейтенант Генерального Штаба Покатов (Цейль) Сергей Владимирович (1868 – 1934). Участник русско-японской и Первой мировой войн. К 1917 г. командир XXXV армейского корпуса. В 1918 г. принимал участие в восстании против большевиков в Ашхабаде. Председатель Временного пра-

вительства Закаспийской области. В эмиграции служил в Чехо-Словацкой армии. Председатель Фонда Спасения в Братиславе. Умер там же.

Генерал-лейтенант Ползиков Михаил Николаевич (1876 – 1938). Участник Первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии командир Дроздовской артиллерийской бригады. В эмиграции в Болгарии и Люксембурге. Умер в Вассербилиге.

Генерал-майор Генерального Штаба Андриевский Дмитрий Иванович (1875 – 1951). В Первой мировой войне воевал на Кавказском фронте. Командир 1-й Кубанской пластунской бригады. Георгиевский кавалер. Представитель ВСЮР в Закавказье. В эмиграции в Персии и Франции. Умер под Парижем. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Генерал-майор Будберг Алексей Павлович (1869 – 1945). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир XIV-го армейского корпуса. Награжден Георгиевским оружием. Военный министр в правительстве А.В. Колчака. В эмиграции в Японии, Китае, США. Председатель общества русских ветеранов Великой войны. Умер в Сан-Франциско.

Генерал от инфантерии Палицын Фёдор Фёдорович (1851 – 1923). В Первой мировой войне Начальник штаба Гвардейского корпуса. Начальник Генерального Штаба. Член Государственного Совета. В эмиграции в Германии. Умер в Берлине.

Генерал-майор Скобельцын Владимир Степанович (1872 – 1944). В Первой мировой войне начальник штаба XVII-го, затем XL-го армейских корпусов. Участник Брусиловского прорыва. В Белых войсках Северного фронта. Командующий войсками Мурманского района. В эмиграции в Финляндии и Франции. Умер близ города По (Франция).

Генерал-лейтенант Гаврилов Александр (Алексей) Нилович (1855 – 1926). В годы Первой мировой войны начальник Минской местной бригады. В эмиграции в Польше. Умер в Вильно.

Генерал-майор Клоченко Ипатий (Игнатий) Иванович (1859 – после 1919). Участник Первой мировой войны. Командир 1-го дивизиона 36-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного Фронта. В августе 1918 инспектор артиллерии Народной армии Самарского Комуча. В армии адмирала А.В. Колчака, занимал посты инспектора артиллерии 6-го Уральского армейского корпуса, начальника артиллерийского управления Курганского военного округа, тылового округа Восточного фронта.

Генерал-майор Полидоров Константин Перфильевич (Порфирьевич) (1882 – 1960). Во время Первой мировой войны в Военно-судебном ведомстве, военный прокурор. С началом Гражданской войны — начальник военно-судного отдела Главного штаба Народной армии, начальник военно-судного отдела Управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Организовал военно-окружные суды Западной и Сибирской армий. Главный военный прокурор. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае. С 1945 по 1956 гг. в заключении и лагерях в СССР. Эмигрировал в Бельгию. Умер в Брюсселе.

Генерал-лейтенант Теплов Александр Николаевич (1877 – 1964). Участник Первой мировой войны. Командир лейб-гвардии Финляндского полка, 2-ой гвардейской пехотной дивизии. Командующий войсками Петроградского военного округа. В Русской Армии командовал 34-ой пехотной дивизией. В эмиграции во Франции. Умер в Париже.

Генерал-майор Гревс Александр Петрович (1876 – 1936). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Во ВСЮР командовал Сводно-Горской конной дивизией. В эмиграции в Сербии, Франции, член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер под Парижем.

Генерал от кавалерии Покотило Василий Иванович (1856 – после 1919). Военный губернатор Ферганской, Семиреченской, Уральской областей. Помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа. Во время Первой мировой войны руководил формированием на Дону казачьих частей для действующей армии. Был походным атаманом и наказным атаманом войска Донского. Затем назначен главным начальником снабжений армий Северного фронта. Член Военного совета. В 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, член Кассационного присутствия.

Как звёзды были их глаза –
Простые русские кадеты;
Их здесь никто не описал
И не воспел в стихах поэта.
Те дети были наш оплот.
И Русь поклонится их гробу;
Они все там до одного
Погибли в снеговых сугробах...

Вместе со своим отцом ушёл в Добровольческую армию племянник офицера-воспитателя В.В. Левитского, воспитанник ОБКК Гоголев Борис Львович – двоюродный брат Левитского Олега Владимировича и дядя Натальи Олеговны Петровановой-Левитской, продолжающей дело отца и деда в популяризации и изучении Кадетского движения. Б.Л. Гоголев воевал в Вооруженных силах юга России в лейб-гвардии Егерском полку. К 1925 году в Болгарии в чине подпоручика вышел в отставку.

Многие из бывших кадет передавали знания и теплоту, полученные в стенах ОБКК от своих воспитателей, детям эмигрантов, прививая любовь к Родине и традициям Русской армии.

Полковник артиллерии Богуславский Виссарион Андреевич вёл вербовку в Добровольческую армию в 1919 году в Германии при Межсоюзной компании по пленным. В эмиграции во Франции. В 1937 году начальник организации «Юный доброволец» (до 1932 года «Юный скаут»). Умер в 1964 году в Ганьи (Франция).

Полковник Брендель Виктор Александрович. В 1-й мировой начальник штаба 2-й гвардейской конно-гренадерской дивизии. В 1918 году в гетманской армии. Военный агент в Румынии. В 1919 году в Белых войсках восточ-

ного фронта. Преподавал в кадетских корпусах за рубежом в Югославии и Болгарии. Умер в 1969 году в Сан-Франциско.

Гардемарин отдельных гардемаринских классов Иванов Емельян Егорович (1897 г.р.), уроженец города Болхова Орловской губернии, был в плавании на крейсере «Орёл» в 1917 - 1918 гг. С 1919 года - в морской роте Сибирской флотилии, подпоручик. С 1923 г. в эмиграции в Китае, преподаватель в Хабаровском кадетском корпусе в Шанхае. С 1927 г. служил во французской муниципальной полиции. Погиб при задержании преступников 30 июня 1940 г. в Шанхае.

В номере 95, январь 1969 года, в журнале «Военная быль», выходящем в Париже, помещена статья бывшего кадета А. Левицкого, посвященная 125-летию Орловского Бахтина кадетского корпуса, рассказывающая об истории ОБКК и о своих годах учёбы здесь. Статья начинается проникновенными строками стихотворения его однокашника по ОБКК Мясняева:

Друзья, скажите, было ль это
Иль это только отблеск сна?
Мундир орловского кадета
И славный корпус Бахтина.

Ответим: да! Всё было, было:
И Царь, и славы знамена,
И наше сердце не забыло
Орловский корпус Бахтина.

Семья кадетская едина,
Душой и мыслью равны мы,
И облик князя Константина
Звездой сияет нам из тьмы.

Эти строки принадлежат Орловскому кадету Григорию Валериановичу Мясняеву (1892 – 196?), писателю и общественному деятелю Русской эмиграции. После окончания корпуса из-за болезни сердца он не смог поступить в военное училище и окончил юридический факультет Киевского университета. Но офицером он все же стал во время Великой войны. Несколько лет участвовал в боях на фронтах войн Первой мировой, а затем Гражданской в рядах добровольцев. Из-за тифа и воспаления лёгких остался в Ростове на Дону после отступления белых. Свою судьбу до выезда за рубеж в 1940-ые годы он описал в повести «Давнее».

«Офицер, отдавший свою молодость, свое здоровье, свою кровь за Россию своих отцов, должен будет теперь, спасая свою жизнь, пресмыкаться. Весь обнажённый, циничный стиль советского строя, его серость и убожество, отражавшиеся в этом безобразном, нерусском языке их газет, воззваний, декретов, отталкивающие изображения вождей, грязь, нарочитое презрение ко всему, что до сих пор украшало жизнь, - все это было органически ему чуждо, все дышало враждой и ненавистью ко всему тому, что было для него родным и близким».

В эмиграции в Баварии в Германии и позже в Америке, Г.В. Мясняев смог реализовать свой литературный дар. Также им были написаны повести: «Поля неведомой земли», «По следам минувшего», очерки о генерале М.Д. Скобелеве, поэте Н.С. Гумилёве и другие произведения. За рубежом он стал близок к известному общественному деятелю и историку С.П. Мельгунову, в Нью-Йорке был избран председателем общества имени А.С. Пушкина. Умер в 1960-ых годах в США.

Как мы видим, по всему миру раскидала судьба орловских кадет от нижних чинов до генералов. Но, несмотря на расстояния и отдаленность друг от друга, они сохранили кадетское братство и любовь к тому месту, откуда вышли во взрослую жизнь. Часто воспоминания бывших кадет опубликовывались через десятилетия сослуживцами, друзьями, родственниками.

На страницах журнала «Военная быль» за 1969 год опубликована статья генерал-лейтенанта Е.А. Милодановича «Воспоминания об Орловском Бахтина кадетском корпусе», рассказывающая о годах учёбы в корпусе с подробным описанием города Орла того времени. Публикация была осуществлена его сыном, бывшим кадетом, сотрудником журнала «Военная быль», профессором, руководителем высших офицерских курсов, полковником Всеволодом Евгеньевичем Милодановичем, прошедшим, как и его отец, артиллеристом 1-ю мировую. В Гражданскую воевал в Гетманской армии в 1918 году, с 1919 года в Вооружённых силах юга России. В эмиграции служил в Чехословацкой армии. После 1945 года в Германии, Югославии. Умер в 1977 году в Австралии.

Еще одним сотрудником журнала «Военная быль» был Орловский кадет Георгий Александрович Куторга, участник Гражданской войны. В эмиграции он окончил Крымский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в городе Белая Церковь в Королевстве СХС (Югославии). Был выпущен в чине корнета в 17-ый гусарский Черниговский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полк, где он долгие годы был секретарём полкового объединения, вёл летопись полка в изгнании, а также являлся секретарём общекадетского объединения. Скончался Г.А. Куторга 12 октября 1975 г. в Сан-Франциско (США). На похоронах присутствовало более 100 ветеранов от общества кадет и выпускников Николаевского кавалерийского училища во главе с генерал-майором В.Н. Выграном. Чин отпевания служил однокашник по Крымскому кадетскому корпусу Архиепископ Антоний и еще несколько священников.

Бессменным редактором журнала «Часовой», в котором печатались многие кадеты, был уроженец села Гостиное Мценского уезда Орловской губернии штабс-капитан Василий Васильевич Орехов. Ветеран войн Первой мировой, Гражданской и войны в Испании на стороне генерала Франко. Видный общественно-политический деятель русской военной эмиграции, умерший в Брюсселе (Бельгия) в 1990 году.

Особая страница в истории Гражданской войны связана с походом на крейсере «Орёл», носившем имя города Орла, в 1917 – 1920 гг. гардемарин Владивостокского морского училища, среди которых были выпускники Ор-

ловского Бахтина кадетского корпуса Вячеслав Узунов, Борис Афросимов, Иван Малыгин, Онисим Лайминг и другие, поддерживающие связь своего выпуска 1920 года через издания и бюллетени Морского училища в 20–70-ые гг. XX века в Бизерте (Тунис), Белграде (Югославия), Брно (Чехословакия), Нью-Йорке, Лейквуде (США). (Подробности об этом в сборниках «За Веру и Верность» №№ 34 и 45 журнала «Истории русской провинции»).

Вот что напишет в эмиграции писатель, бывший кадет, уроженец Щигровского уезда Курской губернии, постоянный автор журнала «Кадетская перекличка», занимавшийся в последние годы своей жизни литературной деятельностью в Сан-Франциско, - Марков Анатолий Львович:

«Славой и честью покрыли себя кадеты всех Российских корпусов, сражавшихся рядом со своими старшими братьями-юнкерами на Оренбургском фронте, у генерала Миллера на Севере, у генерала Юденича под Лугой и Петроградом, у адмирала Колчака в Сибири, у генерала Дитерихса на Дальнем Востоке, у казачьих атаманов на Урале, Дону, Кубани, в Оренбурге, Забайкалье, Монголии, в Крыму и на Кавказе. У всех этих кадет и юнкеров был один порыв, одна мечта — пожертвовать собой для Родины. Этот высокий подъем духа и вел к победе. Только им и объяснялся весь успех добровольцев против многочисленного врага. Это отразилось и на песнях добровольцев, наиболее характерной из которых является их песня в Ледяном походе на Кубани:

...Вечерней порой, сомкнувшись в строю,
Поем мы негромкую песню свою
О том, как в далекие степи ушли
Мы, дети безумной, несчастной земли,
И в подвиге видели цель мы одну —
Спасти от позора родную страну.
Пугали нас вьюги и холод ночной.
Не даром нам дался поход Ледяной...

«Порыв по своей возвышенности, своему бескорыстию, по самопожертвованию столь исключительный, — писал один из наших славных кадет-писателей, — что подобный ему трудно отыскать в истории. Этот подвиг тем значительнее, что был совершенно бескорыстен, мало оценен людьми и лишен лаврового венка победы...»

Один вдумчивый англичанин, бывший на юге России во время гражданской войны, сказал, что «в истории мира он не знает ничего более замечательного, чем дети-добровольцы Белого движения. Всем же отцам и матерям, отдавшим своих детей за Родину, он должен сказать, что их дети принесли на поле брани святыню духа и в чистоте юности легли за Россию. И если люди не оценили их жертв и не воздвигли им еще достойного памятника, то их жертву видел Бог и принял их души в Свою райскую обитель...»

Великий Князь Константин Константинович, предчувствуя ту светлую роль, которая в будущем достанется на долю так любимых им кадет, задолго до революции посвятил им пророческие строки:

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая

Родство с великой воинской семьёй,
Гордился ей принадлежать душой;
Ты не один – орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой, –
Завидна смерть за честь родного края!..»

Ф. Д. Захаркин

*Материал к публикации подготовили
В.В. Скобелев и А.В. Тихомиров*

Первое контрреволюционное восстание в г. Орле – «Сухоносовщина».

Сухонос Иван Палладьевич именовал себя анархистом, но анархистом 1917 года, которого фактически трудно было отличить в то время от бандита. Сам Сухонос выходец из рабочих Путиловского завода Петрограда, как видно было из его показаний на суде, но на самом же деле личность была темная. В 1918 году Сухонос был начальником броневое дивизиона и со своим дивизионом находился в городе Курске.

Проезжая через Орел в Москву, Сухонос остановился в Орле. Осмотревшись, он убедился, что Орел страдает отсутствием твердой власти и реальной силы. Здесь только что организовалась советская власть в лице первого Орловского губисполкома, да и тот был организован путем слияния горсовета, губсовнархоза и Орловского уисполкома.

Город в это время кишел преступным элементом. Было множество мелких воинских отрядов, работающих по хлебозаготовкам, последние, чувствуя слабость организовавшейся советской власти, вели себя независимо. Порой эта независимость выливалась в формы безобразий.

Сухонос быстро ориентировался в данной обстановке и, придя в совет, заявил, что он – командир броневое дивизиона, в его распоряжении имеется 500 человек команды и 17 броневых автомобилей; он предложил свои услуги по очистке города Орла от преступного элемента.

Буров, бывший председатель губсовнархоза, принял это предложение и дал ему задание в этой части.

Сухонос принял предложение и уехал в Курск. Из Курска он вызвал Бурува по прямому проводу и сообщил, что «в виду событий на гомельском и могилевском фронтах, он имеет распоряжение от полевого штаба Антонова расположить свой дивизион в г. Орле. Поэтому необходимо позаботиться подысканием для его части помещения».

Помещение было найдено, и Сухонос переехал в Орел. На одном из заседаний Верховной Ставки, переехавшей для ликвидации в Орел, Сухонос был назначен комиссаром по охране города.

После своего назначения Сухонос расклеивает приказ и подписывается «комиссаром по охране города Орла».

Через некоторое время появляется второй приказ за подписью уже «верховного комиссара по охране города Орла».

Звание верховного комиссара Сухоносову никто не давал и он его сам себе присвоил.

Со вступлением Сухоносова в обязанности комиссара по охране города Орла в городе начались небывалые безобразия: реквизиции, грабежи, бесшабашные обыски, дебош, пьянство, насилие и все, что угодно, но только не охрана города.

Имея реальную силу, Сухоносов сразу же почувствовал себя господином положения. С губисполкомом он положительно не хотел считаться, игнорировал все его распоряжения. На предложения со стороны губисполкома прекратить безобразия, самочинные обыски и грабежи он отвечал заносчиво:

«Не вы, а я тут верховная власть. У меня сила, которая вас охраняет, а вы сидите и не вмешивайтесь не в свое дело».

Однажды имел место такой случай.

Был я в президиуме губисполкома. Тов. Случ, член президиума, левая эсерка, говорила по телефону со штабом Сухоносова по поводу прекращения одной незаконной реквизиции.

Один из адъютантов Сухоносова отвечает ей по телефону:

«Если вы еще будете вмешиваться в распоряжения отряда, то мы вас арестуем и расстреляем».

Случ была истеричка, бросила трубку и закричала: «Да что это такое: бандиты не признают никаких распоряжений президиума, грозят расстрелом. Где тут советская власть? Нет ее!.. нет!..»

- Что такое? – спросил я и взял у ней трубку.

- Спроси, что сейчас ответили по адресу президиума! – сказала она.

Я позвонил. К телефону подошел только что говоривший с тов. Случ.

- В чем дело? – спрашиваю.

- А тебе что? – отвечает пьяный голос – Ты откуда?..

- Я из президиума губисполкома. Это вы сейчас говорили по телефону?

Будьте добры, повторите, что вы сейчас сказали.

- Если вы, вашу мать, будете вмешиваться в наши дела, мы вас арестуем и расстреляем, - ответил говоривший.

- Позвольте, товарищ, как ваша фамилия?

- Катись ты ко всем...

- Это что же они всегда так с вами разговаривают? – спросил я не без удивления.

- Да не всегда, а очень часто. Вот, поймите, можно ли тут работать? – жаловалась она.

Буйству сухоносовского отряда не было удержу. Город был буквально весь терроризован и не рад был такому верховному комиссару. Власть советов была дискредитирована. В отдельных случаях сухоносовские адъютанты позволяли себе такие вещи: например, на, вечере одна барышня, отказавшаяся танцевать, была застрелена публично адъютантом Сухоносова.

Такой произвол и своеволие были на руку контрреволюции. В лице Сухоносова она видела элемент, дискредитирующий советскую власть, подрывающий ее авторитет и отпугивающий от нее трудовой элемент города. Буржуазия видела в Сухоносове человека не идей, а прожигателя жизни, который использует свое положение во имя своих удовольствий, зная, что эти удовольствия были пагубны для советской власти. Учитывая все это, буржуазия стала заискивать у Сухоносова. Она жаловалась ему на несправедливость по отношению к ней местных органов советской власти, просила у него защиты, как у верховного комиссара, обещая ему очень многое.

Сухоносов сначала заигрывал с орловской буржуазией, обещал ей поддержку, за что брал от нее подачки. Но это длилось недолго: отдельные моменты взаимоотношений Сухоносова с буржуазией стали заметны и многих наводили на подозрение. Но тут Сухоносов сделал ловкий маневр.

Это было 7-го марта. Уже перед вечером Сухоносов разослал телефонограммы всем заводам, воинским частям, типографиям. В телефонограммах говорилось: немедленно прислать представителя на экстренное собрание, которое должно состояться в епархиальном училище, ныне – фабрика им. Коминтерна. О повестке дня в телефонограммах не говорилось ни слова (материал из дела Сухоносова).

Представители собрались. Большая, слабо освещенная комната была полна народу.

Все солдаты... солдаты... множество шоферских фуражек.

Рабочих было немного. Они столпились в уголке, в стороне от военных.

Серую солдатскую массу пестрят только несколько сестер милосердия и служащих госпиталя. Их головы, словно цветы, белели на сером фоне солдатской массы. Многие из солдат были в нетрезвом виде. Настроение возбужденное, о чем-то разговаривали, шептались.

Причины собрания были никому неизвестны. Собрание было созвано для всех неожиданно, и извещение было получено только вечером.

«Что произошло?.. В чем дело»?.. – спрашивали друг у друга собравшиеся рабочие.

Вместо ответа все удивленно качали головами, пожимали плечами и с нетерпением оглядывались на дверь, откуда должен появиться виновник данного собрания - Сухоносов.

Сухоносов пришел в 10-м часу. В зале все зашевелились, устремив свои взоры на гордо прошедшего к столу Сухоносова.

Сухоносов с напускной важностью сказал: «Товарищи, наше заседание будет секретным. Дежурным приказываю усилить дозоры, чтобы не вошел кто-либо из чужих».

Все переглянулись, туман какой-то таинственности все больше и больше окутывал аудиторию.

Сухоносов предлагает собранию избрать президиум. Собрание избрало председателем Сухоносова, товарищем Загарина и секретарем Бахвалова.

Выдвинутая кандидатура Квапинского (лидер партии польских соглашателей, ныне заклятый враг советской власти, в то время шел с большевиками), председателя городского совета, отвергается.

Сухоносов открывает собрание.

- Товарищи, я прошу к данному собранию отнестись внимательно. Оставьте все споры и распри, которые были между вами. Мы переживаем серьезный момент.

Вслед за призывом, как бы преднамеренно разжигая любопытство собравшихся, он объявляет на 5 минут перерыв.

Во время перерыва Бахвалов окликает всех делегатов собрания. На собрании были представители от всех частей армии, от заводов, типографий, а основным ядром собрания был сухоносовский отряд целиком.

Сухоносов предъявляет ультиматум корреспондентам газет, чтобы ничего не печатать без его разрешения.

- И цензуры! – крикнул кто-то с мест. Сухоносов снова повторяет свой призыв.

- Товарищи, я еще раз прошу отнестись к этому собранию серьезней. Я вас предупреждаю, что на этом собрании решается судьба города Орла.

Краткая пауза.

- Напряженное состояние и любопытство переходит всякие границы.

- В чем же дело, наконец? - задавали себе вопрос присутствовавшие.

- Играет на наших нервах, - тихо сказал один рабочий.

- Итак, товарищи, - начинает Сухоносов, - видя ваше нетерпение, я приступаю. Больно и обидно говорить это. Никто не подозревает, что я вам хочу сказать очень многое... и чрезвычайно скверное.

Вы знаете, что буржуазный класс города Орла хотел дать мне 300 тысяч взятку за то, чтобы я продал свой отряд, чтобы я, Сухоносов, погубил пролетариат города Орла и весь мировой пролетариат. Вот вещественное доказательство! – крикнул на весь зал Сухоносов, потрясая в воздухе пачкой денег, - вот полтораста тысяч, которыми меня хотят купить!

Сухоносов развернул толстый сверток и начал разбрасывать пачки денег, аккуратно завернутых в бумагу.

- Но я не пошел на это.

Сухоносов поднял кверху руку с пачкой денег.

- Не пошел, сознавая свой долг перед революцией и перед вами...

Бурные аплодисменты покрывают его речь. Сухоносов редко выкрикивает по одному слову, как на параде.

Товарищи. Помните мои слова... я не продался, потому что я сам рабочий, потому что я – Сухоносов.

Смерть им! - звенит и срывается голос с места. – Смерть! – подхватывает этот голос вся аудитория.

Оглянувшись, мы увидели кричавшего. Это был мальчик лет 13–14, в руках у него винтовка, чуть не в два раза больше его, лицо возбужденное, глаза горели, как у молодого орленка, за поясом у него торчал огромный револьвер системы «Смит-Вессон».

Смешон он был в этом возбуждении, но вместе с тем и страшен. Эта винтовка легко может повернуться в любую сторону.

- У меня нет голоса! - кричит Сухоносков, - я три дня боролся с этим, но теперь на общем собрании говорю - смерть им, смерть всем до последнего. Варфоломеевская ночь!

Гробовое молчание продолжалось лишь одну секунду, а потом гром аплодисментов с каким-то диким ревом наполнил всю аудиторию.

Сухоносков продолжал свою речь крикливо, выразительно и явно нервирова и без того взвинченное собрание.

Я устрою им Варфоломеевскую ночь! Я всех их уничтожу! Устрою поголовную резню! Товарищи, они меня хотели купить! Нет, они должны захлебнуться в своей собственной крови!

Под бурные аплодисменты Сухоносков начинает пить воду.

С мест крики: «Смерть им. Варфоломеевская ночь».

С места поднимается товарищ председателя тов. Загарин и начинает говорить:

- Товарищи, здесь перед нашими глазами лежат презренные бумажки, которыми хотели подкупить нашего начальника. Смерть всем тем, кто хочет подкупать!

- Позор и смерть! – раздаются голоса.

Слова Загарина также покрываются аплодисментами. В зале становится шумно. Многие думали: еще одно слово, один призыв Сухоноскова, и яростная полупьяная масса бросится на город громить и резать.

В зале гром аплодисментов.

Не аплодируют призывам Сухоноскова рабочие. На их лицах выражается растерянность и недоумение.

С места поднимается Квапинский и начинает говорить что-то в своем недоумении. Но его прерывают на полуслове.

Секретарь собрания заявляет: «Есть записавшиеся на слова. Слово в порядке очереди имеет тов. Бермак».

Бермак говорит об угнетенных, о мировой буржуазии, о немцах, призывает всех объединиться и вступить в отряд Сухоноскова.

Монотонная речь Бермака понижает настроение, но, тем не менее, покрывается аплодисментами.

Слово вне очереди берет Сухоносков.

Товарищи, буржуазия не знала, кого она покупала. Она сознает, что гибнет, потому и ставит на карту все, но и мы все поставим на карту. Нет, шалишь, деньгами меня не купишь, и отряда своего я не продам.

Короткая речь Сухоноскова снова покрывается аплодисментами и криками:

«Смерть буржуазии!»

Слово берет тов. Квапинский.

Квапинский указывает на то, что буржуазия готова на все, но она сделала ошибку, покупая Сухоноскова, приехавшего с ней бороться не на жизнь, а на смерть.

Дифирамбы, которые пел Квапинский Сухоносову, прерывались несколько раз аплодисментами.

В заключение Квапинский сказал: «нам нужно бороться не только со своей, отечественной буржуазией, но и с мировой».

Призыв Сухоносова к погрому Квапинский не поддержал, чем снова вызвал Сухоносова взять слово вне очереди.

- Я должен ответить, - сказал отрывисто Сухоносов. - Буржуазия хотела меня купить, потому что у меня сила. Если она пришла меня покупать, то, наверно, она уже в совет ходила с тем же. Мы не можем этого терпеть. Я не продался, а совет, может, уже и продался.

Аплодисменты и крики: «Правильно, правильно, надо проверить, может быть, многие из членов совета уже продались буржуазии»!

После Сухоносова горячую речь произносит Федосеев, который упрекает отряд за хулиганство, бесшабашную стрельбу и т. п.

Речь Федосеева понижает настроение и вызывает негодование против оратора.

Сухоносов прерывает его, берет слово и снова старается взвинтить массу.

- Я говорю вам свое последнее слово, слово революционера. Я не продам пролетариат. Только труп мой буржуазия может взять, а живым я не сдамся. Я ставлю на вид своему отряду, чтобы он помнил, что вашего начальника хотели купить, чтобы он помнил о том, что я объявляю всей буржуазии города Орла поголовную резню.

Сухоносов ударил кулаком по столу. Бурная овация смешивается с криком «Смерть буржуазии».

- Идем громить, - раздаются отдельные голоса.

На дворе тарыхтит автомобиль, где-то вблизи здания раздаются выстрелы. Все вздрагивают, как от электрического тока.

В середине ломается скамейка, и несколько человек с шумом падают на пол. Слышится брань, раздаются осипшие голоса:

- Идем громить. Давай Варфоломеевскую ночь.

Атмосфера накалилась. «Чувствуется, что вот-вот разразится гроза. Сидим ошеломленные, в каком то ужасе и недоумении. Перед глазами готовится величайшая провокация, это чувствовалось, чувствовалось, что вот-вот должно совершиться, но противодействовать этому было нельзя. Нас было немного, да и острие было направлено против нас, как членов губисполкома. В чью это голову – это выявится. Начать погром могут спровоцированные взвинченные люди, а кончить его – черносотенцы. Казалось, что все это неизбежно, все предрешено. Казалось, ничем уже нельзя было воздействовать на взвинченную, спровоцированную массу полупьяных солдат».

К счастью многих жителей города Орла, в зале появляются представители центрального комитета действующей армии и флота при Верховной ставке т. т. Фроловский и Аптер.

Фроловский подходит к столу и берет вне очереди слово.

В своей речи он призывает собрание быть осмотрительным, глубже смотреть на вещи и относиться к речам выступавших критически. Он не одобряет призывы к резне буржуазии. Фроловский указывает, что резня будет на руку контрреволюции. Мы от этого ничего не найдем, а многое потеряем. Резню тут многие ждут, ее нужно только начать, а кончат ее без нас и, может быть, нами.

- Если Сухоносков распоряжается тут, как начальник, то нам, истинным социалистам, нечего делать, но предупреждаю, что буржуазия хитра и предусмотрительна. Достаточно одного провокационного выстрела, как будет все по-иному.

После длительной речи Фроловского выступил целый ряд ораторов против погрома.

Настроение немножко стало изменяться, со стороны сторонников погрома слышен был ропот и недовольство на то, что тут есть, якобы, защитники буржуазии.

Сухоносков делает попытку оправдаться, что он не призывал сейчас громить город.

- Нам не нужно сразу резать буржуазию, - говорил он, - а нужно поступать так, как она поступала с рабочими. Нужно брать ее за горло и по капле высасывать из нее кровь.

- На защиту революции я зову вас! – дико выкрикивает он, - на борьбу с буржуазией я вас призываю. Сосать из нее кровь, как она сама сосала. Дайте мне в этом клятву.

Аплодисменты переходят в овацию. После Сухоноскова выступает представитель Верховной ставки тов. Аптер.

- Мы не можем терпеть предательства, - сказал он. – Буржуазия ищет выхода, она идет на подкуп, но мы должны быть осторожны. Она старается бросить нас друг на друга. Вчера и не впервые уже два отряда чуть-чуть не передрались между собой. Этот подкуп был подготовлен тоже для нашей резни.

Сухоносков выходит из зала недовольный.

Секретарь объявляет, что следующее слово принадлежит Сухоноскову, и поэтому нужно подождать его.

Перерыв длится около пяти минут. Возвращается Сухоносков.

Товарищи. К большой моей радости тов. Антонов, командующий всем Доном, которому я подчинен, проезжая сейчас через Орел, сказал мне по телефону: «Товарищ Сухоносков, действуй, привязывай буржуев к орудиям и взрывай их на воздух. Это мое приказание». Аплодисменты.

Сухоносков, чтобы поднять настроение и свой авторитет, что он прав, призывая отряд к погрому, все же хвастался. Никакой Антонов с ним по телефону не говорил и не проезжал в это время через Орел.

С сильной речью против резни буржуазии выступил тов. Упман.

Мы остались одни, - говорил он, - и только себе мы можем доверять. Мы не станем резать буржуазию, потому что это дорого нам обойдется. Мы должны подорвать самые корни ее существования: мы должны бороться, но

бороться честно, так, как подобает революционерам. Мы должны делать то, что пойдет на пользу революции. Варфоломеевская ночь, которую предлагает Сухонос, пойдет на пользу контрреволюции. Я прошу товарищей ни на какие призывы не идти.

Оратору аплодируют, но мало и только рабочие.

Вторично слово берет Квапинский. Его речь сводится к защите совета, против которого было брошено обвинение. Квапинский указывает, что в совет попали самые левые элементы, что обвинения, брошенные против совета, неосновательны.

Речь Квапинского была сдержана, но, тем не менее, Сухонос берет слово и обрушивается на Квапинского и вообще на совет.

Буржуазия обложена контрибуцией в шесть миллионов рублей по моему совету, - кричит Сухонос, - почему она не несет эти деньги? Очевидно, потому, что идет на подкуп и, пройдя все инстанции, она пришла ко мне, меня покупать. Буржуазия пошла на подкуп сверху донизу. Они и там давали взятки не меньше, чем мне, но там дело темное, я вот вывел их на свежую воду, никто меня не упрекнет, а совет...

Речь Сухоносова сводилась к тому, что совет продан буржуазии. Его слова производили сильное впечатление на солдатские массы, которые повседневной агитацией были уже спровоцированы и настроены против советской власти в Орле. Сухонос закончил свою речь призывом:

«Товарищи, мы последовали примеру, который рекомендовал мне Антонов. Антонов - единственный революционер, который сказал правильно — привязывай буржуазию к дулу орудия и взрывай ее на воздух».

Бурные аплодисменты и крики: «Браво, браво! Приветствуем товарища Сухоносова».

Какой то рабочий спросил у Сухоносова: «Товарищ Сухонос, как вы получили эти деньги, почтой или лично? Если лично, то кто передавал, и почему его не задержали?»

Товарищ. Я вам на это отвечу в заключительном слове, - сказал Сухонос.

За Сухоносовым выступает тов. Усачев.

Усачев говорит, что с буржуазией надо бороться не насильем, грабежом, а революционными мерами и нужно бороться не только с нашей буржуазией, но и с мировой.

Речь Усачева сводилась к осуждению призывов к погрому.

«Мы не можем сейчас остановить немцев, - говорил он. «Они доблестно берут никем не защищаемые города. Ну, и пусть их берут, а с углублением в Россию они рассосутся и станут слабей. Что касается русской буржуазии, то сейчас уничтожить ее не надо. Но если германская буржуазия подавит нашу революцию, то прежде чем погибнуть, мы погубим нашу буржуазию».

Не по существу! - кричит Сухонос.

Ближе к делу! - раздаются голоса с мест.

К какому делу, ведь не пойдём же мы сейчас громить буржуазию? - продолжал Усачев.

Усачев кончил.

Что-то длинное, нудное из своей жизни говорил Каменский. Он говорил о контрреволюции, о кадетах. С мест раздались голоса: «Ближе к делу!»

Сухоносов стал на защиту права свободы слова и просил собрание, чтобы дали полностью высказаться. Но когда Каменский стал говорить о недопустимости хулиганских выходов со стороны отряда, Сухоносов прервал его: «Кончай, ты говоришь не по существу», - сказал он и стукнул кулаком по столу.

Каменский сел.

Сухоносов берет заключительное слово и рассказывает, как ему давали взятку.

Три дня тому назад буржуазия пришла ко мне с делегацией. Делегация просила меня, чтобы я вошел в их тяжелое положение, так как у них не хватает денег на контрибуцию. Я сказал: как мне вмешиваться в это дело, когда я – исполнитель боевых приказов революции. Они ответили мне: «Мы видим в вас начальника боевой силы. Вы можете помочь нам, а за это мы вам все, что хотите, дадим».

Буржуи вынули пачку денег в 100 тысяч, а предлагали всего 300 тысяч. Я обещал пойти им навстречу.

«Мы снабдим ваш отряд всем, чем вы пожелаете, но за то вы должны уничтожить ваши броневики и пойти против советской власти. Вы должны распустить из отряда всех тех, на кого вы не можете положиться». Я согласился...

Тогда они дали мне 100 тысяч и ушли. В тот же день я сказал об этом Загарину и сообщил ставке, а из них я стал высасывать деньги и вчера взял еще 50 тысяч.

В зале хохот... самодовольно хохочет и Сухоносов.

Сегодня они должны были принести остальные 150 тысяч, но не принесли. Очевидно, догадались.

Так, дорогие товарищи, меня хотели подкупить. За эти вот деньги я должен был погубить броневики и всех тех, кто находится на них. Они думали, что я такой же начальник, какие были раньше при царском дворе. Но они ошиблись. Они нашли в моем лице смерть, ту смерть, к которой они приговорили мой отряд.

Бурные аплодисменты.

Мой отряд приговорит их к смерти. Снова аплодисменты и крики: «Правильно, правильно!».

На этом я и заканчиваю. Заканчивая свою речь, я прошу собрание, что нам нужно действовать осмотрительно. Я открыл это злодейское гнездо и до смерти не остановлюсь разорять его. Мой отряд помянет меня добрым именем, а не злым. Ваш начальник вас не продаст, его не купят.

Качать его, качать! – кричат из аплодирующих.

Сухоносова схватывают десятки рук и подбрасывают на воздух. После этого хмурые люди в шоферских фуражках окружили Сухоносова вплотную и стали спрашивать: «Кто приходил подкупать?» «Я не знаю, - уклончиво от-

ветил Сухоносков, - я так был расстроен, что никого не мог заметить из знакомых. Я ведь здесь и мало кого знаю, так что, видите ли...»

Но когда спрашивающие настойчиво потребовали говорить, Сухоносков сказал: «Одного я знаю, это был Хрущев, а больше я никого не знаю».

Собравшиеся стали постепенно расходиться. Мы вышли на улицу из душевой, пропитанной табачным дымом комнаты.

Сгустившаяся атмосфера разрядилась благополучно. Город спал...

Варфоломеевская ночь, которая была предрешена путем провоцирования солдат, сорвана приходом представителей ставки.

Идем и думаем...

«На этот раз кончилось благополучно. Трагедия Варфоломеевской ночи вылилась сегодня в простом фарсе пустого полупьяного демагога».

По существу дело обстояло так. Буржуазия была, конечно, не прочь купить не только Сухоноскова, но и каждого, в ком она видела силу, но она не настолько была глупа и наивна, чтобы так подойти к делу, как это передавал Сухоносков.

Сухоносков сам вымогал и брал себе деньги, которые должны были идти в кассу губисполкома, как контрибуция. Он же и обещал буржуазии уменьшить контрибуцию.

Во избежание тех последствий, что его могут обвинить в вымогательстве и присвоении сумм, принадлежащих губисполкому, Сухоносков и продемонстрировал перед лицом отряда свою неподкупную честность и закрепил свой авторитет, как человека преданного и неподкупного. Вместе с тем на этом же собрании он и его ближайший помощник указывали, что совет, наверно, продался буржуазии. Он давал понять своему отряду, коли они пришли его подкупать, то они вперед обошли и купили всех и потом уже пришли к нему, а он, Сухоносков, не продался.

Подорвать авторитет местного совета, дискредитировать его в лице своего отряда Сухоноскову было нужно, так как он предвидел, что тот бесшабашный разгул, пьянство, незаконные реквизиции, взятки и подчас грабежи приведут его отряд к неизбежному столкновению с местной властью. Все это нужно было Сухоноскову проделать, имея в виду план свержения советской власти в городе Орле и захват ее в свои руки.

Вместе с организацией «Варфоломеевской ночи» Сухоносков имел в виду и захват власти, так как в эту ночь столкновение с советскими отрядами, милицией было бы неизбежно и Сухоноскову легко было бы спровоцировать свой отряд, что совет стоит на стороне буржуазии, выступает на ее защиту. Но это, к счастью для города и к несчастью Сухоноскова, сорвалось.

После этого знаменательного собрания губернским исполнительным комитетом была назначена следственная комиссия для выявления действительности дачи взятки.

Сухоносков после первой неудавшейся попытки не остановился перед задуманным им планом. Отряд его был спровоцирован тем, что совет продался, и был враждебно настроен против местных органов власти.

Безобразия, реквизиции, пьянство, дебош не прекращались. Отряд чувствовал себя свободно и власти в лице губисполкома и местного городского совета не признавал.

Отношения между губернским исполнительным комитетом и верховным комиссаром по охране города Орла обострялись. Выход был один: или Сухонос уберет с дороги губисполком и объявит себя диктатором города Орла и губернии, или же губисполком должен проявить твердую власть, разоружить и подчинить отряд Сухоносова, предав суду самого начальника.

Это можно было проделать при наличии достаточного количества реальной силы, каковой губернский исполнительный комитет в то время не имел. Это и ставило его в крайне тяжелое положение. Сухонос же наоборот. Чувствуя превосходство своих сил – броневики, артиллерия были в его распоряжении – считал себя верховной властью и подготавливал почву к свержению советской власти в губернии.

После инцидента со взяткой губисполкомом была назначена следственная комиссия, с появлением которой из Орла исчезло несколько человек, обложенных контрибуцией, а за ними на время исчез и сам Сухонос. Оказалось; что Сухонос, чтобы загладить свою вину, съездил к Антонову и передал ему 149.500 рублей.

10 го марта 1918 года отряд из 34 человек при двух пулеметах под командой одного из адъютантов Сухоносова сделал налет на город Болхов.

Отряд прибыл в Болхов с мандатом от Сухоносова, как верховного комиссара по обезоружению населения города Болхова. Губернскому исполнительному комитету об этом не было ничего известно.

Начальник отряда Петров, приехав в Болхов, заявил: «Приехал по водворению в городе порядка, а потому вся власть в городе принадлежит ему, Петрову. Лица, не исполняющие его приказаний, будут расстреливаться, в том числе и члены уисполкома».

На очередном заседании Петровым были арестованы два члена уисполкома: Иванов и Илюхин.

На другой день в городе Болхове начался почти поголовный грабеж. Отряд Петрова брал все, что попадалось под руки. Под угрозой расстрела Петровым и Босториным производились реквизиции седел, несмотря на то, что седла были на учете военного ведомства. Было реквизировано сапожного товара 1000 пар, мануфактуры на 500 рублей, 20 штук седел, 11 лошадей, 2 пишущих машинки и еще на три тысячи разных товаров.

При обыске в присутствии члена уисполкома Иванова, Босториным производились насилия над женщинами; женщины с насмешками и издевательствами раздевались догола и тут же насиловались.

После всякого рода грабежей и насилий также под угрозой расстрела этими бандитами Петровым и Босториным был вызван оркестр музыки для их проводов. Этим самым была в корне дискредитирована советская власть.

Бандитский разгул, грабежи и всякие безобразия отряда Сухоносова постепенно приводили к неизбежному конфликту, к вооруженному столкновению сухоносковского отряда с советским отрядом. Исход этого столкновения

должен был иметь решающее значение как для советской власти в городе Орле, так и для отряда Сухоносова и его руководителей. В ожидании этого губернский исполнительный комитет готовился к принятию решительных мер.

Реальной силы, надежной и верной опоры у советской власти было слишком мало, что и заставляло губисполком действовать осторожно и выжидательно по отношению к фактам произвола Сухоносова.

Сухоносов же, наоборот, чувствуя эту медленность, становился почти военным диктатором. Отряд его, производивший налеты и грабежи, против которых протестовал губисполком, был подготовлен к выступлению.

Перед губернным исполнительным комитетом в первую очередь стал вопрос о замене Сухоносова, как начальника гарнизона, другим товарищем. Это решение уже свидетельствовало об активных действиях губисполкома, так как из назревавших событий было видно, что смещение Сухоносова с поста начальника гарнизона приведет к быстрой развязке, т.е. вооруженному столкновению сторон, но медлить было нельзя. Столкновение это рано или поздно должно было произойти.

В город Орел к этому времени прибыл с позиции 142-й пехотный Звенигородский полк. Полк представлял из себя хорошую боевую единицу.

По приходе в Орел, полк послал от себя делегацию в президиум губисполкома с предложением: «если местный губисполком нуждается в военной силе, то полк останется служить и отдаст себя в полное распоряжение местным органам советской власти. Если же губисполком не нуждается, то полк демобилизуется, сдаст оружие и разойдется по домам».

Президиум губисполкома принял делегацию полка, выслушал ее внимательно и приказал полку оружие не сдавать и остаться на службе.

Узнав о том, что Звенигородский полк выразил доверие советской власти и остался у нее на службе, Сухоносов задался целью разоружить звенигородцев с тем, чтобы впоследствии легче можно было справиться с советом. Пользуясь еще правами начальника гарнизона, Сухоносов отдал распоряжение Звенигородскому полку сдать оружие и разойтись по домам.

Полк не выполнил этого распоряжения и обратился в президиум губисполкома за санкцией. Президиум губисполкома, зная, к чему все это ведет, категорически запретил сдавать оружие и выполнять какие бы ни было распоряжения, исходящие от Сухоносова и его штаба.

После первого отказа звенигородцев разоружиться атмосфера в городе Орле стала сгущаться. В воздухе чувствовался запах пороха. Сухоносов приводил свой отряд в боевой порядок и приготавливался к выступлению.

Губисполком, в свою очередь, стал принимать решительные меры и стал на путь активных действий, приняв срочные мероприятия вплоть до разоружения сухоносовского отряда и предания суду всех его начальников.

В ночь с 14-го на 15-ое марта по этому вопросу было созвано экстренное заседание губернского исполнительного комитета. Собрание происходило в том здании, где в данное время помещается окрисполком. На собрание явился Сухоносов с целой свитой пьяных телохранителей, а на улице, около здания

губисполкома, он поставил броневик. Со стороны губисполкома была сделана засада, которая, в случае активных действий, должна была напасть на сухоносковский отряд.

Собрание еще не открывалось. Сухоносков беседовал со своей свитой адъютантов в коридоре губисполкома. Эта беседа вылилась в крупный разговор с явной угрозой по адресу собравшихся членов губисполкома.

Член президиума губисполкома Абрамов, слышавший эту угрозу, сообщил президиуму.

Собрание открыл Фроловский. Зал губисполкома был переполнен народом, настроение было у всех возбужденное. Все знали, что назревший конфликт должен разрешиться оружием. Это нервировало каждого, и при малейшем шорохе руки невольно тянулись к рукоятке револьвера.

Абрамов берет вне очереди слово.

- Товарищи, безобразия сухоносковских отрядов и самого Сухоносова настолько вызывающи, что у меня невольно создается мнение, что Сухоносков идет против советской власти. Я сейчас, проходя по коридору, слышал угрозы Сухоносова местным органам власти.

Во время речи Абрамова Сухоносков находился в коридоре, и как только оратор коснулся его имени, агенты Сухоносова доложили ему.

Сухоносков ворвался в зал заседаний и начал кричать: «Меня обвиняют в контрреволюции? Это ложь. Абрамов со мной личные счеты сводит. Я требую сейчас Абрамова ко мне на объяснение, Я сейчас учиню суд над ним».

Сухоносков взялся за маузер. В зале поднялся шум.

Я, требую ко мне Абрамова! - кричал Сухоносков. - Он меня оскорбил, и я должен его судить. Абрамов, сейчас же идем за мной.

Абрамов вынул на ходу револьвер и пошел навстречу Сухоноскову. В зале еще больше усилился шум, крики с мест:

Куда, что такое? не смей ходить!

Члены губисполкома поднялись, и взялись за оружие. Собрание временно прерывается.

Сухоносков продолжал кричать с угрозой:

- Я Абрамова не выпущу из своих рук, я его расстреляю!

В залу заседания вошел адъютант Сухоносова. Одет он был в красную черкеску, на поясе болтался кинжал в серебряной оправе, два револьвера, бомба; лицо пьяное, дикое. С напускной важностью преданного адъютанта он рапортует, особо выкрикивая каждое слово:

- Товарищ командир, броневики прибыли, что прикажете делать?

- Приказываю быть в боевой готовности и ждать моих распоряжений, - отвечает Сухоносков.

Присутствовавшие на заседании переглянулись. О том, что около здания, где заседали, находились броневики, никто не знал.

- Как это понимать, - сказал кто-то, - нас могут объявить арестованными?

- Пусть попробует!

- А у нас в засаде стоит отряд, - говорил другой шепотом.

- Что это начали нас броневиками? - слышались голоса с мест и угрозы по адресу Сухоносова.

- Товарищи, броневики я вызвал для охраны совета! - кричал с пафосом Сухоносов. - Я против совета не шел и не пойду. Я только требую от собрания выдать мне Абрамова, а с Абрамовым я разделаюсь, и никто мне не запретит. Я его расстреляю.

С места крики и стук стульями.

- Да что это за произвол? это выступление против советской власти? Абрамов – член губисполкома и он неприкосновенная личность и тебе его не выдадут.

Председатель звонит колокольчиком и призывает к порядку. В залу входит другой адъютант.

- Товарищ начальник, аэропланы прилетели.

- Ждать моих приказаний.

- Слушаю-с, товарищ начальник.

С мест раздаются шум и возгласы:

- Не запугаете, мы видали аэропланы.

- Безобразия, позор...

- Товарищи, не бойтесь! - кричал Сухоносов. Я броневики и летательные машины не для вас вызвал. Пусть буржуазия посмотрит, как мы охраняем совет. Пусть товарищи не беспокоятся: их охраняет надежная сила, а этой силы я командир.

Ропот и негодование. Председатель, не переставая, звонил колокольчиком. Аудитория мало-помалу успокоилась.

- Товарищи, у нас деловое собрание. Мы есть губернская власть, и пусть кто попытается посягнуть на власть. Все равно тот будет немедленно стерт с лица земли. Советская власть не погибнет. Мы ее сумеем защитить!

- Товарищи. Вы тут в безопасности, - продолжал свое Сухоносов. - Пусть буржуазия нос свой сюда не сунет.

- Прошу призвать к порядку, - слышались голоса с мест. - Ему никто слова не давал и охранять нас никто его не просил, мы тебе не доверяем.

- Я прошу слова! - орал Сухоносов. - Меня тут обвинили, что я иду якобы против совета, наоборот, я восстанавливаю совет.

Послышался смех.

- Восстанавливаешь против совета! - кричал Абрамов.

- С тобой мы еще будем говорить, - повторяет опять Сухоносов. - Ты все равно из моих рук не уйдешь. Слово мне в порядке очереди.

Минутная пауза.

Сухоносов что-то шепчет своему адъютанту. В зале водворяется тишина. На трибуну выходит Аронов, тов. председателя губисполкома.

- Товарищи. На повестке дня у нас стоит один вопрос кардинальной важности - это выбор нового начальника гарнизона вместо тов. Сухоносова. Президиум выдвигает кандидатуру тов. Рямо.

Гром аплодисментов.

Сухоносов демонстративно покидает зал.

- Товарищ Сухоносков, - обратился председатель, - ваше следующее слово. Вы должны отчитаться перед губернским исполнительным комитетом в своей работе.

Сухоносков уходит, но через некоторое время возвращается и с ним человек десять его отряда.

Аронов продолжает:

- Товарищи. Рямо - один из лучших членов партии большевиков. Он в нашей революционной ставке стоит на первом счету.

- Просим, просим! - раздались голоса с мест. Слово берет тов. Рямо.

- Товарищи, я глубоко благодарю за оказанное доверие мне и надеюсь, что я его оправдаю. Я положу конец всякому произволу, который до сего времени творился в городе Орле. Я заставлю подчиниться советской власти всех, кто до сего времени еще чувствует себя независимым.

Аплодисменты.

Сухоносков снова выскакивает демонстративно в коридор. В коридоре он кричит и отдает кому-то распоряжения.

- Слово имеет тов. Сухоносков, - говорит председатель.

- Товарищ начальник, товарищ начальник, - слышались голоса по цепи приверженцев Сухоноскова.

Сухоносков твердой поступью идет на трибуну. По бокам его идут два адъютанта и становятся подле него, как бы боясь, чтобы его не унесли.

- Товарищи. Меня тут обвинили, что я иду против советской власти. Но это сказал Абрамов и я с ним рассчитаюсь. Я никогда не шел против советской власти и сейчас я вызвал свои броневики для охраны совета.

Сухоносков затянул что-то, длинное, нудное. Говорил он отрывисто, в каком то экстазе. В заключение он сказал: «Я был с советом и буду с советом и по первому требованию совета пойду со своими броневиками куда угодно. Пусть буржуазия знает, что я - за совет. Я приказываю в честь совета дать салют».

Аплодисменты со стороны солдат его отряда.

Адъютант бежит исполнять приказание.

- Не смей стрелять! - кричит председатель.

- Да почему?

- Как почему? Не нуждаемся мы в этом.

Член президиума побежал вниз предупредить засаду, которая, услышав выстрелы, могла открыть стрельбу. Но от Сухоноскова последовало распоряжение отменить салют.

В зале водворилась тишина. Слово берет тов. Рямо и нервно говорит: «Я отказываюсь от звания начальника гарнизона. Вы только что меня выбрали, поручили мне бороться с теми элементами, которые не подчиняются советской власти, идут против нее, дискредитируют ее, а теперь вы имеете какое-то снисхождение к этому бандиту».

В зале снова поднялся шум.

Сухоносков исчез в коридоре.

Председатель призвал нового начальника гарнизона к порядку и просил подчиниться состоявшемуся постановлению губернского исполнительного комитета.

Тов. Рямо подчиняется. В зале снова водворяется тишина. Все знали, что эта тишина перед надвигавшейся бурей. Все знали, что Сухоносков начнет действовать вооруженной силой. Но когда он начнет? Сейчас ли, не выпуская присутствовавших из здания губисполкома, или повременит. На этот вопрос трудно было ответить.

Но в этот вечер все обошлось благополучно.

На другой день, 15 марта, 142-й Звенигородский полк получил от Сухоноскова ультиматум о сдаче имеющегося в полку оружия.

Командиру полка и председателю полкового комитета было приказано явиться в штаб Сухоноскова.

Это распоряжение уже было сделано после того, как Сухоносков был отстранен губисполкомом от должности начальника гарнизона.

Мотивы разоружения Сухоносков выставлял следующие: на фронт требуется оружие, и он хочет это оружие сдать, разоружив 142-й Звенигородский полк.

По поводу предложенного ультиматума был созван полковой комитет, который постановил: «Оружие Сухоноскову не сдавать впредь до распоряжения на этот счет совета».

После вынесенной резолюции полковой комитет командировал к Сухоноскову командира полка и комиссара, которые должны были предъявить Сухоноскову постановление полкового комитета в вынесенной им резолюции.

Сухоносков прочитал резолюцию и ответил:

- Именем советской власти еще раз приказываю сдать оружие немедленно и без всяких рассуждений.

Комиссар полка Вищевский спросил у Сухоноскова: «А что делать с молодыми солдатами 16 - 17 года после того, как мы сдадим оружие?»

- Дать двухмесячный отпуск, - отвечал Сухоносков. - На этот счет я дам от себя соответствующее предписание. Вам нечего беспокоиться, я за это отвечаю.

Командир и комиссар, возвратившись в полк, сообщили категорическое требование Сухоноскова о немедленном разоружении.

Полковой комитет остался твердым в своем решении - оружия не сдавать.

В шесть часов вечера представитель от Сухоноскова Загарин и с ним несколько человек приехали к казарме Звенигородского полка и потребовали на основании приказа Сухоноскова сдать оружие и погрузить к ним в автомобиль.

Представители Сухоноскова еще раз подтвердили, что оружие требуется на фронт и распоряжение Сухоноскова правильно, как исходящее от высшей военно-административной инстанции.

На предложение представителей Сухоноскова председатель полкового комитета тов. Буйносов ответил: «Полк ни в коем случае оружия не сдаст без

разрешения советской власти – местного губернского исполнительного комитета».

Тогда представители Сухоносова уехали ни с чем. Спустя час, Загарин приехал на легковом автомобиле с предложением от Сухоносова «распустить всех молодых солдат и забрать оружие».

На отказ выполнить распоряжение Загарин объявил от имени Сухоносова: «если это распоряжение не будет исполнено, то оружие будет взято силой и от казарм, где размещен полк, не останется камня на камне».

Услышав такую угрозу, тов. Буйносов сообщил по телефону начальнику гарнизона Рямо.

Приехавшему же от Сухоносова Загарину было предложено комиссаром полка поехать в совет и выяснить возникшее недоразумение.

Загарин, отлично зная, что действия Сухоносова идут вопреки распоряжениям местного совета и даже с целью, чтобы его оставить без реальной силы, отказался ехать в совет и сказал, что он поедет раньше к Сухоносову и доложит ему о неисполнении его распоряжения.

Загарин, выйдя из казармы, пытался уехать, но машина оказалась неисправной, и ему пришлось минут десять задержаться.

В это время в Звенигородский полк прибыл вновь назначенный начальник гарнизона тов. Рямо и секретарь президиума губисполкома тов. Азаров.

Начальник гарнизона тут же отдал приказ арестовать представителя Сухоносова и задержать автомобиль, на котором тот приехал, что и было исполнено.

После ареста Загарина от Звенигородского полка была послана конная разведка, которая, не отъехав и ста шагов, встретилась с конной разведкой Сухоносова.

Между двумя разведками завязалась перестрелка, в которой было ранено два человека.

Назревший конфликт, выливался в форму вооруженного столкновения.

После попытки обезоружить полк, лишив совет реальной силы, Сухоносов решил действовать оружием и действовать против Звенигородского полка.

16-го марта в 6 час. вечера в губисполкоме в здании бывшего дворянского собрания шла подготовительная работа к подавлению предполагавшегося сухоносовского восстания.

В здание губисполкома был вызван в полном вооружении и боевой готовности отряд могилевцев. Этот отряд прибыл в Орел вместе с Верховной ставкой, которая расположилась в Орле для ликвидации. Другой советский отряд, находился на Введенской улице, где теперь помещается штаб территориальной дивизии. Этот отряд был сформирован из солдат бывшего отряда Шенгельса, который занимался грабежом, за что и был разоружен. Лучшие из него солдаты вошли во вновь организованный советский отряд, но этот отряд еще вызывал сомнение насчет того, что он может передаться Сухоносову, так как командир этого отряда Шенгельс находился в отряде Сухоносова. Третий

отряд был сформирован Чемеровым И. В. из рабочих-колбасников; последний также был приведен в губисполком и получил оружие.

Из-за опасения, что советский отряд может передаться Сухоносову, член президиума губисполкома Чемеров И. В. был послан туда с той целью, чтобы привести и этот отряд к боевой готовности и повести против Сухоносова.

Когда Чемеров пробрался на Введенскую улицу, в это время отряд Сухоносова двигался по направлению к звенигородским казармам, слышалась стрельба ружей и пулеметов. Около здания, ныне занимаемого булочной ЦРК, были поставлены три трехдюймовые орудия, дула которых были направлены на звенигородские казармы.

Придя в здание, где был расположен советский отряд, Чемеров вызвал командира отряда и от имени президиума губисполкома приказал командиру в течение пяти минут привести отряд в полную боевую готовность, выставить артиллерию и ждать дальнейших распоряжений. Командир отряда сделал это быстро, и отряд был приведен в боевую готовность, став на защиту советской власти.

К звенигородским казармам подошли два сухоносовские броневика и предъявили полку ультиматум - немедленно выпустить арестованного Загарина и сдать оружие, иначе броневики подвергнут обстрелу казармы.

Полк и на этот раз категорически отказался сдать оружие и выпустить арестованных. Броневики открыли пулеметный огонь по казарме. Звенигородцы рассыпались в цепь и открыли стрельбу по сухоносовским броневикам; завязалась перестрелка, в которой несколько человек было ранено.

На помощь броневикам, вступившим в бой с Звенигородским полком, пришли еще два броневика. Но пришедшие на помощь броневики почему-то не действовали и ушли обратно, как негодные.

Не ограничиваясь ружейной перестрелкой и пулеметным огнем из броневиков, Сухоносов отдал распоряжение обстрелять звенигородские казармы артиллерией.

Было дано несколько выстрелов по казармам. Один из выстрелов попал в крышу казармы, другой в угол. При артиллерийском обстреле был ранен один солдат звенигородского полка.

Артиллерийский обстрел звенигородских казарм ничуть не понизил боевой дух полка, а наоборот, вызвал революционный энтузиазм, и звенигородцы, развернув полк в боевой порядок, окопались и стали подготавливаться к контрнаступлению.

После попытки сломить упорство Звенигородского полка Сухоносов объявил до 10 час. утра перемирие, силы свои он оттянул в штаб, который был расположен в бывшем епархиальном училище, ныне занимаемом фабрикой им. Коминтерна.

Время перемирия Сухоносов хотел использовать с той целью, чтобы собрать последние силы, снять с платформы еще 30 шт. орудий, которые стояли на вокзале совместно с прислугой, и бомбардировать город.

Кроме того, Сухоносков надеялся поднять восстание среди железнодорожных рабочих.

Этим временем перемирия воспользовался и президиум губисполкома.

С одной стороны, он послал парламентариев в штаб Сухоноскова для переговоров; с другой - стягивал свои силы и окружал штаб Сухоноскова. В качестве парламентариев от губисполкома были посланы т. т. Азаров и Калинин.

Конечно, переговорами чего-либо добиться не удалось, ибо это была со стороны Сухоноскова военная хитрость - выиграть время. Президиум губисполкома решил пойти в наступление на штаб Сухоноскова. Все имеющиеся в распоряжении губисполкома силы были разбиты на три отряда, каждому отряду были даны определенные задания и маршрут.

Первый советский отряд под командой Ковалева, левого эсэра, члена президиума, должен двигаться по Введенской улице под прикрытием трехдвумовки. Второй отряд, объединенный из могилевцев и колбасников, под командой Чемерова должен пойти по Дворянскому пер. и по берегу реки Орлика, отрезав путь отступления сухоносковскому штабу, путем взятия под обстрел Орличного моста, и захватив мост, ведущий на Молочный базар. А третьему отряду и Звенигородскому полку был дан маршрут по Болховской. Отряд представлял из себя главную силу и был под командой Фроловского.

Артиллерии, стоявшей на Садовой улице, было дано распоряжение, если откроется стрельба, открыть огонь по епархиальному училищу, где помещался штаб Сухоноскова.

Выступившие отряды заняли свои позиции. Штабу Сухоноскова был предъявлен ультиматум в течение двух часов сдать оружие и выдать Сухоноскова, начальника отряда.

Сухоносковцы отказались выполнить приказ губисполкома о разоружении. На этот ответ последовали ружейные и пулеметные выстрелы. Стоявшей на углу Садовой и Болховской улиц артиллерией было сделано два выстрела по штабу Сухоноскова. Один выстрел попал в купол епархиальной церкви, другой разорвался над самым зданием штаба, после чего сухоносковцы выбросили белый флаг, свидетельствующий о том, что они сдаются.

Звенигородцы после выкинутого флага вошли во двор епархиального училища и приступили к разоружению отряда.

Сухоносков был на вокзале и проводил митинг среди железнодорожников, агитируя их выступить вместе с ним против советской власти.

Президиум губисполкома, не теряя времени, послал на легковом автомобиле тт. Аронова и Виксина, чтобы привезти Сухоноскова в губисполком. Вслед за легковым автомобилем были посланы два грузовика с вооруженной силой, один броневик и 50 человек кавалерийского отряда.

Прибыв на вокзал, т.т. Аронов и Виксин застали Сухоноскова в самом разгаре митинга. Ему было предложено сесть в автомобиль и ехать в губисполком.

О том, что его отряд уже был разоружен, Сухоносков не знал. Сообщение было прервано, телефонная сеть была в руках совета. Сухоносков с торже-

ствующим видом согласился поехать, думая, что его везут на переговоры, так как срок перемирия он считал еще не истекшим.

Но каково же было удивление Сухоносова, когда его привели в президиум губисполкома и вместо того, чтобы говорить об условиях окончательного мира или войны, объявили ему, что отряд его уже сдался и разоружен и сам он обвиняется в контрреволюционном восстании против советской власти и считается арестованным.

Сухоносов от такого «приятного» известия подпрыгнул, как будто бы он сел на горячие угли и инстинктивно, по прежней привычке, взялся за маузер. Но ему предложили сдать оружие и следовать за конвоирами в каторжную тюрьму.

Сухоносов повесил нос, воинский пыл его сразу угас и он покорно сдал оружие и отправился под сильным конвоем в каторжную тюрьму.

Так пал зарвавшийся диктатор Сухоносов.

По делу Сухоносова была назначена чрезвычайная следственная комиссия, которая установила состав его преступления.

В 1919 году Сухоносов судился Орловским трибуналом и был приговорен к четырем годам и 11 месяцам; не расстреляли Сухоносова, принимая во внимание якобы его рабочее происхождение, которое было под большим сомнением.

Между тем Сухоносов был по амнистии освобожден и вновь попал в армию, где в Черниговской губернии занимал какую-то командную должность в караульном батальоне. Но и тут Сухоносов себя показал, что он ничего общего не имел ни с революцией, ни с соввластью а просто был шарлатаном и авантюристом-бандитом.

При наступлении Деникина Сухоносов перешел к нему на службу в качестве ротного командира, но в скором времени был взят в плен красными войсками, а по выяснении личности расстрелян.

А.И. Кондратенко,

кандидат политических наук

Орловская губерния как центр формирования Красной Армии

1918 год по праву считается годом рождения Красной Армии. В отечественной историографии, к сожалению, крайне скупо изучен вопрос о месте и роли Орла и Орловской губернии в создании армии Советской республики. Мы берем на себя ответственность утверждать, что Орел являлся одним из самых крупных центров формирования вооруженных сил нового типа, что было обусловлено геополитическим положением нашего края. Расположенная в непосредственной близости от фронта военных действий, Орловщина находилась рядом с Москвой (куда в начале 1918 года была перенесена столица государства), с Тулой (центром производства вооружений), располагала хорошими транспортными возможностями, продовольственным потенциалом, людскими ресурсами. Это и предопределило выбор Орла в качестве важнейшего центра формирования войск.

Однако сам процесс, нацеленный на подготовку зарубежного похода и свершение мировой революции, шел в исключительно трудных условиях: регион испытывал тяготы прифронтового расположения, развала власти, жестокого экономического кризиса, голода. Всё это сопровождалось политическим кризисом (мятеж Сухоносова, конфликт большевиков и левых эсеров), слабой поддержкой большевиков в земледельческом регионе (о чем, в частности, свидетельствует ливенское восстание 1918 года).

С самого начала первой мировой войны Орловщина была глубоким тылом, обеспечивавшим армию новобранцами, материальными ресурсами. На территорию губернии были эвакуированы десятки тысяч поляков, латышей, литовцев. Однако в начале 1918 года Орловская губерния оказалась в прифронтовой полосе: германские части стояли неподалеку от Курска, ими уже был занят Новозыбков.

Регулярной Красной Армии тогда ещё не существовало – вооруженные силы республики первоначально строились по «отрядной системе». В начале марта 1918 года Высший Военный Совет организовал так называемую Западную «завесу», охватывающую весь Западный фронт – от Ладожского озера до Курска. Войска делились на два участка, а те в свою очередь на группы, отряды (были, например, Брянский и Курский отряды). В приказе по Западному участку завесы о задачах по охране демаркационной линии № 6/о (издан не ранее 21 апреля 1918 г.) отмечалось: «Курский район. База – Орёл».

В связи с заявлениями германского командования и гетмана Скоропадского о том, что население граничащих с Украиной районов Орловской и ряда других губерний желает войти в её состав, на Орловщине в 1918 году прошла волна сходов в селах и деревнях (общее количество около 420), собраний в уездах и волостях. Абсолютное большинство выразило категорический протест против присоединения к Украине. Орловцы заявляли о своей готовности с оружием в руках защищать родину.

Стремление отразить натиск наступавшего врага, а также сформировать вооруженные силы для похода на Запад заставило большевистское правительство создать в Орле соответствующую инфраструктуру. В Орел в начале 1918 года были переведены из Могилёва некоторые управления расформированной Ставки Главнокомандующего. 24 апреля В.И. Ленин подписал отношение Орловскому, Тульскому и Воронежскому губернским Советам с предложением поставить вдоль границ с Украиной отряды войск для разоружения германо-украинских войск при переходе ими границы. Два дня спустя в Совнаркоме прошло совещание в узком кругу, где рассматривался вопрос о принятии военных мер в связи с вторжением германских войск и отрядов Центральной рады с территории Украины в Орловскую, Курскую и Воронежскую губернии.

Второй губернский съезд Советов, прошедший в Орле в апреле 1918 года, принял решение «немедленно создать комиссию для разработки частичной мобилизации в губернии и создать регулярную армию по всем родам оружия... Комиссия должна поставить своей задачей организацию боеспособной и дисциплинированной армии. Комиссия должна разработать деталь-

но план создания новой армии, приглашая в качестве инструкторов боевые единицы старой армии».

Приказом Высшего Военного Совета от 31 марта 1918 года было установлено 6 военных округов, в т.ч. Орловский. 4 мая 1918 года декретом Совнаркома эти округа были утверждены и учреждены ещё 5 новых округов. В состав Орловского округа вошли Черниговская и Курская губернии, территории которых в это время были в основном заняты немцами.

4 мая был издан приказ Высшего военного совета № 1301: помощнику начальника штаба 12-й Воронежской дивизии В.В. Чернавину предписывалось усилить войска за счёт частей, отступивших с Украины: «Части, действовавшие на Украине и перешедшие в Курскую и Орловскую губернии, если ненадежны, подлежат разоружению и расформированию, если надежны, то могут быть взяты на усиление Курского или Брянского отрядов, по усмотрению военных руководителей этих отрядов».

Ещё 22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет «О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». На основании этого декрета командиры отдельных частей, бригад, дивизий назначались наркомом по военным делам, а командиры батальонов, рот, взводов рекомендовались военным комиссариатом. Список кандидатов, рекомендованных на командные должности, публиковался в печати. При отсутствии обоснованных отводов кандидат допускался к шестинедельному исполнению своих обязанностей под наблюдением командира части и комиссариата. При успешном прохождении испытательного срока кандидат утверждался на рекомендованной должности.

В тот же день, 22 апреля, ВЦИК принял декрет «О сроке службы в РККА», который обязывал каждого гражданина, добровольно вступившего в ряды РККА, прослужить не менее шести месяцев. Гражданин, самовольно покинувший ряды армии до истечения срока службы, подвергался ответственности «по всей строгости революционных законов, вплоть до лишения прав гражданина Советской республики».

Из 303 362 красноармейцев, числившихся в республике на 10 мая 1918 года, в ряды Красной Армии в Орловском военном округе вступили 24 тысячи.

Однако уже через считанные дни добровольческая система формирования армии, как не оправдавшая себя в условиях военного времени, была свёрнута. 29 мая 1918 года ВЦИК принял декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию».

В Орле весной 1918 года размещался штаб группы Курского направления (так тогда был засекречен Южный фронт Советской республики). В августе 1918 года губернское бюро большевистской партии было переведено из Брянска в Орел, здесь был образован Военный райком партии специально для работы в воинских частях. На губернском съезде РКП(б) в августе 1918 года было решено мобилизовать в Красную Армию пятую часть состава организации.

В донесении Орловского окружного комиссариата по военным делам в наркомат по военным делам в июне 1918 года подчеркивалось, что «из частей, предназначенных для формирования очередной 1-й Орловской пехотной дивизии» на Восточный фронт отправлены Орловский и Мценский сводные полки. В Курск был направлен так называемый Железный пехотный полк. Готовились также другие части, в каждой волости было организовано формирование воинских команд. Всего на Орловщине, по неполным сведениям, были сформированы три стрелковые дивизии. В некоторых документах упоминается также 2-я Орловская кавалерийская дивизия. Несколько орловских воинских частей были в то время официально названы лучшими в Российской республике.

Заслуживает внимания тот факт, что во главе формировавшихся в районе Курска и Орла вооруженных сил стояли люди, хорошо знавшие этот край, местные уроженцы. Например, видный советский военачальник В.А. Антонов-Овсеенко был уроженцем Чернигова, выпускником Воронежского кадетского корпуса. Артем (Ф.А. Сергеев), занимавшийся поставками оружия с тульских заводов, - уроженец Фатежского уезда Курской губернии. П.Е. Дыбенко, военком полка в Курской губернии, - уроженец Новозыбковского уезда Черниговской губернии.

В Орле самое пристальное внимание было уделено массе оказавшихся здесь эвакуированных и военнопленных. История повторялась: еще М.И. Кутузов планировал сформировать в Орле антинаполеоновский франко-итальянский легион, для чего в город в конце 1812 года было направлено около шести тысяч пленных... 25 марта 1918 года в Орле состоялось собрание немецких и австрийских пленных. В резолюции собрания подчеркивалось: «Мы узнали нашего настоящего неприятеля. Враг наш не иностранный пролетариат, с которым мы воевали, а капиталисты, которые нас на бойню гнали, которые сами в тылу сидели и укрепляли над нами власть. Мы, пролетарии Австро-Венгрии и Германии, идём рука об руку с русскими рабочими и крестьянами к нашему идеалу, к обществу интернационального социализма. Наш долг - воевать за свободу всех народов против грабителей-капиталистов».

На собрании был образован комитет революционных интернационалистов, началось формирование интернационального вооруженного отряда, комиссаром которого назначили Фреда Ионелейта. Этот отряд состоял в основном из военнопленных австрийцев и словаков. В июле 1918 года членом Орловской губернской комиссии по созданию Красной Армии стал Эмиль Боздог, член Румынской крестьянской революционной партии, который был направлен в Орел непосредственно ЦК РКП(б) для пропагандистской работы. При губкоме РКП(б) работали латышская и польская секции. В отчёте о деятельности военного отдела Комиссариата по польским делам за период с 1 декабря 1917 по 15 апреля 1918 года отмечалось, что «создан военный отдел комиссариата в Орле», а Орловская польская «секция» была одной из крупнейших в России, после Петрограда и Москвы.

В донесении комиссии по формированию интернациональных частей Красной Армии курский военком докладывал: «В нашем распоряжении имеется Орловский интернациональный батальон, который в настоящее время состоит из 80 человек под командой тов. Франца Мондре. До сих пор отряд был включен в состав Орловского железнодорожного полка. 18 августа отряд участвовал в подавлении кулацкой контрреволюции в г. Ливны Орловской губернии. Здесь отряд, прежде состоявший из 113 человек, потерял 18 ч. убитыми, 6 ч. без вести пропавшими и 9 ч. ранеными и был в плену у белогвардейцев, которые приговорили весь отряд к смерти. Вернувшийся с фронта отряд был назначен по приказу окружного военного комиссара самостоятельным батальоном. Как хорошо дисциплинированный, отряд представляет собой надёжную опору в боевом отношении, что и было доказано в указанном бою...»

22 августа состоялся первый съезд военных комиссаров Орловского военного округа. Делегаты съезда послали телеграмму ЦИК и Совнаркому, в которой говорилось: «Мы клянёмся своими усилиями создать те красные железные дивизии, о которые в прах разобьется бешеный натиск международного империализма».

Однако на деле при вступлении иностранцев в красную армию появилось немало вопросов. Ещё 16 июня 1918 года орловский губвоенком направил в отдел по устройству и боевой подготовке штаба Московского военного округа телеграмму: «[В] Орле огромный наплыв желающих записываться [в] ряды Красной армии из местностей, оккупированных немцами, [в] числе других легионеры – поляки, разоруженные немцами. Следует ли их принять или как поступить. Жду срочных распоряжений». Вопрос решился с отсрочкой на несколько недель. Но интернационалисты даже при всей первоначальной неопределённости не теряли времени. В Госархиве Орловской области сохранилось удостоверение на имя Юзефа Богнара, датированное 24 июля 1918 года:

«Президиум Орловского губисполкома Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов настоящим удостоверяет, что представителю сего тов. Юзефу Богнару, члену венгерской группы РКП(б), предоставляются следующие права:

1. Вести революционную пропаганду среди военнопленных как в лагерях, так и на местах работ.
2. Принять все меры к организации военно-революционных комитетов.
3. Проводить набор добровольцев в Красную Армию и принять все меры по соглашению с местными Советами для их отправки на сборные пункты.
4. право смещения заведующих лагерями из военнопленных.

Всем учреждениям президиум Орловского губисполкома предлагает тов. Юзефу Богнару оказывать возможное содействие».

В начале сентября 1918 года Орловская губернская секция комиссии по формированию интернациональных групп РККА при ВЦИК получила следующую инструкцию из Москвы (центральной комиссией руководил Бела Кун):

«...4. Открыть запись добровольцев-иностранцев, принявших российское подданство, и по накоплении достаточной группы требовать от комиссариата по военным делам включить их в состав Красной Армии.

5. Публиковать и распространять воззвания на различных языках, а также устраивать митинги для разъяснения целей организации и достижения лучших результатов в её деятельности».

Между тем 5 – 12 июля 1918 года в Москве состоялся 1-й съезд большевистских организаций Украины. В резолюции съезда «О взаимоотношениях между Украиной и Россией» подчеркивалось: «Задачей нашей партии является, порвав решительно с ошибками прошлого, - бороться за революционное объединение Украины с Россией, на началах пролетарского централизма в пределах Российской Советской Социалистической Республики, на пути к созданию всемирной пролетарской коммуны». Съезд поручил ЦК организовать Заграничное бюро, которое должно было руководить работой подпольных большевистских организаций на Украине. Накануне, в конце июня 1918 года в Орле в течение суток проездом был Нестор Махно. Можно предположить, что его пребывание было связано с вопросами координации деятельности повстанческих организаций на Украине.

Однако в тактике украинской компартии не было единства. Например, в биографии партийного руководителя Екатеринослава Я.А. Яковлева указывается, что в Москве он «боролся против так называемых «левых» - Пятакова и др. Причем на первой конференции, несмотря на полную поддержку Ильича, оказываемую группе Квирина, Шварца и Яковлева, она потерпела поражение... На второй конференции сторонники ленинской линии получили большинство... На 3-й конференции так называемые «левые» снова победили и вошли в большинстве в ЦК».

В одной из резолюций V Всероссийского съезда Советов 4 июля 1918 года содержалась резко отрицательная оценка действий тех, кто «стремится вовлечь советскую республику в империалистическую бойню»: «Всероссийский Съезд Советов вменяет в обязанность всем советам прифронтной полосы тщательно следить за теми темными личностями, которые, прикрываясь иногда разными партийными кличками, выезжают на украинский фронт для агитации в пользу немедленного наступления. Такие агитаторы должны арестовываться и караться по законам военного времени. Всероссийский съезд Советов вменяет своему президиуму в обязанность немедленно отправить в Курск – Льгов чрезвычайную комиссию с неограниченными полномочиями для подавления провокаций и установления твердого революционного порядка».

В заграничное бюро КП(б)У, работавшее в Орле (затем в Курске), входили В.П. Затонский (секретарь), И. Сталин, Э. Квириг, Ф. Сергеев (Артем). Э. Квириг был не только секретарём ЦК украинских большевиков, но и председателем губЧК в Орле с июля 1918 года. Характерно, что, как и Квириг, многие видные деятели революционного движения Украины и Белоруссии после эвакуации в 1918 году занимали руководящие должности в приграничных губернских городах. Так, например, нарком финансов Украины М.С. Бо-

гуславский непродолжительное время был руководителем исполкома и горкома партии в Воронеже, нарком путей сообщения Украины А.К. Сербиченко - председателем ревтрибунала, секретарем горкома партии в Курске, будущий председатель белорусского Совнаркома И.А. Адамович - начальником гарнизона в Смоленске. Все они принимали самое активное участие в формировании частей Красной армии и повстанческих отрядов.

В своих мемуарах Мирон Переславский, один из первых председателей Орловской губЧК, вспоминал: «Летом 1918 года в Орле была образована инициативная группа в составе Т.Л. Бондарева и меня для ознакомления с членами партии, эвакуированными с Украины, с целью отбора для подпольной работы. Мы связались с ЦК Украины, находившимся в Москве, договорились с Орловским губкомом, который дал согласие и помог написать письмо, обращенное к близлежащим губернским комитетам партии – Черниговскому, Курскому, Тульскому - с предложением направить на совещание в Орел всех членов партии, эвакуированных с Украины. Совещание это состоялось. На нем присутствовало около 200 коммунистов. Инициативная комиссия познакомилась с каждым участником совещания и выявила большое количество желающих поехать на Украину, оккупированную в то время немцами.

В скором времени из Москвы в Орел переехал ЦК КП(б) Украины и установил связь со мной и Т.Л. Бондаревым [...] По нашей рекомендации ЦК Украины направил на руководящую работу в партийные комитеты Киева, Екатеринослава, Донбасса и других городов большое количество подготовленных нами коммунистов».

В интервью газете «Киевский коммунист» (опубликовано 9 февраля 1919 года) командир 1-й Советской бригады Николай Щорс рассказывал: «Ещё с лета 1918 года в районе Курска началось формирование группы войск Курского направления. Осенью того же года партизанские отряды начали производить набеги по всему Украинскому фронту, а с 1 ноября 1918 года наступление повелось регулярными советскими войсками».

Из Орла через линию фронта на оккупированные Украину и в Белоруссию переправлялись деньги, вооружение, крупные тиражи листовок. В губернии шло формирование подпольных отрядов. По сообщению комиссара Московского коммунистического интернационального отряда Тибура Самуэли (октябрь 1918 года), «в Орловской губернии действовали два интернациональных отряда – в Орле (120 человек) и в Карачеве (150 человек)». Чтобы обеспечить многотысячную массу войск продовольствием (оружие поставляла Тула), в прифронтовой Орловской губернии начался настоящий «крестовый поход в деревню» - действовал один из самых крупных в Центральной России Московский продотряд.

Большевицкая Россия готовила в Орле войска не только для борьбы с немцами. Собирался мощный кулак для завоевания Украины при первой же удобной возможности. По воспоминаниям некоторых участников гражданской войны, разработка плана похода на Украину в 1918 году осуществлялась под руководством В.А. Антонова-Овсеенко в штабе войсковой группировки, который размещался в Орле в здании бывшего кадетского корпуса.

8 – 9 сентября 1918 года в Орле прошел пленум ЦК КП(б)У, который постановил: «Партийные организации должны принять самое активное участие в развивающейся партизанской войне». 12 октября 1918 года начальник осведомительного отдела при подольском губернском старосте отмечал в донесении: «Руководители большевистского движения Центральной России в целях распространения своего влияния на Украину разослали сюда большое количество агитаторов, которые, разъезжая по деревням и сёлам, ведут среди крестьян очень сильную агитацию как против гетмана, так и вообще против существующей на Украине власти и призывают их к вооруженному выступлению».

Однако состоявшийся 17 – 22 октября 1918 года в Москве II съезд КП(б)У в резолюции по отчетному докладу ЦК указал на промахи и недостатки, имевшие место в его деятельности, в частности, на преждевременный призыв под влиянием «левых коммунистов» (Пятаков, Бубнов) к всеобщему вооруженному восстанию на Украине в условиях, когда оно ещё не назрело. Съезд признал политическое направление ЦК неправильным, организационную деятельность неудовлетворительной.

Наступил решительный момент - в ноябре 1918 года в Германии произошла революция. Историки начало социалистического похода на Украину обычно связывают с именно с ней. Однако руководство РСФСР, имея реальный прогноз развития событий, привело войска в боевую готовность несколько раньше. Совнарком республики и прежде секретно отпускал крупные средства на ремонт дорог в прифронтовой полосе, на «организацию книжной торговли» на оккупированной немцами территории. Уже в октябре 1918 года было выделено НКВД 3 млн. рублей для организации и укрепления Советской власти в очищаемой от немецких войск территории Орловской губернии.

Едва оправившись от пуль эсерки Каплан, В.И. Ленин 3 октября 1918 года в письме к объединенному заседанию ВЦИК и Моссовета с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов писал: «Все умрем, чтобы помочь немецким рабочим».

Процитируем приказ Реввоенсовета республики о создании Резервной армии № 140 от 23 октября 1918 года: «В целях ускорения формирования дивизий и использования свободных наличных кадров Революционный военный совет Республики постановил [...]

Образовать Резервную армию в составе 9, 21 и 22 стрелковых дивизий, на что использовать кадры 1 Курской, 2 Орловской и 2 Новгородской пехотных дивизий.

В дивизии Резервной армии влить продовольственные отряды [...]

Командующим армией временно назначается генштаба (полковник) В.-П.Глаголев, временными членами Революционного военного совета – Зусманович и Вишневецкий [...]

Штаб Резервной армии – г. Орел».

Значительно раньше сообщения о революции в Германии на Украину из РСФСР отправились «передовые отряды». Свидетельство тому - письмо де-

партамента Державной варты харьковскому губернскому старосте (по осведомительному отделу) (9 ноября 1918 года): «В данное время Харьков кишит большевиками, среди коих имеются целые организации агитаторов, снабженных литературой и деньгами, и целые шайки, отлично вооруженные, предназначенные для открытых восстаний на местах.... В Харьков прибывает из Великороссии много лиц со специальной целью агитации среди германских войск: возле всякой германской части можно видеть подозрительных штатских, преимущественно евреев, говорящих по-немецки, а на железных дорогах, на каждой станции, где есть германский караул, встречаются такие же пропагандисты-агитаторы».

Собравшийся в эти дни в Москве чрезвычайный VI съезд Советов в постановлении «О международном положении» выразил обеспокоенность тем, что на смену немецким войскам на Украину придут англо-французские войска. В руководстве РСФСР рассматривался вопрос: не использовать ли немецких солдат для установления советской власти на Украине и уничтожения там местных националистов - то есть тех, кто мог оказать реальное сопротивление большевикам? Ленин торопился сообщить немецким солдатам о революции и телеграфировал 9 ноября в Орел (срочно, секретно):

«Необходимо напрячь все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине и посоветовать им ударить на красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих» (заметим, что на протяжении всего срока оккупации у Германии имелись серьезные проблемы с реквизицией украинского хлеба. Большевикам, видимо, были известны более эффективные способы заготовки продовольствия).

В Орле прошла грандиозная демонстрация, в считанные часы были отпечатаны десятки тысяч воззваний на немецком, венгерском, чешском, польском, румынском языках, на Украину были направлены агитаторы для проведения митингов.

Николай Щорс, командир расположенного на западе Орловской губернии Богунского полка, докладывал по телефону в Орел: «С немцами всё улажено. Образован Совет. Налажена связь. Между ними ведется обширная агитация с музыкой и знаменами, проводится братание между нашими и немецкими солдатами. Немецкие солдаты прошлись церемониальным маршем перед нашими солдатами». Щорс сообщал Укравоенсовету: «...Наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются из одной кухни, поют интернациональный гимн».

Появилась непривычная формулировка «русско-германские воинские части», в городе Клинцы (запад современной Брянской области) был создан совет из русских рабочих и немецких солдат. Из Орла местные руководители телеграфировали Ленину: «Немцы рвутся вступить в Красную Армию, на переговоры с ними отправился председатель Орловского губернского Совета депутатов».

Комиссар РОСТА телеграфировал в Киев: «Унеча. 13 ноября. В селе Лыщичи за демаркационной линией состоялось заседание совета немецких

солдат 106-го ландверного полка совместно с делегацией украинских повстанцев. Председатель солдат Пельг сказал: «Немецкие солдаты-рабочие должны взять власть в свои руки, иначе через несколько лет нас погонят снова на бойню. Российская революция указывает нам путь, по которому мы должны идти». Принята резолюция о передаче всей власти совдепам, совместно с первой социалистической республикой бороться с международной буржуазией».

13 ноября Ленин телеграфирует в Орёл, губкому, «для украинцев», сообщая о полученной им приветственной телеграмме от революционных солдат Германии из Унечи, предлагает сообщить об этом по телеграфу во все пограничные с Украиной пункты, ответить от его имени благодарностью за приветствие и обратиться к немецким солдатам с просьбой помочь освобождению Украины: «Пусть революционные солдаты Германии довершат начатую ими славную германскую революцию арестом белогвардейцев на Украине и освобождением Украины».

Почему большевики делали ставку на немцев? Возможно, из-за боязни, что российские войска, попав на Украину, не будут подавлять братский народ. Малоизвестный факт: сформированный в Орле для отправки на Украину пехотный полк поднял мятеж. Солдаты шагали по городу с плакатами: «На фронт босые не пойдём!», «Долой евреев!», «Изгнать руководителей губернии и города!» Полк был окружен чекистами, прямой наводкой по мятежникам ударили орудия. Так же было подавлено восстание двух полков в Брянске. Большевикам пришлось полностью отправить на фронт продовольственные отряды (по выражению того времени, - продовольственные полки), которые уже закалились в усмирении орловского крестьянина. Основная же масса немцев не хотела, несмотря на активную агитацию, воевать ни за большевиков, ни в расчете на реквизируемый хлеб. Немецкие солдаты стремились вернуться домой, тем более что вскоре было объявлено о полной эвакуации с Украины германских войск.

Тогда же в Москве была издана директива о подготовке войск в Орле и Курске к походу на Украину. А официально Советское правительство выступило за полную свободу для Украины и Белоруссии в своём государственном устройстве.

В середине ноября в Москве было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, в состав которого вошли в основном члены ЦК КП(б)У: Ф. Сергеев (Артем), К. Ворошилов, Э. Квириг, В. Аверин, В. Затонский, Ю. Коцюбинский во главе с Г. Пятаковым. Тогда же был создан Военный Совет Украины, в него были введены В. Антонов-Овсеенко, В. Затонский, Ф. Сергеев. 17 ноября 1918 года постановлением Совнаркома был создан Реввоенсовет Украинского фронта (парадокс: официально Украинский фронт был создан только в январе 1919 года – см. далее). Во главе Реввоенсовета был поставлен И.В. Сталин. В статье «Украина освобождается» он писал: «Разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма».

29 ноября 1918 года в штаб Украинского фронта прибыло из Москвы 40 коммунистов, имевших опыт руководящей военной работы. В этот же день в штаб были отправлены 33 партийных работника, ранее служивших в 10-й армии.

В докладе Главного командования в Реввоенсовет республики о стратегическом положении республики к 1 декабря 1918 года отмечалось: «Резервная отдельная армия формируется в районе Орёл-Курск на направлениях к Киеву и Харькову. Силы ее около 7 тысяч штыков».

Как и следовало ожидать, повстанческие силы на Украине так четко вписались в театр военных действий, что для Красной Армии почти не осталось серьезных препятствий. Она победоносно двигалась по Украине: в боях на подступах к Харькову и во время освобождения города потери убитыми и ранеными составили всего триста красноармейцев. Харьков был взят спустя месяц после начала похода на Украину, а Махно в это время уже подошёл к Екатеринославу.

Ещё через несколько дней было объявлено о создании давно уже существовавшего Украинского фронта. Директива Главного командования о составе и задачах Украинского фронта № 611/ш от 6 января 1919 года гласила: «В связи с создавшейся обстановкой на юге революционный военный совет Республики 4 января постановил образовать единый Украинский фронт, по отношению к которому партизанские украинские отряды являлись бы составной частью. Для руководства Украинским фронтом учреждается реввоенсовет в составе командующего Антонова и членов Реввоенсовета – по назначению украинского правительства, при начальнике штаба Глаголеве, которому передаётся всё управление Резервной армии [...] Штаб фронта – Орёл».

Вскоре украинское большевистское правительство во главе с Христианом Раковским просило присоединить республику к Советской России. В докладе главного командования (конец февраля 1919 года) В.И. Ленину и Реввоенсовету республики о стратегическом положении Советской республики и задачах Красной Армии подчеркивалось: «Неопределенность политического устройства Украины, успешность пропаганды в рабочих районах, вооруженная поддержка повстанческих украинских групп создали столь благоприятную обстановку... что успех превзошёл всякие ожидания».

Рассмотрение драматических событий 1918 года убедительно показывает, что Орёл был одним из основных центров формирования вооруженных сил Советской республики. Красная Армия изначально создавалась в Орле как интернациональная, с расчетом не только на защиту российской территории, но и для предстоявшего в скором будущем дальнего похода. В экстремальных условиях прифронтовой зоны, имея крайне ограниченные ресурсы, большевики сумели энергично и оперативно решить вопросы создания боеготовой армии. Даже противоречивая политическая ситуация была использована ими максимально эффективно: удалось нейтрализовать оппозицию внутри страны, найти союзников на оккупированной немцами территории.

О.Л. Якубсон. Ливны

Антибольшевистское восстание в Ливнах в августе 1918 года.

После отречения Императора Николая II взять ситуацию под контроль сразу же вознамерились большевики. Они попытались склонить на свою сторону солдат расквартированного 257-го пехотного запасного полка. Руководителем партийного комитета был избран И.Д. Селитренников. Однако, как пишет краевед К. Таратухин, действия большевиков натолкнулись на противодействие со стороны местной интеллигенции и части крестьянства, которые не желали разгула анархии. Был образован Временный общественный комитет, который возглавил князь В.В. Голицын, а совет рабочих и крестьянских депутатов оказался в фактической изоляции.

Установление советской власти в Ливнах произошло с некоторым опозданием, лишь в феврале 1918 г. Оно прошло практически бескровно, но вскоре начались гонения и преследования «чуждых классов»: дворян, помещиков, офицеров царской армии, чиновников, духовенства. В сельской местности захватываются помещичьи имения и хозяйства зажиточных крестьян. Телеграмма князя Мещерского гласит: «Волостное земство декретом Ленина... насильно захватило имение Жерновец Ливенского уезда. Арестовано управление. Боимся насилия. 13 ноября 1917 г.». Всего же в уезде в конце 1917 года по данным Ф. Ковалёва было совершено 19 погромов помещичьих имений.

А вскоре население Ливенского уезда испытало на себе, что такое военный коммунизм. Торговцы и владельцы различных предприятий были обложены непосильными денежными поборами. Продолжалось разграбление имений и хозяйств. Все это вызвало нарастающее сопротивление не только измученных ревизиями «излишков хлебного запаса» крестьян, но и рабочих, торговцев, духовенства. На сельских сходах в Волово крестьяне кричали, что обществу не требуется комитет лодырей и лежебок (имелись в виду так называемые комбеды), угрожали им расправой. Даже беднейшая часть крестьянства уезда перестала верить обещаниям раздачи помещичьей земли: зачем она нужна, если урожай все равно отберут?!

Решительными действиями большевики к лету 1918 года полностью захватили власть в уезде. Начали изгоняться и уничтожаться все «враждебные элементы», особенно представители аристократии, к числу которых относился и князь В.В. Голицын. Летним днем 1918 года в дом Владимира Владимировича пришли местные крестьяне и предупредили: на завтрашний день назначен захват дома. «Завтра вас будут сжигать». Эти же и другие крестьяне помогли вывезти в Ливны часть имущества. На следующее утро дом и все постройки были разграблены. Хозяева же смогли покинуть дом накануне ночью.

Усиливался террор и против крестьян. Поступило указание Ливенского местного совета произвести учет имеющегося у кулаков хлеба, а все излишки направлять в город.

Крестьяне начали готовиться к вооруженному сопротивлению. В ряде сел начали ходить слухи о близком конце советской власти. Этим решили воспользоваться и члены различных политических партий, у которых к тому

времени разошлись пути с большевиками. Конечно, в ЧК чувствовали надвигающуюся угрозу и действовали жесткими мерами. Закрывались храмы, подвергались репрессиям священники. Одновременно начался призыв на военную службу в Красную Армию лиц, ранее служивших унтер-офицерами. И случилось восстание.

В селе Калинино в день церковного праздника Преображения Господня колокольный набат взбудоражил округу. На площади у церкви собралась большая толпа людей. Кто-то бросил слух, что идет латышская интербригада товарища Эго (она же и будет участвовать в подавлении августовского восстания). Многие из бедняков и середняков поверили этой выдумке. Толпа возле церкви росла. Многие были вооружены охотничьими ружьями, кольями из плетней. Кое у кого болтались на боку шашки, а за плечами – сумки с продовольствием. Повстанцы захватили с собой побольше хлеба, поскольку собирались дойти до самого Орла. На Ливны их повел бывший офицер царской армии, сын викторовского крестьянина Мокашов.

Историк Константин Таратухин сделал вывод, что крестьяне были вооружены кое-как, предводителями у них были свои же селяне. Вскоре их поддержали и в самом городе, хотя эта поддержка, скорее всего, выразилась в отказе подавить восстание. 2000 призванных старослужащих нижних чинов собрались на митинг и постановили «разойтись по домам», что и сделали. Таким образом, попытка большевиков подавить восстание при помощи мобилизованных солдат старой русской армии провалилась.

А в деревнях, перекатываясь, росло волнение. В Крутом крестьяне арестовали большевиков Григория Шкодкина и Стефана Кобцева, были убиты некоторые руководители волостных комбедов. Крестьяне мстили за действия военно-реквизиционных отрядов, за расстрел родственников, за поругание храмов. У повстанцев образовалось войско человек в 600, их снабдили захваченным у большевиков оружием.

Базой для сосредоточения основных сил повстанцев стали Козьминка и Бородинка. Сметая волостные и сельские советы, крестьяне стремились к захвату оружия. За короткий срок силы повстанцев достигли 5 значительных отрядов под командой Клепова, Чернского и Фурсова.

15 августа собрался на заседание уисполком под председательством Прикащикова. Было постановлено: *«подтвердить в гор. Ливнах и его уезде осадного положения, повторить приказ о мобилизации унтер-офицеров и избрать коллегию из 5 товарищей по ликвидации контрреволюционного выступления в Ливенском у., которым передать всю полноту как оперативной, так и политической власти в Ливенском у.»*

В помощь местным большевикам послали отряд интернациональных войск численностью в 50 человек, понимая, что местные части Красной гвардии, состоявшие в основном из крестьян, могут отказаться стрелять в таких же, как и они сами крестьян-повстанцев.

Однако 18 августа повстанцы двинулись на город, началось массовое выступление по другим волостям. Им навстречу был выслан отряд из 80

большевиков и 55 красногвардейцев под руководством Селитренникова. Этот отряд был разгромлен.

Красные войска отступили к вокзалу. К ним на помощь прибыл председатель ГубЧК Буров со своим отрядом, но это не оказало существенного влияния на ситуацию. Вечером 18 августа восставшие захватили арсенал и казначейство. Буров со своим отрядом отступил в сторону Русского Брода. Совет с оставшимися в живых большевиками, оказался в осаде.

На следующий день начали подходить восставшие и с Воронежского большака. К вечеру 19 августа сопротивление большевиков было сломлено.

В книге «Ливны» сказано: *«В толпе были бывшие мещане и другие городские жители и жители пригородов – ямские, казацкие... Всюду, где мы проходили, была масса людей с вилами, топорами и просто дубинами. Говорят, что крестьян было около 12 000».*

Ответные действия не заставили себя долго ждать. В тот же день, 19 августа, на ситуацию в Ливенском уезде Орловской губернии обратил внимание Ленин. Им были высланы телеграммы Здоровецкому исполкому о беспощадном подавлении кулацкого левозероковского восстания в Ливенском уезде.

Сюда же приближались эшелоны с карательными силами большевиков вместе с бронепоездом из Курска. В ходе той операции, как это часто бывало в Гражданскую войну, решающую роль в качестве ударной силы сыграли интернациональный отряд, которым руководили Мирон Абрамович Переславский и комиссар Фред Густавович Ионелейт (товарищ Эго). К ним присоединились сумевшие спрятаться от крестьянской расправы ливенские большевики. Вооруженные кое-как, слабо организованные и полностью лишённые артиллерии, повстанцы пытались закрепиться на выходах из города. Однако, быстро переносимый с одной цели на другую артиллерийский огонь, разрушал позиции и поражал живую силу восставших. Особого успеха в этой операции добились бойцы-интернационалисты, хотя и сами понесли ощутимые потери. Вскоре восставшие были вытеснены за пределы города и рассеяны огнём артиллерии, частью бежали, частью были уничтожены.

20 августа в Москву пошло донесение о том, что *«установленные в Ливнах и окрестностях контрреволюционные и белогвардейские засады расстреливаются из орудий. Взято много пулеметов. Банды бегут. Сводятся группы арестованных... Восстание можно считать ликвидированным вдребезги».*

Тем же днем Ленин посылает Ливенскому исполкому ответную поздравительную телеграмму: *«Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу. Предсовнаркома Ленин».*

Восстанию был присвоен ярлык кулацкого мятежа. За ходом восстания пристально следил не только Ленин, но и глава ЧК Дзержинский. В своих телеграммах Ленин требовал энергичного и беспощадного подавления восстания. Именно он уже в то время требовал применения изуверской системы заложников. Ему в унисон вторил основатель ЧК, который на бланках телеграмм из Здоровца, наложил резолюцию: «Елец и Орел подавить беспощадно. Дзержинский».

Выступление ливенских крестьян было жестоко подавлено бойцами-интернационалистами, местной гарнизонной ротой красногвардейцев при поддержке Железного полка из Орла, и бронепоезда из Курска, который имел платформы с орудиями и пулеметами, а также сводного отряда комбедов Лебединской и Кудиновской волостей.

22 августа была направлена телеграмма председателю Совнаркома В.И. Ленину о ликвидации контрреволюционного мятежа в Ливнах: *«Восстание ликвидировано. Ваше распоряжение проводится в исполнение. Похороны были сегодня, при торжественном участии города. С подробным докладом будем. Виновные расстреляны. Дальнейшие аресты производятся. Буров, Переславский».*

Газета «Известия ВЦИК» напишет об итогах восстания: *«За все время сражений революционные войска потеряли свыше 70 товарищей, среди них 4 лучших советских работника. Белогвардейцев выбыло убитыми свыше 300 человек. Главари и видные местные буржуа расстреляны».*

После подавления восстания многие жители Ливенского уезда, как участники, так и просто, неугодные новой власти люди, были осуждены и расстреляны.

После этого остается только удивляться, что до сих пор в Ливнах и Ливенского районе стоят памятники Ленину, центральная улица и даже стадион носят его имя.

В селе Введенском стоит памятник Дзержинскому, а в городе одна из главных улиц носит его имя. Однако самое интересное: если в Москве на Лубянке снесли памятник «легендарному» Феликсу, то у нас в Ливнах всего несколько лет назад по инициативе начальника РОВД Л.И. Якунина перед зданием УВД был установлен бюст Дзержинскому. Центральный вход а здание украшает его цитата, а в кабинете начальника красуется портрет, выполненный «гениальной рукой» безымянного «зека».

После подавления крестьянского восстания репрессии некоторое время проводились в мягкой форме, то есть расстреливали реже и давали небольшие сроки заключения - до 5 лет.

В 1919 году появляются первые лагеря принудительных работ - предвестники разветвленной сети системы ГУЛАГ. Ливенский уездный комитет первоначально от них отказался, но под давлением губернских властей такой лагерь был создан и у нас. 14 октября 1921 г. круг лиц, подвергшихся репрессиям, значительно расширился: крестьяне и рабочие, интеллигенция и красногвардейцы и все те, кого объявляли врагами народа, подтверждая расхожий

тезис о нарастании классовой борьбы по мере построения социализма. Чем больше крепла власть, тем шире становились репрессии....

Орловско-Кромская операция 10-27 октября 1919 г.

Боевое расписание войск Добровольческой армии (белые)

Командир генерал-лейтенант *Май-Маевский*

Н.Ш. - генерал-лейтенант *Ефимов*

Инспектор артиллерии - генерал-майор *Лактионов*

Генерал-квартирмейстер - полковник *Гоерц*

1-й армейский корпус

Командир генерал-лейтенант *Кутепов*

Н.Ш. - генерал-майор *Доставалов*

Инспектор артиллерии - генерал-майор *Беляев*

1-я пехотная дивизия - генерал-майор *Тимановский*

Н.Ш. - полковник *Биттенбиндер*

Командир **1-й бригады** - генерал-майор *Третьяков*

Командир **2-й бригады (корн.)** - полковник *Скоблин*

1-й ударный генерала Корнилова полк - полковник *Пешня*

2-й ударный генерала Корнилова полк - капитан *Пашкевич*

3-й ударный генерала Корнилова полк - есаул *Милеев*

1-й офицерский генерала Маркова пехотный полк - полковник *Блейш*

2-й офицерский генерала Маркова пехотный полк - полковник *Морозов*

3-й офицерский генерала Маркова пехотный полк (формируется) - полковник *Наумов*

Партизанский генерала Алексеева пехотный полк - полковник князь *Гагарин*, и.д. командира штабс-капитан *Бузун* (придан из состава 9-й дивизии)

Сводно-стрелковый полк - полковник *Гравицкий* (придан из состава 9-й дивизии) (убыл в тыл на борьбу с Махно)

2-й генерала Алексеева пехотный полк (в стадии формирования)

Запасной батальон дивизии - полковник *Коновалов*

1-я генерала Маркова инженерная рота - полковник *Гротенгельм*

Черноморский конный полк - полковник *Главче*

1-я артиллерийская бригада

1-й дивизион - полковник *Машин*

2-й дивизион - полковник *Михайлов*

3-й дивизион - полковник *Роппонет*

4-й дивизион - полковник *Айвазов*

3-я пехотная дивизия - генерал-майор *Витковский*

Н.Ш. - полковник *Бредов 2-й Ф.Э.*

Командир 1-й бригады - генерал-майор *Кельнер*

Командир 2-й бригады - ?

1-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк - полковник *Румель*, полковник *Туркул*

2-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк - полковник *Туркул*, полковник *Харжевский*

3-й офицерской генерала Дроздовского стрелковый полк (формируется) -
полковник *Манитейн*

83-й Самурский пехотный полк - полковник *Звягин*

Запасной батальон дивизии - полковник *Еньков*

3-я генерала Дроздовского инженерная рота - полковник *Бородин*

3-я артиллерийская бригада - полковник *Ползиков*

1-й дивизион - полковник *Протасевич*

2-й дивизион - полковник *Шеин*

3-й дивизион - полковник *Соколов*

4-й дивизион - полковник *Медведев*

5-й кавалерийский корпус
командир генерал-лейтенант *Юзефович*

Н.Ш. - генерал-майор *Кусонский*

Инспектор артиллерии - генерал-лейтенант *Репьев*

1-я кавалерийская дивизия - генерал-майор *Чекотовский*

Н.Ш. - полковник *Крейтер*

1-я бригада - полковник *Барбович*

1-й офицерский генерала Алексеева конный полк - полковник *Сабуров*

10-й гусарский Ингерманландский полк - ротмистр *Тихонравов*

2-я бригада - генерал-майор *Аленич*

Сводно-Гусарский полк - полковник *Гаевский*

Сводно-Уланский полк - полковник *Апрелев*

3-й конно-артиллерийский дивизион - полковник князь *Авалов*

1-я отдельная конно-горная батарея - капитан *Ермолов*

Сводная батарея Кавказского отдельного конно-горного артиллерийского дивизиона

2-я кавалерийская дивизия - полковник *Миклашевский*

Н.Ш. - капитан *Иордан*

1-я бригада - полковник *Данилов*

2-я бригада - полковник *Самсонов*

1-й сводно-гвардейский Кирасирский полк - полковник *Коссиковский*

2-й сводно-гвардейский Конный полк - полковник *Грязнов*

2-й офицерской генерала Дроздовского конный полк - полковник *Шапрон дю Ларрэ*

3-й конный полк - ?

Конно-артиллерийский гвардейский дивизион - полковник *Трепов*, с
окт.1919 полковник *Перфильев*

7-я конная батарея

3-й конный корпус
командир генерал-лейтенант *Шкуро*

Н.Ш. - генерал-майор *Шифнер-Маркевич*

Инспектор артиллерии - полковник *Урчукин*

1-я Кавказская казачья дивизия - генерал-майор *Губин*

1-я Терская казачья дивизия - генерал-майор *Агоев* (убыла в тыл на борьбу с Махно, как и Сводно-Стрелковый полк)

Тяжелая артиллерия

2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион - полковник *Бек-Софиев*

3-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион - полковник ?

Отдельный тяжелый тракторный пушечный дивизион - полковник *Сахновский*

Дивизионы бронепоездов

2-й дивизион бронепоездов - полковник *Громыко* (придан 1-й пехотной дивизии)

«Офицер» (легкий) - полковник *Лебедев*

«Генерал Корнилов» (легкий) - капитан *Молчанов*

«Иоанн Калита» (тяжелый) - полковник *Зеленецкий*

9-й дивизион бронепоездов (придан 3-й пехотной дивизии)

«Дроздовец» (легкий) - капитан *Ринке*

«Гром Победы» (легкий) - ?

«Солдат» (тяжелый) - полковник *Циглер*

2-й радиотелеграфный дивизион (2-я, 5-я, 6-я, 10-я роты) - полковник *Шульц*

2-й танковый дивизион

1-я отдельная пехотная бригада - генерал-майор *Волховский* (резерв, в тылу)

1-й сводный полк 31-й пехотной дивизии - полковник *Емельницкий*

2-й сводный полк 31-я пехотной дивизии - полковник *Ткачев*

артиллерийский дивизион

инженерная рота

Боевое расписание войск Южного фронта (красные)

Южный фронт - *В.Н.Егорьев* (13.07.-11.10.1919), *А.И.Егоров* (11.10.1919-10.01.1920)

РВС - *И.В.Сталин*, *М.К.Владимиров*, *Л.П.Серебряков*, *М.М.Лашевич*

Н.Ш. - *Н.В.Пневский* (9.06-17.10.1919), *Н.Н.Петин* с 21.10.1919

13-я армия - *А.И.Геккер*

Н.Ш. - врид *А.М.Зайончковский*

РВС - *И. В.Косиор*, *Г.Л. Пятаков*, *А.П.Розенгольц*

В 13-й армии - 17907 шт., 1755 саб., 318 пул., 86 ор.

3-я, 9-я, 42-я, 55-я стрелковые дивизии, Сводная бригада Свешникова, Эстонская стрелковая дивизия (с октября), 13-я отд. кавалерийская бригада (509 саб., 7 пул., 3 ор.)

3-я стрелковая дивизия (19-27-й стрелковые полки) сформирована в Московском ВО 24.09.1918 - *В.К. Гондель*, с 24.10.1919 *А.Д.Козицкий*. На 1.10.1919 - 2801 шт., 275 саб., 49 пул., 21 ор.

9-я стрелковая дивизия (73-81-й стрелковые полки) сформирована 3.05.1918 из Курского отряда - *А.Д.Козицкий*, с 17.10.1919 *П.А.Солодухин*. На 6.10.1919 - 3822 шт., 164 саб., 34 пул., 11 ор.

42-я стрелковая дивизия (370-378-й стрелковые полки) сформирована 10.01.1919, (№ 42 - с 7.03.1919) - *И.Х.Паука*. На 7.10.1919 - 5629 шт., 235 саб., 152 пул., 27 ор.

55-я стрелковая дивизия (496-505-й стрелковые полки) сформирована в 13-й армии 30.09.1919, включены части Орловского укрепленного района, расформирована 15.10.1919, части включены в 9-ю стрелковую дивизию - *М.К.Юзвюк*, с 4.10.1919 врид *А.В.Станкевич*, военком *Я.И.Алкснис*. На 17.10.1919 - 2781 шт., 157 саб., 13 пул., 5 ор.

Сводная стрелковая бригада М.С.Свешникова (бывший Курский укрепленный район). На 1.10.1919 - 2874 шт., 415 саб., 63 пул., 19 ор.

Эстонская стрелковая (некоторое время Сводная) дивизия - *Я.Пальвадре*, Н.Ш. *А.Пыльд*. 4 эстонских полка, 1-й полк Всеобуча и 86-й стрелковый полк, ничего выдающегося не представлявший. Численность дивизии была 7191 человек: 3346 шт., 114 саб., 68 ст.пул., 12 руч.пул., 11 ор. - три батареи.

14-я армия - *А.И.Егоров*, с 6.10.1919. *И.П.Уборевич*

Н.Ш. - врид *В.М.Бухман*. с 7.10.1919. *С.Г.Сжварелидзе-Бежанов*

РВС - *С.П.Нарецанус*, *А.С.Бубнов* (оба до 10.10.1919), *Н.Ф. Преображенский*, *Г.К. Орджоникидзе*

В 14-й армии - 15287 шт., 2730 саб., 462 пул., 100 ор.

7-я, 41-я, 46-я, 57-я стрелковые дивизии, группа Саблина, 11-я и 14-я отдельные кавбригады.

7-я стрелковая дивизия (55-63-й стрелковые полки) сформирована в Ярославском ВО 11.09.1918 - *А.Г.Голиков*. На 16.10.1919 - 1449 шт., 106 саб., 55 пул., 9 ор.

41-я стрелковая дивизия (361-369-й стрелковые полки) сформирована 19.07.1919 из группы войск Сумского направления - *М.В.Молкачанов*, с 12.10.1919 *Р.П.Эйдеман*. На 10.10.1919 - 5520 шт., 690 саб. 122 пул., 52 ор.

46-я стрелковая дивизия (406-414-й стрелковые полки) сформирована 16.06.1919 из 2-й Украинской стрелковой дивизии - *А.Н.Ленговский*, с 16.11.1919 *Р.П.Эйдеман*, военный комиссар - *Л.З. Мехлис*. На 1.10.1919 - 7015 шт., 245 саб., 224 пул. 23 ор.

57-я стрелковая дивизия (505-513 стрелковые полки) сформирована 25.07.1919 из группы войск Полтавского направления - *Н.А. Худяков*, с 11.10.1919 *Ф.А.Кузнецов*. На 8.10.1919 - 1303 шт., 200 саб., 40 пул., 12 ор.

Ударная группа (подчинена 13-й армии, с 14.10.1919 - 14-й армии)

Латышская стрелковая дивизия - *А.А.Мартусевич*, с 20.10.1919 *Ф.К.Калниньш*, военкомиссар - *К.Дозитис*, Н.Ш. *К.Ю.Шведе*

Три бригады по три полка - 1-9-й латышские стрелковые полки, в каждом полку по 12 ст.пул.

1-я бригада (2059 шт.):

1-й - 705 шт. (7 рот)

2-й - 664 шт. (6 рот)

3-й - 690 шт. (6 рот)

2-я бригада (2116 шт.):

4-й - 741 шт. (9 рот)

5-й - 658 шт. (6 рот)

6-й - 719 шт. (6 рот)

3-я бригада (1900 шт.):

7-й - 720 шт. (6 рот)

8-й - 611 шт. (6 рот)

9-й - 569 шт. (6 рот)

Кавалерийский полк - 4 эскадрона, 618 саб., 2 ст.пул., 8 руч.пул. «Льюис»

Артиллерия (всего 40 ор.):

три легких дивизиона - 1-9-я легкая батареи по 4 пушки 76,2 мм (в 7-й батарее 3 пушки) и 2 ст.пул.

гаубичный дивизион - две батареи - всего 3 гаубицы 122 мм, тяжелая батарея - 2 ор.

Отдельная Червонно-казачья бригада - *В.М.Примаков*. 1-й и 2-й полки - 1200 саб., 24 ст.пул., две легких (по 4) и одна горная (2 ор.) конные батареи (всего 10 пушек).

Отдельная стрелковая бригада - *П.А.Павлов*. 1685 шт., 120 саб., 46 пул., 6 ор.

Пластунский полк - 532 шт., 16 пул.;

Киевский полк - 700 шт., 15 пул.;

Сводный полк - 450 шт., 15 пул.;

две легкие батареи - 6 пушек;

кавалерийский дивизион.

М. Н. Левитов

Корниловцы в боях летом-осенью 1919 года

16 сентября. 1-й полк продолжает движение на Орел по линии железной дороги при поддержке трех бронепоездов, одного танка и артиллерии. Противник после Курска под давлением такого мощного кулака не оказывает упорного сопротивления.

2-й полк. Штаб полка – город Фатеж, 2-й батальон – село Солдатское, 3-й – село Ржава. Получен боевой приказ о наступлении. Все приободрились, так как, несмотря на приток пополнения – офицерская рота развернулась в чисто офицерский батальон трехротного состава, более 750 человек – и как будто бы имея возможность добить противника, мы топтались на месте. К нашему несчастью, при дивизии не было совершенно кавалерии, и, быть может, поэтому ходили слухи, что генерал Мамонтов, возвращаясь из своего знаменитого рейда, ударит по тылам красных на нашем участке.

Рейд генерала Мамонтова продолжался с 28 июля по 8 сентября. Генерал громит сейчас тылы красных и, вероятно, от города Ельца ударит одновременно с нами по тылам красных, на город Малоархангельск и город Орел. Во всяком случае, наша медлительность говорила рядовой массе, что наше командование по каким-то причинам стоит в нерешительности. Согласно приказу 2-й батальон выступил на Покровское – Гаево – Желен (Лактионово). В 13 часов батальон встретился с противником у деревни Нижний Реут и после

артиллерийской подготовки заставил его отступить на село Желен. Во время разведки был убит адъютант батальона поручик Бергольц, который со своим разъездом встретился с «чертовой сотней», 1-й батальон из села Ржава выступил в 11 часов и без боя занял деревню Ясенки. На ночь батальон остановился в селе Петроселки. Штаб полка – Свапские дворы по шоссе.

3-й полк остается на старом месте, в резерве.

17 сентября. 1-й полк – поиски разведчиков.

2-й полк. На рассвете 2-й батальон с командой пеших разведчиков переходит в с. Высокое и разведка в село Родогоша. 3-й батальон – село Малахово, откуда противник отходит, преследуемый артиллерийским огнем. 1-й батальон – Ниже-Морозиха – бой. Взято два пулемета на тачанках вместе с лошадьми и пленные. Красные перед 2-м батальоном отошли на село Зорине и пока что занимают: Студенок – Бобровка – Макарово – Андросово – Михайловка. По показаниям перебежчиков, в этих селах расположено четыре стрелковых полка: 55-й, 61-й, 66-й и 67-й, в полках по 300 – 250 штыков. В селе Бобровка стоит «чертова сотня». Перед 1-м и 3-м батальонами противник отошел на село Ефратово. Влево от полка, в районе Генеральщина, должен быть Самурский полк Дроздовской дивизии. Связи с ним нет.

3-й полк. Полку приказано продвинуться в село Слоновое.

18 сентября. 1-й полк с бронепоездами идет центром по линии железной дороги, встречая слабое сопротивление, которое, однако, все крепнет. Пока красные не подвели свежих частей, а отступающие от Курска совершенно деморализованы. В книге «Корниловский Ударный полк» находим описание одного эпизода, подтверждающего разложение частей красных: «Поручик Редько, лихой офицер, командир взвода 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка (в это время этот батальон имел в строю тысячу человек), получил письмо из деревни Миловка с предложением сдачи. Он отвечает согласием и обещанием никого не тронуть. В ответ ночью сдается рота красных в 150 человек. После этого поручик Редько занимает села Верхние и Нижние Столбецкие, где он нарвался на красных и с отчаяния атаковал их. Ему удалось здесь ни много ни мало - три тысячи человек». Трудно этому поверить, но теперь мы знаем, что сами советские источники утверждают факт разгрома в эти дни 55-й и 9-й стрелковых дивизий 13-й армии.

2-й полк. Полку приказано активно оборонять занимаемый им участок.

3-й полк. Полку приказано выделить один батальон в резерв начальника дивизии, занять линию деревень Гремячее – Лебедиха – Воронеж, что и было выполнено полком, гнавшим перед собой противника, 1-й его батальон из села Станового перешел на станцию Поныри.

19 сентября. 1-й полк. С выходом полка на линию город Малоархангельск – станция Поныри сопротивление противника все растет. Ожидается серьезный бой за город, и для этого к станции Поныри подтягивают из резерва части 3-го полка.

2-й полк. За этот день на участке 1-го батальона произошло исключительное по важности событие: впервые нам было сообщено о готовящемся окружении и уничтожении Корниловской Ударной дивизии. Разыгралось это

событие следующим образом: 1-му батальону, которым по-старому командовал я, было приказано из села Морозиха перейти на какой-то небольшой хутор. По прибытии туда под вечер я сразу узнал от разведчиков, что по дороге со стороны красных на нас идет в колонне не меньше эскадрона конницы. Мной было приказано скрытно занять хутор, окружив его изнутри кольцом, впустить кавалерию и без стрельбы обезоружить ее. Лихие корниловцы, чувствуя свой перевес во всех отношениях, устроили противнику настоящую мышеловку. С близкой дистанции в бинокль было видно, что кавалерия идет спокойно и даже не думает высылать разъезда. С подходом противника стало темно. Когда добрая половина перешла линию нашей обороны, красные обнаружили нас, задние успели повернуть и скрылись, а остальные без выстрела были обезоружены.

Среди пленных оказались один полковник, два ротмистра и 15 солдат. Пришлось всех накормить ужином. Офицерам у себя я предложил яичницу и между прочим, помимо интересовавших меня ближайших расположений и намерений противника, я узнал о готовящейся грозной для нас операции окружения нашей дивизии через прорыв между нами и дроздовцами латышской стрелковой дивизией, эстонской, кавалерийской дивизией червонного казачества, особыми еврейскими полками при поддержке 9-й, 55-й и 7-й стрелковых дивизий. Рано утром пленные были отправлены в штаб полка, и вскоре я получил от офицеров письмо из Харькова. В письме они благодарили за радушный прием, но создавшееся для них в Харькове положение заставляло их усомниться в правоте их перехода к нам. Да, не все было у нас в тылу поставлено серьезно, особенно при разборе поведения офицерства, озлобившего нас своим отказом идти за генералом Корниловым и тем втянувшего нас в длительную и кровавую Гражданскую войну. Да и другое всегда нам вспоминалось – это Каменноугольный бассейн, где мы в набегах на красных в сильные морозы встречали господ офицеров за пулеметами, охранявшими красную банду. И в этом случае я с болью в душе взирал на эту милую тройку, давшую красным возможность иметь на эскадрон полковника и двух ротмистров – не плохо? Затмила революция мозги так, что не могли они различить, где национальная Россия, а где интернационал самого низкого сорта. Генерал Деникин в своих трудах говорит, что эта группировка красных не была для него секретом, но что более опасным он считал Воронеж и потому отдал единственный свободный у него конный корпус генерала Шкуро туда, на левый фланг Донской армии, а у нас им было решено парировать удары противника соответствующим расположением частей.

3-й полк. С 19 до 25 сентября полк занимает прежнее положение.

20 сентября. 1-й полк. Упорные бои полка под командой полковника Пешни – полковник Гордеенко был болен – ведутся за город Малоархангельск. Части 55-й стрелковой советской дивизии разбиты, город Малоархангельск и Поньри взяты. Красные оставили большие трофеи.

2-й полк. 2-му батальону приказано совместно с командой пеших разведчиков и взводом артиллерии сделать набег на Макарове – Андросово –

Корсики. Отряд выступил в 7 часов, разогнал противника в указанных селах и вернулся почти без потерь.

В Орле

1 октября Корниловские полки входили в Орел. Так же, как в Курске, их встречали толпы народа. Гудели колокола, духовенство в праздничных облачениях стояло около церквей.

Как только полковник Скоблин верхом на сером жеребце впереди своего конвоя показался на городской площади, толпа закричала «Ура!», потом вдруг вся покачнулась в сторону какого-то революционного памятника, возвышавшегося на площади и разукрашенного красными полотнищами. Раздались глухие удары, и памятник скрылся в известковой пыли. Через несколько мгновений на месте памятника лежала куча мусора.

Квартиреры доложили Скоблину, что наиболее удобным помещением для штаба дивизии будет или Дворянское собрание, или же дворец Скоропадского. В это время подошел пожилой мужчина, вежливо приподнял шляпу и осведомился, не он ли здесь главный начальник,

- Да, я, - ответил Скоблин, - а вам что нужно?

- Хочу предупредить вас, чтобы вы ни в коем случае не останавливались в бывшем Дворянском собрании или во дворце Скоропадского: оба здания минированы большевиками.

- А кто вы такой? - спросил Скоблин.

- Я - ваш друг, старый земский деятель, - ответил незнакомец.

Капитан Капнин стал настаивать, чтобы для штаба выбрать какое-нибудь другое помещение.

- Охота тебе, Константин Львович, слушать всякие рассказы, - возражал Скоблин.

- Николай Владимирович, - закипятился Капнин, - нельзя ведь рисковать, чтобы начальник дивизии со всем своим штабом взлетел на воздух.

- Ну, ты делай, как хочешь, а я со своим конвоем остановлюсь во дворце Скоропадского.

Начальник дивизии и начальник штаба разъехались.

Во дворце Скоропадского был полный беспорядок. В комнатах стояли заколоченные деревянные ящики, горами валялись исписанные листы бумаги, кресла были опрокинуты, весь паркет загажен грязью, окурками. Нетронутым остался огромный зал: чинно в ряд стояли стулья перед столом, покрытым красным бархатом; таким же бархатом была обита нижняя часть всех стен; в золоченых старинных рамах висели портреты большевистских вождей. С хохотом и бранью конвойцы стали колоть и рубить шашками ненавистные лица.

В этом зале разместился конвой, а полковник Скоблин выбрал для себя рядом небольшую комнату.

К ночи, когда Скоблин уже укладывался спать, вдруг он услышал громкое шипение и в его комнату поползла гарь. Скоблин распахнул двери. Весь зал был полон дыма. Зажгли огарки, стали исследовать. Оказалось, что один

конвоец сдирал со стен бархат и случайно оборвал проложенный под ним шнур с проводами. Тут что-то вспыхнуло и зашипело.

Через несколько часов весь Орел был освещен заревом. Пылало Благородное собрание. К утру от него остались одни обгорелые стены.

Круглый день в штабе толпились люди. Сюда приходили несчастные граждане со всеми своими нуждами и жалобами. Пробрались в штаб две делегации: одна из Тулы от железнодорожников; они просили как можно скорее наступать на Тулу и обещали не выпустить из города ни одного эшелона. Другая делегация из четырех бывших офицеров явилась будто бы от 14-й советской армии, расположенной около Брянска. Эти офицеры клялись, что при продвижении добровольцев к Брянску вся их армия немедленно капитулирует. Себя офицеры просили оставить в качестве заложников. Этих делегатов отправили в штаб корпуса...

Казалось, все предвещало скорую и окончательную победу добровольцев. Капитан Капнин, как офицер центрального штаба, получил из Ставки следующую телеграмму:

«Ввиду скорого окончания Гражданской войны и нашего предстоящего вступления в Москву, сообщите, в каком округе и какую должность вы хотели бы получить».

Если так предполагала сама Ставка, где сосредоточивались сведения со всего фронта Вооруженных сил Юга России, то меньше всего могли ожидать надвигающуюся катастрофу корниловцы.

Поручик Редько, оставшийся в деревне Золотаревке на правом фланге Корниловской дивизии, продолжал забирать пленных. К Редько из соседней деревни ночью явился перебежчик и рассказал, что утром полк большевиков перейдет в наступление. Недолго думая Редько собрал полторы роты корниловцев и с ними двинулся навстречу противнику. По указанию перебежчика бесшумно сняли вокруг деревни все большевистские посты. Уже рассветало. Высланные дозоры донесли, что на главную улицу со всех переулков стягиваются роты красноармейцев. Редько построил в колонну свои полторы роты и замаршировал с нею в деревню. Чтобы не выделяться от красных командиров, Редько шел, покрикивая и ругаясь отборными словами. Благополучно прошли улицу и вышли на середину площади. Со всех сторон сюда вливались красноармейцы.

- Стой! - скомандовал Редько своим корниловцам. - В две шеренги стройся! Первая шеренга налево, вторая шеренга направо! По противнику, шеренги, часто начинай!

Красноармейцы остолбенели, потом дикие вопли смешались с ружейными залпами, и на площади среди порохового дыма остались одни корниловцы. Против каждой их шеренги лежали убитые. Некоторые из раненых уползали на руках...

Кроме пленных, корниловцы забрали артиллерию красных, но в поднявшейся перестрелке за деревней поручик Редько был ранен. Ранен двенадцатый раз.

Впереди Орла конные разъезды корниловцев тоже продвигались вперед и уже захватили город Мценск, только с крайнего левого фланга из 2-го полка стали поступать тревожные донесения: глубоко в тыл Корниловской дивизии вышла Латышская дивизия из шести пехотных полков и одного конного.

О сосредоточении латышей корниловцы впервые узнали еще 29 сентября. В этот день 2-й батальон 2-го Корниловского полка должен был занять небольшую деревню Коровье Болото, опоясанную мшистой речкой. Совершенно неожиданно красные здесь оказали ожесточенное сопротивление. Только с наступлением темноты корниловцы овладели деревней, 5-я рота заняла сторожевое охранение на юго-западной окраине деревни. Ночью к командиру роты капитану Трошину привели двух пленных кавалеристов, наскочивших на корниловскую заставу. Эти кавалеристы были латыши.

Здоровенные, белобрысые, в черных кожаных куртках и штанах, они показали, что ехали квартирьерами от Латышской бригады, которая идет сюда походным порядком. В ожидании ее подхода красноармейской части, стоявшей здесь в деревне, приказано ни в коем случае не отступить.

Трошин немедленно отправил пленных в сопровождении офицера в штаб батальона и привел свою роту в боевую готовность. Корниловцы залегли около дороги и поставили пулеметы. Вскоре послышался мерный лошадиный топот. Приближалась группа всадников. Сколько их едет, было невозможно разобрать в темноте. Рота открыла огонь, всадники ускакали. Всю ночь 5-я рота провела в тревоге, но латыши не появлялись.

На следующий день 2-й батальон, выполняя полученный приказ по диспозиции, двинулся вперед.

- Да ведь Латышская бригада остается у нас в тылу, - переговаривались между собой офицеры, но рассуждать не приходилось - начальству виднее.

1 октября капитан Трошин со сводной ротой от 2-го батальона был вызван на парад в самый город Орел. После парада, когда Трошин уже уводил свою роту, его нагнал временно командующий полком капитан Щеглов и приказал сделать большой привал. Ружья составили в козла, подъехала походная кухня, вокруг нее зазвенели котелки. Щеглов отвел Трошина в сторону, вытащил из полевой сумки карту, развернул ее и стал давать боевую задачу: двигаться с ротой по шоссе на город Кромы; идти до наступления темноты; на ночлег остановиться, выставив сторожевое охранение в сторону Кром; утром продолжать движение, пока не наткнутся на противника. По полученным сведениям, около Кром неблагополучно.

Так как Трошин вышел на парад с малым количеством патронов и без пулеметов, то Щеглов обещал прислать вдогонку рот артиллерийский взвод и пулеметы, а пока что снабдил его крестьянской подводой, нагруженной ружейными патронами.

Рота вышла на шоссе. Ударники удивлялись, почему идут куда-то в тыл, а не к себе на фронт. Всех встречных крестьян Трошин опрашивал, те сумрачно отмалчивались: знать ничего не знаем. Повстречались две женщины, одетые в городские платья.

- Красавицы, вы откуда идете? - подошел к ним Трошин.

- Из Кром в Орел идем, - охотно ответили ему мещаночки.
- Что у вас в Кромах, благополучно? Мещаночки замялись.
- Да какие войска там стоят?

- В городе-то войск никаких нет, а вот в пяти верстах от Кром, коли знаете деревню Горки, так там вдоль реки много войск. Солдаты, как боровы откормленные, чистые и в кожаных куртках. А разговор их странный, ничего не поймешь. Нет, это не деникинцы, да и на большевиков не похожи....

На другой день Трошин подошел к Горкам. С гребня последнего перевала он увидел за рекой огромный, насколько глаз хватало, бивак. Горели костры, доносился лагерный шум, крики. Чтобы выяснить хотя бы приблизительно количество вражеских сил, Трошин, посоветовавшись с командиром артиллерийского взвода полковником Петренко, решил обстрелять бивак.

- Гранатами беглый огонь! - скомандовал Петренко.

Одновременно затрещали ружья и пулеметы.

Было видно, как сразу всполошился весь лагерь. Сплошная черная масса покрыла все поле. Через несколько минут она уползла за бугор.

На тревожное донесение Трошина подошел к его роте весь 2-й Корниловский полк, и с 3 октября под Кромами начались бои. Из опроса первых же плененных выяснилось, что с корниловцами здесь дерутся не только латыши, но и сводные части из матросов, китайцев и евреев. Бои шли с переменным успехом. Красные принимали штыковые атаки, 2-й полк нес большие потери.

Полковник Скоблин предложил высшему командованию следующий план: фронт Алексеевской дивизии растянуть до Орла, а Корниловскую дивизию собрать в кулак и бросить против латышей. Скоблину было приказано продолжать оборону Орла, не покидая своего фронта перед городом.

Накапливаясь в тылу Корниловской дивизии, большевики в то же время сосредоточили в стыке Добровольческой армии и Донской сильную группу Буденного и прорвали фронт около станции Касторная. Красная кавалерия вышла в тыл правого фланга 1-го корпуса. Генерал Кутепов стал оттягивать свои войска к Курску, но латыши и Буденный продолжали углублять свои прорывы.

Трое суток Корниловская дивизия защищала подступы к Курску - атаки красных сменялись контратаками корниловцев. Корниловская дивизия потеряла треть своего состава, но продолжала отбиваться. Тогда большевики охватили корниловцев с обоих флангов; свободной осталась одна дорога на Фатеж. Полковник Скоблин, чтобы избежать полного окружения своей дивизии, воспользовался этой дорогой и быстрыми маршами вырвался из неприятельских клещей.

Под Белгородом на усиление Корниловской дивизии была прислана бригада в 1500 штыков под начальством генерал-лейтенанта Волховского. Эта бригада была сформирована в Харькове. Впечатление она производила отличное - все солдаты были одеты в полушубки, папахи и сапоги. Полковник Скоблин просил штаб корпуса влить эту бригаду в корниловские ряды, но получил отказ, так как бригаде впоследствии предназначалась самостоятельная задача. Зашел вопрос о подчинении. Казалось неудобным подчинять ге-

нерал-лейтенанта полковнику, но Волховский откровенно заявил, что у него нет опыта в Гражданской войне, а кроме того, и нет уверенности в своих солдатах.

На боевых позициях бригаду Волховского расставили между частями 2-го Корниловского полка. В течение дня начальник штаба корпуса несколько раз справлялся у Скоблина, как держится в бою бригада.

- Дерется прилично, - получал в ответ.

К вечеру, когда бой затих, бригада Волховского была направлена для ликвидации прорыва западнее корниловцев, а на другой день от всей бригады остался только один штаб - солдаты немедленно сдались красным.

**Бои Корниловской ударной дивизии
в Орлово-Кромской операции
с 6 октября по 10 ноября 1919 года
(числа по новому стилю)**

Обычно считают, что доблесть войск и их жертвенность проявляются только в победоносных боях, а не там, где им приходится отступить, хотя бы даже и не по их вине. Так было под Орлом, где корниловцам в итоге жестоких и непрерывных боев пришлось отступить, проявив при этом исключительную жертвенность и свой ударный порыв.

Состав Корниловской Ударной дивизии при подходе к линии город Ма-лоархангельск - станция Дьячьё.

При штабе дивизии были: эскадрон для связи, один танк, инженерная рота, комендантская команда, разведка.

1-й Корниловский Ударный полк: офицерская рота, более ста штыков; 1-й батальон - 1000 штыков; 2-й и 3-й батальоны - 1200 штыков, всего 2300 штыков. 120 пулеметов - согласно требованиям на патроны, две легкие трехдюймовые батареи, одна 4,8-дм батарея, одна собственная легкая батарея, команда конных разведчиков и команда пеших разведчиков. Полк сопровождался тремя бронепоездами: тяжелым – «Иоанн Калита» и легкими – «Генерал Корнилов» и «Офицер». 2-й Корниловский Ударный полк: офицерский батальон трехротного состава - 750 штыков, со своей пулеметной командой (неофициальной); три солдатских батальона - 1500 штыков, всего 2250 штыков. 85 пулеметов, две легкие батареи, одна шестидюймовая батарея, одна 4,2-дюймовая батарея, один эскадрон, команда пеших разведчиков и один бронеевтомобиль.

3-й Корниловский Ударный полк: офицерская рота - 100 штыков; три солдатских батальона - 1500 штыков, всего 1600 штыков. 60 пулеметов, две легкие батареи, команда конных разведчиков и команда пеших разведчиков.

Всего в строю полки дивизии имели: 6150 штыков, три эскадрона конных разведчиков, три команды пеших разведчиков, 265 пулеметов, три тяжелые и семь легких батарей. Помимо этого, в распоряжении штаба дивизии: три бронепоезда, один танк, один бронеевтомобиль и эскадрон для связи.

В описании морального состояния полков Корниловской Ударной дивизии нужно отметить, что оно было отличным, несмотря на разнородный офицерский и солдатский состав. После того как красные своими прорывами на

Купянск и Белгород сорвали наше первое наступление на Курск и Орел, мы ответили им ликвидацией этого прорыва и 1-й и 2-й полки снова перешли в наступление на север, успешно атаковали красную крепость Курск, взяв богатую добычу и пополнив свои ряды, и продолжали свое движение на город Фатеж, город Кромы и город Орел. На линии города Фатеж молодой 3-й Корниловский Ударный полк с участка Дроздовской дивизии, из отряда полковника Манштейна, впервые входит третьим полком в состав своей Корниловской Ударной дивизии. Это и успешные бои вселили в сердца ударников уверенность в успехе. Смущало командный состав только то, что у нас полностью отсутствовала кавалерия, без которой мы не истребляли противника, а только отбрасывали его, и еще то, что на линии Фатежа, без видимой у нас причины, мы потеряли много времени в ожидании чего-то...

Красная армия - по данным профессора полковника Зайцева («1918 год», с. 181): «В основу формирования Красной армии лег штат ЦК № 220, утвержденный в ноябре 1918 года: дивизия - трехбригадного состава, бригада - трехполкового, полк - три батальона, при 15 батареях 4-орудийного состава и одним кавалерийским полком на дивизию». Войска же Орловской ударной советской группы были, по утверждению советского полковника Агуреева, хорошо укомплектованы и вооружены. Таким образом, советские дивизии превышали наши в три раза, к тому же отсутствие у нас кавалерийского полка при дивизии лишало нас не только охраны висевших в воздухе наших флангов, но и простого освещения больших разрывов между соседями. Думаю, что это и привело командование Корниловской Ударной дивизии к беспрекословному исполнению приказа двигаться на Орел, не останавливаясь. Хотя еще до занятия города Кромы намерение противника окружить нас ударной группой было известно нам из опроса пленных офицеров Генерального штаба Советской армии.

В том, что касается моральных качеств бойцов обеих сторон, между ними можно поставить знак равенства, в частности между корниловцами и бойцами советской ударной группы: корниловцы имели в 1-м и 3-м полках по одной офицерской роте, а во 2-м полку - три роты большого состава. Советская ударная группа была составлена из войск, составлявших опору советской власти: дивизий латышской и эстонской, особой бригады, где были еврейский пластунский и особые полки из венгров и китайцев, с очень большой прослойкой коммунистов из Чека, все это было взято из резерва, после отдыха. Они были хорошо обмундированы для зимы и обеспечены боеприпасами. К тому же известный им колоссальный перевес их в силах действительно поднимал их дух и если бы не губительное действие наших пулеметов, то они могли бы совершенно нормально исполнить приказ своего командования: разбить и уничтожить нас под Орлом.

Разбирая соотношение сил в боях под Орлом, я должен с болью в душе отметить, что полное отсутствие у нас кавалерийских частей лишало нас многого, несмотря на нашу малочисленность в сравнении с советской ударной группой. Пехота с кавалерией не просто отбрасывает противника, а уничтожает его живую силу. Что было бы с 9-й и 55-й советскими дивизиями под

Орлом, оставившими только корниловской пехоте 3500 человек пленными, если бы нам была придана хотя бы одна кавалерийская дивизия?! Второе, и не менее досадное явление имело место в те решающие дни - это отсутствие должного управления Добровольческой армией. С момента взятия Орла мы сразу пошли по указке противника. Как будто советская ударная группа свалилась нам как снег на голову? А советский Генеральный штаб очень боялся, что мы не сдадимся так скоро. Из-за этой боязни штаб их фронта с передачей эстонской дивизии ударной группе тут же подтягивает в резерв 45-ю стрелковую дивизию. Вдобавок к этому требует: «Не разбрасывать своих сил, а бить на избранном направлении, на узком фронте, стремительно и решительно, придерживаясь тактики маневрирования». Напоминали указания Ленина о том, что «деникинские армии чрезвычайно способны на быстрые налеты, авантюры и отчаянные предприятия».

К нашему глубокому сожалению, воля нашего командования в это время была кем-то парализована. Неужели генерал Май-Маевский забыл свою славу - Каменноугольный район и Курск? Упустив инициативу из своих рук, он в свой приезд к нам 8/12 октября, в дни ужасных боев 2-го Корниловского Ударного полка обещал: «Взять ворону (то есть красных) за хвост» - и, даже воочию видя обстановку, крикнул, отъезжая: «До свидания в Туле». Оказалось, что, действительно, им тогда был намечен удар по центру обходившей нас группы, но что это было? Действие этого контрудара было не только смехотворно по численности сил, для этого назначенных, - два батальона 3-го Марковского полка, но и не было даже согласовано по времени, да к тому же и вообще сильно запоздало и, как после увидим, закончилось лишним разбрасыванием сил. А нужно было бы сразу после получения сообщения о намерении красных окружить нас их ударной группой тут же решиться на контрудар Корниловской Ударной дивизией, что было тогда возможно. Наличие здесь риска, которого так боялись красные, всегда нас выручало, и если временами риск брал от нас лишние жертвы, то в итоге Орловско-Кромская операция с простым отражением атак противника взяла от нас много упущенного времени, застала нас совершенно неподготовленными к зимней кампании, и сразу же от города Кромы мы стали нести такие же потери от морозов вдобавок к потерям от активной обороны. Наш корниловский удар в стыке двух советских армий, 13-й и 14-й, благоприятствовал нам в том отношении, что несогласованность действий обеих советских армий вообще с честью вывела бы нас из окружения при наличии у противника небывалого перевеса в силах, имевшего к тому же, помимо кавалерийских полков при каждой стрелковой дивизии, еще и кавалерийскую дивизию «Червоного казачества», в которой, как я указал ранее, только в одном эскадроне служили один полковник и два ротмистра Императорской армии.

Настало время встречных боев обеих сторон. Корниловская Ударная дивизия при своем движении от станции Малоархангельск - станция Дьячьё, через город Кромы, на Орел имела против себя: 55-ю стрелковую советскую дивизию - 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии; 1-ю

сводную бригаду - 3 стрелковых полка; 9-ю стрелковую дивизию - 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии; гарнизон города Орла; ударную группу: латышскую дивизию - 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии; эстонскую дивизию - 9 стрелковых полков и 1 кавалерийский полк при дивизии; кавалерийскую дивизию Червоного казачества - 6 кавалерийских полков (1700 шашек, 6 орудий и 32 пулемета); отдельную стрелковую бригаду - 3 стрелковых полка. Итого, не считая частей 7-й стрелковой дивизии, которая действовала против дроздовцев, не только охраняя фланг и тыл ударной советской группы, но полки которой действовали и против 2-го Корниловского Ударного полка вместе с латышами, было 42 стрелковых полка и 10 кавалерийских полков.

Ударная советская группа прибыла в район Карачев – Навель – ст. Хотынец 6 - 8 октября.

Командный состав Корниловской Ударной дивизии: начальник дивизии – полковник Скоблин; его помощник и командующий 1-м полком за болезнью полковника Гордеенко – полковник Пешня; командир 2-го полка – капитан Пашкевич; командир 3-го полка – есаул Милеев; командир Корниловской артиллерийской бригады полковник Ерогин; начальник штаба дивизии – Генерального штаба полковник Капнин.

1-й Корниловский Ударный полк (за командира полка – полковник Пешня) – на правом фланге дивизии. С 6 по 10 октября включительно бои в районе города и станции Малоархангельск. Главными силами полк базируется по линии железной дороги Курск – Орел, имея в своем распоряжении бронепоезда: «Иоанн Калита», «Генерал Корнилов» и «Офицер». 55-я советская стрелковая дивизия разбита и бежит, оставляя много пленных.

2-й Корниловский Ударный полк (командир полка капитан Пашкевич Яков Антонович, адъютант полка – капитан Гок Анатолий Петрович).

6 октября. 1-й батальон (командир поручик Левитов) берет станцию Дьячьё с боем. Бой за станцию Дьячьё представляет собой один из видов молниеносных ударов пулеметного огня по центру противника. Наши полки почти всегда отличались своей беспечностью охранения, так оно было и под станцией Дьячьё. У противника же к моменту подхода батальона к станции, очевидно, его совершенно не было. Но у него там была уважительная причина: раздавался обед. Его походное охранение сосредоточилось около своей кухни, среди построек станции, а две его бригады расположились табором по долине болотистого ручья, по обе стороны захолустного мостика, и с азартом атаковывали кухни. Не могу даже теперь понять, как мы очутились тоже в очереди у кухни красных у станции, а в это время десяток тяжелых наших пулеметов бешено поливали толпу двух бригад 9-й стрелковой дивизии с вышешности железнодорожного полотна. Бегство противника было на редкость красочным. Жиденькая цепь нашей полуроты лихо сменила и здесь красных у кухонь, но за мост не пошли в связи с невыгодным для нас рельефом местности. Будь это в Великую войну — кричали бы: «Кавалерию!»... Увы, ее у нас в этих боях не было, и не подошла еще и артиллерия.

2-й батальон полка штабс-капитана Померанцева – хутор Гранкин и село Макарово, 3-й батальон капитана Щеглова в селе Верхне-Муханово и офицерский батальон (командир капитан Иванов К.В.) – на фронте Караськово. Командир пулеметной роты поручик Лысань, командир команды конных разведчиков капитан Литвиненко, пешая разведка и команда связи поручика Бешенова – со штабом полка.

7 октября. 2-й полк. Штаб полка и офицерский батальон – село Ефратово. 1-й батальон с утра и до 23 часов вел бой с наступающим противником; 2-й батальон с боем берет села Покровское – Чернь; 3-й батальон с боем – село Чернодье. 9-я стрелковая дивизия красных все время переходит в наступление при поддержке Орловского гарнизона. Потери полка велики, ранен командир полка капитан Пашкевич. Во временное командование полком вступает капитан Щеглов.

8 октября. 1-й батальон отбивает атаки с 5 часов утра до ночи при содействии офицерской роты, легкой батареи и тяжелой, помогавшей от Жерновца. Взято в плен 400 человек семи разных полков и отдельного маневренного батальона. Офицерская рота поручика Озерного, посланная из резерва на левый фланг 1-го батальона, при подходе к цепям была атакована кавалерией. Красиво развернувшись под огнем атакующих, выдержанными залпами и губительным огнем пулеметов рота отбила противника с большими для него потерями. Потери батальона — 35 человек. Успех был достигнут главным образом благодаря огню 20 пулеметов, маневрированию и упорству противника, ведшего атаки в одном направлении. От командующего армией получена благодарность 1-му батальону за успех.

9 октября. С утра 3-й батальон был сменен 2-м и ушел из Ломовца на позицию северо-западнее Зиновьево. На этом участке спокойно.

10 октября. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку взять город Кромы. Движение полка: 1-й батальон на Спасское – Косаревка, восточная окраина Речица, хутор Загнелецкий и слобода Стрелецкая, 3-й батальон на Зиновьево – Добрынь – Речица – Б. Колычева – город Кромы. 2-й батальон на Ломовец – Клоки, произошел встречный бой, решил который 1-й батальон выходом в стык двух бригад. Все усилия противника задержаться на линии города были парализованы пулеметным и артиллерийским огнем. Город Кромы и все намеченные пункты были заняты полком.

3-й Корниловский Ударный полк, командир полка есаул Милеев, составляет центр дивизии.

6 октября, с боем занимает село Никольское, село Калинин, Воейково (Приятное), 1-й его батальон придан 2-му полку и со станции Поныри прибыл на станцию Дьячьё, составив полковой резерв.

7 октября отмечено, что у станции Дьячьё 2-й Корниловский Ударный полк встретил упорное сопротивление.

8 октября к вечеру противник принудил 3-й полк отойти в село Никольское-Лозовец.

9 октября, утром 3-й батальон с командой пеших разведчиков восстановил положение. В этом бою был убит адъютант полка поручик Зюков.

10 октября. Приказано занять села Вишневецк, Богородицкое, Плоское и Балмасов. Полк только в темноте исполнил задание.

Бои Корниловской Ударной дивизии с 6-го по 10-е включительно показали, что встречное наступление началось. На правом фланге дивизии идет наш самый сильный кулак из 1-го полка с бронепоездами (три), громит 55-ю стрелковую дивизию и берет массу пленных.

В центре дивизии – молодой 3-й полк. На его участке особый сводный учебный батальон и 2-я сводная стрелковая бригада противника прорывают участок полка, но положение восстанавливается. В этот момент в полку было только два батальона, так как один батальон был согласно приказу передан 2-му полку в резерв.

На левом фланге – 2-й полк, известного нам отличного состава, встречает сильный напор 9-й стрелковой дивизии с ее конницей. Удачно отброшенные у станции Дьячье две бригады этой дивизии, но за отсутствием у нас конницы избежавшие уничтожения, по-видимому, оправились и снова всей массой эти дни вели наступление на полк. Однако сила огня 2-го Корниловского Ударного полка все время отбрасывала превышавшую его в десять раз массу красных, и 10 октября полк взял город Кромы. Потери полка были велики, а самым печальным было то, что был ранен командир полка капитан Пашкевич. Это печальное явление усиливалось тем, что, имея офицерский батальон в 750 человек, не было помощника командира полка по строевой части, то есть подготовленного преемника командира полка. Впоследствии это упущение было устранено во всех трех полках. Резерв полка, состоявший из батальона 3-го полка, в дело не вводился и был отправлен обратно.

Эти бои показали, что три офицера, сдавшиеся с эскадром около города Фатеж, и попавший в плен при взятии города Кромы полковник Генерального штаба были правы в своих показаниях о готовившемся сильном ударе в прорыве между нами и Дроздовской дивизией. В связи со сложившейся обстановкой начальник Корниловской Ударной дивизии просит командование со взятием Орла передать свой участок алексеевцам, с тем чтобы своей дивизией в полном составе ударить по скоплению Красной армии за нашим левым флангом, но ему в этом было отказано.

1-й Корниловский Ударный полк. 11 и 12 октября. Противник отходит, оставляя много пленных, 12-го бои у станции Стишь.

2-й Корниловский Ударный полк. Потери за 10 октября были значительны, пленных мало, взято только 10 пулеметов и продовольственные склады в городе. В числе пленных одной из советских бригад бывший полковник Генерального штаба Императорской армии. От него узнали, что к Карачеву уже подошла латышская дивизия, разъезды которой сегодня были у них. Штаб 2-го полка — в городе Кромы. 1-й батальон с боем взял села Каменец и Агеевка. Жители уверяют, что разъезды латышей сегодня были около города Фатеж, об этом говорят в Карачеве. 12-го 2-й полк выходит на линию: 1-й батальон – Хмелевая – Ольховка (Ольшанка), 2-й – село Коровье Болото, 3-й ба-

таьон – села Себякино – Пикалово. Штаб полка в селе Спасском. Главные силы красных отходят на город Карачев.

3-й Корниловский Ударный полк занимает линию сел Живково – Козлово. 12 октября 1-й и 3-й батальоны с боем занимают село Лаврово.

2-й батальон атакует село Михайловка, чем способствует 1-му полку занять станцию Стишь.

13 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Движение с боем на город Орел вдоль линии железной дороги Курск – Орел в сопровождении трех бронепоездов и одного танка. В 17 часов цепи в городе, батальон с эскадронам идут на город Мценск. Противник бежит, оставляя много пленных. 1-я рота поручика Редько Макара Ивановича составляет правый фланг полка и занимает село и станцию Золотарево.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ – взять город Орел. 1-й батальон с боем по шоссе берет село Кукуевка, но дальше мост через реку взорван. За рекой окопы полной профили с проволокой. Подошедший к мосту наш бронепоезд был подбит и с трудом отъехал за укрытие. Фонтаны земли от наших снарядов, сносивших окопы красных. Дан сигнал для атаки. Торжественная минута: местность, казавшаяся до этого почти мертвой, оживает, как муравьи бегут ударники к указанным разведкой бродам через реку, пулеметы строчат по окопам, прикрывая огнем наши цепи, все настроены решительно, до штыкового удара включительно. Напряжение все усиливается и... вдруг оно радостно спадает: огонь противника прекратился, от проволоки разведка дает сигнал: «Путь свободен!» Под действием нашего огня противник не выдержал и бросил окопы вместе с городом, 3-й батальон с боем берет села Саханское и Звягинки, отбросив бронепоезд красных в занятый нами город, где он и сдался.

3-й Корниловский Ударный полк. 13 октября 1-й его батальон капитана Андрианова был придан 1-му полку и вместе с ним двинулся на город Орел. С небольшим боем они вошли в город в 17 часов. Остальной же полк, преодолевая серьезное сопротивление у хутора Гать, к вечеру достигает города.

С этого числа на фронте Корниловской Ударной дивизии появляется 3-й Марковский пехотный полк, к этому времени едва закончивший формирование. Его 2-й батальон выгружается из эшелона на станции Становой Колодезь и походным порядком направляется на город Кромы.

13 октября 1919 года. Штурм города Орла Корниловской Ударной Дивизией. Тактическая часть штурма описана в труде «Орлово-Кромская операция», но я хочу к ней добавить чисто видовую сторону наступления с участка 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка. Батальон двигался в авангарде полка по шоссе Кромы – Орел. За батальоном шла команда пеших разведчиков, в версте за ней – штаб полка с офицерским батальоном, бронепоезд и артиллерия – две батареи трехдюймовые, одна шестидюймовая и одна 42-линейная. Левее, на запад, и уступом назад наступали 3-й и 2-й батальоны полка. Правее – 3-й и 1-й полки. Разведкой и показаниями пленных было заранее установлено, что за хутором Кукуевка, по ту сторону реки, проходит полоса укреплений обороны города Орла. В моем распоряжении была

хорошая подзорная труба, и, не доходя Кукуевки, я стал осматривать обстановку общего нашего движения. Прямо перед батальоном, по шоссе через реку, был небольшой мост, по ту сторону плохо замаскированная линия окопов с проволочными заграждениями. Вправо, за рекой Окой, было видно движение левого фланга 3-го Корниловского Ударного полка, а еще правее, к линии железной дороги, видно движение левого фланга 1-го Корниловского Ударного полка с тремя бронепоездами, артиллерией и обозами. С отличных наблюдательных пунктов противника картина движения трех полков должна быть хорошо видна. То, что попало в поле зрения моей трубы, - картина для масштабов Гражданской войны была потрясающей. Строевые части не особенно пользовались маскировкой, а артиллерия, обозы и растянутое движение бронепоездов по линии железной дороги красочно говорили о силе и мощи нашего удара. При подходе к Кукуевке и у нас завязалась перестрелка с заставами противника. Батальон берет направление правее шоссе, на хутор, и накапливается в его садах и огородах, за которыми протекала небольшая река, а на возвышенности за ней были укрепления.

Все усиливавшееся сопротивление красных, начиная с боев у станции Дьячье и города Кромы, а к тому же и сведения о движении ударной интернациональной группы в прорыв за нашим левым флангом обязывали быть осторожными, и поэтому батальон не бросился изолированно в атаку, а стал ожидать не только поддержки артиллерии, но и приказаний командира полка. Шедший за нами по шоссе броневедомobile лихо понесся прямо на мост, но получил такую встречу, что едва отполз за укрытие. В это время артиллерия обеих сторон вступила в свои права. Красная что-то нервничала и разбрасывала снаряды, наши же снаряды эффектно и дружно разрушали намеченные цели. Одновременно пришло приказание переходить в наступление.

К изложенному уже в основном описании боя я должен добавить, что переход через реку и начало подхода к окопам хотя и под слабым огнем все же сильно взвинчивали нервы, а ожидание жаркого дела подтянуло всех. Реку и подъем к окопам быстро проскочили, и можно было опасаться, что такой темп измотает силы ударников еще до самой схватки в окопах, и тогда могло получиться местное отступление. Однако картина нашего общего наступления настолько потрясла уже сильно потрепанные нами советские части, что они не выдержали и оставили свои окопы без штыковой схватки.

В 17 часов Орел взят окончательно. Штаб 2-го полка – на окраине города, 3-й батальон – слобода Некрасовка, 3-й – Солдатская, 2-й – село Сабурово. Около 23 часов двум ротам 1-го батальона приказано занять села Киреевка и Воробьевка. С боем и под проливным дождем села были взяты. Трофеи: четыре пулемета, пленные и обозы «особого» еврейского полка. Потери у красных велики. За день 1-й батальон сделал с боем 29 верст. Из опроса пленных выяснено, что ударная группа красных уже прошла на юго-запад, в прорыв между нами и Дроздовской дивизией.

Настроение скверное, связи влево, с самурцами, нет. Изменение направления фронта с северного на юго-западное говорит за то, что показания пленных об окружении нас ударной интернациональной группой оправдываются.

14 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Налет на город Мценск, где был захвачен и расстрелян комендант города бывший генерал Сапожников. Впоследствии, когда в полк вернулся болевший командир полка полковник Гордеенко, он ругал за это, как за промах в деле разложения противника, указывая на то, что после этого красные перестали сдаваться. В данном случае я полагаю, что на красные войска подействовало успешное продвижение к нам в тыл их ударной группы и вообще небывалый их перевес в силах против наших трех полков, а не расстрел изменника-генерала.

Офицеры 1-го батальона 1-го Корниловского Ударного полка капитан Туркин, пулеметчик, и поручик Вислоцкий, тоже пулеметчик, сообщили дополнительно к этому, в Париже, в 1962 году, следующее.

1-й батальон 1-го полка составлял правый фланг дивизии, и при движении за станцию Золотаревка им был захвачен в каком-то населенном пункте помощник командующего 13-й советской армией; ранее в Каменноугольном районе он командовал советской стрелковой дивизией, а у нас там же против него нашей дивизией командовал его родной брат, скончавшийся от тифа. Оба брата были в генеральских чинах, под фамилией Станкевичи. Из штаба нашей дивизии его вернули после допроса в распоряжение командира 1-го батальона поручика Дашкевича. Бывший генерал Станкевич уверял, что он все время искал случая перейти к нам и теперь только он представился. Факт перехода не соответствовал действительности, и на вопрос поручика Дашкевича: «Поэтому-то вы, в ожидании перехода, так хорошо нас били всю зиму в Каменноугольном бассейне?» - ответа не последовало. По окончании допроса поручик Дашкевич объявил бывшему генералу Станкевичу приговор суда: повешение. Станкевич сам подошел к виселице, попросил написать матери письмо, долго стоял в задумчивой позе, сам надел на себя петлю, и через пять минут врач установил смерть. После из советской печати мы узнали, что большевики труп его откопали и с почестями похоронили где-то около Кремлевской стены в Москве.

На параде в Орле были только резервные батальоны полков. Настроение у всех было двоякое: и радостное и тревожное. Жителей города было много, при виде танка, разрушавшего трибуну с красными флагами, толпа редела от восторга, войскам кричали «Ура!», хотя все знали о создавшемся положении.

14 октября. 2-й Корниловский Ударный полк.

В Орле – парад Корниловской Ударной дивизии, а донесения говорят, что город Кромы 13-го вечером был занят латышами и разъезды их около Фатежа. Улица, где было открыто комендантское управление капитана Ростомова, заполнена добровольцами, но прием идет слабо. Впоследствии мы увидим, как эти толпы непринятых заполняли все эшелоны при отступлении.

Читатель подумает: не измена ли работала при приеме добровольцев? Рассказ поручика Дудниченко уже в 1963 году, в Париже, частично разъясняет осторожность коменданта. По его словам, по занятии Орла от офицерской роты, где состоял Дудниченко, была назначена застава на железную дорогу. С наступлением темноты к ним приходит из города прапорщик, - фамилия им забыта, - в чистенькой форме и просит принять его в полк. В это время сосед

поручика Дудниченко шепчет ему: «Это не прапорщик, я его знаю, — это мой ротный писарь в Великую войну» - и тут же, обращаясь к просителю, говорит, называя его по фамилии: «Ты помнишь меня?» Прапорщик бледнеет и едва выговаривает: «Нет, не помню». Вопрос и ответ снова повторяются. Узнавший своего писаря, не хотел, по-видимому, суровой расправы со своим старым солдатом и тихо попросил послать его сменить наблюдателя. Новоявленный прапорщик был послан, но, конечно, сбежал, - провокатору не удалось на этот раз втереться к корниловцам. Вспоминается подобный случай во 2-м Кубанском походе, где тоже прапорщик Войцеховский поступил в офицерскую роту, потом сбежал из сторожевого охранения, на следующую ночь красные напали на полк, и это обошлось полку в 500 человек убитыми и ранеными.

Две роты 1-го батальона посланы на город Кромы, в село Агеевка, заслоном от занявших город Кромы латышей, 2-й батальон полка посылается туда же через села Хмелевая – Агеевка – Яковка, где приказано остановиться у переправы через реку Ицка на Катовку. Противник за это время занял села Катовка, Агеевка и Себякино пехотой, кавалерией и артиллерией. Части исключительно латышские.

Получена телеграмма от командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского: «Орел – орлам!» Но и только! А мы думали тогда, что к этому будет приложен и приказ для контрудара.

3-й Корниловский Ударный полк ночью занимает для обороны и участок 2-го полка, который начал перебрасываться в тыл дивизии против занятого латышами 19 октября города Кромы.

15 октября. 1-й Корниловский Ударный полк – перестрелка. За бои под Орлом Корниловская Ударная дивизия взяла: 8 тысяч пленных, 150 пулеметов, 21 орудие, один бронепоезд и большие запасы боеприпасов. Думаю, что материальной части было взято гораздо больше, так как ее никто не подсчитывал, - все думали только о создавшемся положении. Брали только патроны, снаряды и меняли пулеметы. Потери в дивизии все же были велики, и особенно во 2-м Корниловском Ударном полку.

2-й Корниловский Ударный полк. При наступлении на город Орел, начиная со станции Дьячье, города Кромы и теперь, на 2-й полк легла самая тяжелая задача: противодействовать намерениям красных разбить и уничтожить нашу дивизию под Орлом. С утра следующего дня после занятия Орла полку приходится с боями возвращаться по тому же шоссе на город Кромы, по которому он наступал на Орел. В этих боях полк в свою очередь глубоко вклинился в тыл латышам, обошедшим его и уже перешедшим реку Ока. Противник – в окопах на противоположном, правом берегу реки Ока, у селения Шахово. 2-й батальон полка выбивает его, занимает Шахово, но на ночь отходит в деревню Горки. Посланные до этого две роты 1-го батальона заняли деревню Агеевку. На рассвете остальные части полка выступили из Орла и к вечеру прибыли в село Себякино.

3-й Корниловский Ударный полк. Полк занимает фронт и ушедшего 2-го полка: деревни Киреевку, Воробьевку, станция Саханская, имея 2-й батальон

в резерве, в Орле. 2-й батальон 3-го Марковского пехотного полка через село Никольское идет на село Рышково, где сталкивается с латышами и после короткого боя отбрасывает их. Потери батальона – четверть его состава.

Ударная советская группа основными своими силами была направлена на ст. Стишь и Орел. 9-я стрелковая дивизия (сводная из 9-й и 55-й) и 2-я отдельная бригада с севера – на Орел и Малоархангельск. Помимо этого, 7-я стрелковая дивизия не только охраняла тыл и фланг ударной группы, как ей было приказано, от дроздовцев, но одна ее бригада действовала у села Коровье Болото, где был убит в бою с нами командир этой бригады. Части ударной группы, 25 стрелковых полков, 6 кавалерийских полков и одна бригада 7-й стрелковой дивизии, эти 34 полка нарочито подсчитаны мною, так как против них до выхода из Орла 20 октября 1-го и 3-го наших полков активно оборонялся только один 2-й Корниловский Ударный полк. Силы были явно неравные, противник просачивался где хотел, но, как мы увидим дальше, своевременно приказов своего командования не выполнял. Оборонялся упорно, но продвигался медленно, несмотря на свое превосходство, по-видимому, сила нашего пулеметного и артиллерийского огня пугала их. Наше положение в стыке двух советских армий часто облегчало наши контрудары, - чувствовался разницей в действиях частей Красной армии.

16 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Попытки противника наступать на Орел отбиваются.

2-й Корниловский Ударный полк. По показаниям жителей, противник сосредоточил в Верхних Хуторах, Коровьем Болоте и Апальково: 1-й Киевский стрелковый полк, еврейский пластунский полк в 900 штыков, 1-й сводный – 600 штыков, пластунскую бригаду и 1-й латышский кавалерийский полк. В частях много латышей, евреев, венгров и даже китайцев. В прорыве к дроздовцам управление уже 14-й советской армии. Две роты 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка берут село Шахово. 3-й его батальон с артиллерией, перейдя мост через реку на окраине селения Коровье Болото, был атакован большими силами противника, артиллерии пришлось сразу же бить на картечь. Офицерский батальон лихой атакой с левого фланга одной ротой и ударом с фронта отбросил противника. С правого же фланга пешая разведка прошла лесом в тыл противнику, а другие две роты 1-го батальона, находившиеся с полком, но переправлявшиеся правее его, тоже глубоко зашли во фланг и тыл противнику. Особенно пострадала от них латышская кавалерия, подготовившаяся к атаке на центр нашего наступления. Потери противника были очень велики, в плен обоюдно не брали. Здесь был убит командир одной из бригад 7-й стрелковой дивизии. Было взято семь пулеметов, штаб Киевского полка, две кухни, подвижной лазарет с медицинским персоналом, и много всего осталось по лесам и кустам. Об упорстве обеих сторон в этом бою начальник команды связи капитан Бешенов рассказывал: «Я должен был сообщить командиру полка о результате действий офицерской роты, наносившей удар противнику с севера. Часть домов села были заняты ротой, я вбегаю в дом, из окна которого стрелял офицер по густым цепям, - 16 человек еврейского полка лежали по дороге его выстрелов, а вышедшая в колонне

из леса рота тоже еврейского полка была уничтожена пулеметами». Две роты 1-го батальона продолжали движение на юго-запад, заняли село Апальково, но из Масловки их встретили сильным огнем, и они, будучи измотаны боем и большим переходом, отошли на присоединение к полку в село Ивановское, взятое около 2 часов 17 октября, тоже с боем. Кромы были прочно заняты латышами, 2-й батальон атаку противника отбил, был в 2 верстах от Кром, но контратакой был отброшен и остановился в селе Шахово. За истекший день 2-й Корниловский Ударный полк глубоко вклинился в расположение латышей Латышской стрелковой бригады и кавалерийской дивизии Червонного казачества, отбросив их части в жестоких контратаках на запад и на юг, до окраин с. Масловка, что далеко за городом Кромы, и с боем взял село Ивановское, на уровне города с запада. Прямо с севера на юг вел атаку 2-й батальон, а за рекой Ока, на восток от города, у села Бошкова, 2-й батальон Марковского пехотного полка имел бой с латышами. Что же касается правого фланга 2-го Корниловского Ударного полка на северо-западе, то он до самой железной дороги Орел – Карачев был свободен для противника.

С присоединением к нам 2-го батальона 3-го Марковского пехотного полка мы узнали о появлении на нашем фронте этого вновь сформированного полка, два остальных батальона которого были направлены на станцию Дьячье, что на юг от города Кромы. 2-й его батальон сдерживал противника у деревни Шумаково, в 7 верстах к юго-востоку от села Шахова, левого фланга 2-го Корниловского Ударного полка, и, не переходя реки Ока, идет на соединение ко 2-му полку, а не продолжает отбивать обход красных.

На участке 3-го Корниловского Ударного полка атаки противника отбиваются огнем.

17 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. На фронте артиллерийская перестрелка.

2-й Корниловский Ударный полк. В 5 часов полк из села Ивановского наступает на город Кромы. Две роты его батальона, только что пришедшие от села Апальково, и остатки пешей разведки назначаются для атаки латышей в окопах, местами – с проволокой. Две роты доходят до противника под сильным ружейным и пулеметным огнем, несут большие потери и, встреченные ручными гранатами, отходят. Разведка где-то залегла.

Противник переходит в наступление, офицерский батальон прикрывает отход полка на хутор Самохвалов, совершаемый согласно приказу по полку. Оказывается, временно командующий полком капитан Щеглов, посылая остатки двух рот 1-го батальона и пешей разведки в атаку на Кромы, имел уже приказ полку на 17 октября, где говорилось об отходе полка на хутор Самохвалов, соединенном с атакой города Кромы с целью осветить там обстановку. Содержание этого приказа не было сообщено атакующим, и в результате мы понесли ненужные, лишние потери.

С этого момента согласно приказу по дивизии 2-й Корниловский Ударный полк начинает выходить из своей прогулки по тылам красных, двигаясь опять на Орел. У хутора Кондрева наш санитарный обоз был захвачен красной кавалерией. Произошло трагическое недоразумение: правильно шедший

обоз был по ошибке обстрелян своей же заставой и свернул на первую попавшуюся дорогу, где и была кавалерия противника. Полевыми дорогами полк направился в село Спасское, присоединив по дороге две роты 1-го батальона, бывшие до этого со 2-м батальоном полка. Убитых и раненых за этот день в полку – 250 человек.

2-й батальон 3-го Марковского полка, вошедший в связь с левым флангом полка, где отбил атаки латышей у села Шахова, перешел в резерв 2-го Корниловского Ударного полка.

3-й Корниловский Ударный полк. Противник отбивается огнем.

18 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Противник усиливает свою активность.

2-й Корниловский Ударный полк. Полку снова приказано наступать на Кромы. 1-й батальон – остатки четырех рот – с боем гонит противника на Агеевку. В 3 верстах от села Коровье Болото батальон был атакован со стороны села Себякино, отступил на 3 версты и занял бугры у реки Добрая, до реки Ицка, фронтом на запад и юго-запад, 2-й батальон Марковского полка отступил под давлением из села Шахово, обход противника ликвидировал 3-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка, 2-й и 3-й батальоны полка на линии Котово – Шахово перешли реку и погнались противника. Наши потери велики: убит только что прибывший из госпиталя после ранения командир 3-го батальона поручик Судьбин, исключительно выдающийся корниловец, ведший в этом бою свой батальон в атаку сидя на коне. В 17 часов полку приказано отходить на села Спасское – Яковка.

3-й Корниловский Ударный полк. Попытки противника наступать.

19 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. В ночь с 19-го на 20-е согласно приказу части полка без боя оставляют город Орел под прикрытием небольшого арьергарда. Направление отхода – вдоль железной дороги Орел – Курск.

2-й Корниловский Ударный полк. Для выхода из окружения полк по приказу начальника дивизии переходит из села Спасского, через Кнубрь – Лаврово, в Сретенское. При переправе через реку Ока у села Кнубрь противник атакует с юга; в арьергарде 1-й батальон с трудом сдерживает латышей и у Лаврово избегает окружения. Хутор Ступин занят противником, 2-му батальону 3-го Марковского полка приказано выбить его, батальон приказ выполняет, но ночью латыши отбросили его в село Любаново, где сосредоточился 2-й Корниловский Ударный полк, за исключением его 1-го батальона. Ночлег: штаб полка, офицерский батальон, 2-й и 3-й батальоны, артиллерия и команды в селе Сретенском, 1-й батальон со 2-м батальоном 3-го Марковского полка – в Лаврово. Потери полка за день – около 200 человек. 1-й и 3-й полки оставили город Орел и отошли на станцию Стишь.

3-й Корниловский Ударный полк. Ведя ежедневные бои, полк занимает позицию: Костомаровка – Киреевка – Телегино – станция Саханская. Хлынувшая из Карачева на юг волна интернациональных частей Красной армии обходит Орел и угрожает отрезать железную дорогу на Курск, подойдя к

станции Становой Колодезь. Ночью полк оставляет город Орел и отходит к железнодорожному пути.

20 октября. 2-й Корниловский Ударный полк. В 4 часа полк выступил на станцию Стишь и далее на юг, на станцию Рептина. Соединение полков морально ободрило ударников, но отсутствие теплой одежды невыносимо. Идет обычная картина исхода жителей из города. Непринятые своевременно добровольцы теперь заполняют пути и препятствуют быстроте маневра.

3-й Корниловский Ударный полк. Утром полк переходит в наступление на запад от железной дороги, входит в соприкосновение с противником и к вечеру занимает позицию: деревни Стишь – Колодезь – Жидково.

* * *

Бои Корниловской Ударной дивизии с 15 по 20 октября. С 13 на 14 октября части латышской дивизии полностью захватили, вернее – очистили от обозов город Кромы и с 15-го имели бои со 2-м Корниловским Ударным полком в полном его составе. Как мы видели из описания деталей боев Корниловской Ударной дивизии за этот отрезок времени, ликвидацию обхода ударной советской интернациональной группой командование дивизии возложило на один только 2-й Корниловский Ударный полк. 1-й же и 3-й ее полки фактически обороняли город Орел на фронте от станции Золотаревка до станции Сахановка включительно против разбитой сводной стрелковой советской дивизии (из 9-й и 55-й). Несмотря на отличный людской и огневой состав 2-го Корниловского Ударного полка, задача была дана ему все же непосильная: один против 34 стрелковых и кавалерийских полков.

Сдерживая удар латышей по шоссе от города Кромы на Орел 2-м батальоном с двумя ротами 1-го батальона, с остальным составом полк отбросил противника на запад и на юг до сел Масловка, Апальково и Ивановское включительно, то есть отрезал город Кромы с запада. Временно командующий полком отказался от атаки города Кромы, по-видимому, он увидел насыщенность фронта противника в небывалом превосходстве и местами уже укрепленного проволокой, а потому решил сократить свой фронт отходом полка на линию 2-го батальона Шахово – Агеевка, безрезультатно атаковав окопы красных около самого города двумя слабыми ротами, только что присоединившимися к полку утром после отхода от села Апальково.

Несмотря на колоссальные потери полка и на очевидность наличия против него небывалого превосходства отличных частей красных, настроение было бодрым, ждали какого-то решения командования. Сначала надеялись на свои силы, то есть что одновременно с нами будет брошен наш 1-й полк, как самый сильный по составу и огню, а 3-й с тремя бронепоездами оставят для обороны города Орла, если вообще таковая была необходима. Но проходили дни, в лихих контратаках полк таял, и было видно, что наше командование выпустило инициативу из своих рук. Мы только отбрасывали противника в одном месте, а он занимал своими резервами только что оставленное нами. Это не могло продолжаться бесконечно, и 2-й Корниловский Ударный полк, отбрасывая ежедневно контратаками красных, блестяще закончил выполнение непосильной для него задачи отражения охвата советской ударной груп-

пой Корниловской Ударной дивизии в Орле. В ночь с 19 на 20 октября 1-й и 3-й Корниловские Ударные полки без боя оставили город, и только 20-го красные атакой двух дивизий (эстонской и 9-й сводной) против слабого арьергарда корниловцев заняли его. 2-й же полк до самого момента соединения с дивизией ежедневно отбивал бешеные атаки латышей с запада, юга и даже с востока.

Очень жаль, что документы штаба Корниловской Ударной дивизии погибли в Париже в связи с делом похищения генерала Миллера, а за действия штаба 1-го армейского корпуса и штаба Добровольческой армии ответил один генерал Май-Маевский своим увольнением. До сего времени как-то не верится, неужели не в силах был генерал Деникин, вернее его штаб, зная об ударе на нас, перебросить если не корпус Шкуро, то с других, менее опасных участков фронта Вооруженных сил Юга России хотя бы одну кавалерийскую дивизию? Если генерал Май-Маевский был тогда невменяем, то у него был же его штаб армий и, помимо этого, штаб 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. В мою задачу не входит выяснение того, «кто виноват», я только собираю материалы для истории Корниловской Ударной дивизии, но в подготовке Орловско-Кромской операции и в неиспользовании своих наличных сил кто-то даст ответ перед своей совестью. Я не говорю «перед историей», так как все истории пишутся и материалы для них собираются авторами под своим углом зрения, а нам хотелось бы знать нашу добровольческую оценку этой решившей участь всех Вооруженных сил Юга России битвы за Орел.

Смягчающим для нашего командования в те дни было обстоятельство, о котором мир официально узнал спустя десять лет, - это перемирие Польши Пилсудского с Лениным, состоявшее в том, что Пилсудский прекратил военные действия против Красной армии с определенной целью: дать Красной армии возможность бросить все резервы на Добровольческую армию для ее разгрома. В дипломатических материалах об этом сказано так: «Маршал Пилсудский не мог допустить, чтобы в России восторжествовала реакция». В дальнейшем мы увидим, что Пилсудский проделал то же самое и в конце 1920 года, заключив с Лениным на этот раз уже мир, с той же целью: чтобы Красная армия всей своей массой могла бы разбить Русскую Армию генерала Врангеля в Северной Таврии и в Крыму.

С соединением всех полков Корниловской Ударной дивизии ежедневные бои продолжались с особым ожесточением.

* * *

21 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Продвижение противника около станции Стишь остановлено.

2-й Корниловский Ударный полк. Приезд командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского. Части полка были построены около полотна железной дороги. Его хвастовство, что мы возьмем «ворону», то есть красных, «за хвост», горечью отозвалось в сердцах всех корниловцев. Не сделав своего дела, не ответив на маневр красных контрударом в момент нашей полной мощи, теперь уже поздно было говорить об этом, находясь в половинном составе, притом измученном до предела и полуодетом. Присутство-

вавший на параде командир 3-го артиллерийского дивизиона полковник Роппонт, видя в поведении генерала Май-Маевского невиданный нами до сего момента отрыв его от действительности, расплакался. Искренне обрадовались корниловцы, увидев приехавшего своего командира полка, полковника Пашкевича, еще слабого от ранения, который со слезами на глазах обходил остатки своего полка, успокаивал и обещал скоро вернуться с пополнением. Здесь мы имели случай поздравить его с производством в полковники.

В 15 часов полку было приказано: 1-му батальону занять хутор Дубовик. В момент занятия его в мое распоряжение поступает батарея полковника Думбадзе. Видя, что я не имею коня, он мне подарил хорошего вороного жеребца. Противник уже наступал, и мне пришлось разворачивать свой батальон. Наши пулеметы бешено заработали, и в это время пуля попадает моему вороному прямо в лоб. Сначала он стал на дыбы, потом опустился на колени, зарыв голову в землю, захрипел и подох. Так немного послужил вороной в рядах ударников. Бой все разгорался, противник был отбит при содействии отличного огня батареи полковника Думбадзе, но мы израсходовали на это из трофейных запасов до 50 тысяч патронов. 2-му и 3-му батальону было приказано занять село Толубеево, а офицерскому батальону со штабом полка и командами – село Богородицкое. Я не присутствовал на проводах генерала Май-Маевского, но командир офицерского батальона капитан Иванов К.В. передал нам, что при отходе поезда генерал крикнул провожавшим: «До свидания в Туле!» Из истории Марковской пехотной дивизии мы теперь знаем, что два батальона 3-го Марковского пехотного полка, 1-й и 3-й, выгрузились на станции Дьячье.

3-й Корниловский Ударный полк. Полк продолжает наступление и выдвигается на линию: село Михайловка – 1-й батальон и 3-й – село Любаново.

22, 23 и 24 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Полк продолжает отходить по линии железной дороги в резерве дивизии.

22 октября. 2-й Корниловский Ударный полк. 1-й батальон на старом месте, в хуторе Дубовике, 2-й – хутор Ново-Троицкий – деревня Хомуты, 3-й в селе Паньково.

Наступление противника на левый фланг полка отбито. По фронту – артиллерийская стрельба. Справа, в селе Стишь и Монастырская, 3-й Корниловский Ударный полк. Наступление батальона 3-го Корниловского Ударного полка на хутор Ступин с севера отбито латышами. Здесь я прошу обратить внимание на то, что хутор Ступин был занят во второй половине дня 19 октября частями Латышской стрелковой дивизии, стремившимися ударом с юга отрезать 2-му Корниловскому Ударному полку путь отступления к железной дороге. В этом хуторе латыши, будучи окружены нами со всех сторон, отбили все атаки Марковского батальона 19-го вечером и 22-го – 3-го батальона 3-го Корниловского Ударного полка, и потом, после нашего общего отхода, они соединились с частями эстонской дивизии, наступавшими от Орла. Сами же латыши здесь в наступление не переходили.

23 октября. Бой с наступающим противником.

24 октября. На участке полка остатки полков 7-й советской стрелковой дивизии и отдельной стрелковой бригады перемешались между латышскими полками и обозначили две группы: одна наступала по шоссе от Орла на Кромы – 3-я Латышская бригада, а другая – с запада на участок полка, на село Лаврово, это сводная советская бригада. От хутора Дубовика 1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка наступление эстонцев отбил. В районе хутора Козлова наш 3-й батальон три раза отходил. Потери его, 150 человек, для его малого состава были очень велики. При отбитии атак в полку израсходовано большое количество огнеприпасов. Справа – 3-й Корниловский Ударный полк, а слева должен был быть 3-й Марковский пехотный полк, но связи с ним не могли установить.

22 октября. 3-й Корниловский Ударный полк. С утра на всем участке полка упорный встречный бой с превосходными силами эстонской стрелковой дивизии. Потери полка огромны – 400 человек, но на правом фланге полка отбиты все атаки, и полк успешно гонит противника на север. К вечеру полк отходит на старую линию, где и удерживается, ведя бои в районе Михайловки до 27 октября. В это время в полк прибывает пополнение, составившее 4-й батальон. Обращаю внимание читателя на то, что причина больших потерь полка в этот день заключается в том, что его левый фланг впервые здесь познакомился с эстонской стрелковой дивизией.

23 октября. Алексеевцы оставили город Новосиль.

24 октября. Части 3-й Латышской бригады выбили марковцев из города Кромы. Однако противник перешел в наступление на Апальково и вынудил наши части без боя оставить город Кромы и отойти в район Федоровки. (Советские источники бои 23-го и 24-го соединили, а по данным тех дней получилось, что 3-й Марковский полк не вошел в оставленный город Кромы по тактическим соображениям и только 24-го был там. Будь на месте батальонов 3-го Марковского полка 1-й батальон 1-го Корниловского Ударного полка, исход сражения мог бы измениться.)

Латыши, как и 9-я стрелковая дивизия, испытав силу корниловцев, страшно боялись обходов. Еще раз с горечью приходится отметить отсутствие у нас кавалерии и то, что командование сразу же из Орла не бросило 1-й и 2-й Корниловские полки, как самые сильные, а бросило на такую массу красных, да и к тому же по частям, только один 2-й полк для активной обороны такого большого участка Орел – Кромы - Апальково.

25, 26 и 27 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Полк продолжает отходить вдоль железной дороги в резерве дивизии.

25 октября. 2-й Корниловский Ударный полк. Полк отбивает противника огнем в районе: 1-й батальон – хутор Дубовик, 2-й батальон – Голубево, офицерский и 3-й батальон, команды и штаб полка – Путимец.

26 октября. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 74: 1-му батальону оборонять Дубовик, 3-му – Кнубрь – М. Быстрину.

2-му батальону, выслав роту в Шахово для связи с 3-м Марковским полком, - на Нестерево – Лысовку и хутор Ново-Троицкий. Офицерский батальон, две роты 1-го Корниловского Ударного полка и команда пеших развед-

чиков – за 3-м батальоном, по дороге на Путимец – Козлов. При наступлении выяснено, что на фронте Паньково (Сучки) – хутор Ново-Троицкий латышские стрелки, смененные 1-м Киевским и 1-м Фастовским полками, ушли в неизвестном направлении. Несмотря на упорное сопротивление 1-го Киевского и 1-го Фастовского полков, они были сбиты. Полк занял указанный приказом фронт. Слева – Черноморский конный дивизион, в деревне Шумаково. Связи с Марковским полком нет. Наступление на Кромы не удалось.

26 октября. Дроздовская стрелковая дивизия оставила город Дмитровск.

26 октября. Левый фланг 2-го Корниловского Ударного полка в селе Кнубрь; чрез город Кромы до Дмитровска по воздушной линии 63 версты.

27 октября. 2-й Корниловский Ударный полк. По телефону приказано приказ № 76 не исполнять, а отходить: 1-му батальону на Нестерево – Плоское и хутор Введенский, 2-му батальону по тому же пути в Червяк Знаменский. Штаб полка и остальные его части в Сергиевское (Озерное). Всю ночь перехода лил холодный дождь.

25, 26 и 27 октября. 3-й Корниловский Ударный полк. Полк удерживает свои позиции.

Бои Корниловской Ударной дивизии с 21 по 27 октября. Со взятием Орла Красная армия направляется: ударная группа (Латышская стрелковая дивизия, отдельная стрелковая бригада, содействующие им части 7-й стрелковой дивизии и кавалерийская дивизия Червоного казачества) на город Фатеж; эстонская стрелковая дивизия на город Малоархангельск; 9-я стрелковая дивизия на Ливны. На фронте Корниловской Ударной дивизии событие: приехал командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский. Состоялся даже парад около железной дороги, но, несмотря на обычную для генерала лихость – устроить смотр войскам под огнем противника, - встреча ему была прохладной. Его уверения об окружении противника были приняты за плохой анекдот, не помогло ему и его хлесткое выражение: «До свидания в Туле!» Расходились части с парада в подавленном настроении от вида закотившейся звезды когда-то блестящего боевого генерала. Прямо с парада части пошли на свои участки. Катившийся вал красных, уверенный в разгроме нашей дивизии, всюду был отброшен.

23 октября город Новосиль был оставлен алексеевцами, а 24-го сдан Воронеж. Оба фланга корниловцев по-старому висят в тревожной неизвестности. 1-й Корниловский Ударный полк все время идет по линии железной дороги своими основными силами в резерве дивизии, оставляя отдельные роты для отбрасывания противника, 3-й и 2-й Корниловские полки отбрасывают латышскую и эстонскую дивизии на запад, 3-й полк здесь впервые имеет дело с эстонской дивизией, несет 400 человек потерь, но удерживает свои позиции до общего нового отхода 27 октября. 2-й полк своим 1-м батальоном до отхода удерживает на своем правом фланге бешеные атаки эстонской дивизии и отдельной стрелковой бригады с севера и запада. Остальные же его три батальона сами атакуют красных в западном направлении и доходят, правда с большими потерями, до реки Ока. В это время, 23 и 24 октября, два батальона

3-го Марковского пехотного полка с юга, от станции Дьячье, почти без боя занимают город Кромы, но красные бросают против них освободившуюся после занятия Орла 3-ю Латышскую бригаду, и марковцы отходят на станцию Дьячье. Очевидно, на параде генерал Май-Маевский и говорил про этот удар на Кромы, но все это оказалось мыльным пузырем, и наш штаб дивизии оказался прав, прося об ударе дивизии на ударную советскую группу в момент, когда эстонская стрелковая дивизия находилась в 45 верстах от Орла, — тогда успех разгрома основной ударной советской группы был бы обеспечен. Несмотря на то, что 2-й и 3-й Корниловские полки успешно отбрасывали противника и окружения не произошло, но превосходство в силах у красных дало им возможность через Кромы сделать новую попытку: ударом на Фатеж и Поньри отрезать нам путь отступления на Курск. 26 октября дроздовцы оставили город Дмитровск, который от левого фланга дивизии находился в 62 верстах. Все это вынудило дивизию к новому отходу 27 октября.

28 и 29 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. Полк в резерве дивизии расположен по линии железной дороги и к западу от нее с Целью парировать новый обход ударной группой противника, начавшей свое движение на город Фатеж.

28 октября. 2-й Корниловский Ударный полк. К 12 часам полк занял указанную ему позицию 27 октября. Справа – 3-й Корниловский Ударный полк в Никольском, на фронте спокойно. Слева обстановка невыяснена.

29 октября. 2-й Корниловский Ударный полк, 3-й Марковский пехотный полк и Черноморский конный дивизион составляют группу полковника Пешни.

Приказ по группе за № 77: «2-му Корниловскому Ударному полку с 3-м Марковским полком и Черноморским конным дивизионом занять фронт: Рятежи – Спасское – Гостомля – Ломовец. Слева – 83-й Самурский полк, хутор Опойковский – Хользеев (15 верст от Гостомли), связи нет. Полку к 11 часам сосредоточиться у станции Дьячье и ударом на север разбить группу противника, отбросив ее на северный берег реки Кромы, и занять фронт: Родина – Важино – Б. Кольчино – Колки. К 18 час. 30 мин. штаб полка на ст. Дьячье, 2-й батальон – Муханово, две роты 3-го батальона – в Павловку. По фронту перестрелка».

Батальон 3-го Марковского полка берет село Караськово.

28 октября. 3-й Корниловский Ударный полк. В ночь на 28 октября полк отходит на юг. После кошмарного перехода под проливным дождем полк занимает: села Козьмодемьянское – Червяк Знаменский, где закрепляется и ведет бои 29-го и 30-го, отбивая атаки красных.

30 октября. 1-й Корниловский Ударный полк. В резерве дивизии.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ полку № 78, ст. Дьячье: «Полку с 9 часов наступать и выбить противника из Муханово – Жерновец и преследовать его на Гостомлю и Ломовец. 2-му батальону в 9 часов начать наступление через шоссе на Чернодье и выслать разведку на Ломовец – Рожково – Чернь, 3-й батальон через Муханово за Жерновец, по занятии которого вы-

слать разведку на Гостомлю и Слободку. Штаб полка в Монастырщине, с офицерским батальоном и командами, 1-й батальон в резерве группы на станции Дьячье». К 22 часам Жерновец взят. В Жерновце 3-й и офицерский батальоны, штаб отряда и полка, 2-й батальон в Чернодье. 3-й батальон взял орудие и 50 снарядов. 3-й Марковский пехотный полк занимает Караськово – Зиновьево.

3-й Корниловский Ударный полк. На 1 ноября полк должен занять: Воейково – Никольское – Лозовец – Червяк Знаменский.

Советские источники умалчивают о боях в районе станции Дьячье в своем продвижении на Фатеж и Поныри. Эти дни показали, что прорыв их ударной группе удался, но что разгрома трех Корниловских ударных полков не произошло, несмотря на такой их перевес в силах, как один против десяти. Лично я уверен, что мог бы для ударной группы получиться и большой конфуз, если бы первоначальная просьба штаба Корниловской Ударной дивизии о передаче Орла алексеевцам была удовлетворена, и тогда дивизия в полном составе могла бы обрушиться на советскую ударную группу. Но здесь против нее был тот же 2-й Корниловский Ударный полк со слабым 3-м Марковским полком.

За это время больших боев 1-й и 3-й полки понесли меньшие потери, а 3-й, хотя и потерял в бою с эстонцами 400 человек, тут же мог получить пополнение, которого хватило и на сформирование четвертого батальона. Действия под Орлом 9-й стрелковой дивизии (сводной из 9-й и 55-й), имевшей почти чисто русский состав, были спасением для корниловцев. Наступление она вела только под наганами чекистов. Равноценными с янычарами Ленина по ненависти к нам были и наступившие русские морозы; они стали уносить из наших рядов такие же жертвы, как и первые.

1 ноября нового стиля. 1-й Корниловский Ударный полк. В резерве дивизии. Центром движения является железная дорога.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 79, Жерновец: «Полку занять Гостомлю – Ломовец, разведку на Чернь – Похвастнево – Красниково. 3-й батальон в 11 часов на Гостомлю и одну роту на шоссе высота 119 и разведку на Бельдяжки – Рассоховец. С 9 до 11 часов помочь 2-му батальону ударом во фланг и тыл противнику, 1-й батальон поручика Левитова на участке Караськово – Зиновьево, где временно подчинить себе 3-й Марковский полк, командир которого отрешен от командования за неисполнение боевых приказов, и Черноморский конный дивизион. Офицерский (2-го Корниловского Ударного полка) батальон и 3-й батальон 3-го Марковского полка – в резерве».

1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка совместно с 3-м Марковским полком выбил противника из Караськово, отбил наступление на Зиновьево, захватил хутор Спасский и был на окраине села Добрыни, откуда спешно должен был идти снова на Зиновьево и выбивать оттуда противника, занявшего село с северо-запада. Противник отступил на Полесье, бросив пулеметы и раненых, 2-й и 3-й батальоны заняли Гостомлю и Ломовец, но

контратакой противника были выбиты и ушли на свои старые позиции. В этих боях были разбиты самые лучшие латышские полки, 2-й и 3-й, и дело доходило до штыковых атак. В этом бою особенно отличился со своим батальоном штабс-капитан Померанцев. 1-й батальон 2-го Корниловского Ударного полка, 3-й Марковский пехотный полк и Черноморский кавалерийский Дивизион назначен объединять поручик Левитов.

Когда я (поручик Левитов) прибыл в штаб 3-го Марковского полка, то смещенного командира полка там уже не было. Не видел я и его заместителя, и встретил меня адъютант полка капитан Лукьянов Ипполит Петрович. От него я узнал о расположении полка, связался по телефону с командирами батальонов, сделал распоряжения на следующий день и утром совместно с моим 1-м батальоном 2-го Корниловского Ударного полка отбросил наступавших латышей. Если полковник Наумов, командир 3-го Марковского полка, заявил полковнику Пешне, что он не верит своим солдатам, то я нашел их действия совершенно нормальными, и потому никаких репрессий против них с моей стороны предпринято не было.

Уже в эмиграции, в Париже, при переписке собранных мной материалов для истории Корниловского Ударного полка я заинтересовался вопросом от решения от должности командира 3-го Марковского полка за неисполнение «боевых приказаний». Сам я тогда только подходил со своим 1-м батальоном 2-го Корниловского Ударного полка к станции Дьячье, и полковник Пешня послал за мной командира конного эскадрона капитана Литвиненко, который присутствовал при встрече полковника Пешни с полковником Наумовым. Поэтому я обратился к капитану Литвиненко Петру Даниловичу с просьбой оставить мне письменное свидетельство об этой встрече, что он незадолго до своей кончины и исполнил.

Оказывается, полковник Пешня, будучи всегда исключительно выдержанным в обращении со всеми, спокойно обратился к полковнику Наумову с вопросом: «Почему вы оставили город Кромь?» На это полковник Наумов ответил: «Я не верю своим солдатам». Это так потрясло полковника Пешню, что он резко закричал на полковника Наумова: «Я отрешаю вас от командования полком за неисполнение боевых приказов!»

Конечно, полковник Пешня знал и о другом, то есть о своеобразном командовании им полком, о чем свидетельствует и его подчиненный тогда подполковник Павлов, командир 3-го батальона: что полковник Наумов в бою за город Кромь находился на таком расстоянии от своих двух батальонов, что в течение суток не мог установить с ними телефонной связи. Следовательно, он не мог даже видеть, как держали себя его солдаты в первом для них бою. Помимо этого, полковник Наумов должен был знать, какое значение для нас тогда имел город Кромь и какие усилия он должен был приложить для того, чтобы своевременно оказать нам поддержку в этом пункте, а не отсиживаться где-то.

2 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк. С утра возобновились атаки красных, и части 1-го батальона, занимавшие Червяк Знаменский, были оттеснены.

2 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк. Полк продолжает оставаться в резерве дивизии.

2-й Корниловский Ударный полк. Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 80, 1 ноября, Монастырская: «Полк к часу занимает Жерновец – Чернодье. Вправо 1-й батальон полка с 3-м Марковским полком и Черноморским кавалерийским дивизионом занимает Караськово – Зиновьево. 3-й Дроздовский полк своим правым флангом занимает село Ждановка (12 верст от Чернодье). (Этот полк, упоминавшийся в составе войск для удара на город Кромы 23 и 24 октября, только теперь упоминается, и то на основании данных штаба группы, а не 2-го Корниловского Ударного полка, который связи с ним не имел.) Полку приказано удерживать занимаемые пункты, и при первой попытке противника наступать, контратакой отбросить его за Гостомлю – Ломовец, заняв последний, 2-му батальону атаковать и удерживать Чернодье. Офицерский батальон и штаб полка – Монастырщино».

Из Чернодье противник был отброшен, но попытка наступать на Ломовец успеха не имела. Потери полка за эти дни очень велики. Наступили сильные морозы, и большинство «бесшинельных» выбыло вследствие отмораживания конечностей. На фронте артиллерийская перестрелка.

3-й Корниловский Ударный полк. Положение восстанавливается, и до 5 ноября полк с успехом отбивает противника.

3 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк. Полк в резерве дивизии. 2-й Корниловский Ударный полк. Красные с утра вели наступление на Караськово – Зиновьево. Наступление отбито. Во время наступления 3-й Марковский полк получил приказание о выходе его из подчинения командиру 1-го батальона 2-го Корниловского Ударного полка поручику Левитову и об отходе в глубокий тыл на формирование. 2-й полк занимает Караськово – Зиновьево – Жизловка (Павловка) – Жерновец – Чернодье. Штаб полка и офицерский батальон – Монастырщино. 2-й батальон выбит из Чернодье. 3-й батальон выбит из Жерновца. Латышская стрелковая дивизия и кавалерийская дивизия Червоного казачества напрягают все свои силы для разгрома левого фланга Корниловской Ударной дивизии с целью отрезать ей путь отступления на Курск. 3-й Корниловский Ударный полк. Атаки красных отбиты.

4 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк. Противник занял селение Поньри – 15 верст длиной – с запада, глубоко обойдя Корниловскую Ударную дивизию с городом Фатежем включительно. Однако ротами 1-го Корниловского Ударного полка противник был от селения Поньри отбит.

2-й Корниловский Ударный полк. 1-й батальон – Караськово – Зиновьево, 3-й батальон – Жизловка (Павловка) – Н. Муханово – Монастырщина. 2-й батальон – Верхне-Муханово, офицерский батальон и штаб полка – Жизловка – Ладыжно. По фронту полка бой с наступающей латышской дивизией. Положение критическое: резервы все израсходованы, а противник вводит в бой все новые и более крупные части. Сначала противник занял Караськово – Зиновьево – Павловку, но контратакой 1-го батальона был выбит, и положение было восстановлено. Только отменная доблесть полка и артиллерии могли преодолеть все трудности природы – был сильный мороз – и отбить во много

раз превосходящего противника. Условия борьбы стали для нас страшно тяжелыми: с одной стороны, противник ввел в дело отличные свежие части из резерва, а с другой – началась зима и застала нас без теплого обмундирования. Тяжелые условия отняли у многих надежду на контрнаступление, а местное население в этом было даже уверено, что не ускользало от наблюдения бойцов и скверно отзывалось на них. Командный состав частей ругал высшее начальство за бездействие, так как подкрепления не было видно и управление отсутствовало. Фронт был накануне развала, это все чувствовали и напрягали все усилия к его удержанию, но действительность была неизбежна и неумолима, - отступление началось.

3-й Корниловский Ударный полк. На участке полка без перемен.

5 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк. 5-го и 6-го полк начинает выдвигаться от железной дороги к Фатежу с целью прикрытия левого фланга дивизии.

2-й Корниловский Ударный полк. Полк занимает прежний фронт. Обнаружен глубокий обход красной кавалерией Червоного казачества. В связи с общей обстановкой полку приказано с наступлением темноты отходить в село Сеньково.

6 ноября. В 12 часов полк в Сенькове. Поручику Левитову – 1-й батальон и сводный батальон из рот 1-го и 3-го полков – активно оборонять Лечиково – Гремячее; 3-й батальон – Сагин, 2-й – в резерве с пешей разведкой – селение Сеньковские Выселки и Озерки. Офицерский батальон и штаб полка – село Сеньково. Слева прорыв конницы, справа – 3-й Корниловский Ударный полк у станции Глазуновка.

3-й Корниловский Ударный полк. 5 ноября полку приказано вечером отходить к станции Глазуновка. Красные, обойдя дивизию с запада, заняли селение Поныри.

6 ноября. К рассвету полк занимает станцию Красная Слободка – Кунач – Глазуновка. 4-й его батальон занимает Александровку и В. Гнилушку.

7 и 8 ноября. Полк занял село Ольховатка, отбросив оттуда противника на село Самодуровка (по донесениям разъездов 2-го Корниловского Ударного полка, бой протекает с переменным успехом).

7 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк. Приказ полку за № 83, от 7 ноября 1919 года: «Противник держится пассивно, 1-й полк занял район села Ольховатки, противник отошел на Самодуровку. Нами заняты Фатеж – Липецы. Справа 3-й полк, слева – 1-й. 2-му полку приказано занять фронт: железная дорога исключительно – Сеньково – Битюк – Гнилец включительно. Поручику Левитову: 1-й батальон полка и две роты 1-го полка со своей артиллерией к утру занять Сеньково – Сеньковские Выселки. Штабс-капитан Померанцев: 2-й батальон и команда пеших разведчиков со своей артиллерией – к утру занять фронт Битюк Подольяне – Гнилец, включительно. Поручик Вихма: 3-й батальон – к утру занять Сабуровку».

Приказ 2-му Корниловскому Ударному полку № 84, 8 ноября: «В Битюк Подольяне полк встретил упорное сопротивление и к вечеру занял фронт: Сеньково, две роты, Сеньковские Выселки – хутор Подольяне. Приказываю

занять Битюк Подоляне - Сабуровка. 1-му батальону сосредоточиться и оборонять Озерки, 2-му из хутора Подолянский выступить на Битюк Подоляне, а остальному полку на Сабуровку. Левее – 1-й Корниловский Ударный полк в районе Самодуровки вел бой с переменным успехом, справа – 3-й Корниловский Ударный полк оставил станцию Малоархангельск».

Погода была отвратительная: шел дождь, а потом дождь и гололедица. Разведкой обнаружены значительные силы противника в Битюк Подоляне и Сабуровке. В 12 часов полк перешел в наступление, 2-й батальон после нескольких неудавшихся атак на Битюк Подоляне понес значительные потери и отступил, 3-й батальон и команда пеших разведчиков тоже встретили в Сабуровке значительные силы пехоты и кавалерии красных. Несколько раз наши занимали окраины Сабуровки, понесли большие потери и стали отступать. Положение было критическим: с фронта пехота противника перешла в контратаку, а слева пошел в атаку кавалерийский полк красных и стал рубить 3-й батальон. Сначала началось настоящее бегство, но потом кавалерия была остановлена сомкнувшейся 3-й ротой офицерского батальона штабс-капитана Панасюка и остановившейся 5-й батареей. Тут же к ним присоединилась 1-я офицерская рота, и по их примеру все стали сбегаться в группы и отбивать рубившую кавалерию. Положение полка было безвыходное, и вряд ли бы кому удалось уйти от свежей кавалерии, но выдающаяся выдержка и примерное мужество штабс-капитана Панасюка и 5-й батареи, остановившейся и встретившей кавалерию огнем с дистанции в 400 шагов, спасли положение, и остаткам отступавших удалось уйти на Поныри. Когда атаки кавалерии были отбиты и части полка преследовались лишь отдельными разъездами, произошла неприятность: были брошены два тяжелых шестидюймовых орудия. Брошена была батарея при обстановке уже нормального боя. За батареей следовали в полном порядке две офицерские роты, и подобное отношение к делу возмутило всех. Командир офицерского батальона капитан Иванов К.В. подал рапорт о привлечении командира этой батареи к ответственности.

До селения Поныри, длина которого 15 верст, полк, без 1-го батальона, добрался с северной стороны к 22 часам, южная же часть селения к этому времени была занята противником. Поэтому полк направился на станцию Поныри, где связался со штабом дивизии и ориентировался в обстановке.

1-й же батальон оставался на месте без всяких указаний. За ходом боя не позволяли следить падавший снег и туман. Телефонная связь была порвана кавалерией. Первый разъезд батальона был отрезан кавалерией противника, а второй не нашел на месте штаба полка. На все это ушла ночь. С утра противник вел разведку, потом перешел в наступление, но был отбит и до ночи был пассивен. Командир батальона решил оставить Озерки и в 24 часа выступил вместе с батареей полковника Думбадзе на Поныри.

7 и 8 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк. Утром полку было приказано отойти на линию города Малоархангельск, что и исполняется под огнем наступающего противника. Полк занял линию: город Малоархангельск – село Протасово. К вечеру появляется противник, но изнуренные корниловцы все же отбивают атаку красных и в течение двух суток удерживают город.

9 и 10 ноября. 1-й Корниловский Ударный полк. Из книги советского полковника Агуреева: «В районе по шоссе Кромы – Фатеж части Корниловской пехоты оттеснили 3-ю бригаду латышей ударной группы на север». В эти дни в полк возвратился его командир, полковник Гордеенко, и полк из резерва дивизии переходит на левый ее фланг, и, по словам командира полка, за этот день три латышских полка были просто разгромлены. Собственно, это и нормально, так как 1-й Корниловский Ударный полк, отходя от Орла в резерве и без особых потерь, имел самое большое количество пулеметов. Все свидетельствуют, что здесь латыши еще раз получили урок от корниловцев. Как жаль, что в битве Орел – Кромы командование не рискнуло использовать против ударной группы красных все полки дивизии. Обошедший нас тогда противник должен был быть сам обойден. Изречение фельдмаршала Кутузова говорит нам: «Выигрыш боя важен не сам по себе, а своими последствиями». Если бы латыши и эстонцы и не были бы уничтожены, а только отброшены, этим был бы уничтожен порыв всей Красной армии, и тогда 1-я конная армия Буденного не пошла бы на прорыв. Для нас это было все: надежда на приток пополнения и на продолжение с весной похода на Москву. Не было у нас резервов, но бил же красных генерал Май-Маевский в Каменноугольном бассейне и без них, значит, теперь он был далек от действительности нависшей над нами угрозы под Орлом.

9 ноября. 2-й Корниловский Ударный полк. Дорога ночью для 1-го батальона была ужасна: гололедица и снег с сильным ветром в лицо убивали все живое. Грязь была настолько глубока, что местами на руках перетаскивали не только орудия, но даже и лошадей. К 6 часам стали втягиваться в село Поньри, а навстречу, с юга, шли разъезды красных, но все так замерзли, что драться никто не мог, и после отборной ругани разъезды скрылись, батальон стал по квартирам, а далее на юг по квартирам же стояли красные. Разъезд нашей команды конных разведчиков случайно нашел нас и передал приказание двигаться на станцию Поньри, в 3 верстах от села, куда батальон и прибыл еще до рассвета и тут же в составе полка двинулся на юг, вдоль железной дороги. Часам к 12 полк расположился: 2-й батальон – в с. Смородинном, 1-й батальон в Становом, остальной полк со штабом полка в селе Матвеевка.

10 ноября. Справа – 3-й Корниловский Ударный полк в селах Яковлевка, Коровино, слева – 1-й Корниловский Ударный полк в деревне Ржаве, севернее Фатежа. Командир 1-го батальона поручик Левитов вступил во временное командование 3-м Корниловским Ударным полком. Батальон принял поручик Мирзаханов. Командир 3-го Корниловского Ударного полка есаул Милеев был отрешен от командования полком; официальная причина – он не мог поднять боеспособность полка на должную высоту, но на самом деле он разошелся во взглядах с начальником дивизии полковником Скоблиным.

9-10 ноября. 3-й Корниловский Ударный полк. По приказу город Малоархангельск оставлен, и полк отходит к деревням Пересуха – Армянка – Озерки, откуда тоже ночью отходит на линию: Гнилая Плота – Никольское и через несколько часов идет на деревни Гнилец, Заболотовка, Архангельское, каковы и занимает к вечеру 10 ноября. Полк составляет правый фланг дивизи-

зии, правее – алексеевцы; связи с ними нет, по данным штаба, они отступают на город Щигры.

Итак, приказ командования Красной армии ударной группе – ударом от города Кромы на восток, в общем направлении на станцию Еропкино, не позднее 16 октября перерезать линию железной дороги Орел – Курск – был исполнен с большим опозданием на 24 дня, только 10 ноября, у станции Понныри, и все же окружения Корниловской Ударной дивизии не получилось. Колоссальный перевес в силах и удачный маневр красных не дал им ожидаемого «молниеносного разгрома» Добровольческой армии, и основной причиной тому было мужество и доблесть Корниловской Ударной дивизии в боях под Орлом.

По-моему, здесь и закончилась Орловско-Кромская операция, а с ней и участь всего фронта Вооруженных сил Юга России. Явная недооценка нашим командованием силы интернациональной ударной группы под Орлом, колоссальный перевес в силах, минимум один против двадцати, отсутствие у нас резервов, особенно кавалерии, исключительно большие потери в рядах 2-го Корниловского Ударного полка, два раза – Орел – Кромы и станция Дьячье – принимавшего на себя главный удар всего прорыва красных, и отсутствие зимнего обмундирования – все это создало то, что называется переломом. Отсюда началось не бегство, а отход с лихими и весьма большими контрударами, и, бог знает, не будь самостийных раздоров с генералом Деникиным и неладов среди генералов, быть может, Красная армия и была бы разбита.

Орловско-Кромское сражение, начавшееся 6 октября с линии село Понныри и станция Дьячье, закончилось на той же линии с отходом от Орла 10 ноября 1919 года.

Несмотря на плохо разрешенный у нас вопрос о привлечении добровольцев, таковые все же были из числа жителей города Орла и пленных, но при определении потерь за это время процент таковых был взят без них, что увеличивает наши потери ровно на число этих добровольцев. Основное же пополнение за это время шло из наших запасных батальонов. Потери Корниловской Ударной дивизии с 6 октября по 10 ноября достигали: 1-й полк – 25%, то есть 725 человек; 2-й полк – 60%, - 1560 человек; 3-й полк – 35%, - 646 человек.

К.Л. Капнин

Публикуется впервые.

Публикацию подготовил А.В. Тихомиров

Отрывок из воспоминаний о боях

Добровольческой Армии под Орлом осенью 1919 года.

Вместо предисловия.

Настоящий очерк имеет цель осветить факт из Орловского периода истории Добровольческой Армии, оставшийся до сих пор неизвестным широкой части русского общества, а именно присылку нам Командующим XIII Советской Армией генералом Зайончковским важных оперативных документов штаба этой армии.

Сентябрь 1919 года. Наступление Добровольческой Армии на Москву в полном разгаре.

Обыватель Юга России, казалось, уже слышал перезвон Кремлёвских колоколов, напряженно следя за ниточкой на карте с каждым днём приближавшейся к Орлу. Блестящие сводки Ставки Главнокомандующего. Время пылких надежд и упований.

А между тем обстановка под Орлом была далеко не блестящая, хотя внешне еще ничего не предвещало грозных событий, разыгравшихся там всего лишь через несколько недель.

1-ая пехотная дивизия в составе Корниловской, Марковской и Алексеевской бригад под начальством генерала Тимановского наступает на громаднейшем двухсотверстном фронте, седлая левым флангом шоссе и железнодорожную магистраль Курск – Орел – Москва, а правым протягиваясь до линии Касторная – Елец.

Непосредственно вдоль шоссе и магистрали продвигается к Орлу Корниловская ударная группа полковника Скоблина, обязанности начальника штаба которого нес пишущий эти строки.

В середине сентября расположение частей этой группы было следующее:

На правом фланге в районе Малоархангельска, находился сильный духом и числом 1-ый Корниловский ударный полк (свыше 1500 штыков, 30 пулемётов с 2 – 3 лёгкими батареями), поддерживаемый в районе железной дороги двумя лёгкими и одним тяжёлым бронепоездами.

На левом фланге, седлая шоссе Курск – Кромы – Орел, занимал район села Малахова ещё более сильный 2-ой Корниловский ударный полк (свыше 1800 штыков, 40 пулемётов с 2 лёгкими батареями). Этот полк, как непрерывно наступающий вдоль шоссе, был усилен ещё тремя броневедомыми дивизиона капитана Соколова и особым тяжёлым артиллерийским дивизионом полковника Сахновского (7 тракторных 5-дюймовых английских пушек с дальностью около 11 вёрст и 4 --6-дюймовые английские гаубицы) прекрасных боевых качеств.

Между этими сильными фланговыми группами, удаленными друг от друга почти на 20 вёрст, находился у верховьев реки Оки недавно сформированный, сравнительно слабый 3-ий Корниловский ударный полк (около 700 – 800 штыков, 15 – 20 пулемётов) с 1 лёгкой батареей, служа как бы связью этих фланговых групп.

Штаб Корниловской ударной группы стоял в поезде на станции Поньри.

Фланги группы были на весу. В 30 – 40 вёрстном прорыве до Алексеевцев вел разведку слабый, плохо обученный горский дивизион силой не свыше 80 шашек при 3 – 4 пулемётах. 15 же вёрстный прорыв между 2 Корниловским полком и 3-ей пехотной дивизией вообще никем не наблюдался за от-

сутствием в нашей группе иных конных частей, что неоднократно ставило 2 Корниловский полк в затруднительное положение.

Общая характеристика обстановки.

1. Отношение населения. Препятствия к дальнейшему усилению Корниловских полков.

Крестьянство Курско-Орловского района настроено в высшей степени благожелательно к Добровольческой Армии. Общая ненависть к большевикам. Крестьяне заявляют, что охотно пойдут драться против большевиков, будучи мобилизованы. Идти же добровольно боятся, опасаясь возможной мести красных по отношению к семьям в случае вынужденного нашего отхода.

Учитывая их настроение, Командующий Корниловской ударной группой полковник Скоблин неоднократно после взятия Курска просил высшие инстанции о производстве мобилизации, но по необъяснимым причинам все наши просьбы отклонялись. Между тем в то время 1 и 2 Корниловские ударные полки обладали громадным офицерским кадром (не менее 800 офицеров), при большом количестве добровольцев-солдат, что при своевременной мобилизации позволило бы создать ещё 2 – 3 новых Корниловских полка, что было бы только на пользу общему делу.

Как бы то ни было, мобилизация проведена не была, а драгоценный офицерский и добровольческий элемент в значительной своей части погиб под Орлом, дерясь рядовыми-бойцами.

По частным сведениям, одной из причин, препятствовавших дальнейшему усилению Корниловцев, была, к сожалению, зависть некоторых частей Добровольческой Армии, причём представители их в высших штабах всячески тормозили разрешение этого вопроса.

2. Снабжение.

Другим отрицательным явлением того времени, подрывавшим почву под ногами Добровольческой Армии, было то, что хозяйственные органы Ставки генерала Деникина (отдел снабжения) всячески тормозили отпуск войскам денег, предметов обмундирования, снаряжения, вооружения, ссылаясь на их неимение. Вся необоснованность подобных отказов обнаружилась, к сожалению, слишком поздно – при отступлении, когда за невозможностью вывезти бросались интендантством десятки всевозможных складов на всём пути от Орла до Новороссийска.

В разгар летних и осенних успехов войска стремительно двигались вперёд.

Интендантство же, вместо выдачи частям крупных денежных авансов на удовлетворение неотложных нужд, требовало мелочной отчётности, отпуская деньги только за прошлое и тем как бы узаконяя принцип «самоснабжения» войск от местного населения. При подобных условиях ни один начальник не мог бороться с успехом с этим печальным явлением. Ведь должны же были люди быть одетыми, обутыми, сытыми, идя в бой чуть не каждый день.

К тому же «самоснабжению» приводила и неустойчивых людей и грошевая экономия в окладах содержания. Не каждый человек способен быть подвижником до бесконечности.

Кроме того, контролю вышеназванных «реквизиций» в значительной степени препятствовали огромные фронты, на которых действовали наши части, а также отсутствие при них каких-либо контрольных и судебных органов.

3. Управление тылом.

Было в невозможном положении. Дело сводилось к восстановлению бывших губернаторов, штаты которых заполнялись в большинстве случаев элементами, уклонявшимися от службы на фронте, ничего не понимавшими в управлении, не только не импонировавшими населению, но наоборот, действующими на него разлагающе.

Принцип «личного усмотрения» был на первом плане. Не исключены были случаи ввода в права владения бывших помещиков после порки чуть ли не целого села.

Земельная инструкция генерала Деникина, полная неясностей, недоговорённостей, конечно тоже не могла удовлетворить крестьян.

Результатом «самоснабжения» и хаотического управления тылом было то, что население, ждавшее прихода Добровольческой Армии, словно Светлого Праздника, познакомившись с царящими у нас порядками, в лучшем случае через 1 – 2 месяца разочаровывалось, порой же становилось и враждебным.

4. Ослабление фронта.

К середине сентября относится усиленная деятельность Махно в районе Екатеринослав – Таганрог, благодаря чему из-под Воронежа снимается целая Кубанская казачья дивизия, что значительно облегчает действия конницы Будённого в районе Воронежа в начале ноября.

Кроме того, в первых числах сентября 1-ая и 3-ья пехотные дивизии ослабляются на целых 3 полка (80 Кабардинский, Белозерский (*Белозерский и Олонецкий (Олонецкий существовал до выделения из 3 пехотной дивизии в виде батальона в составе Белозерского полка)*). Из этих частей была сформирована 9 пехотная дивизия, направленная в Черниговский район) и Шлиссельбургский), отправленных с Орловского и Брянского направления в район Полтавы. Дальнейшее их оперативное назначение мне неизвестно. Полки эти, хотя и слабого состава, были далеко не лишними при наших растянутых фронтах.

5. Общий вывод.

Таким образом, в середине сентября, в то время, когда Красное командование начинает перевозку свежих частей в район Орёл – Брянск и Воронеж для защиты Московского направления, на нашей стороне наоборот происходит отлив частей с этого направления в другие, более второстепенные районы.

Стоит холодная осень, начинаются дожди. Рядовой же боец - офицер и солдат по-прежнему проводит дни и ночи в летней рубашке, не имея зачастую даже и шинели. Интендантство же спекулирует с зимним английским обмундированием в тылу или же бережёт имеющиеся его запасы для... большевиков.

Бои у Орла.

В 20 числах сентября Корниловская ударная группа переходит в дальнейшее наступление на Орёл. Красные оказывают на всём фронте жестокое, но безуспешное сопротивление, будучи отбрасываемы шаг за шагом.

В районе Грязное частями 1 Корниловского полка последовательно разбиты 4 стрелковых полка 55 советской дивизии, начальником которой был генерал Станкевич, часто появляющийся в красных цепях, побуждая их к наступлению.

В этом районе 1 Корниловским полком было взято до 3000 пленных, за счёт которых он значительно усилил свой боевой состав (теперь свыше 2200 штыков). Одна красная батарея, захваченная целиком в плен. Была соответственно переформирована, а затем великолепно дралась в районе Орла против красных на участке захватившего её 1 Корниловского полка.

К 24 сентября 2 Корниловским ударным полком взяты в упорных предшествовавших боях Кромь.

В тот же период времени в бою под Ретяжи (юго-восточнее Кром) был значительно потрёпан красными наш 3 Корниловский ударный полк, потерявший даже при том 2 орудия.

Противник всеми мерами стремился задержать наше продвижение к Орлу.

Его броневые поезда взрывают мост, стрелки, искусно разрушают путь, волоком сдвигая шпалы и рельсы на протяжении целых вёрст.

Наши рабочие и броневые поезда выполняют колоссальную работу по восстановлению пути и продвигаются вперед, не отставая от пехоты, чем оказывают ей существенную поддержку, и придают ей устойчивость.

Наши соседи продвигаются на север более замедленным темпом, в особенности начинают отставать Дроздовцы, ведущие тяжёлые местные бои юго-западнее Кром.

В последних числах сентября Корниловская ударная группа приостанавливается на 2 – 3 дня под самым Орлом, примерно на параллели станции Стишь, поджидая отставших соседей. Дроздовцы в это время находятся на уступах влево назад до 30 вёрст от левого фланга 2 Корниловского полка.

Таким образом, наша группа значительно вклинилась в расположение противника, имея по-прежнему фланги на весу.

Занятие Орла в это время для Корниловцев не представляло никаких затруднений, так как части XIII Советской армии, оперировавшие против нас, были совершенно расстроены и деморализованы предшествующими только что проведёнными боями. Взять Орёл было легко, но удержание этого больш-

шого города осложнялось тем, что клин ещё более бы увеличился, благодаря чему положение Корниловской группы становилось угрожающим, так как в распоряжении начальника группы не было абсолютно резервов для парирования возможных ударов противника на наши фланги.

Об этом своевременно докладывалось в штаб дивизии. Я лично об этом говорил по телефону с генералом Тимановским.

Тем не менее, 29 сентября последовал приказ командира армейского корпуса генерала Кутепова о штурме Орла корниловцами.

Во исполнение этого приказа, 30 сентября около 6 часов утра полки группы снова перешли в наступление. Как мы и ожидали, противник, подорванный предшествующими боями, не оказывал серьёзного сопротивления.

Проволочные заграждения севернее станции Стишь были пройдены 1 Корниловским полком легко.

Около полудня (30 сентября) передовые части 1 и 3 Корниловских полков уже вели бой на южной окраине города, тесня шаг за шагом красных, основательно взрывающих за собой железнодорожные сооружения.

Так, например, взорван в городе большой железнодорожный мост через реку Оку на Брянском направлении, чем сделано невозможным немедленное выдвижение наших бронепоездов в сторону Карачева, что нам сильно затруднило оборону Орла в ближайшие дни.

Около того же времени частями 2 Корниловского ударного полка были захвачены станции Кромская и Саханская для обеспечения Орла со стороны Карачева, а 1 батальоном 1 Корниловского полка (1000 штыков, до 15 пулемётов, 1 батарея) станция Золотухино восточнее Орла. В районе последней были добиты остатки 55 советской стрелковой дивизии и взят в плен её начальник, бывший генерал Станкевич.

Примечание автора: Повешен на той же станции, несмотря на всё моё противодействие, после того, как написал подробный письменный доклад о положении Советской Армии. Доклад препровождён по команде.

Штаб группы в день штурма продвигался вдоль железной дороги, находясь около полудня на виадуке верстах в двух южнее Орла. Раздавшиеся вскоре могучие звуки соборного колокола показали нам ещё до получения донесения, что красные вытеснены из города.

Около 15 часов к нам на вокзал прибыл из Курска начальник 1 пехотной дивизии генерал Тимановский и штаб группы во главе с ним направился верхом в город.

Непередаваемые минуты. Тихий осенний вечер. Лучи заходящего солнца освещают толпы народа, встречающего нас цветами, словами благодарности, счастья избавления от душасящего всё живое красного террора, а над землёй расплывается непрерывный радостный Пасхальный звон.

Невозможно было удержаться от слёз. Так встречал нас простой люд окраин.

В центре же города безлюдье, русская интеллигенция притаилась в своих жилищах, боясь публично выказать свою радость.

Проехав в центр, штаб группы расположился в доме Скоропадского, генерал же Тимановский после осмотра города, дав нам дальнейшие указания, уехал обратно в штаб дивизии.

Между прочим, интересная деталь. Жители предупредили квартирмейстеров штаба группы, что большевики заложили в Дворянском Собрании адскую машину, предполагая, что там остановится какой-либо штаб. Вследствие этого, нам был отведен особняк Скоропадского.

Поиски машины в Дворянском Собрании не дали результатов. Ночью же в нём вспыхнул пожар, сразу же принявший большие размеры, а к утру от старинного здания остались лишь обугленные стены. Печальное, унылое зрелище.

Ночь с 30 сентября на 1 октября прошла спокойно. Тесного соприкосновения с отошедшим противником не было. Утром выяснилось, что красными взорван другой большой железнодорожный мост у станции Оптуха, что указывало на отсутствие у противника активных намерений против Орла со стороны Тулы.

1 октября в день Покрова Пресвятой Богородицы было назначено на площади в 10 часов торжественное молебствие, а после него парад частям группы.

Погода за ночь резко изменилась в худшую сторону, хмурясь с самого утра. Чем дальше, тем всё более крепчал ледяной ветер, тем ниже неслись над измученным городом тяжёлые свинцовые тучи. Долго не налаживается богослужение. Дурное предзнаменование, неприятно действующее на всех – нет священника. Или погибли при большевиках или прячутся, боясь возможной в будущем Красной мести. Наконец всё налажено. Совершается молебен. К концу его под ураганами ветра кучки людей с трудом удерживают большие соборные хоругви.

Всех нас пронизывает ледяная сырость и невольно в душу закрадывается мысль, что Богу не угодна наша жертва и что впереди нас ждут какие-то ещё более тяжёлые испытания.

При той же ужасной погоде, без подъёма, без одушевления, прошёл парад.

В летних рубашках, за неимением шинелей, блестяще прошёл офицерский батальон 2 Корниловского ударного полка. Наша гордость. Более 500 офицеров, безропотно несущих все тяготы службы рядового бойца.

Несколько подняли настроение зрителей тяжело прогромыхавшие за артиллерией 3 танка и 7 громадных 5-дюймовых тракторных английских пушек.

Около полудня я вернулся в штаб нашей группы, где дежурный офицер мне доложил, что меня ожидает какой-то красный офицер, имеющий сообщить мне нечто весьма важное.

Приказав немедленно провести его в оперативную комнату, направился туда и сам.

Через несколько минут ко мне вошёл небольшого роста молодой человек лет 24, в офицерской шинели мирного образца, но без погон, отрекомен-

довавшийся личным адъютантом Командующего XIII Советской армией генерала Зайончковского.

По его словам, генерал Зайончковский, сочувствуя в душе нам, но вынужденный служить в Красной Армии, приказал ему остаться при отступлении Красных войск в Орле. По занятии же Орла Добровольческой Армией явиться в какой-либо наш штаб, где и доложить обстановку, царящую в Красной Армии, для её наилучшего нами использования. В доказательство правдивости своих слов бывший офицер раскрыл большой кожаный саквояж, находившийся у него в руках, подав его мне.

Саквояж был наполнен оперативными документами штаба XIII Советской армии, оперировавшей тогда против нас.

При этом моё внимание адъютант генерала Зайончковского обратил на большую карту 10-вёрстного масштаба, на которой была детально по дням размечена высадка в районе станций Шахово – Карачев особой Латышской стрелковой дивизии и 8 конной дивизии Червоного Казачества, перевозимых для производства решительного контрудара с иного фронта.

Боевой состав этой ударной группы был очень внушительный, а именно свыше 12 000 штыков (9 стрелковых полков) и 3 000 шашек (6 конных полков), что в связи с обученностью и дисциплинированностью этих частей (по словам адъютанта) делало положение наше в Орле очень серьёзным.

На карте было отмечено по дням и дальнейшее направление этих частей после высадки для удара в общем направлении Кромы – Малоархангельск, то есть на никем не обороняемый 30-вёрстный прорыв между Корниловской группой и правым флангом 3 пехотной дивизии (Дроздовцы).

Другая, менее серьёзная группа, в которую, между прочим, входила, к счастью для нас теперь уже почти не существующая, 55 стрелковая дивизия, должна была наступать также на Малоархангельск из района несколько восточнее станции Золотухино.

Таким образом, общий план Красного Командования был таков:

Согласованным наступлением вышеупомянутых двух групп окружить и совершенно уничтожить Корниловскую ударную группу, глубоким клином вошедшую в расположение противника.

Примечание автора: Из доставленных нам документов было видно, что Красным известны не только боевой состав нашей группы и вообще частей 1 пехотной дивизии, но и фамилии и чины начальников их до командиров полков, а иногда батальонов включительно.

Этим разгромом Корниловцев осуществлялся широкий прорыв на Курском направлении, который неминуемо должен был вызвать наше отступление на широком фронте в виду отсутствия у Добровольческой Армии крупных резервов.

Просмотрев бегло и остальные документы, для детального изучения которых надо было несколько дней, я сделал необходимые выписки, и отметил на своей карте всё могущее иметь значение для предстоящих действий Корниловцев. После этого приказал немедленно приготовить паровоз и, по докладе Командующему группой полковнику Скоблину, отправил этого важ-

ного перебежчика, со всеми без исключения принесёнными им документами, в штаб дивизии под конвоем двух офицеров.

В тот же день вечером означенное лицо, пройдя штаб дивизии, было доставлено в штаб 1 армейского корпуса, находящийся в Курске.

Из всего вышеизложенного ясно, что план Красных был задуман широко.

Также ясно, что документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждений самострахования), имели огромную оперативную ценность. Последующие действия Красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость.

По обсуждении с Командующим Корниловской ударной группой полковником Скоблиным создавшегося положения, мы пришли к следующему плану дальнейших действий, который я в тот же день 1 октября около 19 часов лично передал по аппарату генералу Тимановскому с просьбой о докладе его в штаб корпуса.

Предпосылки эти были таковы:

а) Высадка ударной латышской группы уже производится. Ни мы, ни Дроздовцы остановить её не в состоянии;

б) положение Корниловской группы в Орле становится с каждым днём всё более угрожаемым, так как на открытом фланге сосредотачивается группа, превосходящая нас числом в 2 – 3 раза;

в) Орёл сам по себе не имеет особой ценности, чтобы было его удержание необходимо, во что бы то ни стало.

Исходя из этого, нами предлагается:

1. В экстреннейшем порядке в течение 2 и 3 октября сменить в Орле Корниловскую ударную группу 3 Марковским и 3 Дроздовским полками, находящимися в резерве командира корпуса (первый в Курске, второй в Льгове).

Правда эти части были ещё в стадии формирования, насчитывая каждый 500 – 800 штыков, но и этих частей в то время было достаточно для удержания совершенно растрёпанных частей противника к северу от Орла. В крайнем случае, сменившие нас полки могли и оставить Орёл, отходя медленно к югу.

2. Сменённой Корниловской группой, за исключением тракторных и 1 – 2 лёгких батарей, оставляемых вместе с 3 бронепоездами в Орле для поддержки 3 Марковского и 3 Дроздовского полков, утром 4 октября перейти из Орла в наступление в западном направлении, чтобы, пользуясь знанием расположения частей латышской группы, бить её по частям, к чему представлялась нам полная возможность. Конечно, притом 3 пехотная дивизия должна была также перейти в энергичное наступление на север.

Только при осуществлении этого плана сохранялась ещё надежда разгромить эту для нас грозную латышскую группу и тем отвести Дамоклов меч, занесённый над Добровольческой Армией.

Правда Корниловская группа была более чем вдвое слабее латышской группы, но нельзя забывать того обстоятельства, что 1 и 2 Корниловские полки, насчитывая каждый свыше 2000 штыков, имели не менее 20% офицеров и 20% добровольцев. Это обстоятельство в связи с массой пулемётов и великолепной самоотверженной артиллерией (6 лёгких батарей) делало Корниловцев грозной силой.

Конечно, в нашем предложении был известный риск. Тем не менее, рисковать было надо. Разгромив латышей, мы вновь легко приобрели бы, хотя бы и временно, потерянный сменившими нас частями Орёл.

Оставаясь же в Орле для его упорной обороны, Корниловская группа всё равно должна была его оставить с развитием успеха латышей на направлении Кромы – Малоархангельск (что и произошло в действительности).

В крайнем случае, мы предлагали провести удар 1 и 2 полками, оставив 3 Корниловский полк в Орле для его обороны совместно с 3 Марковским и 3 Дроздовским полками.

Однако наши настойчивые представления остались безуспешными. Главными доводами отказа были выставлены:

а) необходимость прочного владения Орлом, так как его оставление произведёт дурное впечатление на общественное мнение Юга России;

б) неготовность к боям 3 Марковского и 3 Дроздовского полков (жизнь через несколько дней после этого всё равно заставила ввести их в бой, причём 3 Марковский полк был введён в самых невыгодных условиях, заполняя прорыв у Кром против латышей, где, конечно, и был разбит).

Была сделана нашим командованием та же ошибка, которая столько раз повторялась на Русском фронте во время Великой войны, а именно. из ложного самолюбия проявлено крайнее упорство в обороне местного предмета на ущерб манёвру.

Днём 2 октября был нами получен следующий оперативный приказ штаба 1 пехотной дивизии:

1. Орёл во что бы то ни стало должен быть обороняем 1 и 3 Корниловскими ударными полками;
2. 2 Корниловский ударный полк с 2 лёгкими и 6-дюймовой гаубичной батареями на рассвете 3 октября должен выступить из Орла и наступать вдоль железной дороги на Карачев, действуя на тыл латышей.

Таким образом, было принято чисто компромиссное решение, не приводящее, обыкновенно, ни к чему положительному.

Обращаю при этом внимание на то, что железнодорожный мост через Оку был в Орле взорван красными, вследствие чего 2 Корниловский полк при

своём наступлении на Карачев не мог быть поддержан нашими бронепоездами.

Наши телеграфные и телефонные объяснения со штабом дивизии не привели ни к чему, хотя было каждому ясно, что один полк пехоты, брошенный без поддержки конницы и бронепоездов в тыл противника, неминуемо будет окружён им и уничтожен, как бы не были высоки его моральные качества.

Начальник дивизии генерал Тимановский мне ответил по телефону, что он бессилён что-либо сделать, так как штаб корпуса, а особенно начальник штаба корпуса генерал Достовалов, требует безусловного исполнения этого приказа. Тогда я сообщил генералу Тимановскому, что в таком случае 2 Корниловский полк будет нами направлен в юго-западном направлении, чтобы ударом с тыла разгромить сначала левофланговую латышскую бригаду, которая в то время должна была находиться в районе Коровьего Болота между нами и Дроздовцами. Такое направление давало полку возможность в случае неудачи отойти более или менее благополучно на восток.

Генерал Тимановский ответил, что это и его мнение. Этим переговоры были окончены.

2 октября вечером были отданы все распоряжения, а на рассвете 3 октября, в осеннее ненастье, 2 Корниловский полк (свыше 2000 штыков, 40 пулемётов, 8 лёгких и 4 тяжёлых 6-дюймовых орудия) выступил из Орла по шоссе на Кромы, с тем, чтобы за рекой Цон свернуть на юго-запад, двигаясь далее на Хмелевое – Собякино – Коровье Болото.

Как только полк свернул с шоссе, всякая связь с ним прервалась за отсутствием постоянных телефонных линий и, в особенности, вследствие недостатка конных ординарцев.

Последние сведения о нём мы получили вечером того же 3 октября от командира тяжёлой 6-дюймовой батареи, вернувшейся по приказанию командира 2 полка в Орёл за полной невозможностью следовать за полком по просёлочным дорогам в осеннюю распутицу. Командир батареи передавал, что люди полка страдают от недостатка шинелей, находясь под непрекращающимся дождём.

Того же 3 октября противник начал проявлять признаки деятельности на всём фронте группы.

4 октября утром нас в Орле посетил командир корпуса генерал Кутепов. Выслушав нашу обстановку, сказал нам, что, хотя в силу общей обстановки удержание Орла является проблематичным, мы должны всё же его упорно оборонять. Общая же обстановка по его словам была такова:

Воронеж накануне оставления под напором Будённого.

У Ельца 1 и 2 Марковские офицерские полки понесли большие потери при попытке овладеть им.

Новосиль оставлен Алексеевцами.

Кромы у нас в ближайшем тылу накануне падения. Единственная надежда, что 3 пехотная дивизия и 2 Корниловский полк отбросят латышей.

На фронте 3 пехотной дивизии (Дроздовцы) тяжёлые местные бои.

Севск переходит из рук в руки.

Обмундирования зимнего с тыла не подают и т.д. В общем, картина неутешительная. Становится непонятным, для чего заставляли нас брать Орёл, который связал нас по рукам и ногам, лишив свободы манёвра.

Остаток дня 4 октября и утро 5 октября прошли в боях 1 и 3 Корниловских полков с наступающим противником, причём сильный 1 Корниловский полк легко отражал его, занимая позицию севернее Орла примерно на параллели станции Песочная, слабый же 3 Корниловский полк, оборонявшийся первоначально на фронте Воробьёвка – Чаплыгина, был непрерывно тесним к Орлу, так как красные всё время охватывали его левый фланг с юго-запада.

После полудня 5 октября создалось уже угрожающее для нас положение:

Кромы заняты красными, Орёл охвачен глубоко с юго-запада, так как противник подошёл почти вплотную к шоссе на Кромы, оттеснив наш 3 полк почти на самую западную окраину города.

В дополнение к этому, между жителями в Орле целый день циркулировали слухи о том, что наш 2 полк совершенно уничтожен севернее Кром красными.

Под вечер кружным путём с юга было получено лаконичское донесение командира 2 Корниловского полка о том, что полк, понеся в боях у Коровьего Болота до 50% потерь отходит на переправу через реку Оку у села Кнубрь под непрекращающимся напором противника. Донесение послано утром 5 октября. Час не помню.

Вскоре (около 18 часов) со станции Стишь было по телефону передано, что от прибывших раненых 2 Корниловского полка известно, что полк не удержался на реке Оке и отходит далее на восток на реку Рыбницу в общем направлении на станцию Стишь.

При таких условиях дальнейшая оборона Орла становилась невозможной.

Вследствие этого, около 19 часов, полковником Скоблиным был отдан приказ об оставлении Орла, о чём и было донесено в штаб дивизии, как о свершившемся факте. Суть приказа была такова:

- 1) 1 и 3 Корниловские полки в 22 часа начинают отход на параллель станции Стишь;
- 2) 2 Корниловский полк должен оборонять впредь до дальнейшего распоряжения восточный берег реки Рыбницы на фронте господский двор Рудня – Сретенское.

Непроглядной ненастной осенней ночью с тяжёлым чувством покидали мы Орёл, благодаря которому мы совершенно бесцельно потеряли почти целиком драгоценный офицерский и добровольческий кадр выдающегося по своим боевым качествам 2 Корниловского полка. Особенно грустное зрелище представляли наши две тракторные батареи, принуждённые к отходу по невылазной грязи без шоссе.

Около 3 часов 6 октября штаб группы прибыл на станцию Стишь, где от командира 2 Корниловского ударного полка мы узнали, что остатки полка (около 700 штыков) ночуют по селениям верстах в 3 западнее этой станции. Полк совершенно надорван, понеся свыше 60% потерь за 4 и 5 октября. Подробности боя очень не сложны.

Разгромив 4 октября утром, после напряжённого боя, левофланговую латышскую бригаду в районе Коровье Болото, полк развивал свой удар на запад. Вскоре был окружён подоспевшей другой бригадой с двумя конными полками Червоного Казачества. Ведя бой на все стороны под непрерывным дождём, в непролазной грязи, полк с трудом пробил себе дорогу на восток. Целый день 5 октября отходил к реке Оке, преследуемый по пятам пехотой и конницей, благодаря чему не мог закрепиться за этой рекой и был вынужден к дальнейшему отходу на реку Рыбницу.

Заключение.

Печально окончилась для нас Орловская эпопея, несмотря на блестящую возможность по оперативным данным, сообщённым нам генералом Зайончковским, разгромить противника, имея открытыми все его карты.

Случай, так редко встречающийся на войне, был нашим Командованием безвозвратно упущен.

Всё же, информация генерала Зайончковского имела для Корниловской группы большое значение, заставив штаб её обратить исключительное внимание на свой левый фланг. Обстоятельство, может быть благодаря которому Корниловцы не были совершенно уничтожены.

Оставлением Орла открылась печальная страница истории Добровольческой Армии: тысячевёрстное отступление, беспощадный сыпной тиф, кошмарная Новороссийская эвакуация.

К. Капнин
1925 г.

А.И. Дерябин (Москва)
Памяти Л.А. Шапрон дю Ларрэ

Корниловцы в боях с большевиками.

1. История

Февральский переворот 1917 г. положил начало гибели бывшей Российской Императорской армии и России как единого государства в целом. Под влиянием пропаганды различных левых партий армия стремительно разлагалась и быстро теряла боеспособность, начались кровавые расправы солдат со своими офицерами, братание с противником. У многих офицеров возникла мысль о создании из наиболее стойких, не поддавшихся агитации и оставшихся верными долгу службы и Родине солдат, унтер-офицеров и добровольцев особых ударных батальонов. Главным назначением их было своей храбростью и героическим самопожертвованием морально воздействовать на солдатские массы, поднимать их в наступление на фронте; кроме того, эти батальоны должны были служить наиболее боеспособным и надежным резервом

частей и соединений в случае их «неустойки» или прорыва противника. Одной из таких ударных частей и был Корниловский ударный полк.

В мае 1917 г., непосредственно наблюдая трагическую картину развала Российской армии, Генерального штаба капитан (позднее подполковник) М.О. Неженцев подал командующему 8-й армии Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову доклад «Главнейшая причина пассивности нашей армии и меры противодействия ей», в котором обосновал необходимость организации ударных отрядов и ходатайствовал о разрешении на формирование подобной части. Корнилов согласился с предложением Неженцева, и 19 мая последовал приказ о разрешении последнему сформировать 1-й армейский ударно-штурмовой (иногда его называют 1-м Ударным) отряд штаба 8-й армии; Неженцев был назначен его командиром. Отряд был укомплектован добровольцами - государственно настроенными офицерами, унтер-офицерами и рядовыми.

1 июня отряд был сформирован. Первоначально в него входили 2 батальона, 2 пулемётные команды, конно-горная батарея, команды пеших и конных разведчиков. Команда пеших разведчиков была сформирована из чехословаков - пленных и добровольцев. Отряд участвовал в провалившемся июньском наступлении русской армии, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны. 25 июня в первом же бою у деревень Ямницы и Повельче корниловцы стремительной атакой захватили 4 тяжелых и 2 легких орудия, множество пулеметов и пленных, потеряв 300 чел., из которых 100 было заколото штыками. В июле отряд получил название Корниловского ударного.

1 августа отряд был развернут в одноименный трехбатальонный полк. 5 августа в полк 4-м батальоном был включен Сибирский Омский ударный батальон. Временный штат Корниловского ударного полка включал: 1 полковника, 5 подполковников (1 - помощник командира полка), 17 капитанов, 1 штабс-капитана, 8 поручиков и подпоручиков, 56 младших офицеров (прапорщиков), 1 священника, 10 классных чиновников, 21 фельдфебеля, 24 каптенармуса, 1 горниста, 87 старших и 293 младших унтер-офицеров, 384 ефрейтора, 3574 рядовых, 99 вестовых, 298 нестроевых, 377 лошадей, 187 повозок и 24 пулемета.

1 августа последовал приказ Главковерха за № 796 о том, чтобы отныне вместо пулеметной команды содержать пулеметную роту из четырех 8-пулеметных команд, а вместо команды конных разведчиков при полку иметь отдельную сотню из добровольцев-казаков 38-го Донского казачьего полка. Кроме того, распоряжением штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта надлежало сформировать при 21-й запасной бригаде 4-ротный запасной батальон. Особо отмечалось, что полк и запасной батальон следует «комплектовать исключительно из добровольцев тыла, запасных частей и частей, не входящих в состав корпусов (последних - с согласия их начальников). Вступивших в полк добровольцев тыла считать принятыми на действительную военную службу».

После провала так называемого «корниловского мятежа», по настоянию А.Ф. Керенского, приказом начштаба Главковерха за № 501 от 10 сентября

Корниловский ударный полк был переименован в 1-й Российский ударный полк. В тот же день Главковерх приказал перевести полк, бывший в то время в тылу на укомплектовании и реорганизации, на Юго-Западный фронт и прикомандировать его к 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии. По-видимому, из-за соображений «политкорректности» 30 сентября приказом начштаба Главковерха за № 636 полк был переименован в Славянский ударный.

Вместе с 1-й Чехословацкой дивизией полк прибыл с фронта под Киев, где после октябрьских боев в городе ударники-украинцы перешли из Славянского полка в украинский курень «Смерти». Вскоре Неженцев приказал личному составу полка самостоятельно пробираться на Дон. 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) в Новочеркасск прибыли 75 офицеров и 245 ударников при 48 пулеметах; они привезли с собой 1 млн. патронов, более 3 тыс. винтовок и обмундирование на 3 тыс. человек. В конце декабря в Новочеркасске насчитывалось уже до 500 корниловцев.

1 (14) января 1918 г. полк был восстановлен под названием Славянского Корниловского ударного. 30 января (12 февраля) он был включен в состав 1-й Добровольческой дивизии. К 4(17) февраля в полку насчитывалось 3 строевые и пулеметная роты; в тот же день было приказано приступить к формированию 5-й строевой роты, причем временно она рассматривалась как запасная. После выступления Добровольческой армии в 1-й Кубанский («Ледяной») поход, 12 (25) февраля в станице Ольгинской при реорганизации армии полк вновь стал Корниловским ударным, в него были включены следующие части: 1-й батальон составил четырехротный офицерский партизанский батальон имени генерала Корнилова под командованием полковника В.Л. Симановского; 2-й - собственно сами корниловцы-ударники; 3-й – остатки бывшего 1-го Георгиевского, пехотного запасного полка. Сперва полк являлся отдельной частью, но после соединения с Кубанским правительственным отрядом В.Л. Покровского 17 (30) марта вошел во 2-ю бригаду генерал-майора А.П. Богаевского. В полк были влиты юнкера Константиновского военного училища, составившие его 3-ю роту. Из-за огромных потерь, 28 марта (13 апреля) в станице Елизаветинской полк был свернут в один батальон, второй составили добровольцы-кубанцы. 30 марта (15 апреля) в полк, от которого осталось 67 штыков, был влит батальон кубанцев (350 штыков). После неудачного штурма Екатеринодара полк отошел на Дон.

В начале июня Корниловский ударный полк в составе 2-й дивизии генерал-майора А.А. Боровского выступил во 2-й Кубанский поход, где участвовал в боях за Ставрополь и под Армавиром. В ноябре полк был отправлен на пополнение и отдых в Екатеринодар. 16 (29) января 1919 г. полк был исключен из состава 2-й дивизии и включен в 1-ю дивизию. Тогда же он был переброшен в Донбасс, где вел ожесточенные бои до мая. 12 (25) июля 1919 г. Главком ВСЮР приказал развернуть Корниловский ударный полк в два одноименных полка. 21 июля (3 августа) это событие стало фактом и командиром 1-го стал полковник Н.В. Скоблин, командовавший до сего Корниловским ударным полком. 14 (27) октября 1-й полк вошел в состав Корниловской

ударной дивизии. 8 (21) июня 1920 г. генерал П.Н. Врангель был зачислен в списки полка.

2-й Корниловский ударный полк был сформирован 21 июля (3 августа) 1919 г. из офицерских кадров 1-го Корниловского полка и, преимущественно, из пленных махновцев. В сентябре в его состав входили офицерский и три солдатских батальона, команда разведчиков, эскадрон связи - всего 2600 чел. при 85 пулеметах. Полк входил сначала в Корниловскую бригаду 1-й пехотной дивизии, а с 14 (27) октября - в Корниловскую ударную дивизию. Командирами полка были: с 24 июля (6 августа) - полковник М.А. Пешня, с 17 (30) октября - полковник Я.А. Пашкевич и другие.

Полк участвовал в Орловско-Кромском сражении, зимних боях 1920 г. под Ростовым, боях при выходе из Крыма и в Северной Таврии (в том числе под Большим Токмаком и Каховкой, на Днепре).

3-й Корниловский ударный полк был сформирован 27 августа (9 сентября) 1919 г. в Харькове на базе учебного батальона (*образован к 23 июля (5 августа) 1919 г. в Харькове. 28 июля (10 августа) учебный батальон был переименован в 1-й батальон 3-го Корниловского полка, убывший на фронт до 21 августа (3 сентября)*) 1-го Корниловского полка и офицерских кадров, а также чинов 2-го Корниловского полка. 1 (14) сентября полк закончил формирование. Личный состав полка - офицеры и ударники-корниловцы, военнопленные, мобилизованные офицеры и чиновники. Полк вошел в состав Корниловской бригады 1-й пехотной дивизии, а с 14 (27) октября - Корниловской ударной дивизии. Временно командующим полком, а затем и его командиром, был назначен подьесаул (позже есаул) Н.В. Милеев. В сентябре в полку (состав: 3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи) насчитывалось 1900 человек при 60 пулеметах. К ноябрю в полку имелся маршевый батальон. В ходе Орловско-Кромского сражения полк потерял 646 человек (из имевшихся на 5(18) октября 1279) и почти полностью погиб примерно 6 (19) декабря 1919 г. в лесах северо-восточнее Змиева (уцелело всего 86 чел.). Однако уже к 22 января (4 февраля) 1920 г. полк был восстановлен и вновь вошел в состав своей дивизии.

В сентябре под Курском все три Корниловских ударных полка были сведены в одноименную бригаду 1-й пехотной дивизии. Командиром бригады 2 (15) сентября был назначен полковник Скоблин. 14 (27) октября, после взятия Орла, бригада была выделена из 1-й пехотной дивизии и переформирована в Корниловскую ударную дивизию, входившую в 1-й армейский корпус Добровольческой армии.

В состав Корниловской ударной дивизии на 22 января (4 февраля) 1920 г. входили: управление, 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Запасный полк дивизии, запасные батальоны всех трех полков, Корниловский отдельный конный и Горско-Мусульманский дивизионы, Корниловская артиллерийская бригада (управление, 1-я генерала Корнилова легкая, 2-я и 5-я батареи и формировавшиеся 6-я, 7-я и 8-я батареи), Отдельная инженерная рота дивизии, дивизионный транспорт и формировавшийся склад огнестрельных припасов, а также организовывавшийся в Тимашевской дивизионный лазарет.

Корниловцы участвовали в боях за Ростов и в арьергардных столкновениях при отходе к Новороссийску, откуда 14 (27) марта они были эвакуированы в Крым. Здесь 16 (29) апреля Корниловская ударная дивизия имела следующий состав: управление дивизии, 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловская артбригада, Корниловский отдельный конный дивизион (8 (21) августа он был переименован в Отдельный конный генерала Корнилова дивизион), отдельная генерала Корнилова инженерная рота, Запасный батальон, управление дивизионного интенданта и перевязочный отряд. В тот же день 1-я морская отдельная бригада (3 батальона) была влита в 1-й и 2-й Корниловские полки.

Летом корниловцы участвовали в прорыве из Перекопа и разгроме конного корпуса Д. Жлобы, в боях за Большой Токмак, Каховку; осенью - в Заднепровской операции, отходе в Крым, боях за Юшуньские позиции. После эвакуации Русской армии, 14 (27) ноября 1920 г. все остатки пехоты корниловцев были сведены в Корниловский ударный полк под командой генерал-майора Скоблина, а кавалеристы - в конный эскадрон. В конце ноября 1921 г. корниловцы были переведены в Болгарию и в 1922 г. прекратили существование как отдельные воинские части.

Имеется также информация о том, что 4-й Корниловский ударный полк был сформирован в Азове в декабре 1919 г. Его основой послужили кадры офицеров-корниловцев и запасный батальон дивизии, в состав которой и вошел 4-й полк. В полку было много донецких шахтеров. Полком командовал поручик М. Дашкевич (в январе 1920 г. временно исполнял должность штабс-капитан И.Л. Филипский). Полк участвовал в боях под Батайском. В первый же день наступления ВСЮР на Ростов-на-Дону 8 (21) января 1920 г. полк потерял около 200 человек. В марте он был практически полностью уничтожен. Ни о каких особенных форменных отличиях для полка говорить, разумеется, не приходится....

Запасный батальон дивизии начал формироваться с 14 (27) октября 1919 г. из кадров бывшего запасного батальона 1-й пехотной дивизии, и уже 29 октября (11 ноября) он был создан и включен в состав ВСЮР.

Затем батальон составил основу 4-го Корниловского полка, но к 22 января (4 февраля) 1920 г. он был вновь сформирован и развернут в Запасный полк дивизии. После эвакуации в Крым, к 16 (29) апреля 1920 г. в дивизии вновь имелся запасный батальон, до 22 августа (4 сентября) 1920 г. развернутый в одноименный полк (командир - капитан Н.Н. Миляшкевич). Никаких собственных отличий батальон (полк) не имел. У полка был собственный флаг, но рисунок его неизвестен.

С 25 июня 1917 г. по 1 (14) ноября 1920 г. Корниловские полки выдержали 570 боев (не считая тех, которые вели отдельные роты или батальоны) и потеряли убитыми 4 командира полков, 64 командира батальонов, 472 командира рот, 4781 младшего офицера, 8327 ударников, 15 военных чиновников, 3 докторов и 8 сестер милосердия - всего 13674 человек; ранеными - 2 начальников дивизии, 15 командиров полков, 125 командиров батальонов, 1100 командиров рот, 11500 младших офицеров, 21500 ударников, 48 военных чи-

новников, 12 докторов и 26 сестер милосердия - всего 34328 чел. Итого - 48002 человек.

14 (27) октября 1919 г. Главком ВСЮР приказал сформировать Корниловскую артиллерийскую (или Артиллерийскую генерала Корнилова) бригаду, 16 (29) октября ее командиром был назначен полковник (затем генерал-майор) Л.М. Ерогин (15 (28) ноября временно командующим ею стал полковник Ю.Н. Роппонет).

Основой корниловской артиллерии являлась 2-я Офицерская батарея, сформированная в Добрармии. В середине марта 1918 г. при расформировании 1 -го отдельного легкого артдивизиона из его 2-й и 3-й батарей она стала 2-й отдельной батареей, приданной 2-й бригаде. В начале июня вошла в состав 2-й дивизии. Позднее стала называться 1-й генерала Корнилова легкой батареей 2-й артбригады.

10 (23) ноября 1919 г. последовал дополнительный приказ с уточнением состава формировавшейся бригады. В нее вошли: управление (переименовано из управления 2-й артбригады); 1-й дивизион: управление, 1-я генерала Корнилова легкая и 2-я (переименована из 3-й батареи 2-й артбригады) батареи; 2-й дивизион: управление (бывшее управление 3-го дивизиона 2-й артбригады), 3-я (переименована из 5-й батареи той же бригады) и 4-я (бывшая 4-я батарея той же бригады, вновь затем сформированная по приказу 1-му армейскому корпусу Добрармии за № 373 от 15 (28) ноября 1919 г.) батареи; 3-й дивизион: управление, 5-я (из состава бывшей 1-й артбригады) и 6-я (переименована из батареи Артиллерийской генерала Маркова бригады) батареи. 6-я батарея погибла в ноябре при общем отходе, но в марте 1920 г. была восстановлена и участвовала в арьергардных боях при отходе к Новороссийску. В Крыму она была воссоздана за счет расформированной батареи Офицерской артиллерийской школы; 4-й дивизион: управление, 7-я (вновь сформирована из личного состава бывшей 1-й артбригады) и 8-я (бывшая 8-я батарея 1-й артбригады) батареи. С осени 1919 г. 2-й дивизион бригады действовал отдельно от бригады и участвовал в Бредовском походе. С 21 июля (3 августа) 1920 г. 2-й дивизион считался расформированным. После эвакуации из Новороссийска дивизионы были переформированы. На 16 (29) апреля 1920 г. в состав бригады входили: управление, 1-й и 2-й (из личного состава Корниловской артбригады), а также 4-й (гаубичный, образован из Алексеевской артбригады) дивизионы. 9 (22) мая последовало некоторое изменение состава бригады: 2-й дивизион 2-й артбригады был сведен в одну батарею, включен в состав Корниловской артбригады и назван 7-й батареей той же бригады; прежнюю 7-ю батарею обратили на пополнение других батарей этой бригады.

В Галлиполи из бригады был сформирован Корниловский артдивизион. После преобразования армии в Русский общевоинский союз (РОВС) до 1930-х гг., несмотря на то, что личный состав проживал в разных странах, дивизион являлся кадрированной частью.

Создание Отдельной инженерной роты Корниловской ударной дивизии началось при штабе Добрармии до 24 августа (6 сентября) 1919 г.; она состо-

яла на довольствии в 3-м Корниловском полку. Официально ее формирование было начато 14 (27) октября и завершилось к концу 1919 - началу 1920 гг., уже во время отступления корниловцев на Дон. В Крыму 25 мая (7 июня) 1920 г. рота была расформирована и ее личный состав включен в 1-ю отдельную инженерную роту. Новая Отдельная инженерная рота Корниловской ударной дивизии была переименована из Отдельной роты 34-й пехотной дивизии и перечислена из нее в Корниловскую дивизию. В Галлиполи ее уже не существовало.

Проект

«Утверждаю»

Верховный Главнокомандующий Генерал от Инфантерии Корнилов «31» августа 1917 года

ОПИСАНИЕ ФОРМЫ КОРНИЛОВСКОГО УДАРНОГО ПОЛКА

Во изменение формы пехотных полков.

1. Форма Г.г. офицеров. Прибор белый.

а) фуражка с белым кантом, вместо кокарды - череп.

б) Зимняя черная фуражка с белым кантом, околыш верхняя половина черная, нижняя - красная.

в) Каска - вместо орла - череп.

г) Китель с белым кантом.

д) Брюки с белым кантом.

е) Погоны с серебряным галуном, черной выпушкой и черно-красным просветом; на погоне буква «К» и череп с костями по цвету прибора. Приложение № 1.

ж) Офицерские петлицы - верхняя половина черная, нижняя красная. Петлицы с белым кантом.

2. Форма солдат.

а) Фуражка защитного цвета, вместо кокарды - череп.

б) Каска защитного цвета, вместо орла - череп.

в) Погоны из двух половин - верхняя черная с черепом, нижняя красная с буквой «К». Приложение № 2.

г) Петлицы на шинелях по образцу офицерскому.

3. Эмблема КОРНИЛОВЦЕВ. Приложение № 3.

Эмблема носится на левом рукаве, на два пальца ниже погона.

Приложение: чертежи № 1, 2, 3.

Командир Корниловского ударного полка

Полковой адъютант

[без подписей]

РГВИА, ф.2003, оп.2, д.350, л.32.

капитан НЕЖЕНЦЕВ

поручик Кн. УТОМСКИЙ

2. Униформа

Первая форма 1-го армейского ударно-штурмового отряда штаба 8-й армии была общearмейской и, несомненно, имела все элементы «ударной» символики - кокарда с черепом и костями, черно-красный шеврон, и, в нашем случае - черно-красные погоны. Кроме того, уже к 10 июня 1917 г. на смотре

отряда генералом Корниловым все его чины носили стальные каски французского образца с черепом и скрещенными костями и ставшую впоследствии знаменитой нарукавную эмблему (тогда еще без надписи «КОРНИЛОВЦЫ» на ней, которая появилась несколько позднее).

Рапорт Неженцева от 27 августа 1917 г. с проектом и 3 рисунками формы Корниловского ударного полка был утвержден генералом Корниловым 31 августа. Однако уже 2 сентября кем-то (подпись неразборчива!) этот рапорт было приказано оставить без исполнения. Но было уже поздно.... Ниже приводим полный текст «Описания формы Корниловского ударного полка».

То, что данная форма носилась - подтверждается многими фотографиями эпохи. Уже тогда у офицеров появились черные кителя и брюки.

После неудачи корниловского «выступления» Неженцев приказал спороть щиток с надписью «КОРНИЛОВЦЫ». В письме генералу Корнилову он писал: «Я приказал снять эмблему, так как был бессилен в борьбе с темной солдатской массой... Но сняв дорожную нам эмблему... мы ею прикрыли наш ум, наше сердце и волю» (Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции // Российский военный сборник. М., 1999. С. 217).

После приезда на Дон и включения в состав Добрармии, тогда уже, по инициативе Скоблина, околыш стал одноцветным - черным, тулья - красная и появились три выпушки. В то же время необходимо отметить, что впервые национальный трехцветный бело-сине-красный нарукавный шеврон был установлен приказом 1-му отряду Добровольческой армии за № 10 от 10 (23) января 1918 г. Параграф 2-й этого приказа гласил: «Для внешнего отличия чинов Добровольческой армии установлен знак, который носить на левом рукаве шинели или мундира - угол национальных цветов (углом вниз) на вершок (4,4 см – А.Д.) выше локтя». Этот угол являлся символом борьбы за Единую, Неделимую и Великую Россию и использовался белыми войсками в 1918-1922 гг.

Увидев впервые корниловцев на Дону, А. Суворин (Порошин), трактуя их эмблему, писал: «Череп с костями и мечами - бессмертие посредством оружия; граната - признак всех гренадеров, к которым принадлежит Корниловский полк. Девиз полка, предложенный полковником Неженцевым - «Лучше смерть, чем рабство».

Очевидец отмечал, что в 1-м Кубанском походе подполковник Неженцев был «одет строго по форме полка. И даже верх его папахи двух цветов - красного и черного. А совсем недавно на ней появился еще и белый цвет - для отличия своих от чужих во время ночных боев» (Волианов В. Цветы придорожные // Донская волна. № 9(37). 24 февраля 1919.С.2.). Следует уточнить, что сразу после боя под Лежанкой 21 февраля (5 марта) 1918 г. «одним из крупных недостатков в организации армии, обнаруженном в этом бою, было отсутствие отличительных знаков на одежде добровольцев. Штаб в свое время не подумал об этом весьма важном вопросе. По счастью, не было печальных случаев взаимного обстрела. /.../ Командующий просто приказал немедленно надеть на околыши фуражек и папахи кусок (т.е. полоску – А.Д.) белой материи» (Половцев Л.В. Рыцари тернового венца. Париж, б.г. С.93-94.).

Интересно также отметить, что знаменщик Корниловского полка в походе имел «многочисленные нашивки за раны и глаза, отравленные газом, за синими очками» (В память 1 -го Кубанского похода. Сборник. Белград. 1926. С.44.).

После возвращения из Ледяного похода обмундирование корниловцев было весьма потрепано, но во время пребывания на Дону весной-летом 1918 г. им удалось привести его в порядок.

С расширением масштабов Гражданской войны офицеры-корниловцы все чаще стали носить черную гимнастерку с белым кантом на грудном разрезе (планке), обшлагах и иногда на нагрудных клапанах карманов. Кроме того, в редких случаях выпушка носилась и по низу воротника. Наряду с черными использовались белые гимнастерки-косоворотки, защитные рубахи и британские солдатские кителя покроя «френч»; все это весьма произвольно обшивалось черными или белыми выпушками. Погоны офицеров в целом остались такими же как и в 1917 г., но белыми выпушкой и просветами, без черепа с костями (которые иногда носились), но с серебряной шефской буквой «К» (однако, носилась она редко). Следует отметить, что галунные погоны использовались тоже достаточно редко. Нарукавные нашивки - как штампованные, единого образца, изготовленные в 1918 г. в Ростове-на-Дону, так и индивидуального пошива, с несколько видоизмененным рисунком. Офицерские шаровары были черными (могли носиться также защитные или темно-синие) типа галифе, с белой выпушкой. Нужно учитывать, что в условиях Гражданской войны налаженное интендантское снабжение практически отсутствовало и пошив одинаковой формы был почти невозможен.

Ранняя кокарда в виде черепа с костями отныне была заменена обычной офицерской. Походные погоны - такие же, как и у ударников, которые продолжали носить: черно (сверху) - красные (снизу), с белой выпушкой и без черепа с костями (однако имеются подлинные экземпляры погон из мешковины с британских мундиров, имеющие нашитые черно-красные кусочки материи, или сукна с выштампованными черепом с костями из желтой меди), но иногда с шефской литерой «К». Фуражка рядовых и унтер-офицеров-ударников также изменилась с 1917 г.: теперь чаще носили бескозырки черно-красного цвета, с двумя белыми выпушками и с обычной солдатской кокардой вместо черепа. Петлицы, как и металлический прибор, остались прежними. Шинели стали общеармейскими. В будущем для офицеров предполагались черные тужурка и шинель, для ударников - черная шинель с серебряными пуговицами в один ряд посередине и белые ремни. Многие офицеры и ударники в 1918-1920 гг. продолжали носить ударный красно-черный угол на правом рукаве. Национальный угол на левом рукаве мог и не носиться.

В начале 1919 г. Великобритания начала поставлять в Вооруженные силы на юге России (ВСЮР) помимо вооружения обмундирование цвета хаки и снаряжение. «Цветные» части его получали, в том числе и корниловцы. На это британское обмундирование нашивались корниловские эмблемы, но зачастую офицеры отпарывали английские одноцветные погоны и приши-

вали свои прежние; при этом они предпочитали оставлять и свои красно-черные фуражки.

После эвакуации из Новороссийска в Крым в марте 1920 г. обносившиеся корниловцы смогли несколько приодеться. За период летних боев обмундирование вновь весьма сильно изнашивалось. Так, о параде Корниловской дивизии (Северная Таврия) в присутствии самого Главкома Русской армии генерала П.Н. Врангеля 1(14) сентября 1920 г. очевидцы писали: «Мелькают выцветшие рубахи, порыжевшие стоптанные сапоги. У многих ударников верхних рубах нет, вместо них шерстяные фуфайки. Бросился в глаза мужественный солдат в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в потертых защитных штанах и в английских желтых ботинках, рядом с ним другой вовсе без штанов - в одних вязанных кальсонах. Зато у всех тщательно пригнана амуниция, вычищено оружие». Здесь же перед Врангелем стояли пленные, попадавшие к корниловцам «раздетыми и босыми. Они и теперь еле прикрывали свою наготу полосатыми из сарпинок рубахами» (Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М. 2003. С. 338).

С.Г. Пушкарев в своем дневнике писал о том, как он видел в бою 20 октября (2 ноября) 1920 г. за Ново-Алексеевку чинов 1-го Корниловского полка: «у десятого из сотни есть корниловские погоны и кокарды, остальные по виду ничем не отличаются от красноармейцев, одеты очень скверно и холодно» (Пушкарев С.Г. На бронепоезде «Офицер» в белой Таврии. 1920 год // Белая гвардия: Альманах. № 3. М. 1999-2000. С.50).

Объяснение этому тогда давалось одно: «Несмотря на изданный месяца полтора назад категорический приказ Главнокомандующего о том, чтобы интендантства не обогащали складов обмундирования, а раздали все имеющиеся запасы войсковым частям, все обмундирование по-прежнему мирно покоилось на складах и в вагонах, а в войсках по-прежнему были и разутые, и раздетые (хотя на этот раз процент их был не так велик, как в армии Деникина)» (Пушкарев С.Г. На бронепоезде «Офицер» в белой Таврии. 1920 год // Белая гвардия: Альманах. № 3. М. 1999-2000. С.54).

Во 2-м Корниловском полку носилась такая же форма, как и в 1-м. О 3-м полку следует сказать особо.

Согласно информации, полученной нами от Л.А. Шапрона дю Ларрэ в ноябре 1998 г., в 3-м Корниловском ударном полку с самого начала его формирования, в отличие от 1-го и 2-го полков, носились старые корниловские фуражки, т.е. с черной тульей и черно-красным околышем; по устным свидетельствам, при возможности использовались морские фуражки с черным околышем (черная тулья), но с нашитой на последней красной лентой. В мае 1999 г. Лавр Алексеевич уточнил, что на старых фуражках имелся только один кант - на тулье. Принятие подобных фуражек было обусловлено тем, что при формировании 3-го полка в него перевелись многие коренные корниловцы и они «пожелали сохранить первоначальную форму», причем, скорее всего, эта инициатива исходила от есаула Милеева.

25 августа (7 сентября) 1919 г. «в списки полка с правом ношения формы полка» были зачислены 53 офицера, однако были и прикомандированные к полку офицеры без права ношения полковой формы. Тогда же в полк были зачислены 4 чиновника (1 губернский секретарь и 3 чиновника военного времени) с правом ношения формы полка: «эмблемы, ударного значка и установленного для чиновников погона соответствующего чина, с черно-красным просветом или черно-красной выпушкой, отнюдь не черно-красного погона с белым просветом» (РГВА. Ф.40213. Оп.1. Д. 1653. Л.69об.).

В августе 1919 г. личный состав 3-го полка носил гимнастерки, шаровары (имелись также «мешочные» гимнастерки и шаровары), «английские гимнастерки», австрийские и английские ботинки, обмотки, армейские сапоги, лыковые лапти. Снаряжение составляли парусиновые патронташи, кожаные тренчики, стеклянные фляги, холщевые и кожаные ружейные ремни. (РГВА. Ф.40213. Оп.1. Д. 1653. Лл.30, 33, 38-38об., 47, 73об.-74, 78об., 83об.-84об.).

Корниловские офицеры-артиллеристы при защитной униформе носили старую артиллерийскую фуражку с темно-зеленой тульей, черным околышем и тремя красными выпушками (у других чинов - либо черные бескозырки с тремя красными выпушками, либо фуражка защитного цвета), черные погоны с красными выпушками и просветами, с золотыми скрещенными орудиями и литерой «К». На левом рукаве у них была нашита такая же эмблема как и у пехоты, но черного цвета и с орудийными стволами поверх гренадки (подобная эмблема являлась в бывшей Российской Императорской армии символом гренадерской артиллерии); эта эмблема носилась практически только офицерами.

Приказом командира роты (с марта 1920 г.) полковника В.В. Добровольского за № 167 от 15 (28) июня 1920 г. «для сведения и исполнения» была объявлена форма роты, утвержденная начальником Корниловской ударной дивизии. Униформа включала бескозырку (для солдат, фельдфебелей и подпрапорщиков) и фуражку (для офицеров): бархатный околыш черный с красными выпушками; тулья - красного сукна с белой выпушкой. Гимнастерка - суконная черная, белые выпушки - по борту, на нагрудных карманах и обшлагах. Шаровары - черные с белым кантом. Погоны - черного бархата с белой выпушкой и буквой «К» обыкновенного рисунка. На правом рукаве - ударный (черно-красный) угол, на левом - «эмблема на черном фоне» (т.е. черная нашивка как у артиллеристов, но с инженерной эмблемой: перекрещенные кирка и лопата вместо орудий). (РГВА. Ф.39540. Оп.1. Д.40. Л.53.)

3. Регалии корниловских частей

Первое знамя было вручено корниловцам самим генералом Л. Г. Корниловым в июне 1917 г. Оно представляло собою одностороннее красно (сверху) - черное полотнище, разделенное горизонтально. На красной части была белая надпись: «1 -й УДАРНЫЙ/ОТРЯДЪ», на черной - череп с костями. К навершию-пике была привязана черно-красная лента (без банта).

Как вспоминал в своей работе «Русская Вандея» (Л., 1924. С.311) бывший донской офицер, а затем пробольшевишки настроенный реэмигрант И.М. Калинин, 7(14) января 1920 г. в станице Павловской на Кубани «корни-

ловский знаменный взвод (около 20 мальчишек) охраняли полковую «святыню», решительно никому не нужную».

В одном из номеров журнала «Часовой» за 1931 г. в статье Е. Тарусского отмечалось, что на торжественном собрании корниловцев 12 июля того же года в Париже командир 3-й роты Корниловского ударного полка полковник К.П. Гордиенко в сопровождении ассистента внес в помещение Союза галлиполийцев «полковое черно-красное знамя. 14 лет тому назад пожаловал генерал Корнилов это знамя Ударному отряду, и три года затем не выходило оно из жестоких, бесконечных и славных боев». Ныне оно хранится в собрании покойного Л.А. Шапрон дю Ларрэ.

30 апреля (13 мая) 1920 г. Главком ВСЮР установил награждение воинских чинов орденом Св. Николая Чудотворца. Позднее подобное же награждение было распространено и на отдельные части. Так, 8(21) июня приказом Главкома за № 3310 1-й, 2-й и 3-й ударные генерала Корнилова полки были награждены орденами Николаевскими знаменами. Однако в полки знамена после официального награждения привезены не были, т.к. их еще не изготовили. Они были вручены представителям полков непосредственно перед эвакуацией из Крыма и были развернуты только в Галлиполи.

10 апреля 1923 г. из-за сложившегося тревожного положения в Болгарии, Корниловскому полку было приказано «все знамена, отделив их от древков, но сняв с последних никелевые части, скобы, орденские знаки и ленты, орденские трубы и ленты к ним, с нарочным доставить в Софию, где они будут переданы на временное хранение в Сербскую миссию для дальнейшей отправки в Белград, в цитадель» (Русская армия в изгнании. М. 2003. с.332). Знамена и регалии корниловцев было приказано доставить к 20 апреля. Однако старшие офицеры полка настояли на том, что знамена 1-го ударного отряда, Георгиевского батальона и все три Николаевских были оставлены в распоряжении полковника М.Н. Левитова. Это и спасло знамена от попадания в руки большевиков в 1944 г., т.к. еще до 2-й Мировой войны они были увезены во Францию и Бельгию.

Николаевское знамя 1-го Корниловского полка в ноябре 1967 г. хранилось в Париже. Ныне оно хранится в Музее и архиве русской истории при Свято-Троицкой духовной семинарии Свято-Троицкого монастыря в г. Джорданвилл (США).

После 15 марта 1942 г. из Болгарии в Сербию на укомплектование частей Русского корпуса отправилась группа корниловцев под командованием полковника Кондратьева вместе с Николаевским знаменем 2-го Корниловского полка. Их влили в формировавшийся тогда 3-й полк Русского корпуса, и знамя после парада было временно передано полку (Русская армия в изгнании. М. 2003. с.333).

В 1944 г. знамя 2-го Корниловского полка было вывезено из Белграда в Германию и там попало в руки американцев, которые передали его атаману Кубанского казачьего войска генералу В.Г. Науменко. В США 21 ноября 1960 г. он передал знамя Русскому общевойсковому союзу (РОВС). По распоряжению возглавлявшего Объединение корниловцев-ударников полковника М.И.

Бояринцева оно через полковника С.Н. Ряснянского в 1963 г. было передано на сохранение Хранителю традиций Объединения Виленского военного училища полковнику В.И. Шайдицкому. Сейчас оно также находится в Джорданвилле.

Орденское знамя 3-го полка хранилось в Бельгии и в ноябре 1967 г. было привезено в Париж, откуда вновь отправилось в Брюссель, где и хранится поныне.

Кроме Николаевских знамен, имелись и другие регалии того же ордена.

12(25) июня 1920 г. «в воздаяние воинской доблести, отменного мужества и беззаветного самопожертвования, проявленных в боях в Северной Таврии с 25 мая сего года за освобождение Родины от врагов ея» 1-я, 3-я и 6-я батареи Корниловской артбригады были награждены серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца. Однако 31 июля (13 августа) последовал приказ о том, чтобы считать награжденной не 6-ю, а 7-ю батарею. Николаевская лента к трубам 7-й батареи перед 2-й Мировой войной хранилась в русской Свято-Троицкой церкви в Белграде. Ее дальнейшая судьба пока неизвестна. Кроме того, по некоторым данным, 5-я батарея также имела подобную награду. А согласно воспоминаниям командира 6-й батареи полковника В.И. Гетца, она все-таки «получила» Николаевские трубы с лентами». Судьба их также неизвестна...

25 августа (7 сентября) 1920 г. приказом Правителя юга России и Главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля за № 3557 1-му ударному имени генерала Корнилова полку - «в воздаяние доблести бессмертных частей 1-й армии» - было вручено знамя Георгиевского батальона для охраны Ставки Верховного Главнокомандующего. 1(14) сентября в с. Федоровка в Северной Таврии, после обхода фронта дивизии и молебна состоялась церемония прибывания полотнища знамени к древку. Первым вбил гвоздь генерал Врангель, за ним - генералы А.П. Кутепов, П.К. Писарев, начдив Скоблин, затем - командиры корниловских полков. После краткой речи Главком вручил знамя коленопреклоненному командиру 1-го полка полковнику К.П. Гордиенко. «С поднятой рукой Гордиенко раздельно и громко произносит слова клятвы. Командир целует край знамени, встает и передает знамя коленопреклоненному знаменщику. С крайнего правого фланга 1-го полка отделяется офицерская полурота и с двумя офицерами-ассистентами подходит к знамени. Древко с развернутым знаменем заслуженный офицер-знаменщик кладет на плечо, и под торжественные звуки полковых оркестров полотнище заколыхалось вдоль всего фронта. Рота со знаменем дошла до своего места и остановилась. Начался церемониальный марш».

Знамя представляет собою двустороннее полотнище. Его лицевая сторона - черно-оранжевый (3 черных и 2 оранжевых полосы) значок Главнокомандующего с наложенным на него желтым двуглавым орлом, лишенным государственных регалий; на этой же стороне по бокам орла двумя блоками имеется желтая надпись славянской вязью: ближе к древку - «БЛАГО РОДИНЫ», у края полотнища - «ВСЕГО ПРЕВЫШЕ». Обратная сторона красная, в центре изображение креста ордена Св. Георгия, а над ним желто-зеленая (?)

надпись вязью в одну строку: «СМЕРТЬ В БОЮ ЛУЧШАЯ СМЕРТЬ ДЛЯ ГЕОРГИЕВЦА», под крестом надпись: «ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ И СВОБОДУ». С обоих боков креста желто-зеленые полосы в виде фигурных треугольников с петлями на концах. В углах переплетенные серебряные буквы «СГ». Навершие-пика с Георгиевским крестом в середине, под ним бант с Георгиевской лентой (Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. № 278. Апрель 2003., С.191). Орел и надписи на знамени, характерные для эпохи Временного правительства, указывают на то, что оно, по всей видимости, было изготовлено и выдано батальону только в 1917 г. Сейчас оно хранится в Джорданвилле.

Существовал также флаг штаба Корниловской дивизии, сопровождавший ее в боях и вместе с другими корниловскими знаменами в 1921 г. находившийся в Галлиполи, в 1923 г. - в Болгарии, в ноябре 1967 г. - в Париже. Он был большого размера, но его внешний вид и точные размеры не известны, впрочем, как и его сегодняшнее местонахождение.

29 августа (11 сентября) 1920 г. на пополнение 2-го Корниловского ударного полка прибыли кадры 75-го Севастопольского и 133-го Симферопольского пехотных полков со своими знаменами, причем севастопольцы составили 4-й батальон полка под командованием своего командира, полковника Силина.

В Галлиполи знамена хранились при Корниловском ударном полку. Первое - Георгиевское 75-го пехотного Севастопольского полка с надписью: «За отличие въ войнахъ с персією 1826, 1827, 1828 и съ Турцію 1828-1829, за оборону крепости Баязета 20 и 21 іюня 1829 и за отличие въ Турецкую войну 1877 и 1878 г.г.». Второе - Георгиевское 133-го пехотного Симферопольского полка с надписью: «За Севастополь въ 1854 и 1855 годахъ». В 1921 г. оба знамени оказались в Болгарии, затем - в Сербии, куда они были отправлены согласно распоряжению генерала А.П. Кутепова в 1923 г. До 1944 г. знамя 1-го батальона 75-го полка, так же как и знамя 133-го полка, хранились в русской Свято-Троицкой церкви в Белграде. После окончания 2-й Мировой войны знамя 75-го полка оказалось в СССР и ныне хранится в ЦМВС РФ. Судьба знамени 133-го полка пока неизвестна.

В Корниловских полках использовались батальонные значки размером 43х67 см. В ЦМВС РФ хранится трофейный значок 3-го батальона одного из полков. Его полотнище (типа флюгера) изготовлено из шерстяной ткани, верхняя половина черная, нижняя красная; обшито по краям белой тесьмой; в центре - римская цифра «III», наложенная на широкую белую тесьму, разделяющую обе половины значка (обратная сторона такая же). На лицевой стороне в крыже у древка нарукавная нашивка в виде синего щита с белыми окантовкой, надписью «КОРНИЛОВЦЫ», черепом, скрещенными костями и мечами и таким же огоньком у красной гренадки. Изображение выполнено аппликацией; запаса нет. Такие значки обычно крепились к штыку винтовки.

Вполне возможно, что у Корниловских артбригады и инженерной роты тоже имелись свои значки, но информацией о них автор пока не располагает.

Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918-1920 годов

Наступление на Ливны

Только один день, 14 сентября, был для полка днем относительного отдыха. Красные не наступали, а полк провел перегруппировку своих частей: 1-й батальон, около 450 штыков при двух орудиях, сосредоточивался на станции Лачиново; 2-й батальон, около 450 штыков при двух орудиях, - на станции Кшень и 3-й батальон с командой разведчиков, всего до 550 штыков, при двух орудиях, - на станции Мармыжи; в резерве комендантская рота и бронепоезд «Слава Офицеру»; конная сотня и полковая пулеметная команда поровну придавались батальонам и резерву. Полк вошел в отряд генерала Третьякова вместе с Алексеевским. Отряду приказано на следующий день перейти в наступление: марковцам занять Ливны и выйти на рубеж реки Чернавка, а алексеевцам, наступающим левее, выйти на пересечение железной дороги Елец – Орел у станции Верховье. До Ливен около 60 верст.

Полк должен наступать тремя колоннами: 1-й батальон вдоль большой дороги на Ливны, но так как он на правом фланге, притом открытом, то до прихода 2-го Марковского полка ему держаться уступом кзади; 2-й батальон вдоль реки Кшень, что неизбежно обязывало его действовать по обоим берегам ее; 3-й батальон вдоль железной дороги, причем в полосу его наступления входило пространство влево до реки Тим, разграничительной линии с алексеевцами.

15 сентября полк перешел в наступление на фронте до 30 верст, сразу же 2-я и 3-я колонны встретили упорное сопротивление, и только на следующий день, 16 сентября, они вышли на линию станции Долгая. Обнаружились трудности: перед полком большие силы противника, стоящие сплошным фронтом, и сосредоточен сильный кулак между железной дорогой и рекой Тим. Генералу Третьякову пришлось первый выгрузившийся батальон 2-го полка с двумя орудиями направить на левый фланг 1-го, как 4-ю наступающую колонну.

Двухдневный бой вызвал большой расход снарядов. Во 2-м батальоне был наряжен транспорт под охраной 22 конных разведчиков от 1-й батареи и двух батальонных пулеметов. При переезде через реку Кшень ночью транспорт нарвался на заставу красных, но батарейцы смяли ее, взяли 15 пленных под носом недалеко от стоявшего их батальона. Возвращаться пришлось уже круглым путем с 250 снарядами и 20 тысячами патронов.

Всю ночь велась конная разведка. Во 2-м батальоне не хватало верховых, тем более потому, что правая колонна уже занимала уступное положение. Вызвался в разведку со своими верховыми штабс-капитан Шперлинг. Он никогда не ограничивал себя, как командира батареи, кругом обязанностей исключительно батарейных, но расширял их до задач целой части, которой батарея придана. Требовалась разведка в восточном направлении, и он ночью отпра-

вился. 10 верст никого. Светает. Нужно возвращаться; навстречу скачущая телега. Крестьянин ехал сообщить белым, что полк кавалерии красных в четыре эскадрона при пяти пулеметах направляется на село Воловое. Штабс-капитан Шперлинг нагнал батальон уже ведущим наступление. Его командир, капитан Марченко, развернул карту; фланг его батальона под ударом, но там должен быть в этот день 1-й батальон. Беспокоиться особенно не приходится.

17 сентября утром в наступление перешли все четыре колонны. 2-й колонне пришлось полностью и не раз по частям переходить реку Кшень и вести бой на обоих берегах. Едва не погиб взвод 1-й батареи, неожиданно атакованной красным эскадром.

- С передков! Пулеметы! – кричит штабс-капитан Шперлинг.

Момент – и залились пулеметы, другой – раздались картечные выстрелы. Когда подбежала рота, батарейцы ловили оседланных лошадей, снимали седла с убитых; захватили значок 1-го эскадрона Ахтырского полка.

3-я и 4-я колонны теснили противника, поддерживаемого 2-3 батареями, имея четыре орудия и один бронепоезд. Но у 1-й колонны положение оказалось крайне тяжелое. Батальон пришел в село Воловое, как раз когда полк красной кавалерии подошел к нему. Красные не атаковали, но охватили село. И в это время один крестьянин сообщает: большие силы красной пехоты идут на село Верхнее Большое, в котором батальон ночевал. Угроза в тылу, и полковник Слоновский, командир батальона, ведет его обратно все время под угрозой конной атаки. Но село уже занято противником. Батальон атакует и берет его. Красные отошли недалеко. Наступила ночь. Весь батальон на позиции вокруг села. Стрельба. Атака противника неминуема и тогда... даже если атака будет отбита? Решение: выводить батальон и отходить за реку Кшень, к селу Урузову.

Противник следовал за батальоном и подошел к реке Кшень. Он был теперь в 15 верстах от станции Мармыжи, в 10 верстах от железной дороги на Ливны и в 10 верстах в тылу у 2-го батальона. Из резерва полка выдвигается комендантская рота. Но противник может не только сорвать наступление на Ливны, но угрожать 2-му полку, разворачивающемуся на фронте вправо до станции Касторная. Генерал Третьяков требует немедленной высылки кавалерийских частей. Ему обещают Мусульманский (Горский) конный полк, дивизион Черноморского конного полка и затем конную сотню штаба корпуса.

18 сентября 1-й батальон (1-я колонна) переходит в распоряжение командира 2-го полка полковника Морозова. Остальные три колонны продолжают наступление. 2-му батальону, у которого теперь противник с трех сторон, придаются два взвода пеших разведчиков из 3-го батальона и один взвод конной сотни. Наступление развивается успешно. Взято две станции, Прудки и Редьковская. Отчаянный бой у левой колонны батальона 2-го полка. Красные не только отбиваются, но и контратакуют, местами удачно; их прорывы доходят до 3 верст в глубину. Но роты и взводы батальона маневрируют, бьют во фланги. Попадает в плен штаб 21-го полка. 3-й батальон, где противник уже сдавал, высылает на поддержку роту. Красные не выдерживают удара,

отходят, теряя массу пленных. Пленные принадлежали к 19, 20, 21, 23, 60 и 2-му Симбирскому полкам 3-й стрелковой дивизии.

19 сентября. До Ливен оставалось 15 верст. Ожидалось сильное сопротивление на реке Сосна, протекавшей перед городом, имевшей возвышенный противоположный берег. Сопротивление красных слабело. Взята станция Коротыш. Уже впереди, в легком тумане, видны очертания города. Марковцев тянет вперед.

Довольно сильный бой у правого флангового батальона, и вдруг в сумерках красные быстро отходят и, к удивлению, даже не оказывают сопротивления на реке Сосна у деревни Лучи. Батальон идет к городу. Центральный батальон у реки и готов перейти ее вброд, но артиллерийская стрельба красных вдруг прекращается.

Левый фланговый батальон, не встречая сопротивления, подходит к селу Крутому; там уже батальон алексеевцев, и им взята переправа через реку Сосна. Батальон обходит город с северо-запада, берет с. Моногарово, захватив при этом в плен два батальона красных, и подходит к железной дороге, по которой полным ходом на север проскакивает красный бронепоезд и вспомогатель. Севернее у станции Русский Брод, к которой уже подошел другой батальон алексеевцев, бронепоезд был подбит снарядом Марковской батареи, и он, «Стенька Разин», и вспомогатель с одним орудием были захвачены.

Обход города принудил красных поспешно оставить Ливны. Под самый вечер пришлось иметь легкое столкновение с полком кавалерии, 9-м Советским, причем совершенно очевидно сдались несколько красных всадников, и среди них командир этого полка, оказавшийся сыном известного всей России генерала Брусилова ротмистр Брусилов. 3-й батальон, пройдя город, остановился на его северной окраине. С востока пришел 2-й батальон. Батальон 2-го полка остался в Моногарово.

За пятидневное наступление на Ливны марковцы прошли до 60 верст, а с начала наступления от Корочи до 150. За три недели новый, второй «скачок» на север. Скачок, во-первых, значительно меньший, нежели из Донбасса до Корочи, а во-вторых, и с большими усилиями. Но настроение было отличное даже при большой усталости, даже видя свои тяжкие потери: в 1-м полку до 800 человек, в батальоне 2-го полка свыше 200 человек. Надежда их пополнить здесь, в городе полным офицерами, добровольцами среди явно расположенных к армии крестьян, затем отборными пленными, из взятых 3000 человек.

Второй полк в боях

По взятии Курска туда сразу же из Харькова переехали все части 2-го полка и сразу же получили большое пополнение как офицерами, так и солдатами. Роты полка стали иметь до 250 штыков; рота генерала Маркова и отдельная офицерская рота по 200 с лишним офицеров. Сила теперь у полка огромная – до 3500 штыков при 40 пулеметах. Но был существенный недостаток – отсутствие не только конной сотни, но и команды конных разведчиков. Сорока всадников при штабе полка и при батальонах едва могло хватить для поддержания связи.

11 сентября внезапно выступила на фронт Офицерская рота. 14-го стали грузиться и все части полка, и на следующий день они уже выгружались на станции Кшень, где стояла Офицерская рота. Полку дана задача сменить на станции Касторная Сводно-Стрелковый полк, отзываемый на внутренний фронт против Махно, и обеспечить правый фланг наступающего на Ливны 1-го полка. Полк должен стать на фланге дивизии, имея вправо от себя в 35 верстах, в городе Землянске, отряд в 400 конных и 400 пеших при батарее, наблюдавшей 60-верстный разрыв между станцией Касторная и городом Воронежем, взятым корпусом генерала Шкуро.

16 сентября из полка выделяется один батальон на левый фланг наступающего 1-го полка. В Касторную приходит лишь один батальон с Офицерской ротой; другой с командой разведчиков останавливается на станции Лачиново.

17 сентября красные внезапно перешли в наступление к северу от Касторной в направлении на Мармыжи и по западному берегу реки Олым на Касторную и подошли на 15 – 20 верст к обеим станциям. Смена стрелков была отменена, а 2-му полку, которому был придан батальон 1-го полка, приказано отбросить красных.

18 сентября все части полка сталкиваются с противником, но, не имея орудий, не могут сбить его, имеющего несколько батарей. И только батальон 1-го полка, проделавший за минувший день до 30 верст и отдохнувший лишь четыре часа, сбил его передовые части на реке Кшень и с боем занял с. Верхнее Большое, отбив несколько атак.

19 сентября он выбивает красных из села Волового и удерживает его. А в это время они снова занимают село Верхнее Большое и южнее его деревню Екатериновку. Батальон 2-го полка с подошедшими к нему двумя орудиями выбивает красных из села Сергиевка и в течение дня отбивает их атаки. Остальные шесть рот едва сдерживают напор на Касторную.

Положение создается тяжелое: у противника подавляющие силы; давит его артиллерийский огонь; прорывы между батальонами до 10 верст; резерва нет; нет и кавалерии, которая наблюдала бы интервалы между батальонами; и главное, нет никакой части, чтобы обеспечить разрыв в 40 верст между селом Воловым и занятыми в этот день Ливнами.

Генерал Третьяков (в его отряд вошел 2-й полк) требует от 1-го полка немедленной отправки к месту прорыва красных возможно больших сил. Из трех батальонов назначаются: один батальон, команда пеших разведчиков, полусотня и взвод орудий под общей командой командира батальона, капитана Марченко. Отдохнув всего около пяти часов, отряд тронулся из Ливен по большой дороге на юг.

20 сентября. Красные атакуют 2-й полк, но он держится. Батальон из Сергиевки идет на запад и с жестоким боем занимает деревню Екатериновку. 1-й батальон 1-го полка вынужден был оставить с. Воловое.

Отряд капитана Марченко выступил ночью и шел в обратном своему вчерашнему наступлению на город направлении. С переходом реки Сосна он вступил в район совершенно не наблюдаемый. В пути брались обывательские

подводы и на них сажались пехотинцы. Впереди отряда ехали конная полусотня и 20 батарейцев, всего 75 шашек со штабс-капитаном Шперлингом во главе. Этот славный артиллерист, теперь командир конной группы. У хуторов Юрских замечен разъезд красных; ему устроили засаду, и батарейцы взяли восемь человек в плен и трех убили. Вскоре показалась группа коней в пятьдесят, оказавшаяся сотней Горского полка. От нее получили сведения о положении в южном направлении.

С наступлением ночи весь отряд, пройдя 35 верст, сосредоточился в с. Цурикове. Здесь были получены сведения о занятии противником с. Гатища. Отряд отрезается от Ливен. Положение ухудшается, и генерал Третьяков вынужден взять из Ливен еще один батальон. У Ливен остается один батальон. Связавшиеся ночью 1-й и 2-й батальоны 1-го полка составили отряд полковника Докукина, помощника командира полка.

21 сентября. Ночью приказание атаковать противника: 2-му полку с юга шестью ротами (подшло два орудия) и четырьмя ротами (1-м батальоном) с юго-запада; полковнику Докукину двумя батальонами с северо-запада и севера, выделив часть сил в обеспечение себя со стороны Гатища.

Наступление с юга сразу же было остановлено огнем артиллерии и густыми цепями противника, и в течение дня ни та, ни другая сторона не смогли сдвинуться с места. 1-й батальон 2-го полка, начавший наступать от Екатериновки и вынужденный развернуть все свои четыре роты, наконец сбил красных и стал их преследовать, выведя Офицерскую роту в резерв. Взял села Верхнее и Нижнее Большое. Местность пересеченная; наблюдение за флангами, из-за отсутствия верховых, отсутствует. Батальон увлекся и вот.. в каких-нибудь 600-700 шагах вправо от резервной роты на складке появилась цепь противника. Рота с места перешла в атаку. Удар был стремителен, и офицеры мгновенно смяли красных и преследовали их на следующий гребень. В это время красные охватили с фланга цепи головных рот, которые стали менять направление под огнем с двух сторон. Одна за другой останавливаются пулеметные двуколки: перебиты лошади. Роты отбиваются, взвод орудий поддерживает. И вдруг, когда Офицерская рота, которая так успешно отбила обход красных справа, вышла уже на второй гребень, на нее справа налетела кавалерия. Рота приняла атаку «в штыки», но в каком положении? С правого фланга до левого взвод за взводом легли под ударами шашек и штыков подбежавшей пехоты.

Батальон стал отходить. Уже в редкие его цепи переданы последние 30 пулеметных лент; кончаются снаряды и у орудий, и стоят они на позициях «для вида». Противник, заняв село Н. Большое, остановился, остановился и батальон. В нем осталось только 250 человек из 800, начавших бой, и три пулемета; от Офицерской роты 21. Наступившей ночью со стороны противника подошло еще человек 20-30 раненых и здоровых. Они сообщили: красные поспешно отошли. Батальон теперь мог быть более или менее спокоен, а особенно потому, что с ним связались разъезды от дивизиона черноморцев, только что прибывшего на этот участок. Поздно, но все же не окончательно поздно. В сумерках их эскадрон налетел на маленький хутор, разметал в нем пе-

хоту противника и спас от расстрела 16 уже раздетых офицеров. Неожиданный отход красных вызван был успешным наступлением отряда полковника Докукина и особенно батальона капитана Марченко.

Батальон полковника Слоновского в течение долгого и упорного боя взял село Воловое и здесь получил приказание «ждать дальнейших распоряжений». И он выполнял это приказание даже тогда, когда прискакал из села Н. Большое офицер, от попавшего в тяжелое положение батальона 2-го полка, с просьбой оказать поддержку. (Расстояние между батальонами не превышало 5 верст.)

Батальон капитана Марченко, ведший наступление в южном направлении, несмотря на опасность слева, с боем взял деревню Богдановку, а затем и село Липовчик, но не задержался в нем и, несмотря на ночь, продолжал наступление, когда получил приказание «оставаться в селе Липовчик и ждать приказаний». При этом сообщалось о неудаче 1-го батальона 2-го полка. Это приказание «ждать распоряжений» и спасло красных: они смогли отойти.

Ночью приказ: утром 2-му полку и отряду полковника Докукина перейти в наступление и отбросить красных за реку Олым; и добавлялось: на с. Гатище будет вести наступление батальон 2-го полка, вызванный от Ливен. Но затем другое приказание: 1-му батальону и команде разведчиков 1-го полка немедленно и в самый короткий срок быть в Ливнах, где противник повел наступление.

22 сентября. 2-й полк и батальон капитана Марченко пошли вперед. И опять 2-й полк не смог сбить противника на сокращенном фронте, теперь не более как в 10 верст у красных стреляло 12 орудий против четырех. Но батальон капитана Марченко берет село Кирилловское. Ему слышен бой впереди и вправо, и он идет на выстрелы, не обращая внимания на угрозу своим флангам и даже тылу. Штабс-капитан Шперлинг со своими конными ведет разведку. Два взвода, посаженные на подводы, и взвод орудий у капитана Марченко - летучий резерв, переезжающий с фланга на фланг. Штабс-капитан Шперлинг замечает в низине колонну кавалерии, и летучий резерв рассеивает ее. Батальон приближается к району, где впереди и вправо идет бой. Летучий резерв перебрасывается в этом направлении. Еще немного – и видно село Языково и позиции красных на северо-западной его окраине. Батальон почти на их фланге. Артиллерийский взвод открывает огонь, красные не выдерживают и начинают отходить. В сумерках батальон входит в Языково с севера, а с запада слабый, пострадавший накануне батальон 2-го полка. Но южнее противник еще держится. До крайности утомленный дневным маневренным боем батальон, а в особенности артиллерийские лошади, преследовать не могут.

Дан отдых до утра, а утром опять в наступление, но уже не встретившее упорного сопротивления. Батальон капитана Марченко первым перешел переправу через реку Олым и остановился на станции Набережная. Преследование вели части 2-го полка, а батальон капитана Марченко, отдохнув часа два, на подводах уже ехал по срочному вызову в Ливны. Во взятом батальоном 2-го полка селе Гатище он заночевал.

2-й полк получил участок фронта от села Касторного включительно на север вдоль реки Олым, а затем с поворотом от нее в направлении на Ливны до реки Сосна, за которой начинался участок 1-го полка.

Участок в 50 верст, тянувшийся 30 верст прямо с юга на север; участок, на котором 2-й полк должен был обеспечивать не только фланг, но и тыл 1-й дивизии и всего корпуса. В его распоряжение были приданы дивизион черноморцев, сотня штаба корпуса и слабый Горский полк. Полк сразу же, как только был отброшен противник, расположился: два батальона на станции Касторная, приступив к смене стрелков; один батальон в трех пунктах в районе села Гатища на переправах и рота на переправе у станции Набережная; в промежутках конные части. Но участок был не по силам его занимавших.

Потери 2-го полка за пять дней боев огромны: до 1250 человек. Если прибавить потери батальона, наступавшего с 1-м полком на Ливны, то до 1500 человек. От 3500 штыков осталось до 2000. Влитое из пленных пополнение увеличило его численность всего на 200 человек. 1-я рота, в составе 35-40, была отправлена в Новодевицк на пополнение офицерами. Перед уходом она участвовала на похоронах своих убитых офицеров. До 50 гробов одних только офицеров стояло у церкви села Касторного.

Полк переживал тяжелое моральное состояние – огромные потери и никакого, в сущности, успеха. 500 человек, взятых в плен, утешение слабое; противник отошел, не будучи разбитым. На следующий день, 24 сентября, он уже атаковал две роты, стоявшие у деревни Казинки, занял деревню, но был отброшен. Пленные сообщили о готовящемся наступлении красных, по крайней мере силою двух бригад пехоты и двух полков кавалерии. А крестьяне сообщили, кроме того, что подошли и свежие коммунистические полки елецких и петроградских рабочих и Реввоенсовета 13-й армии. В это время красные вели наступление на 1-й полк.

25 сентября красные повели второе контрнаступление от слободы Чернава с востока на село Гатище и в южном направлении, вдоль западного берега реки Олым. Батальон, стоявший в районе с. Гатища, сразу же оказался разьединенным кавалерией красных. Две роты отошли в Гатище и здесь были окружены красными. Из села они пробились благодаря полному самопожертвованию пулеметчиков, но потеряв одно орудие. Они отошли за реку Кшень, потеряв связь даже с сотней штаба корпуса и Горским полком. С ближайшей станции Студеная было сообщено о положении в штаб 1-го полка и отряда. Но был наготове резерв, Стрелковый полк, уже погруженный в эшелоны, и его два батальона немедленно отправляются через Мармыжи на станцию Студеная.

26 сентября они с батальоном 2-го полка, собравшимся за ночь в полном составе, сосредоточились на реке Кшень под общим командованием командира Стрелкового полка полковника Гравицкого. В этот день 2-й полк перешел в наступление от станции Касторная по обе стороны реки Олым. На восточном берегу его части выдвинулись верст на 20 к северу, но на западном встретили жестокое сопротивление и вынуждены были отходить. Потребовалось еще три дня, чтобы полку, с подошедшим к нему 3-м батальоном стрел-

ков, и отряду полковника Гравицкого сломить упорное сопротивление и принудить красных к поспешному отступлению.

30 сентября. Стрелки заняли слободу Чернава, а 2-й полк вел наступление по обе стороны железной дороги в направлении на Елец. У села Большие Плоты красные попытались оказать серьезное сопротивление, но были разбиты, потеряв при этом четырехорудийную батарею с зарядными ящиками и в полных упряжках. Атаковали батарею конные разведчики того артиллерийского взвода и ординарцы того батальона, которые в селе Гатище были окружены, но пробились с потерей одного орудия.

1 октября полк остановился на линии станции Долгоруково. Кавалерийские части, приданные ему, были отозваны. И на этот раз прорыв красных кончился для них полным, главным образом моральным, поражением.

А в это время у Ливен...

19 сентября 1-й полк взял город. Полное расстройство противника позволяло продолжать наступление, но обстановка в тылу требовала немедленной отправки туда трети сил, а через день и второй трети. В Ливнах остались лишь один батальон и комендантская рота с двумя орудиями.

22 сентября красные, подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. На следующий день бой шел уже на окраине города, и только подход с юга 1-го батальона с командой разведчиков позволил удержать его. 24-го в критический момент подошел с юга и 2-й батальон.

25 сентября отбита сильнейшая атака красных, после чего они были отброшены несколько к северу. Этот день – день праздника 1-го полка. Полк провел его в бою. И только в городе собравшиеся чины штаба полка во главе с командиром полка полковником Блейшем и немногими представителями батальонов отметили его.

26 сентября полк перешел к активной обороне. Для него назревала опасность с юга. 1-й батальон переходит на южный берег реки Сосна и ведет наступление на восток, держа связь вправо с отрядом полковника Гравицкого.

30 сентября он, не доходя до слободы Чернава, снова переходит на северный берег реки, обходит Чернаву с запада и занимает село Троицкое, в 5 верстах от нее. Его команда разведчиков с капитаном Дубининым в 60 человек забирает два орудия. Красные, под угрозой обхода, оставляют слободу Чернава, которую и занимает Стрелковый полк. Но в то же время батальон оказывается в тылу у противника, стоявшего против Ливен. Один из красных полков торопится уйти на север за реку Чернавка, преследуемый 2-м батальоном, и у реки натывается на две роты, уже подошедшие к переправе. Красный полк попадает между двух огней, ищет спасения вброд. С противоположной стороны его встречают огнем свои.

1 октября 1-й полк весь вышел на линию притока реки Сосна, Чернавка, заняв фронт в 25 верст от села Троицкого до села Медвежье, в 20 верстах к северу от Ливен. Потери его доходили до 300 человек. Успех был явный (одних пленных было взято 1500), и он одержал его благодаря подвижности всех своих частей и инициативе их начальников. Огромную помощь оказали крестьяне, дававшие в ходе боев сведения о силах и передвижениях противника.

Физическая усталость покрывалась отличным настроением. Не высказывали его лишь лошади. Им действительно пришлось очень тяжело поработать, таская пулеметы и орудия по размокавшим от дождей дорогам и полям. Для лошадей необходимо, чтобы их совершенно разамуничивали. Командиры артиллерийских взводов просили об отводе на отдых и получили ответ: «Боеспособность артиллерийской единицы зависит от исправности боевой части, и, пока пушки целы и не отказываются стрелять, не может быть никакой речи об отдыхе батарей».

1-й полк быстро пополнил свои потери. В Ливнах в его ряды стало около 100 офицеров из жителей этого города, немало добровольцев из крестьян и прибыла партия в 300 человек, на вербованных в глубоком тылу, много было влиты пленных. Полк стал снова большой силой: по 700 штыков в батальоне, по 5-6 пулеметных взводов в каждом; комендантская рота и команда разведчиков по 200 штыков, даже конная сотня полка возросла вдвое.

Иное положение было во 2-м полку. Ликвидация второго прорыва стоила ему также огромных потерь до тысячи человек. Огромный участок? Встреча с коммунистическими частями, с двумя бригадами, с двумя кавалерийскими полками? Да, конечно. Но только ли это? Стали разбираться в своих упущениях, и не только в своих, и не в группах младших и средних командиров, но с участием командира полка полковника Морозова. В частности, по вопросу о взаимной поддержке. Полковник Морозов не мог оставить без последствий не оказание поддержки в бою 21 сентября со стороны 1-го батальона 1-го полка батальону 2-го, попавшему в тяжелое положение. Он и капитан Образцов непрерывно были в тесной связи со всеми частями полка, укрепляя в них дух.

Помимо того, даже в положении, в каком находился полк, выпускались приказы касательно всех сторон боевой службы; отмечались ошибки, упущения и проявления доблести офицеров и солдат. В приказах были фамилии пулеметчиков мл. унтер-офицера Папкова, ефрейторов Рогова и Плетнева. Общими усилиями полк решительно поднимал свой дух, совершенствовал руководство боя и разрабатывал тактику в бою. Он пополнялся пленными, а из тыла к нему пришло большое пополнение. Роты его стали по 120-150 штыков; пулеметов было достаточно, но оставалось сыгравшее уже роковую роль отсутствие в полку достаточной команды конных разведчиков.

Подъему настроения в обоих полках очень помогло сообщение, что 1 октября был взят Орел. Марковцы кричали «Ура!» корниловцам. Надежды на скорую победу крепили. Считали, сколько оставалось переходов до Москвы.

Но вот возвращавшиеся в полки говорили: газеты пишут и все говорят: «Корниловцами взят Курск. Корниловцами взят Орел». Генерал Май-Маевский сказал: «Орел орлам» и... ни слова о марковцах. Будто их и не существует. Раненые марковцы напрасно искали в газетах что-либо о своих полках. Впрочем, прочли сообщение: «Отряд капитана Коломацкого взял г. Ливны». Догадались, что говорится о них, марковцах, только по фамилии капитана Коломацкого и еще потому, что знали о наступлении своих частей от Корочи на Тим, Щигры, Мармыжи... Но кто другой догадается? Как-то было досадно.

Стоят они где-то, и если назвать эти пункты, то они окажутся большинству неизвестными и даже не на всех географических картах отмеченными. Значит, и роль их незначительная.

1 октября оба Марковских полка вышли на линию станция Долгоруково, слобода Чернава и далее на север по реке Чернавка. Их общий фронт до 60 верст. Стрелковый полк ушел на погрузку для отправки на внутренний фронт. Его сменил батальон алексеевцев, вошедший в подчинение командиру 1-го полка. Фронт полков был почти прямой линией. Но на флангах?

Правый фланг 2-го полка «висел в воздухе». Правда, в 25 верстах к востоку с севера на юг протекал Дон. Но может ли это быть гарантией? Правда, вдоль Дона вели наблюдение кавалерийские части Землянского отряда, но центр отряда в Землянске, теперь в 45 верстах к югу. Может ли служить обеспечением его фланга и Марковская инженерная рота, ставшая в Касторной, в 50 верстах к югу? Может быть, железная дорога, на которой стоит полк, является гарантией: подъедут бронепоезда, резервы? Нет. Все мосты на ней основательно взорваны проходившими здесь мамонтовцами. Фланг «висит в воздухе».

Левый фланг 1-го полка. Между ним и Алексеевским полком, пересекающим линию железной дороги Елец – Орел у станции Верховье уже в Тульской губернии, разрыв в 20 верст. Фланги обоих полков могут быть подвержены удару противника, силы которого против них составляют две стрелковые дивизии, Симбирская бригада, кавалерийская бригада и другие части. Елец, находящийся в 25-30 верстах, является опорным пунктом красных; к нему с севера подходят две железнодорожные линии, по которым быстро могут быть подвезены резервы.

Можно ли сказать, что отряд генерала Третьякова из трех полков, растянувшийся на 100 верст, имеющий к тому же «на весу» левый фланг алексеевцев (более чем 30-верстный разрыв с корниловцами наблюдался лишь Черноморским конным полком), крепко стоит на месте? Но об этом марковцы не думали. Их цель — взятие Ельца, большого города, отмеченного на всех географических картах. «Вот только подойдет младший брат третий полк!»

Белая идея и жизнь

Красные отходят. За ними следуют белые. На огороде работает старик крестьянин. Он подходит к дороге и, сняв шапку и низко поклонившись, говорит:

- Спасибо вам! Может быть, теперь мы вздохнем свободнее.

Жест. Слова... Их раньше на «широкой Московской дороге» не приходилось слышать, разве в городах.

Конная разведка марковцев в пять коней выехала далеко вперед. Деревня. Осторожный въезд в нее. Жителей не видно, но вот появились двое и направились к разведчикам.

Красных в деревне нет, сказали они и дали обстоятельные ответы на все вопросы. Сразу же между марковцами и крестьянами установились отношения взаимного доверия. Тут один из них пригласил к себе «откушать нашего хлеб-соли», уверив, что в случае появления красных им будет немедленно со-

общено. Марковцы приняли приглашение. В доме старосты все оказалось готовым к встрече «дорогих гостей».

- Мы все вас ждали с нетерпением. Уж больно плоха стала наша жизнь, - говорили в один голос бывшие в комнате крестьяне.

Как ни хотелось марковцам задержаться у радушных хозяев, все время повторявших: «Вы наши освободители», но нужно было ехать. Сердечно поблагодарив, марковцы хотели уплатить за еду, но они отказались принять деньги, говоря: «Сход постановил встретить и угостить белых». Ликовали сердца...

В маленькой деревушке остановилась Марковская часть. Пулеметчикам досталась хата на краю, так как они должны были держать свои пулеметы в готовности к бою. Во дворе встретили рослого, здорового, лет 35, крестьянина, но очень мрачного, усталого и чем-то озабоченного.

- Ну что же?! Идите в хату. Место есть, - сказал он.

Хата, да и весь двор не бог весть какие. Но для марковцев нужно было тепло, чтобы согреться и обсушиться, это главное, а затем горячего чаю и хотя бы отварной картошки, чтобы утолить голод до прихода кухни. Опытный глаз пулеметчиков сразу же определил, что на хорошее питание здесь не приходится рассчитывать ни им, ни лошадям. Комната, в которую вошли пулеметчики, была в сильно запущенном виде. Двое малых ребят при их появлении скрылись в другой. Вошел хозяин.

- А где хозяйка? – спросили его.

- Больна она. Лежит уж который месяц. Беда. Все хозяйство на мне; да и дети... А тут красные угнали меня с подводой на пять дней, возить их. Что ни говорил им, кричат, ругаются, грозят... — сказал он со злобой.

Видя положение хозяина, пулеметчикам пришлось быть насколько возможно скромными и осторожными в своих просьбах.

- Нельзя ли вскипятить чайку, сварить картошку? Заплатим, — обратились они к нему.

- Можно. Все будет, что в доме водится. Вот только беден я стал, даже хлеба нет... Подождите малость. Зарежу курицу.

Пулеметчики ахнули и запротестовали, говоря о скором приезде кухни, но хозяина это не убедило.

- Знаю я солдата и что ему нужно. Сам был унтером в Царской армии. Воевал! - И вышел из хаты.

За ним бросились, продолжая отказываться от курицы. Хозяин быстро ходил по двору, вытащил охапку сена и понес ее пулеметным лошадям, принес дров, в момент поймал курицу и зарезал ее.

Общими силами принялись за хозяйство и скоро уселись за стол, притащив с пулеметной тачанки небольшой запас провизии, имевшийся всегда. На столе появились, помимо курицы, картошки, лука и других продуктов, предоставленных хозяином, хлеб, сало, сахар, чай на заварку, соль.

Разговорились.

- Жил небогато, но все было. Да вот, большевики. Давай им все, даже последнее, - говорил хозяин.

Много он рассказывал о красных и ничего не спросил о белых, будто ему, да и всем крестьянам всякая власть лучше большевистской. В общей трапезе принимали участие и дети хозяина, которые быстро освоились с незнакомыми людьми и безо всякого страха разговаривали с ними.

- Эх! А вот от красных они прятались, боялись их, - говорил унтер. - Уничтожить нужно большевиков.

Не забыли марковцы и больную жену унтера. Попросили передать ей еду, отсыпали сахара, а затем один из них сбегал за сестрой милосердия, которая как-то позаботилась о ней. Немедленно после еды хозяину были предложены деньги за утешение, но тот решительно отказался от них.

- За что? Мы должны благодарить вас, что свободно вздохнули без красных. Вы же люди добрые, те...

Однако пулеметчики не хотели остаться в долгу. Они мобилизовали имевшиеся у них полотнище палатки, кусок кожи, рубахи, чай на заварку, кулек сахара и сала и еще что-то и предложили хозяину. От этих предметов он отказаться не мог.

Наутро марковцы уходили в дальнейший поход, сердечно расставшись с унтером. Последний на прощание сказал:

- Дай Бог вам удачи! Мы, крестьяне, с вами, а не с красными.

На охране железнодорожного моста у Ливен стояла марковская застава. Взаимоотношения с крестьянами были самые лучшие. Они радовались уходу красных и наступившему покою. Но вот на заставу пришли два-три крестьянина и сообщили, что в их дома вечерами заходят красные, требуют хлеба, мяса и насильно отбирают все, что им надо, и просили защиты. Было ясно, что в районе блуждают мелкие группы красноармейцев, отставшие от своих частей. Начальник заставы принял меры. По указаниям крестьян он произвел облавы и задержал несколько десятков человек. В благодарность крестьяне постановили снабжать заставу мясом (живыми баранами) и другими продуктами.

- Настрадались мы с большевиками да комбедами. Спасибо вам! - говорили они.

В Ливнах, уже через два-три дня после ухода большевиков, жизнь вошла в норму. На базаре крестьяне продавали свои продукты, а обрадованные горожане их покупали или, главным образом, выменивали на разные вещи. И те, и другие были довольны.

Любопытные к проявлениям народной жизни, марковцы тоже ходили на базар с целью узнать настроения населения и там слышали многое о жизни при большевиках. Горожане жаловались на недостаток продуктов, так как базары были запрещены, а крестьяне на то, что они ничего не могли продавать и из-за отсутствия денег что-либо покупать в городе. «В деревнях нас замучили продналогами, продразверстками, реквизициями и просто грабежами. А повезешь что-либо продавать, чтобы что-то купить, налетят милиционеры: «Что везешь? Спекулируешь» и все отбирают, и перестали мы возить в город и остались без сахара, чая, соли, гвоздей; раздетые, босые. А то, что имели

дома, приходилось прятать, чтобы не все ограбили. А теперь, слава Богу, свобода!»

Заметили марковцы и радостное настроение среди крестьян. Они встречались группами, разговаривали, смеялись и вместе на возах закусывали и попивали самогон. А в праздничные дни даже приезжали хорошо одетыми, чтобы пойти в церковь и праздновать со знакомыми.

- Как же нам не радоваться? При красных мы сидели дома, боясь куда-нибудь поехать; перестали знать, что с родней, родственниками, знакомыми, живущими в других деревнях. А теперь вот встречаемся. Хотя бы совсем сгинули эти большевики! - говорили они, а иные добавляли: - Не нужно нам советской власти. Была бы власть, которая дала бы нам свободу жить так, как раньше жили мы.

Было чему радоваться, но было и над чем глубоко задуматься. Наступала зима. Холодные дожди, чрезмерная сырость, а за ними придет и холод. Уже марковцы, совершив ли переход, или простояв часы на постах, или проведя день в горячем бою, быстро вбегали в отведенные им хаты, чтобы обсохнуть и согреться. Крестьяне это видели и понимали нужды бойцов.

В одной из хат хозяин и хозяйка готовы полностью обслужить, помочь своим постояльцам. Они видят, что те слабо одеты.

- Как же так? Ведь зима. А у вас ни рукавиц, ни теплой одежды?

- Ничего! Мы, марковцы, непромокаемы и непромерзаемы, - шутя отвечали им.

Хозяева пожимали плечами. На этом и закончился разговор о теплой одежде. Однако через несколько часов хозяин попросил старшего из них уделить ему время для разговора. Они уединились в другую комнату.

- Что бы вы ни говорили, - начал крестьянин (который, кстати, был старостой или старшиной, положение не признанное большевиками, но по-старому признаваемое крестьянами), - но у вас всех нет теплой одежды. Зимой пропадете. Большевики, так те насильно забирали у нас, что находили. А вы даже не просите.

Марковец сказал, что, конечно, теплые вещи им необходимы, но забирать насильно они не могут, а покупать денег нет.

- Не нужны нам деньги, - возразил крестьянин, - а вещи вам нужны, прикажите собрать, и они будут. Все охотно и с радостью дадут.

- Нет. Не можем мы отдать такой приказ.

Тогда староста объяснил, почему он, да и все остальные просят «отдать приказ»:

- Не дай бог, придут опять красные и узнают, что мы добровольно собрали белым вещи, не будет нам от них добра.

Но офицер не согласился и с этим доводом, оставив собеседника в полном недоумении. А через день, когда часть уходила, староста вынес два больших мешка и бросил их на подводу.

- Берите. Для вас это нужно. Не надо ничего. Спасибо вам. Это от наших сельчан. Только никому не говорите.

В мешках оказались рукавицы, теплые носки, телогрейки, даже полушубки и валенки.

- Эх! Что за народ в этом районе, - говорили между собой Марковцы. Он не только входит в наши нужды, он помогает нам и в борьбе. Смотрите, сколько уже записалось в полк. И сколько бы, да все охотно пошли бы с нами, будь объявлена мобилизация. Но почему медлят с мобилизацией?

- Да. Крестьяне, но не интеллигенция и даже не наш брат офицер, - говорил кто-то. - Интеллигенция это не народ, а...

- Народ, народ! А забыли 1917 год? - говорил третий.

- Ну, ну! Кто прошлое вспомянет, тому глаз вон.

Из разговоров с жителями выяснилось, что крестьяне уже в минувшем 1918 году поднимали восстание против красных. Восстание охватило большую полосу от Ливен, Ельца и дальше на восток до Волги. В рядах марковцев обоих полков были офицеры и солдаты, принимавшие участие в этом восстании.

Дело было так. В 50 верстах от Тамбова есть огромное село Мучкап с 30 тысячами жителей. В мае 1918 года жители села, возмущенные продналогами и разверстками, перебили прибывших для выколачивания дани красных. Сильный отряд красных с артиллерией произвел карательную экспедицию на село, расстрелял многих и увел с собою несколько тысяч мужчин. В Тамбове им было «предложено» поступить в Красную армию, и крестьяне согласились. Но когда им было выдано оружие, они восстали и захватили Тамбов. Вскоре восстание распространилось на большой район.

В Тамбове к восстанию присоединились офицеры во главе с генералом Богдановичем. Однако действия восставших были вялы. Красные стянули большие силы и рассеяли их. Часть разбежалась по домам, часть, преимущественно офицеры, небольшими отрядами ушли в леса, а часть была расстреляна. Причем особенно зверствовали те комиссары, которые были захвачены повстанцами и посажены в тюрьму.

Красные преследовали ушедшие отряды в лесах. Не всем, но все же немалому числу восставших удалось выйти на Донской фронт. Один отряд вышел в Саратовскую губернию и присоединился там к восставшим под командой капитана Копейкина, офицера из рядовых солдат. Но и эта группа была рассеяна, и часть ее вышла также на Донской фронт.

За два месяца до прихода марковцев в район Ливен через Елец прошел рейдом корпус генерала Мамонтова, к которому присоединились сотни горожан и селян из района Тамбова, Козлова и Ельца, принимавших участие в этом восстании. Конечно, осталось на своих местах громадное большинство, однако для марковцев было ясно, что крестьяне продолжали таить в себе живую ненависть к советской власти, интеллигенция же подчинилась ей полностью. В Ливнах продолжала стоять выстроенная красными триумфальная арка, знаменующая победу советской власти. Теперь она имела другое назначение. Видимо, она-то и давила на мораль интеллигенции, приводила ее в полную растерянность.

Марковцы вошли в Ливны. Немало народа встречало их с радостью. По крайней мере, так казалось. Обычное дело: в городах и больших населенных пунктах их встречали толпами, а в деревнях безлюдьем. Марковцев тянуло к жителям, чтобы узнать от них, как они жили при большевиках и как относятся они к своему освобождению. Невольно искали случая найти подкрепление той душевной радости, которую испытывали сами. Первое впечатление от разговоров: жители, и особенно интеллигентный слой, продолжали жить под влиянием страха. Не сразу они становились откровенными. Но вот в одной высококультурной семье разоткровенничались. Оказалось, что интеллигенция испытывает страх не только перед большевиками, но в некоторой степени от мысли о своей судьбе при белых.

- Что теперь будет с нами? Как мы будем жить? При красных мы кое-как устроились, служили, нам платили, ели скромно и не голодали. А теперь? Да допустите ли вы нас, служивших у красных, на службу в своих учреждениях? - говорили они.

Чем их утешить рядовым марковцам?

В Курске. В семье доктора; все почтенного возраста; рады освобождению; не знают, как благодарить. И в другой культурной же семье, где молодежь была на красной службе в разных учреждениях, беспокойство. Разговор не вяжется. Конечно, говорят о тяжелой жизни, а один из членов семьи передал то, что было сказано бывшим генералом, красным начдивом, стоявшим у них на квартире: «Все тяжести жизни в наше время вызваны Гражданской войной, и только по окончании ее жизнь может войти в норму». Но что же, в сущности, сказал генерал? Как его поняли эти люди? Он ушел с красными, следовательно... «Жизнь войдет в норму лишь с победой белых, и эта их победа принесет и конец войны», - заявили марковцы. Семья молчала. Интеллигенция. Что ей Россия?

Марковская часть расположилась в деревне в районе города Щигры. Один из командиров с помощником на квартире учителя народной школы. Их встретили холодно, но не без радушия. Пока хозяйка ставила самовар и что-то готовила, офицеры вели с учителем трудный разговор: он с ними был не весьма словоохотлив. Бросили взгляд на обстановку: чистая, уютно обставленная комната и квартира, на стенах портреты, литографии; этажерка с небольшим числом книг; письменный и обеденный столы, стулья, два кресла...

О текущей войне офицеры не поднимали разговора, надеясь, что заговорит о ней учитель. Но он молчал. Говорили о местности, о болотистой реке Щигор (Рать), где должна быть отличная охота. Вспомнили о И.С. Тургеневе, который охотился в этих местах. Однако тянуло поговорить о войне, о положении при большевиках, расспросить учителя, который, безусловно, много мог бы рассказать. Начали с вопроса о народном образовании.

- Большевики, вероятно, решительно коснулись школы, провели ломку? - высказал мысль один офицер.

Учитель как-то сразу стал энергичным и твердым.

- Да. Реформы! Но школу и тем более народное образование они не ломают, а проводят улучшения. Я не вижу и не ожидаю ничего, что бы грозило народному образованию.

Офицеры стали задавать ему конкретные вопросы.

- Единственно, что может помешать школьному делу, это междоусобная война. Вообще, она расстроила жизнь всему народу, - твердо отчеканил он.

Офицеры насторожились и с трудом сдерживались от острых вопросов и своих высказываний. Наконец, один из них сказал:

- Но с войной ведь вам-то надо примириться, так как один из тех, кто предсказывал «бурю», висит у вас на стене (М. Горький), а другие вели к ней (Чернышевский, Белинский...).

Учитель больше не отвечал. Офицеры стали болтать с его женой. Морально тяжело чувствовали они себя у этого народного учителя.

С артиллеристами произошел такой случай. Их разведчики влетели в село, которое очищали красные. Пули свистели по улицам. Желая выяснить отношение к белым со стороны интеллигенции, они разыграли такую сцену: вбежали в дом, явно не крестьянский, и там встретили священника.

- Батюшка! Укройте нас. Спасите от красных.

И в ответ услышали грозное:

- Уходите, уходите, окаянные! Кровь проливаете, людей озлобляете, жизнь мирную нарушаете.

Ни слова не возразив, разведчики вышли из дома. Им было не до смеха, хотя он и вырвался в первый момент. Жалкое положение интеллигенции: из-за страха перед красными она гонит от себя и белых. Жаль стало священника, видимо много пережившего. Но вот тогда же, проходя по улице села, разведчики встретили крестьянку, сказавшую им:

- Родные. Вы, кажись, белые? У меня в доме два раненых казака. Укрыла я их, когда напали красные. Один из них умирает. Пришлите доктора, может, спасет его.

Глубокой благодарностью наполнились сердца разведчиков. Оказывается, что крестьянка не вызывала местного лекаря к раненым потому, что «он большевик».

Батальон марковцев за день боя, разбив красных, продвинулся вперед более чем на 15 верст. Была ночь сырая, холодная, когда один крестьянин сообщил, что в следующей деревне, верстах в пяти, скопились большие обозы красных, а части уже ушли. Немедленно был организован налет на эту деревню.

Отправились 12 человек верховых с пулеметом Льюиса, влетели в деревню, но, увы, обоз уже уехал. Было очень досадно. Обратили внимание на большой двухэтажный дом с освещенными окнами. Решили заехать. В дом вошли три человека и увидели в большой комнате много детей. К вошедшим подошли интеллигентного вида женщины и с радостью обратились к ним:

- Товарищи! Вы еще здесь? А мы-то беспокоились.

- А вы отчего беспокоились? - спросили их.

- Да как же? Придут белые, пропадем мы все, - твердо заявили женщины.

- А неужели белые такие злые? - добродушно спросили их офицеры.

- Конечно! Они все кровопийцы, какие-то чудовища. Об этом нас предупредили, отчего мы и уходим от них всем приютом.

Офицеры едва сдерживали свой смех, но, видя действительное беспокойство воспитательниц приюта и детей, которым передавалось их настроение, они поспешили их утешить:

- Не беспокойтесь до утра.

Воспитательницы тут же предложили своим «защитникам» горячего чая, от которого те не отказались. Быстро выпив чай, марковцы поблагодарили за доброе угощение и вдруг заявили: «А мы-то ведь самые настоящие белые!» - и показали свои черные погоны. Произошла немая сцена из «Ревизора». Она закончилась марковцами их добрым пожеланием всему приюту возвращаться на свое место. Хотелось смеяться, но побороло чувство досады и огорчения. Как это могло случиться, что интеллигентные воспитательницы приюта видели в белых зверей, а в красных и своих и детей защитников.

Марковцев вела Белая идея – идея освобождения Родины и устройства жизни так, чтобы всем жилось хорошо. Предыдущий период наступления ставил им вопрос: «За что идет Белая армия?» Теперь на новом рубеже он не ставился. Крестьяне получили освобождение от большевиков, главное, чего они хотели, а интеллигент озабочен был одним: а что теперь будет с ним? При большевиках люди как-то устроились; ну а теперь?

Белая идея – идея свободной жизни в освобожденной стране. Она не фраза, хотя бы и высокого смысла, а побуждение к должным действиям. Носителями ее должны быть все. Но все ли понимают это? Должна быть власть, которая ведет, руководит и карает. Начальной властью в каждом освобожденном населенном пункте, естественно, являлась власть военная. Народ смотрит на нее, узнает ее первые шаги и судит о новой власти по поведению воинских частей и их отдельных чинов.

В этом отношении в Ливнах было неблагополучно. Военная власть проявила себя с отрицательной стороны. Поступавшие жалобы на насилия оставались без последствий, виновные не несли наказаний, они покрывались властью. «Неужели это та святая Добрармия, которая несет мир и покой?!» - было такое восклицание. Горожане даже послали делегацию генералу Кутепову, и тот должен был вызвать к себе для объяснения командира полка.

О бесчинствах в тылу узнавали бойцы на позициях. Они возмущались и даже посылали офицеров в штаб полка, но их под разными предлогами не допускали к командиру. Возмущение дошло бы до крайнего накала, если бы не отвлекала боевая обстановка. В моральном отношении высоко стоял 2-й полк со своими безупречными командирами, полковником Морозовым и капитаном Образцовым. Жизнь в духе Белой идеи не налаживалась.

Третий офицерский генерала Маркова полк

Еще в начале июня в Купянске было объявлено о формировании не только 2-го, но и 3-го полка, и сказано, что основным кадром 3-го послужит 9-я

Офицерская рота, но к формированию не приступали. 9-я рота продолжала участвовать в боях, неся потери. И только 1 сентября, в первый день наступления на Курск, кадр, пополненный чинами других рот, в составе 60-70 офицеров и солдат, выехал в Харьков.

Командиром полка назначен полковник Наумов, его помощником командир роты, капитан Урфалов. Форма одежды марковская с добавлением к таковой 2-го полка белого канта к верхнему обрезу рукавов гимнастерки. Полковой флажок – на черном фоне белый Андреевский крест, как и в 1-м полку, но с белой обшивкой по краям.

Полк начал свое формирование, в полном смысле, с азов. Ему не было дано ни одной готовой части, роты ли, пулеметного взвода, как это было со 2-м полком. Первое пополнение в 400 человек состояло сплошь из пленных, и все они были назначены в 1-й батальон. 12 сентября, когда формирование было перенесено в Курск, полк получил большое пополнение мобилизованными и пленными офицерами и солдатами, что позволило начать формирование 2-го и 3-го батальонов и команд.

Со снабжением полка необходимым снаряжением, обозом, лошадьми было еще хуже. В Харькове полковник Наумов напрасно пытался что-либо получить от штаба армии: все было, но отправлялось в другие формирующиеся части, и только с переездом в Курск полк начал получать необходимое. Но не хватало лошадей, двуколок, телег. Роты доведены были до 120-130 штыков; в каждом батальоне одна рота была офицерской. Кадр полка непрерывно пополнялся возвращающимися по выздоровлении от ран и болезней марковцами.

Но формировать полк не значит только создавать ему известную организацию, снабжать необходимым и даже готовить его части к бою, но и заниматься моральным его становлением: создавать дух, единство боевой доктрины, полное взаимопонимание и взаимное доверие. В этом отношении в полку было большое упущение. Занимались лишь в батальонах, а общего связующего руководства не было. Все, и то лишь в некоторой степени, решалось личными общениями среднего и младшего командного состава. Штаб полка был как-то мало чем связанной с полком единицей. В нем шла своя жизнь, отдаленная от готовящегося к боям полка. Один из чинов штаба, поручик, полуинвалид, доброволец-второпоходник, за совершенное им преступление был, по приказанию генерала Кутепова, расстрелян.

Самостоятельно шла жизнь и подготовка в батальонах, руководимых своими командирами. Занятия велись по их усмотрению добросовестно с расчетом закончить подготовку в кратчайший срок. Обращалось серьезное внимание на становление главного духа. Проводились беседы, особенно с офицерами, почти поголовно из мобилизованных в Курске и его районе. В одном из батальонов командир на первом же занятии сказал приблизительно следующее:

- Господа офицеры! Мы ведем борьбу с большевиками, и не мне объяснять, почему и зачем. Вы лучше меня знаете, что такое большевизм, коммунизм, рабоче-крестьянская власть, «вся власть Советам» и так далее. Вы ис-

пытали их! О борьбе могу одно сказать - она должна быть доведена до полной победы.

Нас, как армию, должно прежде всего интересовать, как вести эту борьбу, как достичь победы. Вы знаете, она ведется с конца 1917 года. Вы знали, читали о гибели Корнилова, Маркова, Дроздовского, о смерти Алексеева; читали и о победах красных армий и пр. Но, тем не менее, вот мы здесь, в Курске. Дело в том, что, как сказал наш шеф, генерал Марков: «И с малыми силами можно делать большие дела», и Добрармия их делала.

Далее командир батальона приводил примеры из истории марковцев, говорил о понесенных жертвах и о долге, который они, офицеры, теперь призваны и обязаны выполнить. Затем было предложено задавать вопросы. И по этим вопросам можно было судить, насколько эти «новые» офицеры не могут постичь высоты духа старых добровольцев. Им казалось, что численной силе должна быть противопоставлена такая же или немного уступающая численно сила, чтобы добиться победы.

Закончил беседу командир так:

- Господа! От нас требуется решительно победить в себе все колебания и страхи. От офицеров без всякого снисхождения!

В конце сентября полк смотрел генерал Кутепов. Внешний вид был блестящий. Но красоты недостаточно для боя: нужны были пулеметы не на двуколках казенного образца, а на любых тачанках, подводах. Совершенно отсутствовала хотя бы маленькая команда ординарцев-разведчиков.

Первые бои полка

На фронте наступление шло успешно, и кадр молодого полка уже подумывал об участии в нем: в боях быстро пройдут и обучение, и внедрение должного духа, и, наконец, пополнение всем необходимым.

Фронт подходил уже к Орлу; на правом фланге дивизии к Ельцу. Скорей туда, к своим старшим братьям 1-му и 2-му полкам! И... неожиданно и срочно грузится 2-й батальон, едет на участок к корниловцам и выгружается на станции Становой Колодезь, в 20 верстах не доезжая Орла, где стоял штаб дивизии. На следующий день он выступил в западном направлении. 5 октября высаживается и 3-й батальон. Что случилось? Почему полк побатальонно отправляется на фронт, и притом не на присоединение к своим полкам? Наступление Добровольческого корпуса не везде шло одинаково успешно. В то время, когда на правом фланге 1-й и 2-й Марковские полки подошли к Ельцу, левее алексеевцы пересекли железную дорогу Елец – Орел, далее влево корниловцы были у Орла на левом фланге, 3-я дивизия значительно отстала. Между корниловцами и 3-й дивизией образовался уступ верст в двадцать.

Штабу армии было известно, что к западу от Орла, в 60 верстах у города Карачева, сосредоточивается ударный кулак в составе Латышской дивизии и кавалерийских частей, но, тем не менее, он не сдерживал наступление корниловцев, а побуждал их взять поскорее Орел. Корниловцы, уже испытывавшие давление слева, продолжали наступление, 1 октября взяли Орел и сразу оказались под ударом не только слева, но и под угрозой обхода. Им в тыл устремились латыши. Из Курска навстречу им высылаются батальоны 3-го Мар-

ковского полка. 2 октября 2-й батальон столкнулся с латышами, уже перешедшими на восточный берег Оки южнее Орла. Во встречном бою он не удержался и, с потерей четверти своего состава, до 125 человек, отошел. На следующий день он, отбив латышей, перешел в наступление, но дошел лишь до вчерашнего места боя, где подобрал своих многочисленных убитых. Батальон вошел в подчинение командиру 2-го Корниловского полка. Латыши напирали. Положение становилось тяжелым. 5 октября оставлен был Орел. На фронт вызывается весь 3-й Марковский полк.

7 октября два батальона переезжают на станцию Дьячье. Полку (два батальона) дан участок от реки Ока до правого фланга 3-й дивизии.

9 октября им, без одного орудия, приказано перейти в наступление в направлении на город Кромь, во фланг обходящему корниловцев противнику.

Морозный день. Колонна шла в образцовом порядке, выслав вперед дозоры. Все шли в полном молчании. О чем думали офицеры и солдаты, идущие в первый для них бой с красными? «Старые» марковцы шли, пытливо присматриваясь к «молодым», волнуясь не за себя, а за них, им еще неизвестных. Они привыкли, что в старых марковских рядах шли с песнями, шутками, уверенно, смело. Образцовый порядок не был показателем надежности. Видно было, как впереди в версте как-то не по-«марковски» шли дозоры.

Там началась стрельба. Батальоны под артиллерийским огнем, развернувшись в боевой порядок, перешли в наступление, один на село Спасское, другой на село Добрыня. Атака была стремительной, и латышский полк их 1-й бригады стал отходить. Выдохлись пулеметчики, таща пулеметы в ляшках, и поздно открыли огонь. В обоих батальонах выбыло из строя 128 человек. Отменно наступала 3-я рота; ее довел до штыкового удара старший унтер-офицер за выбытием офицеров. В ротах настроение повысилось. Продолжая преследование, полк остановился, не доходя 2 верст до Кром, так как у него оказался под ударом левый фланг.

10 октября батальоны перешли в наступление на хутора, расположенные по обоим берегам реки Кромь, один восточнее города, другой западнее; расстояние между ними превышало 3 версты. Части хуторов на южном берегу реки были взяты легко, но перейти речку смог лишь левый батальон. И опять дальнейшее наступление было остановлено. Кромь оставались не занятыми. Ночью латыши атаковали левый батальон и принудили его отойти на южный берег. Здесь выказала свою слабость Офицерская рота, но поплатилась лишь потерей подводы с вещами. «Не огорчайтесь! И без вещей можно воевать», - говорили в утешение «старые» марковцы.

11 октября. Приказ: взять город, причем слева обеспечивать фланг будет Конный полк. Переправы и город были взяты легко и почти без потерь, но удерживать их на фронте до 5 верст невозможно. К этому выводу пришли оба командира батальонов, о чем и сообщили в штаб полка, остававшийся в 3 верстах к югу. Никакие убеждения, доказательства и просьбы «приехать и убедиться» не подействовали. «Город удерживать!» Была установлена телефонная связь между штабом и батальонами. Командирам батальонов при-

шлось самим решить: город не удерживать, но удерживать переправы, однако перед городом держать по две роты в качестве охранения.

Шел мелкий холодный дождь. Наблюдение стало хуже. Почва размякла. Из рот тревожные сообщения в связи с приближавшей ночью. Крестьянин сообщил о готовящемся ночном наступлении латышей. Из штаба полка приказание: усилить охранение, выслать разведку, полная бдительность и готовность.

Все уже сделано – был ответ.

Наступила ночь. На участке 3-го батальона захвачены два пулеметчика и пулемет. Пленные сообщили: наступают части 3-й Латышской бригады, а им было приказано выдвинуться с пулеметами насколько возможно вперед. О наступлении латышей сообщили в штаб, и оттуда приказание «немедленно прислать пленных». Донесение от командира 11-й роты, поручика Семенюшкина: «Латыши наступают. Взято 30 в плен. Роты отходят к переправе».

Внезапно телефонная связь с 1-м батальоном прерывается. Там глухо слышна стрельба, и на всем участке взвиваются светящиеся ракеты, тускло видимые сквозь пелену дождя. Неожиданно на переправу 3-го батальона прискакали подводы, пулеметные двуколки 1-го батальона с людьми на них. Они сообщили: красные атаковали переправу и взяли ее; куда отходит батальон, они не знают. Наконец подходят латыши; пулеметы открыли огонь. Батальон уходит за переправу. Разлетевшиеся на мост латыши скошены огнем Офицерской роты.

Командир батальона решает не задерживаться на хуторе у переправы, а отвести батальон на 2 версты в Закромский хутор. Сзади Офицерская рота. Настроение у всех нервное. И вдруг, когда латыши заняли хутор и осветили ракетами, роты увидели бегущих на них слева... Они в панике схлынули с дороги. Первой приведена была в порядок Офицерская рота, и крутыми мерами. Бегущие оказались не латышами, а чинами 1-го батальона, где-то перешедшими вброд неглубокую и неширокую речку и бежавшими «куда глаза глядят». Латыши не преследовали. 30 человек пленных латышей, конечно, скрылись.

12 октября. Всю ночь и утро собирался 1-й батальон, и, наконец, выяснилось, что потерял он не больше 50 человек; 3-й всего лишь трех ранеными. Потери ничтожны в обстановке, в которую были поставлены батальоны. Но моральное поражение они испытали огромное.

Из штаба полка проведен телефон в 3-й батальон. Командир полка вызывает к телефону командира батальона.

- Каково настроение в батальоне?

- Начиная с меня, у всех скверное, - был ответ.

- К вам выезжает батарея.

Четырехорудийная, запасная, 3-й дивизии. Ее командир, полковник Думбадзе, сам поехал на разведку местности.

Во второй половине дня вправо на участке 1-го батальона латыши перешли в наступление. Полковник Думбадзе это видел и уже установил на позиции свою батарею.

- Ерунда, а не наступление, - сказал он.

Но из штаба полка приказание отходить. Полковник Думбадзе по телефону передал в штаб: а зачем он здесь? И приказание было отменено; 1-й батальон остановил латышей, а подошедший эскадрон черноморцев атаковал и взял 10 человек в плен без того, чтобы батарея дала хотя бы один выстрел. Вечером батарея была отозвана из полка.

13 октября. Ночь прошла спокойно; с небольшой перестрелкой прошел и день. А вечером, в связи с общей обстановкой, батальоны были отведены к станции Дьячье, оставив перед ней, в деревне Зиновьево, шесть рот. Подошедший к этому времени 2-й батальон, бывший с корниловцами, остановился в селе Караськово. Оба пункта на северной стороне небольшого притока Оки.

14 октября. Холодно. Уже выпал снег. К станции Дьячье подошел 2-й Корниловский полк, который с 3-м Марковским составил отряд под командой помощника начальника Корниловской дивизии, полковника Пешни. Отряду дан участок от Оки, вдоль ее притока, до большой дороги из Фатежа на Орел включительно.

15 октября. С утра латыши перешли в наступление на деревню Зиновьево и с. Караськово и заняли их. У Зиновьево бой шел целый день. Отходить пришлось через речку в аршин глубиной и три шириной, так как мост был под обстрелом. Люди устали, проголодались, вымокли. Командир батальона распорядился, чтобы от каждой роты высылались по взводу в ближайшие дома. Уже была ночь.

- Вас требует командир полка, - доложил ординарец командиру батальона.

Ординарец подвел капитана Павлова к группе.

- Явитесь начальнику отряда, полковник Пешня, - сказал полковник Наумов и указал на другую, стоявшую в стороне группу.

Небольшого роста... и это все, что можно было рассмотреть в темноте.

- Доложите о бое! - Голос звучал слабо, но сухо. Доклад был короткий, и сейчас же спокойным, твердым тоном последовало:

- Возьмите деревню обратно. Достаточно ваших четырех рот. Даю на подготовку два часа. - О выступлении донесите. И добавил:

- В деревне батальон обсушится, отдохнет и будет сыт. Идите.

Подойдя к полковнику Наумову, капитан Павлов не успел сказать слова, как услышал:

- Я не верю в успех атаки!

Круто повернувшись, он пошел к батальону. Это была единственная встреча за время боев командира батальона с командиром полка.

Подготовка к атаке растянулась на три часа. Она была проведена отчаянным налетом в лоб и обходом деревни и встречена короткими очередями двух-трех пулеметов и десятком-другим ружейных выстрелов. Деревня была взята. Через час раздались на окраине деревни еще несколько выстрелов. Привели двух бывших офицеров – командира красной батареи и его помощника, но не привели батарею: она, услышав выстрелы, ускакала назад. Батальону пришлось ограничиться слабыми трофеями: три пулемета, несколько

подвод и десяток пленных. Но были и иные: десятки пар обуви, снаряжение и в каждом доме готовый ужин. Всю ночь по деревне выбегали и скрывались в темноте одиночные люди. Пленные говорили, что на деревню наступал батальон латышей и учебная рота, всего до 700 человек. Потери батальона при обороне до 30 человек, а в атаке всего лишь два, причем один из них был ранен штыком в схватке на улице своим же.

С 16 по 21 октября шли непрерывные бои на всем фронте отряда. Наступали латыши, наступал и отряд. Участок удерживался, и создавалось впечатление, что латыши выдыхались. Но что удивляло марковцев, их батальоны действовали вразбивку и входили в подчинение корниловским начальникам, а не своему командиру полка. Почему? Что случилось?

Узнали не сразу. Оказалось, командир полка отстранен начальником отряда от командования и вместо него назначен корниловец, поручик Левитов; более того, батальоны корниловцев и марковцев перемешаны, якобы ввиду небоеспособности 3-го полка; оказались сводными даже два батальона, состоящие из двух рот марковцев и двух корниловцев. На такую комбинацию капитан Павлов ответил: «При таком составе батальона я не могу быть в нем уверен!» И оказался прав: при выполнении одного ночного задания две роты корниловцев оставили батальон.

22 октября 3-й генерала Маркова полк отводится в резерв в Курск. Было многое, чем радоваться. Много самых разнообразных впечатлений осталось у чинов полка после трехнедельных первых испытаний. Дожди, сырость, слякоть, а потом снег и мороз... ночные и дневные бои; бессонные тревожные ночи, моменты крайней паники и радость удач... смелый и дерзкий враг латыши, но и некоторое ощущение своей силы... Однако, как знать, что думают и как переживают «молодые» марковцы все это, в особенности отход и оставление Орла?

«Старые» отнеслись ко всему как к неизбежным на войне явлениям. Оставление Орла? Местный тактический неуспех, который может быть исправлен и, думали, будет исправлен. Но их беспокоило и волновало иное: упущения, недочеты и большие недостатки в руководстве действиями их полка, вскрыть и устранить которые нужно немедленно.

В первые дни эта задача была отвлечена подсчетом понесенных потерь и приемом пополнения. Потери огромны – до 500 человек. Третий полка. Потеряно два пулемета, но взято больше. Полученное пополнение в 400 человек позволило довести роты до 80 штыков. Начались занятия, но опять без какого бы то ни было участия штаба полка. Если его участие и не важно в подготовке рот, то оно крайне необходимо в подготовке руководством в бою. Грубые недостатки в минувших боях были совершенно очевидны, и, тем не менее, их не пытались объяснить и даже попытаться устранить. Вопросы ставились, но штабом они отводились. Прошедший опыт умышленно не учитывался. В результате между штабом и командирами батальонов не было ни взаимопонимания, ни доверия. Не было и должной связи, за исключением формальной. С тревогой смотрели вперед начальники, несущие на себе ответственность.

Дивизия генерала Маркова

Первая дивизия Добровольческого корпуса после взятия Курска включала в себя уже три Корниловских, два Марковских, один Алексеевский и конный Черноморский полк; формировались 3-й Марковский и 2-й Алексеевский. Она уже действовала по двум отдаленным друг от друга направлениям через Орел и через Елец. Настало время раздела ее, как было решено раньше, на две дивизии – Корниловскую и Марковскую, и раздел был проведен со взятием Орла.

Генералу Тимановскому было предложено принять Корниловскую, как более сильную (три полка четырехбатальонного состава и большой численности). Он отказался, так как не хотел уходить от марковцев. Но ему не пришлось принять и Марковскую дивизию: два полка стояли под Ельцом, а 3-й на Орловском направлении. Он назначается временно начальником обороны Курска и получает в свое распоряжение 3-й Марковский полк, отведенный в резерв.

Однако обстановка последующих дней не только не позволила соединить 3-й полк с 1-м и 2-м, но и потребовала вывода на фронт отдельно от них. Дивизия не могла собраться воедино, и генерал Тимановский оказался без своих частей и без дела. Его желание принять командование над 1-м, 2-м и Алексеевскими полками удовлетворено не было: ими, как отрядом, уже с середины сентября успешно командовал генерал Третьяков. Генерал Тимановский грузит в свой поезд раненых и больных марковцев, лежащих в Курске, едет в Белгород и там ждет.

Дивизии не скоро удалось собраться, хотя все ее составные части и были готовы: три полка, инженерная рота, артиллерийская бригада и даже была санитарная летучка имени генерала Маркова. Она могла быть веской силой, но по ряду причин, от нее независимых, собраться и стать ею не могла. Не могла она присоединить к себе и одну батарею, остававшуюся с корниловцами.

О ней нужно рассказать особо. При наступлении на Курск она, в составе двух орудий, была придана корниловцам. Ее разведчики захватили одно орудие и поставили в строй. В Курске она получила четвертое орудие. При наступлении в Орловском направлении опять атакой разведчиков взяли два орудия и тоже поставили в строй. Батарея стала шестиорудийной. При дальнейшем наступлении с корниловцами она своим огнем разметала красных, и в результате боя был взят в плен штаб 55-й стрелковой дивизии во главе с начальником, бывшим генералом Станкевичем, братом генерала Станкевича, начальника 1-й дивизии в Донбассе, умершего от тифа. Подбила бронепоезд красных. Затем однажды, по инициативе командира батареи, полковника Изенбека, разведчиками батареи и корниловскими был проведен налет и захвачена четырехорудийная батарея не только в полной упряжке, но и с полным составом чинов. Батарея стала десятиорудийной, однако через несколько дней передав два орудия в Корниловскую артиллерийскую бригаду.

Успешное действие батареи обязано и корниловским частям, и ее собственному составу. Среди марковцев батарея называлась «детским садом», потому что состояла исключительно из молодежи, частично из той юнкер-

ской, которая прибыла в Добрармию в конце 1917 года в Новочеркасск, потом произведенной в офицеры. Молодежь была в этой запасной батарее для усовершенствования и расширения знаний, приобретения навыков в стрельбе. Насколько она усвоила необходимые для офицера-артиллериста знания, например «построение веера», неизвестно, но в бою «детский сад» показал себя отлично.

Бои за Елец

До марковцев не доходили сведения о положении на других фронтах и даже на отдельных участках дивизии. Оставление Орла и корпусом генерала Шкуро Воронежа им известно не было. Они знали лишь об усилении красных у Ельца и считали: если наступление их неизбежно, то лучше предупредить его контр наступлением. Кроме того, недалеко город и он тянет к себе.

И действительно, после четырехдневного затишья 5 октября 2-й полк переходит в наступление и 8 октября, после тяжелого боя (на одном из участков с отрядом матросов в 600 человек), отбрасывает красных на северный берег Сосны, правым своим флангом заняв станцию Талина Елецкая на линии Грязи – Елец. Полк растянулся вдоль реки, имея вправо и в тылу по реке Дон слабые кавалерийские части Землянского отряда, а влево разрыв до слободы Чернава в 10 верст, никем не занятый.

В эти же дни у 1-го полка...

5 октября генерал Третьяков собирает старших начальников и объявляет им о наступлении с целью разбить сосредоточивающихся перед полком красных и затем совместно со 2-м полком взять Елец. Объясняет план операции и назначает ее начало на следующий день, 6 октября. Но еще не закончилось собрание, как поступает сообщение: красные взяли слободу Чернава. Наступление откладывается на день, с тем чтобы батальон алексеевцев с поддержкой 1-го батальона марковцев восстановил положение.

6 октября Чернава взята, и с наступлением ночи 1-й полк стал занимать исходные для наступления положения под начавшимся дождем. 1-й батальон и батальон алексеевцев сосредоточились у Чернавы, 2-й батальон шел 12 верст из Преображенского в Рахманино к 3-му батальону. Частям выдается провизия на целый день; транспорт с огнеприпасами из Ливен растянулся, и несколько подвод безнадежно застряли. Дождь испортил дороги, хотя и перестал лить.

Задача: от Чернавы двум батальонам, при двух орудиях при каждом, разбить противника и занять села Афанасьевка и Хмелевое; двум другим с шестью орудиями от села Рахманино выдвинуться на север к железной дороге, затем, свернув на восток, прийти в Афанасьевку, которая к тому времени должна быть взята батальоном алексеевцев. Этим батальоном предстоял рейд по расположению красных не менее 35 верст. Команда пеших разведчиков переходит в Чернаву в резерв, а комендантская рота с конной сотней обеспечивает 30-верстный фронт, до сего занимаемый тремя батальонами.

7 октября приступили к выполнению задачи. 2-й и 3-й батальоны, под командой полковника Блейша, рассеивают охранение противника и вклиниваются в его расположение. Влево, в 3 верстах в деревне Лески, взят целиком

батальон в 300 штыков. Донесения разведчиков серьезны: впереди село Троицкое занято большими силами; со станции Рассошная проехали к Ельцу два пустых состава, а от нее отправились к деревням по ту сторону железной дороги две колонны; по словам крестьянина, на станции Шатилово красные выгрузились из двух составов и ушли в направлении Чернавы.

Чтобы не ввязываться в серьезный бой у села Троицкого, батальоны сворачивают на восток. Они идут по тылу противника, встречая слабое сопротивление. Но село Черник им пришлось брать с боем. Взяты сотни в плен, которых отправили на юг с подъехавшими с линии реки Чернавка разъездами конной сотни.

Не задерживаясь в селе, пройдя версты три-четыре, батальоны вдруг остановились, а две роты пошли назад. Оказалось, красные отхватили оставшие подводы со снарядами и их прикрытие. Но возвращение рот было неожиданным для красных; снова было взято 300 пленных, 6 пулеметов, 20 повозок и 3 походные кухни с готовым обедом и освобождены свои подводы. Роты позволили себе короткий отдых. Потом их спрашивали, зачем они ходили назад? Отвечали: «Чтобы пообедать».

Батальоны, не ожидая возвращения рот, пошли дальше и встретили сильное сопротивление у деревни Бараново, но и здесь красные были сбиты: большая их часть стала отходить на юг, меньшая к северо-востоку на Афанасьевку, находящуюся всего в 10 верстах. Наступал вечер. Силы измотаны. Скорей к цели. Но в том направлении, куда отступила большая часть красных, слышна орудийная стрельба. Нужно идти на выстрелы.

Батальоны выходят на большую дорогу из Чернавы на Елец. Полная тишина. Ночь. Связываются с алексеевцами, стоящими южнее. Связываются с генералом Третьяковым. Приказано занять Афанасьевку. Дошли, не встретив противника, а через короткое время в село входила и колонна красных. Не потеряв еще инерции движения, марковцы в темноте смяли эту колонну, захватив еще до 300 пленных и несколько пулеметов. И только теперь настал час отдыха после 17 часов похода с боем.

Полк выполнил задачу, хотя и не вполне по плану. Батальон алексеевцев, занявший днем село Афанасьевка, атакованный пехотой и кавалерией, вынужден был отойти к Чернаве в очень тяжелых условиях, едва не потеряв два орудия, командир которых, поручик Плотников, спасая их, был убит.

Марковцы понесли небольшие потери до 150 человек; серьезны они были у алексеевцев. Обидные потери понесли артиллеристы: нагонявшие свою батарею капитан Князев и поручик Грачев с несколькими солдатами, за исключением одного, успевшего перескочить плетень, были зарублены наскочившей красной кавалерией. Ночью убитые были привезены в Чернаву спасшимся солдатом.

Казалось, красным нанесено серьезное поражение: одними пленными они потеряли свыше тысячи человек из частей 3-й и 42-й стрелковых дивизий, много пулеметов. Казалось, теперь будет занят и Елец. И 1-му полку дается приказ атаковать город; с востока на него будет наступать 2-й полк.

Батальон алексеевцев, заняв село Черник, будет обеспечивать наступление слева; два взвода команды разведчиков – обеспечивать тыл батальонов у села Афанасьевка.

8 октября. Выпал туман. Подъем до рассвета. 1-й батальон наступает из с. Хмелевого. На его пути глубокий овраг с речкой Варголь, за которой позиция красных. С большими усилиями овраг перейден. Красные атакуют справа из леса; атака отбита, лес занят. К востоку, может быть верстах в пяти, слышен сильный бой, там наступает 2-й полк. Батальон приближается к самому городу. До него 2-3 версты. По батальону бьют тяжелые и легкие батареи. Отбивается сильная контратака. Батальон на окраине, но справа угрожают красные, а влево нет связи с 3-м батальоном. Время идет...

3-й батальон выступил из Афанасьевки по дороге южнее железной; сбивает красных с позиций по речке Варголь. Город близко, но доносят: в тылу красные. Он поворачивает назад и во встречном бою наталкивается на крайне упорное сопротивление. Встречные контрудары. Взяты в плен матросы Балтийского флота из отряда в 500-600 штыков. Сбить не удастся, тем более, что красные на фланге и пули летят в тыл со стороны Ельца. Наступила ночь. При таком положении остается одно: отходить в единственном свободном направлении, к югу. 1-й батальон, не дождавшись у города 3-го, с наступлением ночи тоже стал отходить.

Наступление 2-го батальона. Ему дана задача: по большой дороге из Чернавы на Елец обойти город с северо-запада, чем содействовать 1-му и 3-му батальонам во взятии города. Задача рискованная: он углубится в расположение противника и при атаке города будет иметь его в тылу. Батальону придется четырехорудийная 1-я батарея.

В тумане батальон сбивает заставу противника на железнодорожном переезде у станции Казаки. Идет дальше. Туман быстро исчезает, и под лучами восходящего солнца открывается четкая панорама: хутора, волнистый рельеф, вправо виден Елец и всюду цепи противника, высыпавшие из хуторов и спешившие собраться у дороги. Но быстрое движение батальона мешает им. У села Казаки красные оказали первое сопротивление, были сбиты и отошли на север. А дорога уже круто свернула на восток, затем на юго-восток, на город. Оставив роту в селе Казаки, батальон шел дальше.

В сиянии яркого осеннего солнца перед батальоном представилась картина: Елец, железнодорожная станция, мечущиеся по ней, тревожно гудящие паровозы, уходящие на север составы, скачущие по полям подводы... Огонь батареи прекратил движение поездов. Цель близка. Путь батальону открыт. Но... прискакал ординарец с донесением: красные большими силами наступают на Казаки. Туда поскакала батарея. Остановить красных не удалось: село ими взято и дорога, по которой шел батальон, перерезана. Продолжать наступление на Елец, имея в тылу противника? Но кого можно встретить в городе? Связи с другими батальонами нет, и батальон начинает отходить, стремясь выйти на большую дорогу. Он идет, сдерживая красных справа; его обоз и батареи по полевым дорожкам и прямо по полю. Переход через овражистое русло реки Варголь. Выдержит ли мостик тяжелые орудия? Красные

напирают. Потери растут; все подводы и даже пулеметные тачанки наполнены ранеными. Батальон отбился и вышел на большую дорогу. Пройдено 8 верст, когда казалось: «конец».

Справа идет колонна кавалерии красных, но что впереди? Видно полотно железной дороги, видна на нем цепь. Чья? Вперед скачут ординарцы, и... их встречают огнем. Но, может быть, «своя своих не познаша»? Цепь встает и идет навстречу батальону, огромная, густая. Две головные роты батальона рассыпаются в цепь, другие в арьергарде, за которым следует противник. А батарея? Она становится на позицию и открывает огонь бризантными гранатами. Четыре орудия по 12 снарядов на орудие — 48 гранат в течение 1—2 минут. Роты двинулись вперед. А на полотне другая цепь, и снова огонь батареи по узкому месту, чтобы пробить брешь. Красные разметаны. Роты на полотне железной дороги повернули свой фронт одна в одну сторону, другая в другую, прикрыв дорогу, по которой на рысях скакали подводы, батарея... под обстрелом с двух сторон. Раненые и убитые среди раненых; батарея теряет шесть лошадей, два человека убиты и четыре ранены. Переехав полотно, батарея снова открывает огонь. Бой прекращается уже ночью, когда отошли все роты.

До села Афанасьевка оставалось 3-4 версты. Но кто в нем? Посланные верховые сообщили: подходит чья-то колонна с запада. Батальон обходит село с востока. Сзади начался бой; вероятно, красные столкнулись друг с другом. В полночь батальон остановился в деревне Короткой, войдя, наконец, в связь с полком.

Ход событий минувшего дня стал ясен. Когда с утра батальоны полка перешли в наступление на город, резервы красных, стоявшие западнее, также перешли в наступление. Они у села Черник потеснили батальон алексеевцев, а у Афанасьевки обрушились на два взвода команды разведчиков, которые с потерей 60 человек из ста отошли к югу. Красные, оставив часть сил у села, потом встретивших отходивший 2-й батальон, отрядом матросов следовали за 3-м батальоном и ударили ему в тыл. Два дня боя и проделанные 60 верст изморили полк. Потери его доходили до 400 человек.

9 октября красные стремились развить свой успех. На с. Хмелевое наступали матросы, но, не взяв его, направились к Ельцу. К концу дня все батальоны полка отошли почти к самой слободе Чернава.

10 октября снова наступали красные. Их отбрасывали контратаками на версты. В эти дни ночами выпадал густой туман, державшийся долгие часы. Отчасти из-за него не замечались движения частей противника, но главным образом потому, что при полку не было его конной сотни, оставленной для наблюдения 30-верстного участка к западу. Полная неудача атаки Ельца объяснялась этим.

Но на Елец наступал и 2-й полк. Положение у него сложилось такое: он был в 20 верстах восточнее 1-го и должен держать две роты в обеспечение своего правого фланга на станции Талица и две роты в обеспечение левого. Наступать он мог лишь девятью ротами — силами слабыми.

8-го числа, когда 1-й полк наступал на город, 2-й отбросил перешедших в наступление красных с южного берега реки Сосна и подошел к городу на 4-5 верст.

9 октября, когда 1-й полк отбивался от красных, уже отойдя от города, 2-й с боем перешел реку Сосна. Левый его фланг южнее города встретил упорное сопротивление матросов; центр подошел к городу, но, оказавшись под ударом слева, остановился; правый фланг серьезного сопротивления не встретил. Но туман. Части полка растянулись веером; связь затруднительна. Пулеметный взвод подпрапорщика Сербинова, которому дана задача обеспечивать правый фланг, подъезжает к группе домов. Из дома выходит красноармеец и спрашивает: «Какого полка?» Ему отвечают: «Второго». – «Ничего не понимаю! Все бегут. Говорят, белые вышли в тыл», - говорит он и идет в дом, а за ним Сербинов с двумя своими. В комнате несколько человек. Вышедший из дома берет телефонную трубку, кому-то докладывает о положении, а затем, выслушав что-то и обернувшись, говорит: «Приказано сдерживать белых! На помощь приходит 61-я дивизия». Только теперь пулеметчики заявили, кто они, и, забрав телефон и пленных, вернулись в распоряжение своих частей.

Туман исчезал, и по мере того, как увеличивалась видимость, усиливалась пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Все яснее становилась угроза левому флангу полка со стороны матросов. Совершать перегруппировку рот нет возможности. Приказано: держаться до вечера и отойти за реку, удерживая за собой переправы.

10 октября, усилив свой левый фланг, полк снова перешел в наступление. На левом фланге под ударом «в штыки» матросы стали отходить и остановились на подготовленной и занятой их резервами позиции. (Подошел их отряд, бывший против 1-го полка.) Центр полка опять у города, который защищают два-три коммунистических полка; им взята товарная станция, но наталкивается на баррикады. На правом фланге, где теперь было меньше сил, цепи полка внезапно встретились с наступающей массой красных (бригада 42 стрелковой дивизии), которая с «Ура!» двинулась вперед, но залегла под огнем. Туман рассеивался. Гремели тяжелые и легкие батареи красных. Марковцы ожидают атаку противника. И, редкое явление, снимают свои пулеметы с тачанок и ставят на землю.

В наступление перешли матросы. Их теперь едва ли не 1000 штыков. Идут планомерно, перебежками с охватом левого фланга. Марковцы стали отбегать. Подлетевший на поддержку пулемет на тачанке замолк: два пулеметчика убито, перебиты и лошади. Приказ отходить за реку. Матросы на плечах полка перешли реку. Со станции Талица снимаются две роты на поддержку.

11-12-13 октября. Выпал первый снег; туман. Красные стремятся развить успех. Тяжелые бои у деревень Пушкарное, Казинка и с. Голубовка. Отчаянно отбиваются марковцы; бросаются в контратаки. Не выдерживают против матросов, грозные цепи которых шли с диким ревом, но быстро собираются, контратакуют и не выдерживают уже матросы, бегут, ища спасения за рекой.

В полку большие потери. Ранены командир полка, полковник Морозов, полковник Кудревич. В командование полком вступает капитан Образцов. В это время подходит к полку в составе 150 офицеров сформировавшаяся 1-я Офицерская рота. Положение для полка создавалось угрожающим: красные уже в тылу, на пути к Касторной. Ночами полк побатальонно отводится в слободу Чернава, не к югу, а к западу.

А у Чернавы в эти дни, с утра в тумане, непрерывные стычки трех батальонов 1-го полка и батальона алексеевцев с наступающими красными, которых всегда к концу дня отбрасывали. 1-й батальон полка, получивший задачу провести рейд по ближайшему тылу противника, из-за густого тумана не выполнил приказание. Капитан Попов получил повторное приказание. Под утро батальон с двумя орудиями скрывается в тумане, рассеивает охранение противника и его части в хуторах. В деревне Бараново он разметывает строящиеся части противника, берет пленных, часть обоза, в полном составе оркестр музыки, флаг кавалерийской бригады. Батальону дается короткий отдых. Играет захваченный оркестр. Часа через два батальон выступает дальше, отправив трофеи и пленных в Чернаву. Он сворачивает направо, идет на Афанасьевку. Мелкие стычки, более серьезные с кавалерией. Только во второй половине дня несколько рассеялся туман. Из Афанасьевки красные бежали. Батальон в тылу у красных, почти в 10 верстах от их передовой линии.

Наступает ночь, и снова находит туман. Батальон расположен тесно: он сам весь в охранении на все четыре стороны. Всю ночь на него нарывались всадники, группы красных. Их запирали в сараи; их сотни. Говорят, их части разбегаются. А утром в тумане батальон тронулся назад приблизительно той же дорогой. Ему на этот раз пришлось столкнуться с развернувшейся в бою пехотой. Взятых в плен он оставил в сараях. Батальон благополучно присоединился к полку.

О моральном состоянии частей советской 42-й стрелковой дивизии дал интересные показания один из взятых в плен краскомов. Под Ельцом дивизия была укомплектована до полного состава и готовилась к переходу в наступление. Комиссары и краскомы в ежедневных беседах с красноармейцами убеждали их в скорой и неизбежной победе над белыми и близком конце войны. Один из доводов — малочисленность белых, несущих большие потери, восполнить которые они не могут, так как никто не хочет служить в Белой армии, в то время как силы Красной непрерывно растут. Настроение красных, казалось, становилось бодрее. Но стоило только «чернопогонникам» начать наступление, как моментально пропадала бодрость и охватывала паника. Белые, казалось, были всюду. Роты и батальоны быстро рассеивались или сдавались. Пополнение прибывало непрерывно, но и оно заражалось страхом. Начальство принуждено было принимать суровые меры и включать в полки свежие батальоны из тыла взамен рассеявшихся. Если начальству удавалось заставить свои части драться, то эти части несли всегда огромные потери. Быть раненым для красноармейца - желанный выход из бессмысленной для него войны. Сам пленный краском признавался, что воевал поневоле, чув-

ствовал свою беспомощность, так как дерзкие по смелости действия «чернопогонников» парализовали его ум и волю.

Ну а марковцы? Они держались, несмотря на неделю отчаянных боев, несмотря на значительно уменьшившуюся численность, несмотря на сокращение часов, когда могли отдохнуть. Прошло теплое и сухое время, когда в боях и в охране можно полежать на земле. Теперь на нее, мокрую и холодную, не ляжешь. Плохо стало и с подвозом пищи, части всегда в движении. Сутками до них не могли добраться кухни с хлебом, а когда добирались, бойцы были рады и месиву в кухне, и черствому, промокшему хлебу. Как от лично ни были расположены к белым крестьяне, но что они могли дать?

Моральное состояние? Оно уже не было прежним. О наступлении на Москву не говорили и не думали. Но настроение было крепко на том градусе, который требовался, чтобы сдерживать противника, не считаясь с его и своими силами.

Опять оборона Ливен

Бои не прерывались ни на один день.

12 октября красные повели наступление на Ливны, на левый фланг 1-го полка, где стояла лишь комендантская рота в 250 штыков и отчасти конная сотня. Наступление велось большими силами, но вяло: сдерживал туман и, очевидно, угроза удара во фланг со стороны алексеевцев.

13 октября к комендантской роте спешила на помощь команда разведчиков и прискакал полковник Блейш. Он сказал: Дальше ни шагу!» – и сам вступил в руководство боем. В этот день все батальоны полка вели бои у Чернавы, и только ночью был снят 2-й батальон, получивший приказание срочно идти вдоль реки Чернавка, для удара в левый фланг и тыл наступающему на Ливны противнику.

14 октября. Перед рассветом батальон проходит села Пречистенское и Гниловоды и у с. Преображенского встречается с колонной красных, отбрасывает ее на север за речку, но тотчас же вынужден вступить в бой с другой колонной, занявшей пройденные им Гниловоды.

Положение на фронте полка грозное. Отбив на рассвете атаку красных перед Чернавой, 1-й батальон, по вызову, спешит теперь выполнить задачу 2-го. Но и он встречает третью колонну противника у Пречистенского и с боем занимает село.

15 октября на рассвете, когда красные начали наступление, он, не принимая боя, выступил под артиллерийским обстрелом для выполнения поставленной ему задачи и под огнем проходит у села Гниловоды, где вел бой 2-й батальон. После полудня он пришел к деревне Прилепы. Ему слышен бой в сторону Ливен; обстановка совершенно неизвестна. Но наступающие на город красные уже знают об угрозе их тылу и начинают отходить, принимают в сторону, теряют порядок, бегут. Их преследуют комендантская рота, команда разведчиков, конная сотня и частично 1-й батальон, начавший только разбираться в обстановке. До 600 человек из бригады 3-й стрелковой дивизии было взято в плен.

За три дня боя комендантская рота, под командой капитана Шваченко и руководством полковника Блейша, отошла на 12—45 верст, оказывая упорное сопротивление. Из 250 штыков она потеряла 117. Оставшийся один у Гниловод 2-й батальон с трудом отбивался, будучи охваченным кавалерией. Его выручил 3-й батальон, подошедший от Чернавы. Но оба они вынуждены были отходить под давлением трех колонн противника: 2-й в Козьмодемьяновское, 3-й в Хмелевое. Преследование 3-го батальона пехотой и кавалерией велось без перерыва; ночью он был окружен и атакован в деревне. Его выручил 2-й батальон. Едва 100 штыков перешли с ним в Козьмодемьяновское. Фронт марковцев прорван.

Батальоны 1-го полка уходили из Чернавы, когда туда стягивался 2-й полк. 14 октября в слободу пришел головной батальон и сразу же занял позицию на северной окраине. Батальон алексеевцев немедленно ушел на юг для обеспечения тыла: красные наступали на юг вдоль восточного берега реки Олым. Теперь снова фронт отряда генерала Третьякова шел от станции Касторная, на которой стояла Марковская инженерная рота с двумя орудиями, на север вдоль реки Олым до слободы Чернава, откуда сворачивал на запад до пересечения железной дороги от Ливен на Верховье. Фронт протяжением до 100 верст. Слобода Чернава делилась рекой Сосна на две части – восточную и западную; западная притоком Сосны, Чернавкой, на северную и южную. Позицию батальона 2-го полка пересекала Чернавка.

15 октября красные перешли из леса в наступление на правый фланг батальона. На ровном голом поле они, понеся большие потери, отхлынули назад. Усилив артиллерийский огонь, атаковали снова; пехота залегла, но из леса вынеслась лава кавалерии. Она достигла окраины слободы; за нею ринулась пехота. Стоявшая на правом фланге Офицерская рота оказалась отрезанной от моста. Часть ее пробились, часть успела перейти топкую речку, но 50 офицеров были частью убиты, частью пропали без вести. Контратакой, проведенной вброд через речку, положение было восстановлено. Батальон потерял до 125 человек.

16 октября ожидалось снова наступление на батальон с охватом левого фланга, но его не было: красным пришлось бы идти по телам своих раненых и убитых, продолжавших лежать на поле. Они пошли с востока на два батальона, отошедших к слободе после ряда столкновений с противником, пытавшимся преградить им путь отхода. Красные ворвались в слободу, ее восточную часть, но им удалось захватить только часть ее и несколько рот оттеснить к югу верст на 5 – 6 к переправе у деревни Бутырки, которую роты удержали за собой.

17 октября, сверх ожиданий, противник оставался пассивен. «Затишье перед бурей», и ожидаемая буря сжимала сердца. С рвением поспешно все очистили винтовки, пулеметы, орудия, подковывали лошадей. Крестьяне говорили: красные обходят слободу с запада. Вывод: 1-й полк отошел. Очень тревожно. И только вечером приказание: с наступлением ночи полк оставляет слободу и в двое суток должен перейти на станцию Касторная. 60 верст!

Приказание потрясло всех. Что это? Отступление? Мысль отказывалась верить...

В. А. Ларионов

На Москву

На следующий день, как только мы выступили, завязалась стрельба. Мое Первое орудие, поднявшись на бугор, попало под оружейный и артиллерийский огонь. Разорвавшаяся шрапнель ранила моего наводчика в плечо. С близкой дистанции мы открыли огонь гранатами по перелеску, где засела советская пехота. Стрелки полковника Гравицкого довольно бодро пошли вперед. Вскоре слева, западнее, также послышалась сильная оружейная и пулеметная стрельба. Сквозь моросивший дождь были видны цепи наступающего параллельно Марковского батальона и группы отступающих красных. Весь день мы продвигались вперед с боем. Очередь наших гранат, разорвавшаяся в лесной балке, выгнала оттуда значительную группу красной конницы, начавшую в беспорядке уходить назад. Мы преследовали ее огнем до самого горизонта. После этой недолгой схватки наша пехота уже не встречала сопротивления и в коротком бою захватила переправу через реку Сосна. Наш батарейный пулеметный взвод, под командой поручика Сергеева, работал все время в передовой цепи, хотя это и не входило в его обязанности. Вскоре и орудия переправились через реку.

Замелькали знакомые с молодости названия тургеневских мест: Льгов, Мармыжи, Ливны... Мы вошли в чудные края северо-востока Курской губернии, густые леса, равнины и поля.

Поручик Орловский со своими конными разведчиками взял в плен двух советских кавалеристов. Это были солдаты Алатырского полка 11-й советской кавалерийской дивизии; усатые наездники были хорошо одеты и вооружены. В их седлах находилось все, что было у кадрового кавалериста довоенного времени. Стало как-то неуютно на душе: против наших жидких пехотных рот действовала не только превосходящая нас по численности советская пехота и артиллерия, но и целая кавалерийская дивизия, отлично вооруженная и снабженная. Казалось, что своим отступлением советское командование лишь заманивает нас вперед, на север. Серьезных боев не было, и мы делали ежедневно переходы около двадцати верст на север.

Корниловская дивизия шла на Орел, а мы должны были двигаться на Елец. Наш отряд был крайним правым флангом 1-го корпуса генерала Кутепова. Правее нас, где-то за лесами, должна была быть конная группа генерала Шкуро, с которым у нас не было никакой связи, и еще восточнее Донской корпус генерала Мамонтова, наступающий на Воронеж. Дождь прекратился, и настроение стало лучше. Хотя мы побеждали и шли вперед, на душе было беспокойно: все сильнее ощущалась наша затерянность в этих бескрайних полях, долинах и лесах. Изредка попадались по дороге разоренные имения, полуобгоревшие усадьбы, белые камни полурухнувших палаццо, успевших уже зарости бурьяном. Сады и парки бурно разрослись.

Наконец мы пришли в «заштатный городок», скорее село, Чернаву, где остановились в хорошем доме сельского батюшки. Была объявлена дневка, которая затянулась на несколько дней. Молодой батюшка оказался «передовым» и о большевизме говорил с ноткой сочувствия. Он рассказал, что стоявшие до нас в его доме советские кавалеристы были «настоящие гусары», настоящие офицеры! (Можно было понять: не то что вы, «грубые солдафоны».) Но матушка, молоденькая, пышная брюнетка, была, видимо, другого мнения и охотно принимала ухаживания нашего пулеметчика поручика Сергеева, черноглазого, смуглого, веселого юнца.

Вишневая наливка не сходила со стола, а ординарец взводного командира, поручика Андрея Соломона, принес с пруда большого налима, выловленного путем брошенной в пруд ручной гранаты. За окном снова зашумел дождь, гулял осенний ветер, а у батюшки в доме было хорошо. Поручик Соломон спорил с батюшкой о социализме. Батюшка, явный «живоцерковник», был, возможно, и коммунист.

Сергеев почему-то слишком часто помогал матушке на кухне. Поручик Плотников рассказывал мне о полковнике Тимановском, начальнике Марковской дивизии, перед коим он благоговел: быть таким, как Тимановский, было пределом мечтаний бывшего «михайлона» туркестанского кадетика Плотникова. Начальник конных разведчиков Орловский налегал на наливку и пел свои заунывные кавказские мелодии. Нас было пять молодых офицеров 1-го взвода 6-й Марковской батареи, бывших юнкеров-первопоходников. Капитан Михно, командир батареи, уехал уже несколько дней тому назад в Курск торопить формирование 2-го взвода, и мы чувствовали себя более независимыми и самостоятельными. Наконец мы почти все получили командные должности, перестали быть «рядовыми юнкерами», гордились своей ответственностью, возможностью командовать и «приказывать» подчиненным. Между собой мы оставались товарищами и, не сговариваясь, образовали общий фронт против командира 1-го взвода, Андрея Соломона, игравшего в «начальство» и пробовавшего даже «цукать» нас, офицеров 1-го взвода. Андрей, несомненно, мечтал о карьере, и, когда в Чернаву прибыло управление дивизиона, он тотчас же отправился с визитом к командиру дивизиона, тучному полковнику Воробьеву, и пригласил его к нам на налимью уху. Обласканный приемом в управлении дивизиона, Андрей Соломон, вернувшись, ходил по комнате, напевая:

Как весна, жизнь красна,
Еще краше слава.
В бой пойдем, нам нипочем...
Храбрым бой забава...

Поручик Орловский улыбался, хорошо зная переживания Андрея в боях, а были они весьма далекими от «нипочем». Орловский часто носился со своими конными разведчиками-черкесами между фронтами, приводил пленных и плевал на батарейное начальство Андрея Соломона.

Итак, Андрей Соломон вернулся от начальства в хорошем настроении и предвкушал обед с полковником! Потом послал своего ординарца-хохла на

озеро бросить вторую гранату и принести второго налима, поскольку первый был уже нами съеден. Минут через десять ординарец вернулся смущенный и доложил, что граната не разорвалась и налива «нэма»: он бросил гранату, не сдвинув предохранителя. Тогда послал ординарца к командиру Сводно-Стрелкового батальона, но тот прислал холодный ответ, что ему нужны ручные гранаты для боя, а не для ловли рыбы. Андрей забегал, не зная, что делать. Баран или курица были в то время не угощением для высокого начальства, а ежедневной их пищей, и, кроме того, полковник был приглашен именно на налимью уху, а не на куриный суп. Время тянулось томительно медленно, час обеда неуклонно приближался, а выхода никто не видел.

Однако providение было на стороне Андрея: неожиданно над крышами уютной Чернавы прожужжала очередь советских гранат и с грохотом разорвалась на огородах и в поле. На аванпостах четко застучал «кольт». За первой очередью гранат вторая разорвалась между домами и сараями. Кони заметались на коновязях, ездовые побежали с седлами в парк, по проулкам прискакали конные – связь от командира полка. Андрей отдавал сбивчивые распоряжения. Мы с Плотниковым побежали к орудиям. Было видно, как по кособоку на юг, в направлении на Ливны, ускоренной рысью уходила группа всадников с черным флажком. Это было управление дивизиона, не дождавшееся налимельей ухи. Мы с Плотниковым запрягли орудия и ждали дальнейших распоряжений. В Чернухине было явно неблагополучно, веяло паникой. Вскоре мимо проехал командир «партизанского» Алексеевского полка. Он держал в руке выхваченный из кобуры пистолет и крикнул нам: «Выходите скорее на Ливенскую дорогу, нас обходит конница!»

Мы двинулись дальше. Краина Чернавы оказалась не занятой: они боялись нас, а мы их... Большевистская пехота заняла лишь половину Чернавы, по тому берегу речки. Партизаны-алексеевцы осторожно пошли вперед и залегли между домами по этому берегу речки. Началась по Чернаве частая, беспорядочная ружейная стрельба. А наши пушки били по окраине, занятой красными, и по опушке леса. Я корректировал стрельбу с чердака здания школы, но нигде не обнаруживал ясной цели. Откуда-то из леса, на далеком прицеле, большевистская батарея вела беспорядочный огонь по занятой нами окраине и по полю, где были наши зарядные ящики. Там же стоял обоз алексеевцев и пулеметная команда поручика Сергеева. Я наблюдал, как Сергеев «воспитывает» свою молодую пулеметную команду из курских гимназистов: он не увозил пулеметы из зоны гранатного обстрела и ругался, когда замечал, что кто-либо из команды «кланяется» гранатам.

Так продолжалось целый день. Я надеялся, что к ночи мы пойдем на какой-нибудь хутор, но ошибся; появился исчезавший куда-то поручик Соломон и объявил, что ночевать мы будем тут же, на краю Чернавы, а завтра, на рассвете, со стороны Ливен подойдут марковцы и мы перейдем в наступление. На рассвете я был снова на чердаке школы и оттуда начал вести стрельбу, подготовляющую предстоящую атаку. Гранаты глухо рвались на окраине Чернавы и на опушке леса; в бинокль можно было рассмотреть какие-то повозки. С волнением я увидел, как по балке, слева от Чернавы, движется ко-

лонна марковцев и, рассыпаясь в цепи, обходит Чернаву. Вспыхнула торопливая и беспорядочная оружейная и пулеметная стрельба. Марковцы ворвались в город. Было ясно видно, как от речки и с окраины Чернавы к лесу бегут группы красных и несутся их повозки. Наши пушки прямой наводкой начали беглый огонь, подбадривая бегущих в лес.

Победа была за марковцами. Широкоплечий марковский полковник подъехал к штабу Сводно-Стрелкового полка. Он, очевидно, с утра хватил «спиртяги», ибо, как вепрь, налетел на командира сводных стрелков, обрушив на него потоки ругани: «Почему вы, мать вашу, не атаковали одновременно с фронта?.. Мы бы их всех взяли голыми руками!.. Из-за вас я взял лишь триста пленных!»

Мы пошли вперед через город, а позади все еще слышались крики и ругань полковника. Разгром красных был все же ощутимый. Улицы и дворы были покрыты порванными документами, из коих следовало, что против нас дрался какой-то полк «Имени Ленина», своего рода гвардия. Навстречу шли группы пленных. Мы вошли в лес за пехотой и, так как большевики бежали быстро, свернулись в походную колонну. Шли почти два часа и лишь верстах в десяти от Чернавы, перед селом Афанасьевка, красные, очевидно получив подкрепление, пробовали оказывать сопротивление. Наша пехота, поддерживаемая нашим огнем, тротильными гранатами и конной атакой десятка черкесов Орловского, с фланга ворвалась в Афанасьевку (13 октября). Шапка Орловского оказалась пробитой пулей, чему он был доволен.

Мы остановились в богатом доме, где было много книг, хорошая мебель, много спирта и наливки. Квартира носила следы спешного бегства: на диване валялась офицерская шинель мирного времени без погон. На столе был граммофон и куча пластинок. Мы, усталые от боя, марша и наливки, повалились спать. Не легли только Плотников и я. Я был озабочен тем, что мы расстреляли почти все снаряды, и послал в Чернаву конного разведчика, чтобы этой же ночью привезти нам снаряды из дивизионного парка. Плотников нашел граммофонную пластинку «Преображенский марш» и постоянно ее заводил. Временами он наливал себе наливки и снова заводил марш: «Знают турки нас и шведы...» Трудно сказать, какие мысли будил в нем старый петровский марш, после грохота боя, лесного марша и глуши русских деревень...

Наутро нас, с тем же Партизанским батальоном, повернули почему-то обратно на юг к реке Сосна. Мы снова шли через лес по малопроезжей дороге. После часового марша колонна неожиданно была обстреляна с близкой дистанции из лесной балки и на ура атакована красными. Но памятны были уроки Корниловского Кубанского похода! В минуту обе пушки были сброшены с передков, повернуты на балку и... выплюнули картечь и гранаты. Ободренные вчерашней победой стрелки сразу же пошли в контратаку, а поручик Орловский тут же, у орудий, рассыпал своих черкесов в лаву. Черкесы через лес пошли в конную атаку, а с ними поскакали Сергеев и Плотников. У Плотникова орудие заклинило, и он рвался в бой. Через минуту все утихло, лишь далеко за лесом слышались еще вспышки оружейной стрельбы. Вели пленных...

Сергеев, поручик-пулеметчик, не вернулся из этой конной атаки. Орловский рассказал, что Сергеев заскочил слишком далеко вперед, увлекшись преследованием бегущих красных, и не заметил сильного конного разъезда. «Его зарубили, и мы не могли ему помочь». Плотников тоже носился на своей маленькой лохматой лошаденке, врываясь в группы бегущих красных, и взял в этот день больше тридцати пленных.

Удрученные смертью нашего товарища, мы в этот вечер печальные сидели на хуторе, почти на самом берегу Сосны. Появился всезнающий поручик Соломон и сообщил, что завтра мы будем наступать на город Елец, находящийся уже недалеко. В Афанасьевке сосредоточилась вся группа генерала Третьякова и даже прибыло наше управление бригады. Где-то поблизости с 1-м Марковским батальоном находится и наша родная 1-я батарея полковника Шперлинга. Снаряды были нам доставлены в эту ночь нашим юнкером Преображенским, который с несколькими повозками, нагруженными снарядами, преодолел густой лес, почти тридцать верст по незнакомым дорогам, без конвоя.

Черкесы Орловского привели советского конника, видимо заблудившегося в утреннем тумане. Поручик Соломон решил, что этот пленный – советский комиссар. В карманах пленного были списки какой-то команды и 3000 рублей. Андрей допрашивал его с искусством заправского чекиста и хотел непременно подвести его под расстрел. Пленный держался с достоинством. «Я не комиссар, а вахмистр Алатырского конного полка. Я из Харькова, где у меня жена и маленькие дети», - сказал он. Плотников и я вступились за него и заставили Андрея отложить решение до следующего дня.

Ночью в стороне Афанасьевки клокотала ожесточенная стрельба, продолжавшаяся довольно долго. Утром стрельба разгорелась снова. Нас вытребовали в Афанасьевку. Было нехорошее предчувствие, когда мы двигались через лес на выстрелы. Наше Второе орудие, с поломанным ударником, шло с обозом. С пехотой шло только мое Первое орудие, а Плотников ехал в стороне на своей Мохнатке. Вскоре мы въехали в Афанасьевку: на улицах валялись поломанные повозки, мешки, была рассыпана мука.

Вокруг Афанасьевки кипел бой. Штаб группы генерала Третьякова уже куда-то выехал, и на пустынной улице, на одном из домов, висели значок командира батальона полковника Агабекова и значок нашего дивизиона. Дивизионные разведчики спешно седлали коней. Из разговоров можно было понять, что главные силы группы – 1-й и 2-й батальоны Марковского полка – уже прошли на Елец и ведут там бой и что в то же время наша группа атакована с фланга и тыла сильными пешими и конными частями Красной армии. Нас выдвинули на окраину села, откуда было ясно видно, как густые цепи красных беспрепятственно наступают на Афанасьевку с севера.

Видя, что Партизанский батальон медлит рассыпаться в цепи навстречу противнику, я понял, что общее положение неблагоприятно. Действительно, скоро понеслись, обгоняя друг друга, повозки хозяйственных частей, разведчики управления дивизиона и бригады... Вся масса повозок и конных густой колонной неслась прямо на Елец, в сторону противника. Оказалось, что в это

время советская конная бригада вышла нам в тыл — это и было причиной паники. Когда советские цепи значительно приблизились и выскочившая вперед пулеметная тачанка начала строчить по бегущей колонне, паника еще увеличилась. Дивизионный адъютант, поручик Бахмулин, наш константиновец, получил пулю в шею и упал с коня.

Традиция Корниловского похода и школа капитана Шперлинга не позволили скакать в общем бегстве. «Стой! С передков налево! По пулемету... Прямой наводкой! Двадцать... Гранатой огонь!» Потом 19... 18... 17... Когда разошелся дым разрывов, стрелявшего пулемета не было больше видно... «Какой батареи? Как фамилия?» - услышал я позади себя голос. Это был генерал, начальник группы. «Шестая Марковская батарея, Ваше Превосходительство». Генералу понравилось, что мы спокойно стреляем, когда кругом бегут.

Отступление к Ельцу стало более планомерным, но продолжалось недолго. С ближайшего гребня мы увидели город Елец в дымке, купола церквей и фабричные трубы. Навстречу нам двигались повернувшие от Ельца нам на помощь Марковские батальоны. Как на параде разворачивались они из походных колонн в цепи. Я обрадовался, когда увидел знакомые английские пушки, коренную кобылу Машку, синий башлык Котика Слонимского, полковника Шперлинга, смешливого худенького Кузьмина, вспоминавшего все прошлые бои батареи не по боевым эпизодам, а по тому, где и что он ел... У него так и осталась училищная кличка Козерог. Козерога все любили, но не пускали стрелять из орудий, и он был несменяемым «ящичным вожатым».

Я поскакал навстречу родной 1-й батарее, снимавшейся с передков близ моего орудия. Долго говорить было некогда. Полковник Шперлинг бросил испытующий взгляд на меня и на мою запряжку. Улыбнулся... Нельзя было понять, одобряет он или осуждает что-либо.

Красные подтянули новые резервы, подвезли батареи и начали энергичную контратаку. Огонь красных был силен, но что могло быть страшным, когда рядом стоял 1-й взвод генерала Маркова батареи? Вокруг рвались гранаты, свистели осколки и шрапнельные стаканы, было действительно «жарко». Но как хорошо было стоять на зарядном ящике, смотреть вперед в бинокль, спокойно подавать команды и не замечать «ада». Из уважения к бывшему командиру подавать те же команды, что и он, и сознавать, что он, быть может, смотрит сейчас на своего ученика, а ученик не должен ударить в грязь лицом ни за что...

К вечеру марковцы сбили красных по всему фронту и наши гранаты долго провожали сбившиеся, бегущие цепи большевиков, с далеким глухим гулом разрываясь темными букетами на косогорах и далеких гребнях.

К вечеру, когда бой уже затих, из штаба дивизиона приехал Андрей Соломон и сообщил печальную весть: «Плотникова больше нет»... Сдав свое заклинившееся орудие обозу, он скакал по цепям, ища подвига. Во время общей атаки большевиков, когда дрогнул и начал быстро отходить батальон Партизанского полка, Плотников подскакал на своей Мохнатке к отступающей цепи и, осаживая свою кобылу, закричал офицерам и солдатам: «Слушать мою ко-

манду!.. За мной вперед!» Очевидно, в его мальчишеском голосе зазвенело что-то сильное и непоколебимое, что-то, что было сильнее страха смерти, что заставило бегущих, обезумевших от страха людей вдруг остановиться, повернуться, закричать «Ура!» и побежать в такую страшную контратаку, не слыша треска оружейной и пулеметной стрельбы...

Вероятно, Плотников пережил истинный духовный подъем: в один такой короткий и в то же время вечный миг пронеслись перед ним, в лучах сияния славы, образы Суворова, Скобелева, Маркова, Корнилова... Вероятно, он увидел и своего любимого начальника Марковской Дивизии Тимановского... Вероятно, в это время в его ушах гремел Преображенский марш и заглушал все – и пушечную стрельбу, и грохот боя.... Потом, быть может на какой-то короткий миг, он увидел серое небо и затем вечный мрак. Атака была безумной. Одна рота, хоть и смелой, дерзкой атакой, не смогла бы опрокинуть наступающую широким фронтом советскую бригаду с артиллерией. Не стало Плотникова, и мы не могли его похоронить, тело его не было найдено.

Елец в этот день не был взят, не был взят и в дни последующие. Мы получили приказ отступить на Чернаву. Потемневший ночью лес теснился к дороге, тянущейся еле видной лентой. Я шел пешком за орудием, прислушиваясь к монотонному шуму колес, и думал о Плотникове. В ушах все еще слышался треск оружейной стрельбы, визжали и свистели осколки. От леса веяло спокойствием, миром, пахло сырым прелым листом глубокой осени. Печальна была этой ночью вчерашняя победная дорога. Вскоре между деревьями замелькали огоньки Чернавы. Через полчаса мы уже сидели за чаем у того же батюшки-социалиста. В комнате было так же тепло и уютно, лишь два стула остались пустыми...

Мы делились впечатлениями пережитого и вдруг вспомнили пленного «комиссара». У обозного фейерверкера мы выяснили, что весь день тяжелого боя под Афанасьевкой «комиссар», без всякой охраны, находился при вышедшем из строя орудии Плотникова и не пытался сбежать. Не сбежал он и ночью, когда не было никакого труда нырнуть в придорожные кусты. Андрей Соломон позвал «комиссара» и, когда тот вошел и вытянулся, как вытягивался русский кадровый кавалерист, спросил его: «Хочешь к нам в батарею разведчиком?» «Комиссар» обрадовался: «Так точно, Ваше Высокоблагородие!» Дали ему погоны с фейерверкерскими нашивками, шашку и драгунскую винтовку, и он ушел довольный.

Но не прошло и часа, как из штаба группы пришел приказ: «Немедленно расстрелять взятого вами в плен советского комиссара»... Андрей подумал, позвал своего ординарца и приказал ему привести пленного. Я с тревогой ждал развязки. Пленный, уже в фейерверкерских погонах, вошел в комнату. Андрей Соломон прочел ему приказ о его расстреле. Лицо пленного побелело, он молчал. В комнате было тихо, слышалось лишь тиканье старых часов на стене. В тишине раздался голос Андрея: «Ты наш солдат и уже надел наши погоны. Оставь здесь шашку и винтовку. На мосту на южной окраине нет заставы. Ступай с богом и, если к тебе когда-нибудь попадет белый, поступи с ним так же». Пленный не бросился на колени, но лицо его выразило всю глу-

бину его чувств. Дверь хлопнула. За окном слышались торопливые шаги... На сердце сделалось легко и тепло.

На другой день был получен приказ об отступлении на Ливны, это был первый день «Великого отступления».

А.М. Леонтьев

Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России.

Наступление ударной группы генерал-майора Третьякова в направлении железной дороги Орел - Елец и занятие города Ливны

15 сентября ударная группа в составе 1-го и 2-го Офицерского генерала Маркова, 1-го Партизанского и сводного стрелкового полков, генерала Маркова, 2, 3, 4 и 7-й батарей 1-й Артиллерийской бригады, перешли в наступление. Справа 3-й Конный корпус генерала Шкуро продвигался к городу Воронежу. Слева корниловцы временно оставались на месте. Стояла теплая и сухая погода. Кругом поля сжатых хлебов, кое-где подготавливались к посеву озимых, иногда разоренные усадьбы и бедные деревни. С продовольствием было плохо. Население Орловской губернии дружелюбно встретило наши войска и оказывало всяческое содействие.

К западу от железной дороги Мармыжи – Ливны, на широком фронте, отдельными батальонами наступал 1-й Партизанский генерала Алексеева полк со взводами 2-й, 3-й и 7-й батарей. В прорыве между алексеевцами и корниловцами должен был действовать Черноморский конный полк, который постепенно перебрасывался сюда из района станции Касторная. Вдоль железной дороги и столбовой дороги на Ливны шел 1-й Офицерский генерала Маркова полк с батареей генерала Маркова и взводами 3-й (шесть орудий) и 7-й батарей и от станции Касторная, уступом сзади выдвигались прибывавшие из Курска части 2-го Марковского полка и Сводного Стрелкового с 4-й батареей. По мере нашего продвижения сопротивление красных усиливалось и появились их конные части в виде отдельных полков и бригад.

Брошенный Троцким лозунг «Пролетарий, на коня» как будто начал давать результаты. Боеспособность этих полков была слабая, но им удавалось прерывать связь отдельно действующих батальонов со штабами полков, нападать на наши обозы и одиночных людей. Появление конницы, особенно на правом фланге 1-го Офицерского Марковского полка в районе реки Олым, задерживало наше наступление. Большинство наших полков не имело конных сотен, и поэтому создавали сводные конные отряды из батарейных разведчиков и батальонных ординарцев для сопровождения транспортов с боевыми припасами, восстановления связи и ликвидации местных рейдов красных по нашим тылам.

Левофланговый батальон партизан с 1-м взводом 2-й батареи выступили из села Косорож и 17 сентября заняли село Дросково, где оставались до 1-го октября. 3-й батальон с 1-м взводом 3-й батареи из села Н. Ольховатка, с небольшими столкновениями, быстро продвигались вперед, в ночь с 18-го на 19-е заняли село Пеньшино и после небольшого привала, на рассвете, с боем

заняли станцию Русский Брод к северу от города Ливны и перерезали железную дорогу между городом и станцией Верховье. Были захвачены эшелоны с интендантским грузом и одно орудие, которое сразу же приняло участие в бою. На станции выяснилось, что между Ливнами и Русским Бродом застряли красные бронепоезда. После полудня красные начали наступление со стороны Ливен при поддержке бронепоезда и вооруженного орудием «вспомогателя». Взвод несколькими гранатами разбил бронепоезд «Стенька Разин», после чего пехота и «вспомогатель» быстро отступили.

Отцепив паровоз «вспомогателя» и нагрузив его снарядами, противник пустил его на разбитый бронепоезд. От столкновения снаряды начали взрываться, и железнодорожное полотно так исковеркали, что чинить его пришлось несколько дней. Бои в районе станции продолжались до вечера 24 сентября, когда в связи с общей обстановкой отряд отошел в село Пеньшино. Захваченное орудие (1902 года), расстрелявшее весь имевшийся запас снарядов, было отправлено в штаб полка.

2-й батальон с 1-м взводом 7-й батареи начали наступление из с. Верхняя Замарайка и в первый же день под деревней Урыпок встретили упорное сопротивление противника. Четырехорудийная батарея красных «накрыла» взвод, стоявший на открытой позиции на скате оврага, обращенном к противнику. С большим трудом и под сильным обстрелом удалось оттащить гаубицы на руках за гребень и открыть огонь с закрытой позиции. Только к вечеру деревня была занята. 19-го отряд взял село Крутое при реках Сосна и Тим, а 20-го занял село Н. Жерновец, где оставался до 23-го.

3-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка со 2-м взводом Г. М. и 2-м взводом 7-й батарей наступали вдоль железной дороги на Ливны и 16-го к вечеру, после упорного боя, заняли станцию Долгое, куда для поддержки прибыли батальон 2-го Марковского полка и 2-й взвод 2-й батареи, которые были выдвинуты к западу от железной дороги. 2-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка с 1-м взводом Марковской батареи двигались то правым, то левым берегом реки Кшень и имели еще задачу войти в связь с частями корпуса генерала Шкуро, который 17-го занял город Воронеж. Левый фланг корпуса находился в районе города Землянка. Сводный конный отряд батарейных разведчиков и батальонных ординарцев под командой штабс-капитана Шперлинга вошел в связь с отдельными казачьими постами, которые руководили местной самообороной у деревни Языково на реке Олым.

17-го наступление на Ливны продолжалось. 2-й взвод 2-й батареи с батальоном 2-го Офицерского Марковского полка после упорных боев с многочисленными частями красных у села Ревякина 19-го через станцию Коротыш прошли западнее города Ливны и к вечеру заняли село Моногарово, между станцией Русский Брод и Ливнами. 2-й и 3-й батальоны 1-го Офицерского генерала Маркова полка с батареей генерала Маркова и двумя взводами 7-й батареи 19-го подошли к городу, и после боев к вечеру город был взят.

1-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка со 2-м взводом 3-й батареи (шесть орудий) наступали от станции Лачиново вдоль столбовой

дороги на Ливны, у села Болового встретили сильные конные и пешие части противника и отошли за реку Кшень к селу Уразову.

19 сентября на поддержку со станции Касторная прибыли части 2-го Офицерского генерала Маркова полка и взвод 4-й батареи, а из города Ливны в ночь на 20-е спешно выступил отряд капитана Марченко в составе 2-го батальона, команды пеших разведчиков и 1-го Офицерского генерала Маркова полка и 2-го взвода генерала Маркова батареи, для ликвидации этого прорыва красных. Батальон 2-го Офицерского генерала Маркова полка и 2-й взвод 2-й батареи 21-го через город Ливны перешли в деревню Казинку на реке Олым для охраны переправ на фронте около 25 верст, где и оставались до 24-го.

В течение трех дней в районе сел Языково и Воловое, к западу от станции Набережная, между реками Олым и Кшень, происходили упорные бои, и лишь к вечеру 23-го противник начал поспешно отходить за реку Олым. В этот же день нами была взята станция Набережная на железнодорожной линии Касторная – Елец. Огонь батарей часто останавливал попытки красной конницы переходить в атаки на Марковские роты и способствовал продвижению батальонов вперед.

В то же время происходили упорные оборонительные бои на северных подступах к городу Ливны. Противник прилагал все усилия взять город. 25-го бои шли на окраине города, и 2-й взвод 7-й батареи на близкой дистанции расстреливал красных «гранатой с замедлителем». Противник был отброшен с большими потерями.

После этого боя часть командного состава и строевого батареи, точнее взвода, отбыла в Курск для формирования 8-й гаубичной батареи капитана Песчанникова. Это были 13-я батарея бригады и 9-я батарея, которая формировалась путем выделения офицерского состава, главным образом из генерала Маркова батареи и других батарей, несколько месяцев тому назад составивших 1-й Отдельный Легкий Артиллерийский дивизион Добровольческой армии.

Одна только 2-я запасная батарея штабс-капитана Изенбека, временно оставленная у корниловцев, на весь этот период оказалась вне дивизии и наступала с 1-м Корниловским Ударным полком вдоль железной дороги Курск – Орел. К 25 сентября на станции Куракино в нее приехало несколько офицеров из генерала Маркова батареи, и батарея стала называться 4-й Марковской, но в дальнейшем получились две четвертые батареи: Тишевского и Изенбека, стоящие на крайних флангах фронта. 1-й взвод Марковской батареи с 20-го по 24-е находился в селе Покровском, прикрывая город со стороны слободы Чернава, где были переправы через реку Сосна и впадающую в нее реку Чернавка.

Предстояло дальнейшее наше наступление на всем фронте, и в направлении на город Елец создавалась ударная группа, которая и приступила к перегруппировке своих частей. Бои приняли особенно тяжелый характер, и со стороны красных были нанесены два фланговых удара.

**Каким образом и в силу чего совершился тот перелом
в пользу красных, с которым связано крушение белых армий**

Южного фронта и Белого движения вообще

К половине сентября обе стороны, и красная и белая, находились в чрезвычайном опасном положении. Красным угрожал жестокий моральный кризис. Их части, прикрывавшие кратчайшие пути к Москве, то есть большинство дивизий 13-й и 8-й армий, между Орлом и Воронежем были совершенно расшатаны понесенными поражениями. Советская дивизия состояла из трех бригад трехполкового состава, одного кавалерийского полка, артиллерийского полка и технических частей.

9-я «сводная» и 55-я советские стрелковые дивизии отступали в совершенном беспорядке, несколько лучше дрались в районе Ливен 3-я и 42-я. Состояние дивизий 8-й армии под Воронежем было таково, что только быстрый увод их за реку Икорец (левый приток Дона, восточнее станции Лиски) спас их от полного разложения даже при довольно слабом нажиме на них кубанских и донских частей. Здесь сильно сказался и рейд генерала Мамонтова по глубоким тылам красных.

Опасность, угрожавшая белым, была скорее материального и организационного характера. К 15 сентября белые силы оказались разбросанными на огромном пространстве, около 1300 верст, от Киева через Воронеж до Царицына, отдельными группами, если не считать Донской армии, занимавшей сплошной фронт к юго-востоку от Воронежа. За вычетом этой армии в 50 000, силы белых, по советским сведениям, распределялись так: от Киева до Бахмача группа генерала Драгомирова около 8000, на Глуховском направлении конные части генерала Юзефовича около 4500 сабель, между Севском и Ельцом корпус генерала Кутепова около 21 000 и под Воронежем конные корпуса генерала Шкуро и Мамонтова около 6000 сабель. У Царицына армия генерала Врангеля около 25 000. В Новороссии части генерала Шиллинга вели бои с махновцами, петлюровцами и остатками красных частей; в предгорьях Кавказа волновались горские племена; на Черноморском побережье вели борьбу с зелеными и наблюдалась граница с Грузией, и, наконец, со стороны Астрахани пытались проникнуть в Ставропольскую губернию небольшие отряды красных, к которым присоединялись скрывавшиеся здесь большевики и бежавшие от мобилизации в Белую армию местные жители.

Рассчитывать в подобных условиях на достижение конечной цели можно было бы лишь при поголовном втягивании всего населения в борьбу против советской власти или при совершенном разложении красных как боевой силы.

Добровольческие части между Севском и Ельцом составляли, в сущности, наиболее активное ядро всей Белой армии. Именно эти части нанесли красным ряд тяжелых поражений и моральных ударов. Большевиками оценивались они как наиболее морально сильная часть противника. И вот не вследствие какого-либо особо задуманного и тщательно разработанного плана, но по самой жизненной и крайней необходимости красные решили сосредоточить все свои усилия против корпуса генерала Кутепова и конных корпусов генералов Шкуро и Мамонтова.

Сразу же после неудачного Купянского прорыва и перехода белых в наступление на Курск красные стали стягивать свои лучшие резервы к линии Брянск – Орел – Елец и образовывать ударную группу в районе города Карачева, куда вошли эстонская, латышская и червонного казачества дивизии. Пострадавшие части 13-й армии должны были быть быстро пополнены. Противник считал, что в предстоящей операции между Севском и Ельцом должно участвовать более 60 000 человек при 250 орудиях.

В район Воронежа был переброшен с Царицынского фронта Конный корпус Буденного, развернувшийся в 1-ю Конную армию в составе четырех конных и одной стрелковой дивизий, 7500 сабель. Они направляли свой удар против того, что составляло живую силу противника, против доблестных и стойких частей 1-го армейского корпуса генерала Кутепова.

Что же представлял из себя к этому времени «стан белых»? Успехи на фронте вскружили головы многим; забыв о настоящем, начали мечтать о будущем. А враг успешно продвигался на Восточном (адмирала Колчака) и Северном (генерала Миллера) фронтах. Освобождались уже «обстрелянные» и воодушевленные победами войска и перебрасывались все «на Деникина». Поляки заняли выжидательную позицию и поставили об этом в известность Ленина. Пилсудский заявил: «Меньшим злом для нас будет помочь красной России побить Белую». Большевики оставили на фронте против поляков лишь небольшой заслон, а остальные части направили к Орлу.

Наш тыл разложился совершенно. Никакие коменданты не могли справиться с происходившими безобразиями. Деньги потеряли всякую цену, и на месячное жалованье младшего офицера не всегда можно было пообедать в ресторане один раз. И, несмотря на это, в Харькове все увеселительные заведения были переполнены. Все носили какую-нибудь форму и где-то числились. Воевали же лишь только действительно добровольцы. Все держалось на героизме и выносливости этих российских чудо-богатырей.

Отдельные батальоны и артиллерийские взводы, эти «белые дивизии», в составе 300-400 человек, а иногда и меньше, всегда «на подножном корму», часто находившиеся на расстоянии одного перехода друг от друга, атаковали, ликвидировали прорывы, бывали обойдены и вновь окружали и разбивали красных.

Формирование новых полков дивизий 1-го корпуса шло медленно. Из тыла не получали ничего. Снабжаться всем приходилось из захваченной у противника добычи. Из 13 батарей бригады лишь только о легких и 2 гаубичных получили английскую материальную часть. Пять последних батарей были созданы из разновременных взятых у красных орудий 1900-го или 1902 года образцов. Все батарейные пулеметы захвачены в боях.

Зато в тылу, в многочисленных городах Юга, шли бесконечные формирования в виде восстановления старых частей Императорской армии, которые получали и вооружение, и обмундирование. Но в силу особых условий Гражданской войны, долгого пребывания в тылу и отсутствия достаточного количества офицеров, боевая стойкость этих частей была не на высоте и большая часть этих формирований, при начавшемся отходе, расплылась «не понюхав

даже пороху». Лишь в 1-м корпусе, составленном из молодого армейского боевого офицерства и юношей добровольцев, вчерашние красноармейцы превращались в героических белых бойцов.

В глубоком тылу, почувствовав вновь твердую почву под ногами, из всех щелей вылезли обанкротившиеся политики. Начались совещания, составление программ. Особенно много и долго спорили по земельному вопросу. Помещики требовали возвращения им их имуществ и не могли понять, что это грозило еще большим усилением повстанческого движения против белых. Казалось, было над чем задуматься кому следовало.

Взятие городов Орел и Новосиль. Бои под городом Ельцом

После занятия ударной группой генерал-майора Третьякова города Ливны и упорных боев под станцией Русский Брод, на подступах к городу и в районе сел Волового и Языкова, части 1-го корпуса вновь перешли в общее наступление на города Орел и Елец. Корниловцы 1-м полком, с батареей 4-й и бронепоездами, вдоль железной дороги на Орел и 2-м полком вдоль столбовой дороги Кромы – Орел и 3-м полком, между 1-ми 2-м, с дивизионом полковника Роппонета и гаубичной батареей полковника Джэксона. Генерал Третьяков 25 сентября занимал фронт протяжением около 140-150 верст, от села Дроскова через станцию Русский Брод, село Здоровец, перед городом Ливны, села Козьмодемьянское и Навесное и далее по реке Олым до станции Касторная. Погода резко изменилась. Начались дожди, сильно похолодало. Проселочные дороги, пересеченные многочисленными оврагами, стали труднопроходимыми.

На правом фланге группы находился 2-й Офицерский генерала Маркова полк со 2-м взводом 2-й и 4-й батарей. 2-й батальон полка с 4-й батареей стояли в районе станции Касторная, а переправы на реке Олым наблюдались конными частями Горско-Мусульманского дивизиона и 2-м взводом 2-й батареи, у деревни Казинки. Еще с вечера 24-го красные начали переправляться через реку на участке батальона и наши части, под прикрытием огня взвода, начали отходить в село Гатище.

25 сентября отряд был атакован с фронта стрелковыми, а с тыла конными частями противника, и одному орудью, стоявшему на позиции в деревне, уходить уже было некуда; вся улица была забита брошенными повозками обоза. Красная кавалерия была близко, и все попытки спасти орудие не увенчались успехом. Часть номеров была зарублена. К вечеру взвод отошел на станцию Студеный Колодезь.

26-го на станцию прибыл Сводный Стрелковый полк с 1-м взводом батареи штабс-капитана Михно, только что закончившим свое формирование, и весь отряд сосредоточился на реке Кшень. В этот же день части 2-го генерала Маркова полка с 4-й батареей со станции Касторная перешли в наступление по обе стороны реки Олым и к вечеру заняли село Языкове и станцию Набережная. 27-го 4-я батарея была передана Сводному Стрелковому полку и во время упорных встречных боев у села Захаровка одно орудие, вследствие больших потерь в конском составе, не могло быть вывезено и было оставлено в лощине между нашими и красными цепями. Узнав о потере орудия, коман-

дир батареи капитан Тишевский, взяв передок другого орудия, рысью выехал вперед цепей и привел орудие на батарею. Противник, пораженный неожиданностью, открыл сильный огонь, когда орудие уже уходило.

28 сентября отряд продолжал с боями наступление через село Ямское на село Чернава, которая была взята 30-го совместно с 1-м батальоном 1-го Офицерского генерала Маркова полка, 2-м взводом 3-й батареи и батареей штабс-капитана Стадницкого-Колендо, наступавшими на слободу со стороны села Троицкого, после переправы на левый берег Сосны между Ливнами и Чернавой, успешно закончив упорные бои в тылу у красных, в районе села Навесного.

После взятия Чернавы Сводный Стрелковый полк ушел в тыл для переброски на внутренний фронт против разбойничьих шаек Махно, одновременно с Терской казачьей дивизией III конного корпуса генерала Шкуро. Стрелков сменил батальон 1-го Партизанского генерала Алексеева полка с 1-м взводом батареи штабс-капитана Михно, которые активно обороняли слободу до 6 октября. 4-я батарея оставалась в селе Чернава до 4 октября и 5-го двинулась на село Богатое в распоряжение командира 2-го Офицерского генерала Маркова полка. 2-й взвод 2-й батареи со 2-м батальоном 2-го Офицерского генерала Маркова полка вновь перешел в наступление на село Гатище. После упорных боев в этом районе взвод и батальон переправились через реку Олым и 29-го заняли село Апухтино. 30-го у села Большие Плоты разведчики батареи и ординарцы батальона лихой атакой захватили четырехорудийную батарею красных. Одно орудие было взято во взвод вместо утерянного 25 сентября. Во взводе оказалось одно орудие английское, а другое наше образца 1902 года. Продолжая наступление, отряд занял 1 октября станцию Долгоруково на железной дороге Касторная – Елец и село Жуково, где оставался до 7 октября. Части 1-го Офицерского генерала Маркова полка с генерала Маркова и 5-й батареями и 2-м взводом 3-й 30-го вышли с боями на линию реки Чернавка от слободы и до села Преображенского и в этом районе вели упорные бои до 6 октября.

2 октября в город Ливны прибыл из города Курска 2-й взвод 6-й батареи, где встал по квартирам и заканчивал свое формирование. 1-й Партизанский генерала Алексеева полк тремя батальонами со взводами 2, 3 и 7-й батареей начали продвижение к железной дороге Орел – Елец. 4-й батальон оставался в резерве и 1 октября перешел в село Чернава, где сменил стрелков. Батальон с 1-м взводом 7-й батареи 24 сентября выступили из села Н. Жерновец на село Здоровец, чтобы содействовать отбитию атак красных на город Ливны. На ночь расположились на площади селения. Утром 25-го отряд был в селении атакован противником, но огнем гаубиц атака была отбита. 26-го и 27-го оставались в селении и 28-го выступили на деревню Ветчинкино, расположенную близ железной дороги Орел – Елец.

Под вечер была перейдена граница между Орловской и Тульской губерниями. 30-го перешли на станцию Хомутово, а 4 октября совместно с подошедшим 1-м взводом 3-й батареи с боем взяли село Раев-ка, у самого города Новосиль, где оба взвода оставались с 3-м батальоном 1-го генерала Алексее-

ва полка до 9 октября, делая ежедневные набеги на соседние деревни с целью ликвидировать рассредоточенно размещавшиеся, из-за продовольствия, полки 3-й советской стрелковой дивизии.

В один из набегов был захвачен штаб 3-й бригады этой дивизии во главе с командиром бригады Константиновым (бывший полковник, награжденный Реввоенсоветом серебряными часами). По словам сдавшихся красноармейцев, Константинов исключительно жестоко обращался со своими подчиненными; он был расстрелян самими же взятыми вместе с ним в плен красноармейцами.

1-й взвод 3-й батареи 28 сентября перешел из села Пеньшина на станцию Русский Брод и оттуда с батальоном партизан и бронепоездом «Слава Офицеру» начали наступление на станцию Верховье, заняв ее утром 29 сентября. 4 октября взвод перешел в распоряжение командира 3-го батальона и совместно с 1-м взводом 7-й батареи с боем заняли Раевку.

Левобланговый батальон полка с 1-м взводом 2-й батареи 2 октября перешли в наступление из села Дроскова, перейдя линию железной дороги Орел – Елец у с. Туровка, 4 октября заняли переправу на реке Зуше и ворвались в город Новосиль, во время боя был смертельно ранен подпоручик Садовский. После ряда боев в районе города с переменным успехом 11 октября вновь, после упорного боя, в третий раз заняли город и продвинулись к северу верст на десять до деревни Подберезово. 12-го окончательно оставили город и отошли в село Дишня, где стояли до 15 октября.

6 октября находившийся в городе Ливны 2-й взвод 6-й батареи эшелонам был переброшен на станцию Верховье, 8-го на станцию Хомутово и в ночь на 10 октября на станцию Русский Брод, откуда с ротой 1-го Партизанского генерала Алексеева полка направился на северо-восток для установления связи с 1-м Офицерским генерала Маркова полком и к вечеру прибыл в село Медвежье.

К 7 октября части ударной группы заняли исходное положение для атаки города Ельца. Взятие города возлагалось на 2-й Офицерский генерала Маркова полк и 2-й взвод 2-й и 4-ю батареи. 1-й Офицерский генерала Маркова полк с генерала Маркова 5-й и 2-м взводом 3-й батарей должен был способствовать взятию города обходом с северо-запада и выдвигением к городу Ефремову в 60 верстах к северу от Ельца, на железной дороге на город Кашира. 1-й Партизанский генерала Алексеева полк с 1-м взводом 2-й, 1-м взводом 3-й и 2-м взводом 6-й батарей обеспечивали операцию со стороны Орла удержанием города Новосиль и с севера путем занятия железнодорожных станций между станцией Верховье и городом Ельцом. Слева Орел был оставлен корниловцами в ночь на 7-е, и в прорыв между железной дорогой Орел—Курск и город Новосиль начали продвигаться на юг красные части.

Справа до реки Дон около 25 верст и по западному берегу реки вели наблюдение части Землянского отряда, а юго-восточнее в 150 верстах, в районе Воронежа, - донские и кубанские конные части. В итоге против трех полков, семи батарей и конной сотни 1-го Офицерского генерала Маркова полка, ударной группы генерала Третьякова находилось 18 стрелковых полков, 3-й и

42-й советских стрелковых дивизий, Симбирская бригада, два полка рабочих-коммунистов, отряд матросов, несколько кавалерийских полков с бронепоездами и артчастями, вплоть до шестидюймовых гаубиц.

Погода портилась все больше и больше; проселочные дороги обратились в болота, на ночлеги располагались тесно, обмундирование не успевало просыхать, и личный состав и лошади батарей были измучены непрерывными боями и переходами с одного места на другое, по чрезвычайно пересеченной местности. Резервов не было. Формировавшийся в Курске 3-й Офицерский генерала Маркова полк был спешно, побатальонно переброшен для ликвидации прорыва у города Кромы, на участке корниловцев. Лишь в городе Ливны находилась на формировании батарея капитана Песчанникова и ожидался с участка 1-го Партизанского генерала Маркова полка и 1-й взвод 7-й батарей.

8-я батарея прибыла в Ливны 5 октября и имела два орудия 1902 года: одно с немецкой панорамой, а другое с прицельными приспособлениями 1900 года. В городе она осталась до 19-го. 1-й взвод 7-й перешел 10 октября на станцию Верховье, где погрузился в эшелон и прибыл в Ливны 13-го для распределения личного конского состава между взводами, но 2-й взвод еще 10-го был спешно отправлен в село Чернава, кое-как сколотившись, без многого того, что необходимо в боевой обстановке.

7 октября части 2-го Офицерского генерала Маркова полка начали наступление на Елец. 2-й взвод 2-й батарей перешел из села Жукова в село Нератовичи, а 4-я батарея на станцию Хитрово и деревню Чибисовка.

В этот же день утром на станцию Русский Брод прибыл из города Курска командир 2-й батарей капитан Князев и, узнав у находившегося на вокзале подпоручика Грачева, что 2-й взвод находится недалеко от села Чернава, куда направлялись несколько повозок обоза, принимает решение ехать к своему взводу. В пути, около села Казанцева, повозкам перерезал путь конный отряд, силою до двух эскадронов. Установив по нескольким приближавшимся конным, что они красные, капитан Князев схватил случайно оказавшуюся на подводе винтовку, заряженную одним патроном, и выстрелил в первого из подъезжавших. После чего был зарублен другими. Остальные с подпоручиком Грачевым пытались спастись бегством в ближайшие огороды, но были настигнуты и зарублены, за исключением одного солдата, которому удалось спрятаться в канаву. В командование батареей вступил первый старший офицер поручик Боголюбский 1-й Николай.

8 октября продолжали наступление на село Голубовку, занятое отрядом матросов, и после упорного боя, во время которого взвод следовал в цепях своей пехоты, противник был выбит из деревни. На плечах отступивших мы ворвались в деревню Пушкарное, к которой подходило орудие 4-й батарей с двумя ротами. За этот бой взвод 2-й батарей получил благодарность командира полка. Другое орудие 4-й батарей с двумя ротами заняло село Казинка, а взвод 4-й батарей с частями полка станцию Талица-Елецкая, на железнодорожной линии на станции Грязи.

9 октября начался штурм города и наши части заняли часть его, но были выбиты контратакой красных. 4-я батарея занимала позицию в 2-3 верстах от

города и была сильно обстреляна шестидюймовой гаубичной батареей противника. Взвод 2-й батареи поддерживал атаку у Казинки.

10-го вторичная попытка взять город Елец была отбита.

11-го отряд матросов переправился через реку Сосна, но был отброшен обратно за реку. В это время конные части противника начали обходить правый фланг полка и заставили в ночь на 12-е начать отход на Чернаву, где в течение трех дней шли бои за переправу. Противник был отбит, 2-й взвод 2-й батареи отходил через Нератов и прибыл в Чернаву 14 октября.

В ночь на 7 октября на реке Чернавка сосредоточился группами отряд полковника Блейша. Правая группа – 1-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка со взводами 3-й и 5-й батарей и 2-й батальон 1-го Партизанского Г. А. полка с 1-м взводом 6-й в ел. Чернава и левая – 2-й батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка с генерала Маркова батареей и 3-й батальон с 1-м взводом 5-й, в с. Рахманино.

С рассветом 1-й батальон со своей артиллерией начал наступление на село Хмелевое, занятое к вечеру. 8 октября при дальнейшем продвижении к городу батальон встретил упорное сопротивление и после боя в ночь на 9-е отошел обратно. Батальон партизан и взвод двигались на северо-восток от Чернавы в направлении к селу Афанасьевка и были атакованы красной кавалерией. Атака была отбита артиллерийским огнем: при преследовании противника убит поручик Сергеев. К вечеру Афанасьевка была занята нами, но красные вновь атаковали, и роты алексеевцев, неся потери, стали отходить. В это время начальник 2-го орудия поручик Плотников заменил убитого ротного командира одной из рот, привел роту в порядок и повел в контратаку. Во время контратаки поручик Плотников пал смертью храбрых. С 8 по 15 октября взвод с батальоном находился в заслоне к северо-востоку от села Чернава.

Левая группа выступила в направлении железной дороги Елец – Орел и по занятии села Черника должна была повернуть на восток для выхода на столбовую дорогу на Елец между селами Короткое и Афанасьевка. В районе Черники произошли серьезные бои, в результате которых красные были разбиты и отошли к железнодорожной линии. Весь этот район был заполнен подходящими резервами противника. К вечеру группа, вышла на столбовую дорогу и расположилась на ночлег в Афанасьевке, где находился уже батальон партизан и взвод 6-й батареи. Вечером селение атаковали красные, но были отбиты.

8 октября с утра наступление продолжалось. 2-й батальон с генерала Маркова батареей занял станцию и село Казаки. Противник отходил к станции Тросна на железную дорогу на Ефремов. Батарея начала обстреливать поезда и многочисленные обозы, отходившие на север. 3-й батальон с 1-м взводом 5-й батареи продвигались от станции вдоль железной дороги на Елец и дошли до железнодорожного моста через реку Сосна, еще разрушенного во время рейда конницы генерала Мамонтова. Вдали был виден Елец, справа цепи 2-го генерала Маркова полка, подходившие к окраине города, расположенной на правом берегу реки.

После полудня было приказано спешно отходить обратно, так как противник крупными силами атаковал от железной дороги в направлении Афанасьевки. 2-й батальон с генерала Маркова батареей, находившиеся севернее, запоздали с отходом, и лишь «беглый огонь» батареи дал возможность перейти через железнодорожный переезд с большими потерями. Ночевали в селе Коротком, на следующий день продолжали отход через Хмелевое на Лемшево, где соединились с 3-м батальоном и взводом 3-й батареи.

Выпал первый снег, начались сильные туманы, ночами стало подмораживать. Одно орудие генерала Маркова батареи испортилось и было отправлено в город Ливны. Вечером 14 октября оба батальона с артиллерией перешли в село Чернава, где уже находились 1-й батальон полка со 2-м взводом 5-й батареи. 2-й взвод 3-й батареи направился в Ливны, а оттуда погружен для отправки в тыл, в ближайшие артиллерийские мастерские. 3-й батальон 1-го Партизанского Г. А. полка с 1-м взводом 3-й батареи 9 октября оставили село Раевка и 10-го заняли станцию Рассошное, где стояли до 12-го.

13 и 14 октября 1-й и 3-й батальоны партизан со своей артиллерией вели бои в районе станции Рассошное, имея задачей установить связь с отрядом полковника Блейш, а 14-го перешли на станцию Хомутовка, откуда со взводом 5-й батареи наступали в направлении на город Новосиль.

Приказом главнокомандующего ВСЮР за № 1469 от 15 октября 1-я Артиллерийская бригада переименовывалась в Артиллерийскую генерала Маркова бригаду, выделяя из своего состава для формирования Корниловской бригады 3-й дивизион полковника Роппонега в составе 5-й и 6-й батарей и 8-ю гаубичную. Нашу бригаду составили батареи: 1-й дивизион полковника Иванова: 1-я генерала Маркова – штабс-капитан Шперлинг, 2-я батарея – поручик Боголюбский 1-й; 2-й – полковника Михайлова: 3-я – полковник Лепилин, 4-я – капитан Тишевский; 3-й – 5-я штабс-капитан Стадницкий-Колендо, 6-я – штабс-капитан Михно; 4-й гаубичный: 7-я – полковник Левиков, 8-я – капитан Песчанников; Запасный дивизион полковника Шкурко: 1-я – штабс-капитана Масленникова и 2-я – штабс-капитана Изенбека.

В дальнейшем батарея штабс-капитана Масленникова вышла из состава дивизии и погибла в селе Кабардинка под городом Новороссийском. 2-я же штабс-капитана Изенбека, сформированная из офицеров генерала Маркова батареи, должна была быть 4-й, а 4-я капитана Тишевского перейти к корниловцам, но при наступлении 2-я запасная осталась при 1-м Корниловском Ударном полку и наступала вдоль полотна железной дороги на Орел при 1-м батальоне полка.

1-й батальон корниловцев имел 1000 штыков и наступал на широком фронте правее полотна, против 55-й советской стр. дивизии. 27 сентября подбитый огнем 2-го взвода красный взвод был захвачен в плен и присоединен к батарее как третий взвод.

30 сентября с боя захвачена станция Золотарево, в 28 верстах от Орла на линии на Елец, с огромными трофеями и вместе с начальником дивизии, бывшим ген.-лейт. Станкевичем, родным братом нашего начальника дивизии в Донецком бассейне, умершим от тифа. В батарее убит кадет Костицын.

Противник стал сильно нажимать на город Орел, куда был двинут 2-й взвод с одной ротой и стал на позицию у разъезда Песочный, в 10 верстах от Орла на берегу реки Ока и у столба железной дороги с цифрой 352-й версты от Москвы. Красные, сосредоточив ударную группу на стыке корниловцев с дроздовцами, бросили, ее по шоссе на город Кромы. Начались тяжелые упорные бои. Ночным налетом на село, лежащее впереди станции Золотарево, батареями разведчиками была захвачена в плен батарея в четыре орудия образца 1902 года и присоединена к батарее: два орудия отправлены в тыл, а батарея стала восьмиорудийной.

В ночь с 6 на 7 октября по приказу оставлен город Орел. Сначала упорные и с большими потерями бои на линии станции Становой Колодезь – станции Золотарево, а затем новый приказ отхода на линию: станции Змиевка – Разбегаевка. В районе шоссе на Кромы назревали события, выразившиеся в захвате конницей противника станции Поныри и прорыва в наш тыл. Бои носили особенно напряженный характер и вызвали огромные потери обеих сторон. В сильный мороз все взводы со своими батальонами двинулись к городу Малоархангельску, куда прибыли 24 октября.

П.Я. Сагайдачный

Воспоминания о разгроме Добровольческой Армии Красной Армией под Орлом в октябре 1919 года

К концу сентября 1919 года на фронте Добровольческой армии создалось следующее положение: Корниловская дивизия, выдвинувшаяся слишком вперед (несколько верст севернее города Орла), имела к юго-западу от себя прорыв в 35–40 верст, так как Дроздовская дивизия к этому времени вела бои лишь севернее города Дмитриева. Красные, воспользовавшись этим прорывом, повели контрнаступление вновь сформированной дивизией, состоящей из латышских и эстонских частей, имея целью захват железнодорожной линии Орел – Курск.

Начальник группы генерал-майор <Н.С.> Тимановский, обеспокоенный этим маневром красных и не имея в своем распоряжении никаких резервов, все же решает их остановить, для чего приказывает: 1) 2-му Корниловскому полку двигаться из-под Орла в город Кромы; 2) выслать туда же батальон 3-го пехотного генерала Маркова полка (еще не закончившего свое формирование в Курске). К утру 2 (15) октября 2-й батальон 3-го пехотного генерала Маркова полка (в коем я занимал должность помощника командира батальона) подошел к деревне Большое Рыжково и остановился, ведя разведку на деревню Шумаково.

Выяснилось, что город Кромы уже занят противником. По ту сторону реки Оки слышался ружейный огонь, а из деревни <Легошь> были видны вспышки артиллерии. Было очевидно, что бой ведется 2-м Корниловским полком. Командир батальона для связи с корниловцами высылает взвод, который был обстрелян ими и связи установить не смог. Стемнело, пришлось отойти на деревню Малое Рыжково. В круговую <были высланы> офицеры с несколькими солдатами для связи с корниловцами.

С утра 3 (16) октября командир батальона повел наступление на деревню Кривчиково, дабы облегчить наступление 2-го Корниловского полка. Весь день шел бой с частями 3-го Латышского полка. Были взяты пленные. Продвигаться всем батальоном через Оку командир батальона не хотел, ожидая распоряжения командира 2-го Корниловского полка, в подчинении коего должен был поступить. До ночи связи не установилось, и передовые части батальона, отойдя с северо-западного берега Оки, присоединились к батальону.

Остановились на ночлег в деревне Большое Рыжково, выставив две роты в сторожевое охранение. Вечером прибыл крестьянин из села Плоты и сообщил, что их деревня, находившаяся у нас в тылу, занята латышами и просил прислать войска, дабы выбить красных.

В 8 часов вечера в нашей деревне послышались разрывы гранат и пулеметный огонь – оказалось, что латыши, перейдя Оку севернее Большого Рыжково напали врасплох с тыла на наш обоз, стоявший за деревней. Командир батальона с боем пробился с двумя ротами резерва из деревни и ночью отошел к северу верст на десять. Две же роты, находившиеся в сторожевом охранении, частью разбрелись, частью пробрались вдоль Оки и к утру 4 (17) октября достигли Орла.

На другой день нам удалось соединиться со 2-м Корниловским полком. 5 (18) октября <мы> целый день вели бой с латышами, занимавшими деревню Шахово. К вечеру обнаружился глубокий обход левого фланга, вследствие чего пришлось начать отход, совершая <обходное> движение. Одновременно начался отход всей Корниловской дивизии.

2-му батальону 3-го пехотного генерала Маркова полка совместно со 2-м Корниловским полком пришлось двигаться форсированным маршем, переходя вброд реки Оку и Рыбницу, и лишь 7 (20) октября мы прибыли в село Становой Колодезь, будучи прикрыты с фронта частями Корниловской дивизии.

Эта операция была началом нашего конца периода Добровольческой армии.

Выводы:

1. Считаю, что занимать город Орел, выдвигаясь одной дивизией вперед и образуя разрыв в 34–40 верст, было недопустимо.

2. Нельзя было закрыть прорыва полком корниловцев и батальоном 3-го Марковского полка (еще не сформированного и состоявшего из только что взятых пленных).

3. По обнаружении движения Латышской дивизии полагаю, что более рациональным было бы оставить Орел и всей Корниловской дивизией обрушиться во фланг и тыл Латышской дивизии, что повело бы к разгрому латышей и ликвидации прорыва.

4. Начальник группы, ведя бой на большом фронте, обязан был иметь в своем распоряжении резерв – в действительности этого не было.

Марковского пехотного полка

полковник П.Я. Сагайдачный

Марковцы на Орловщине

Бои Добровольческой армии в Орловской губернии на пути к Москве осенью 1919 г. стали одними из последних успешных боевых операций Вооруженных сил Юга России в ходе начавшегося летом того же года «похода на Москву». 20 июня (3 июля) 1919 г. главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенантом А. И. Деникиным была отдана знаменитая «московская директива» ознаменовавшая начало наступления добровольцев на столицу. В ходе боев лета-осени 1919 г. части Добровольческой армии ВСЮР достигли наибольших за всю Гражданскую войну успехов в наступлении на Москву: 17 (30) сентября казаками генерала А. Г. Шкуро был взят Воронеж, 1 (14) октября части Корниловской ударной дивизии вошли в Орел. Конные разъезды корниловцев доходили до Мценска, а Партизанский генерала Алексеева полк, заняв Новосиль, вступил в Тульскую губернию. До Москвы оставалось не более 250 верст. За все время Гражданской войны ни одна из белых армий не подходила так близко к столице Советской России.

На острие наступления Добровольческой армии находился 1-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта А. П. Кутепова. Его основу составляли, пожалуй, наиболее боеспособные части армии, ведущие свою историю со времен зарождения Белого движения на Юге России – Корниловский ударный, Офицерский генерала Маркова пехотный, Офицерский генерала Дроздовского стрелковый и Партизанский генерала Алексеева полки, развернутые летом-осенью 1919 г. в дивизии. Еще в 1918 г. они получили именное шефство своих первых командиров – генералов С. Л. Маркова и М. Г. Дроздовского, а также основателей Белого движения – генералов Л. Г. Корнилова (Корниловский ударный полк был создан еще во время Первой мировой войны в 1917 г.) и М. В. Алексеева. «Цветные» полки (нередко называемые так за форму с элементами разных цветов) по сути, стали гвардией белых армий.

В предлагаемом вниманию читателей материале, мы рассмотрим пребывание и действия в Орловской губернии 1-го и 2-го офицерского генерала Маркова полков. Город Ливны стал последним крупным населенным пунктом, взятым марковцами на пути к Москве. Образованная приказом главнокомандующего ВСЮР от 14 (27) октября 1919 г. Офицерская генерала Маркова пехотная дивизия (сформированная на основе 1-й пехотной дивизии) к тому времени еще не была собрана вместе, и части вошедшие в нее по приказу, действовали на разных участках фронта.

Ко времени наступления на Ливны и Елец 1-й и 2-й Марковский полки входили в состав отряда генерал-майора А. Н. Третьякова, в который помимо них был включен Партизанский генерала Алексеева полк. Численность 1-го Марковского полка к началу наступления на Ливны составляла около 1500 тысяч человек.

15 (28) сентября 1919 г. отряду генерала А. Н. Третьякова было приказано перейти в наступление: «Марковцам занять Ливны и выйти на рубеж реки Черновка, а алексеевцам, наступавшим левее, выйти на пересечение железной дороги Елец – Орел у станции Верховье. До Ливен было около 60 верст. Полк должен был наступать тремя колоннами: 1-й батальон – вдоль большой дороги на Ливны, но так как он [находился] на правом фланге, притом открытым, то до прихода 2-го Марковского полка, ему [было приказано] держаться уступом сзади; 2-й батальон – вдоль реки Кмень, что неизбежно обязывало его действовать по обоим берегам ее; 3-й батальон – вдоль железной дороги, причем в полосу его наступления входило пространство до реки Тим, разграничительной линии с алексеевцами». Как видно из приказа 1-й Марковский полк находился в центре наступления, а его фланги обеспечивали: слева 2-й Марковский полк (выступил на фронт 16 (29) сентября); справа Партизанский генерала Алексеева полк.

15 (28) сентября 1-й Марковский полк перешел в наступление и встретил упорное сопротивление частей Красной армии. О серьезности боев говорят сведения о потерях, приводимые полковым историком марковцев подполковником В. Е. Павловым: «За пятидневное наступление на Ливны Марковцы прошли до 60 верст... [...] Настроение было отличное даже при большой усталости, даже видя свои тяжелые потери: в 1-м полку – до 800 человек, в батальоне 2-го полка – свыше 200 человек. Надежда их пополнить здесь, в городе полная – офицерами, добровольцами среди явно расположенных к армии крестьян, затем – отборными пленными, из взятых 3000 человек». 2-й Марковский полк, обеспечивавший во время наступления безопасность правого фланга 1-го полка, понес еще более ощутимые потери: «...за пять дней боев... – до 1250 человек. Если прибавить потери батальона наступавшего с 1-м полком на Ливны, то до 1500 человек».

«19 сентября (2 октября) 1-й полк взял город [Ливны]. Полное расстройство противника позволяло продолжать наступление, но обстановка в тылу требовала немедленной отправки туда трети сил, а через день и второй трети. В Ливнах остались лишь один батальон и комендантская рота с двумя орудиями». Взятие города ускорил обход с левого фланга, совершенный Партизанский генерала Алексеева полком.

«22 сентября (5 октября) красные, подкрепленные свежими частями, перешли в наступление на [Ливны]. На следующий день бой шел уже на окраине города, и только подход с юга 1-го батальона с командой разведчиков позволил удержать его. 24-го сентября в критический момент подошел с юга и 2-й батальон. 25 сентября (8 октября) [была] отбита сильнейшая атака красных, после чего они были отброшены к северу».

Интересно описание реакции жителей города Ливны и его окрестностей на вступление в него добровольческих частей: «Марковцы вошли в Ливны. Немало народа встречало их с радостью. По крайней мере, так казалось. [...] Первое впечатление от разговоров: жители, и особенно интеллигентный слой, продолжали жить под влиянием страха. Не сразу они становились откровенными. Но вот в одной высококультурной семье разоткровенничались. Оказа-

лось, что интеллигенция испытывает страх не только перед большевиками, но и в некоторой степени от мысли о своей судьбе при белых. [...] В Ливнах, уже через два-три дня после ухода большевиков, жизнь вошла в норму. На базаре крестьяне продавали свои продукты, а обрадованные горожане их покупали, или, главным образом, выменивали на разные вещи. И те, и другие были довольны».

26 сентября (9 октября) полк, заняв город, перешел к активной обороне. В виду опасности положения 1-й батальон полка был отправлен на южный берег реки Сосна. 30 сентября (13 октября) 1-м батальоном полка было занято село Чернава, а 1 (14) октября весь полк вышел из Ливен заняв позицию по линии притока реки Сосны – реки Чернавка, заняв фронт в 25 верст (от села Троицкое до села Медвежье, в 20 верстах к северу от тогдашних Ливен). В тот же день частями Корниловской ударной дивизии был взят Орел – последний губернский город взятый Вооруженными силами Юга России во время «похода на Москву».

К тому времени части 1-го корпуса Добровольческой армии были сильно растянуты на общем фронте наступления на Москву. Положение 1-го и 2-го Марковских полков было довольно опасным. 1-й Марковский полк, который после взятия Ливен вел наступление на Елец, был отделен от обеспечивающего его левый фланг Партизанского Алексеевского полка разрывом в более чем 20 верст. Алексеевцы находились уже на станции Верховье в Тульской губернии, перейдя железную дорогу Елец – Орел. Левее, уже в 30 верстах в Орле находились корниловцы (этот участок занимал лишь Черноморский конный полк). Не был безопасен и правый фланг 2-го Марковского полка, «прикрытый» лишь Доном с разрушенными переправами, что, конечно, не гарантировало ему безопасность. Фланги обоих полков могли быть легко подвергнуты ударам противника. При этом силы Красной армии в разы превосходили численность отряда генерала Третьякова. Двум понесшим большие потери полкам марковцев противостояли две стрелковые дивизии, Сибирская бригада, кавалерийская бригада и некоторые другие части красных. Кроме того, немалые резервы находились в Ельце, к которому в случае наступления белых, по железной дороге могли быть легко подвезены необходимые резервы.

1 (14) октября оба полка марковцев вышли на линию станции Долгоруково, левее Чернавы и двинулись дальше на север по реке Чернавка. Полкам был придан батальон Партизанского Алексеевского полка. 5 (18) октября 2-й Марковский полк перешел в наступление на Елец, заняв к 8 (21) октября станции Талица – Елецкая на линии Грязи – Елец и подойдя к Ельцу на расстояние четырех-пяти верст. Перешедший 7 (20) октября в наступлении 1-й Марковский полк, к вечеру занял село Афанасьевка, а на следующий день подошел к станции Казаки поблизости от Ельца, но был остановлен контрнаступлением красных. 9–12 (22–25) октября прошли в ожесточенных боях под Ельцом, в результате которых марковцы, во много раз уступавшие частям Красной армии в численности, вынуждены были начать отход к Ливнам. По-

сле продолжительных боев, части отряда генерала Третьякова отступили и 20 октября (2 ноября) в Ливны вошли части Красной армии.

Начался отход отряда генерала Третьякова из пределов Орловской губернии и общее отступление ВСЮР на юг: «Октябрь 1919 года стал переломным для южнорусского Белого движения. Тысячеверстный фронт ВСЮР, растянувшийся от Киева до Туркестана, оказался сломленным на своей вершине – под Орлом. Характер боев на тульском направлении резко изменился с середины октября. Белые полки столкнулись с нарастающим сопротивлением красных частей. [...] 28 сентября (10 октября) началось контрнаступление Южного фронта. Части корпуса генерала Кутепова пытались стойко выдержать атаки превосходящих сил противника. В течение двух недель линия фронта колебалась, в напряженной борьбе решалась не только судьба Белого движения на юге России, решалась по существу судьба всей Гражданской войны». После продолжительных, изнурительных боев с переменным успехом «поход на Москву» потерпел неудачу.

Как относилось население Орловской губернии, ненадолго оказавшейся под контролем Вооруженных сил Юга России, к занявшим ее белым? В полковой истории марковцев неоднократно отмечается помощь белым частям со стороны орловских крестьян, испытавших всю тяжесть продовольственной политики большевиков. Фразы «крестьянин ехал сообщить белым», «крестьянин сообщает», «огромную помощь оказали крестьяне, дававшие в ходе боев сведения о силах и передвижениях противника» неоднократно встречаются в тексте, в то время как при описании боевых действий в занимаемых ранее марковцами малороссийских губерниях, аналогичные упоминания редки.

Неоднократно описываются Павловым и приветствия крестьянами марковцев: «Красные отходят. За ними следуют белые. На огороде работает старик-крестьянин. Он подходит к дороге и, сняв шапку и низко поклонившись, говорит: «Спасибо вам! Может быть, теперь мы вздохнем свободнее». Жест. Слова... Их раньше на «широкой Московской дороге» не приходилось слышать, разве [только] в городах. [...] Дай Бог вам удачи! Мы, крестьяне, с вами, а не с красными». Крестьяне сожалели, что отсутствуют приказы белого командования о сборе необходимых добровольцам запасов продовольствия и одежды, боясь отдавать продукты и вещи даром в виду возможного в последствии преследования со стороны большевиков. «Берите. Для вас это нужно. Не надо ничего. Спасибо вам. Это от наших сельчан. Только никому не говорите» – с такими фразами отдавали жители деревень белым свои провизию и одежду.

Для описания взаимоотношений крестьян и чинам Добровольческой армии на Орловщине характерен следующий эпизод: «На охране железнодорожного моста у Ливен стояла марковская застава. Взаимоотношения с крестьянами были самые лучшие. Они радовались уходу красных и наступившему покою. Но вот на заставу пришли два-три крестьянина и сообщили, что в их дома вечерами заходят красные и требуют хлеба, мяса и насильно отбирают все, что им надо, и просили защиты. Было ясно, что в районе блуждают

мелкие группы красноармейцев, отставшие от своих частей. Начальник заставы принял меры. По указаниям крестьян он произвел облавы и задержал несколько десятков человек. В благодарность крестьяне постановили снабжать заставу мясом (живыми баранами) и другими продуктами. «Настрадались мы с большевиками да комбедами. Спасибо вам!» – говорили они».

Очевидно, что негативная реакция на продовольственную политику советской власти в Центрально-Черноземных губерниях была куда большей, чем в Малороссии, не испытывавшей ее в 1919 г. в полной мере. В памяти крестьян еще слишком свежи были впечатления от продразверстки и деятельности комбедов. Именно вследствие этого, отношение большей части крестьян к добровольцам было положительным. «Горожане жаловались на недостаток продуктов, так как базары были запрещены, а крестьяне на то, что они ничего не могли продавать и из-за отсутствия денег, что-либо покупать в городе, – свидетельствует полковая история марковцев. – «В деревнях нас замучили продналогами, продразверстками, реквизициями и просто грабежами. А повезешь что-либо продавать, чтобы что-то купить, налетят милиционеры: «Что везешь? Спекулируешь», – и все отбирают, и престаи мы возить в город и остались без сахара, чая, соли, гвоздей; раздетые, босые. А то, что имели дома, приходилось прятать, чтобы не все ограбили. А теперь, слава Богу, свобода!». [...] «Хотя бы совсем сгинули эти большевики!» – говорили они (крестьяне. – *Р. Г.*), а иные добавляли: “Не нужно нам советской власти. Была бы власть, которая дала бы нам свободу жить так, как раньше жили мы”».

Все это обусловило активное пополнение рядов полков крестьянами-добровольцами. В местах, где уже были крестьянские выступления против политики советской власти, находилось немало желающих записаться добровольцами в состав частей 1-го армейского корпуса. По словам Павлова, число вставших под знамена Добровольческой армии было бы гораздо большим, если бы белые успели провести в Орловской губернии полноценную мобилизацию. В результате, марковцы в немалой степени укомплектовали ряды своих полков в занятых ими Ливнах и их окрестностях: «1-й полк быстро пополнил свои потери. В Ливнах в его ряды стало около 100 офицеров из жителей этого города, немало добровольцев из крестьян и прибыла партия в 300 человек, на вербованных в глубоком тылу, много было влито пленных».

Интересны эпизоды, описанные в полковой истории марковцев и относящиеся уже ко времени отступления белых из Орловской губернии: «Эта ночь (22 октября (4 ноября). – *Р. Г.*) была не совсем обычной: в северном направлении слышалась ружейная стрельба. «Наши в тылу у красных?» Но приехавшая из штаба полка связь сообщила: это ведут бои крестьяне, не желавшие оставаться в тылу у красных и пробивающиеся к Добровольческой армии, и приказание из штаба – иметь это в виду и не обстреливать их. [...] Крестьяне пробивались на юг одиночно и группами, иными в сотни человек. Сколько их? [...] На 1-й батальон (1-го Марковского полка. – *Р. Г.*), стоявший у реки Олым, за трое суток вышло около 400 человек. Они не просто уходили, а уходили для того, чтобы бороться со своими врагами. Они просили зачислить их в ряды, дать оружие. Но включали только по числу имеющихся

винтовок. Очень грустно было отказывать. «Почему не проведена своевременно мобилизация? – говорили марковцы. – Красные ее проводили в прифронтной полосе. А как нам нужно было бы пополнение и, тем более, такое верное». 23 октября (5 ноября) в расположение 2-го батальона (1-го Марковского полка. – *Р. Г.*) пробирались крестьяне: «Свыше 400 крестьян, прошедших через расположение красных, смотрели на строившийся батальон в 350 штыков. Смотрели на них и марковцы. «Ведь это целый батальон готовых бойцов!»»

В результате таких пополнений, до трети состава 1-го Марковского полка при выходе его из Орловской губернии, состояло из вступивших в него добровольцами местных крестьян: «Не более 1200 штыков насчитывалось. (в рядах 1-го полка. – *Р. Г.*); не набралось бы и 900, если бы не пополнение добровольцами-крестьянами. Две трети своего численного состава потерял полк с 7 (20) октября – до 2000 человек».

Пребывание частей 1-го армейского корпуса Добровольческой армии на Орловщине не было долгим. За это время белым, ведшим тяжелейшие бои с Красной армией на пути к Москве, не удалось построить в губернии ни устойчивого аппарата местной власти, ни создать структуры способные провести полноценную мобилизацию. Тем не менее, даже в этих условиях, ряды белых, стремительно таявшие в это время в ожесточенных боях, существенно пополнились в губернии как добровольцами из городов, так и крестьянами, в полной мере испытавшими тяжесть продовольственной политики советской власти. Подобного массового вступления крестьян в части белых в других регионах Юга России не наблюдалось. Невозможность провести массовую мобилизацию в те сроки, что занимала Добровольческая армия губернии Черноземного центра, стала одной из причин поражения «похода на Москву» и начала отступления ВСЮР.

Б.А. Павлов (Б. Пылин)

Первые четырнадцать лет.

При добровольцах

В конце лета пошли слухи о приближении добровольцев. В начале сентября по вечерам можно уже было видеть зарницы беззвучных оружейных вспышек. Семья коммуниста, живущая рядом, начала спешно паковать вещи. В ночь перед приходом белых она исчезла. Через город в беспорядке проходили красные обозы. Население начало громить склады, которые почему-то были завалены махоркой. Народ растаскивал ее мешками. А муки и вообще каких-либо съестных припасов на складах не оказалось, хотя Ливны в старые времена были известны своей мукомольной промышленностью. Ливны большевики оставили без боя.

Помню теплый сентябрьский день, под вечер; солнце только собиралось садиться. На мосту через Сосну-реку, по дороге, идущей в город, показалась стройная колонна долгожданных добровольцев. То были марковцы; они пели «Смело мы в бой пойдем за Русь святую!» Песню эту мы слышали в первый

раз. Население забрасывало их цветами, многие плакали. Встречать добровольцев я снова надел припрятанные мною погоны нашего корпуса.

В нашей жизни начался новый период: наша семья связала свою судьбу с Добровольческой армией.

Вечер в день прихода добровольцев принес еще много новых впечатлений. В доме, где мы снимали квартиру, на ночь остановилось три молодых офицера-марковца. Хозяин дома в их честь устроил ужин. Мы с хозяйским сыном, хотя и не были в число приглашенных, устроились в углу комнаты и наблюдали за всем происходящим. Офицеры были очень молоды, старшему по виду было немногим больше двадцати лет, наверное, только со школьной скамьи. Мы смотрели на них влюбленными глазами: для нас они были героями. Они верили в победу и были убеждены, что через месяц, через два будут в Москве.

Думаю, что они были одними из тех, кто боролся и отдавал свою жизнь не ради каких-то выгод для себя, не ради возвращения к старому; они просто пошли бороться против зла, за лучшее будущее своего народа. Эти трое юношей, какими я видел их в тот вечер, остались на всю жизнь в моей памяти, как олицетворение лучшего, что дало Добровольчество. И не их вина, что по тылам, за их спинами, творились часто темные дела, пачкавшие и позорящие идею Белой борьбы; и не их вина, что советская пропаганда пришила им ярлык черносотенцев и реакционеров.

Увы, одно событие, связанное с приходом добровольцев, омрачило нашу радость первых дней и заставило в первый раз по-настоящему познакомиться с ужасами и часто ненужной жестокостью, которые несет с собой гражданская война.

Добровольцами был расстрелян один наш знакомый, учитель Ливенской гимназии.

О происшедшем пришла нам рассказать его плачущая жена. Я его хорошо помню, он иногда приходил к отцу. Высокий, красивый, с черной аккуратно подстриженной бородкой, всегда приветливый, ласковый с нами, детьми. По своим убеждениям он был толстовец. В 1917 году он увлекся коммунизмом, восприняв его как что-то новое и высоко нравственное, близко стоящее к первобытной христианской этике, и даже записался в партию. К лету 1919 года, когда мы с ним познакомились, он уже разочаровался в коммунизме и часто в разговорах с отцом беспощадно критиковал большевиков. Он отошел от них и полностью порвал всякие отношения с ними. Чтобы как-то оправдать себя перед самим собой за свое временное увлечение, он еще усиленной занялся проповедью «толстовства». Свою ошибку он очень переживал и, почему-то полюбивши моего отца, делился с ним всеми своими переживаниями. О нем отец отзывался, как о человеке душевно чистом, ищущем правды и готовом отдать всего себя борьбе за эту свою правду. Познавши всю преступность коммунизма и разочаровавшись в нем, он, по мнению отца, мог бы принести большую пользу в борьбе с большевиками. Он, конечно, не ушел с ними и, как все мы, радовался приходу добровольцев. Но... нашелся какой-то «доброжелатель», который донес на него, что он был комму-

нистом. В то время большевики всех взятых в плен офицеров, как правило, расстреливали. Так же поступали и добровольцы со всеми попадавшими к ним в плен коммунистами. Под эту жестокую рубрику попал и наш знаковый. Какие-то солдаты Комендантской команды, не разобравшись и не выслушав его объяснений, расстреляли его без суда. Эту ненужную смерть мой отец очень переживал. Произошла преступная и непоправимая ошибка – расстреляли человека, который ненавидел коммунизм, причем расстреляли его те, которые сами боролись с коммунизмом.

Для тех, кто еще вчера верил в полную справедливость, законность и непогрешимость добровольцев, это было большим разочарованием.

С приходом добровольцев наш город нельзя было узнать, все выглядело как-то по-праздничному. На базаре было небывалое оживление, откуда-то появились сахар, мука, масло, яйца. Крестьяне опять повезли продукты в город.

На дворе нашего дома остановилась полевая кухня одной из рот Марковского полка. Повар – толстый, флегматичный, всегда добродушный хохол – стал любимцем нашего дома. С раннего утра дымила его кухня, разнося раздражающие аппетит запахи борща, кулеша и других соблазнительных блюд. Варилось всего много, и солдаты всего не съедали. Остатки повар раздавал обитателям нашего двора.

О существовании большевиков мы как-то даже забыли; поверив в силу добровольцев, мы поверили и в то, что большевики ушли навсегда и больше никогда не вернуться. Но через несколько дней опять стала слышна приближающаяся орудийная стрельба, шел бой за Ливны, только теперь наступали красные. Рота, расквартированная на нашей улице, была спешно вызвана на фронт. Красные на этот раз были отбиты. Но безмятежное настроение первых дней пропало: снова появился страх, что большевики могут вернуться и что об окончательной победе говорить еще рано.

В Ливнах, за несколько дней до прихода добровольцев, мне пришлось видеть Троцкого. Он говорил речь. Стоя на крыше броневика, он кричал охрипшим от частых выступлений голосом, призывая на борьбу с приближающимися добровольцами. Поскольку могу теперь судить, митинговый оратор он был блестящий. Я протиснулся и стоял в нескольких шагах от него. Никакой особой охраны у него не было. Человек, попытавшийся произвести покушение, мне кажется, мог бы скрыться без особенных трудностей. Но среди присутствующих тогда не нашлось нового Бориса Савинкова. Террористических актов подобного рода почти не знает история белой борьбы того времени. В чем дело? Неужели не находилось людей, готовых пожертвовать собой? Объяснение этому, как мне кажется, нужно искать в несколько консервативном, вернее, романтическом воспитании и психологии той части русского народа, которая выступила против большевиков. Готовы были в открытом бою умирать, но на индивидуальную борьбу террориста были неспособны и психологически не подготовлены. Да кроме того и условия для такого рода борьбы совершенно изменились. При «царизме» брат Ленина, Александр Ульянов, за покушение на Александра III был повешен, в то же самое время Вла-

димир Ленин спокойно, с золотой медалью, кончал гимназию. В восемнадцатом же году за покушение на Ленина были расстреляны десятки тысяч, а может быть и сотни тысяч совершенно ни в чем не повинных заложников.

Краткая история Партизанского Генерала Алексева пехотного полка

20-го июня ген. Деникиным была издана так называемая «Московская директива» о движении Добровольческой армии на Москву, в которой 1-му Добровольческому корпусу было дано направление Курск – Орел – Тула – Москва. Полк участвует в боях за Курск и вместе с Корниловцами занимает город. В Курске формируется 2-й Алексеевский полк. Создается Алексеевская дивизия: 1-й Алексеевский полк под командой кап. П.Г. Бузуна (убит 19 мая 1943 г. в Югославии, в борьбе с красными партизанами.), 2-й Алексеевский полк под командой полк. кн. Гагарина, и как третий полк, в дивизию входит Самурский полк. Командиром Алексеевской дивизии назначается ген. Третьяков (застрелился при оставлении Крыма в 1920 году.).

В дальнейшем был создан отряд, как ударная группа, под командой ген. Третьякова, в который вошли в основном Марковцы и Алексеевцы. В рядах этого отряда Алексеевцы участвуют в боях за Щигры, Ливны, за Чернаву, за Елец, берут пленных, трофеи. Они принимают участие во взятии г. Новосила, уже в Тульской губернии - наиболее северный пункт, куда доходили Алексеевцы. Дальше продвинуться не удалось. Начались упорные бои, с большими потерями и переменным успехом. Счастье начало изменять белым.

В это время у станции Касторная, на стыке Добровольческой и Донской армий, кавалерия Буденного прорвала фронт, где Кубанская и Донская конница не проявили должного желания сражаться.

Появилась опасность окружения, началось отступление с боями, сседающим противником; в начале отходили, часто переходя в контрнаступление, отбрасывая красных, беря пленных и трофеи, но благодаря отступлению на других участках фронта эти частичные успехи не удавалось использовать. В течение последних двух месяцев добровольцами было оставлено все, что было завоевано в течение всего 1919 года.

Туркул А.В.

Дроздовцы в огне.

Атаки

В Севск мы вошли 17 сентября, в день Веры, Надежды и Любви. Таинственным показался нам этот старый город. Был слышен сквозь перекаты стрельбы длительный бой обительских часов. Древние монастыри. Кремль. Каменные кресты в дикой траве встречались нам и по лесным дорогам, под Севском, где начинаются славные преданиями Брянские леса. Уже попадался низкорослый светлоглазый народ - куряне. Пошли курские места. Запахло Москвой.

На улице, когда мы прошли атакой весь город, я с командиром роты, выполнявшей сторожевое охранение, рассматривал карту. Карманный электрический фонарик перегорел. Я послал ординарца в ближайший дом за огнем. Он принес свечу. Была такая бестрепетная ночь, что огонь свечи стоял в воздухе, как прямое копьё, не шелохнувшись. На улицу вышел хозяин дома.

- Милости просим к нам, - сказал он, - не откажите откушать, чем Бог послал.

Стрельба откатывалась все дальше в темноту. Мы поблагодарили хозяина и, можно сказать, прямо с боя вошли в зальце, полное разряженных домашних и гостей. Горели все лампы, стол стоял полный яств, солений, варений, с горой кулебяки посередине. Бог, как видно, посылал этому русскому дому полную чашу.

Странно мне стало: на улице еще ходит перекатами затихающая стрельба, в темноте на подводах кашляют и стонут раненые, а здесь люди празднуют в довольстве мирные именины, как будто ровно ничего не случилось ни с ними, ни со всеми нами, ни с Россией.

В Севске, как всюду, куда мы приходили, нас встречали с радушием. Но, кажется, только молодежь, самая зеленая, гимназисты и реалисты с горячими глазами чувствовали, как и мы, что и тьма и смерть уже надвинулись со всех сторон на безмятежное житье, на старый дом отцов - Россию. Русская молодежь всюду и поднималась с нами. Так и здесь: несколько сот севских добровольцев.

В Севске мы узнали, что правее нас 2-й полк тяжело пострадал от казачьей Червонной дивизии, собранной на Украине, что под Дмитриевом задержались самурцы.

Передохнув два дня, 19 сентября я по приказу пошел по красным тылам с задачей захватить Дмитриев. Не утихала наша атака. Мой отряд выступил с легкой и гаубичной батареями. Бодрое утро было для нас как свежее купание. Верст двенадцать шли спокойно. Под селом Доброводье разъезды донесли, что на нас движутся большие силы конницы.

Густые конные лавы уже маячили вдалеке. Вся степь закурилась пылью. Батальон неспешно развернулся в две шеренги. Я отдал приказание не открывать огня без моей команды.

У всех сжаты зубы. Едва колеблет дыханием ряды малиновых фуражек, блещет солнце на пушечных дулах. Батальон стоит в молчании, в том дроздовском молчании, которое хорошо было знакомо красным. Слышно только дыхание людей и тревожное конское пофыркивание.

Накатывает топот, вой. В косых столбах пыли на нас несутся лавы. На большаке в лавах поблескивает броневая машина. Мы стоим без звука, без выстрела. Молчание. Грохот копыт по сухой земле отдается в груди каменными ударами. В пыли высверкивают шашки. Конница перешла на галоп, мчится в карьер. В громадных столбах мглы колышутся огромные тени всадников. Я до того стиснул зубы, что перекусил свой янтарный мундштук.

- До нас не больше тысячи шагов, - говорит за мной адъютант. Голос тусклый, чужой.

Я обернулся, махнул фуражкой.

- Огонь!

Отряд содрогнулся от залпа, выблеснув огнем, закинулся дымом. От беглой артиллерийской стрельбы как будто обваливается кругом воздух. Залп за залпом. В пыли, в дыму, тени коней бьют ногами, корчатся тени людей. Всадники носятся туда и сюда. Задние лавы давят передние. Кони сшибаются, падают грудями. Залп за залпом. Под ураганным огнем лавы отхлынули назад табунами. Степь курится быстрой пылью.

На подводах рысью мы погнались за разгромленной конницей. Во все стороны поскакали разезды. Разведчики 1-й батареи под командой поручика Храмцова заскакали в село Доброводье. На них налетели красные кавалеристы. В быстрой сшибке поручик Храмцов убит. Разведчики с пулеметчиками моего батальона отбиваются. На подводах к ним прискакала в карьер 1-я рота батальона, рассыпалась в цепь. 1-я батарея залпами в упор разбила красную броневую машину. Мы взяли Доброводье.

Со штабом мы поскакали в село. Над истоптанным полем еще ходила низкая пыль атаки. В душном воздухе пахло конским мылом и потом. Деревенская улица и высохшие канавы с выжженной травой были завалены убитыми. Под ржавым лопухом их и наши лежали так тесно, будто обнялись.

Раненый красный командир с обритой головой сидел в серой траве, скаля зубы от боли. Он был в ладной шинели и Щегольских высоких сапогах. Вокруг него молча толпились наши стрелки; они стояли над ним и не могли решить, кому Достанутся хорошие сапоги краскома.

Раненый, кажется, командир бригады, заметил нас, приподнялся с травы и стал звать высоким голосом:

- Доложите генералу Дроздову, доложите, я мобилизованный...

Видимо, он принял меня за самого генерала Дроздовского. Его начали допрашивать, обыскали. В полевой сумке, мокрой от крови, нашли золотые полковничьи погоны с цифрой 52. В императорской армии был 52-й Виленский пехотный полк. Но в сумке нашли и коммунистический партийный билет. Пленный оказался чекистом из командного состава Червонной дивизии.

Мы ненавидели Червонную дивизию смертельно. Мы ее ненавидели не за то, что она ходила по нашим тылам, что разметала недавно наш 2-й полк, но за то, что червонные обманывали мирное население: чтобы обнаружить противников советчины, червонные, каторжная сволочь, надевали наши погоны.

Только на днях конный отряд в золотых погонах занял местечко под Ворожкой. Жители встретили их гостеприимно. Вечером отряд устроил на площади поверку с пением «Отче наш». Уже тогда многим показалось странным и отвратительным, что всадники после «Отче наш» запели с присвистом какую-то непристойную мерзость, точно опричники.

Это были червонные. 3-й батальон Манштейна атаковал местечко. Едва завязался бой, червонные спорили погоны и начали расправу с мирным населением; в два-три часа они расстреляли более двухсот человек.

Мы ненавидели червонных. Им от нас, как и нам от них, не было пощады. Понятно, для чего погоны полковника 52-го Виленского полка были в сумке обритого чекиста. Его расстреляли на месте. Так никто и не взял его сапог, изорванных пулями.

Петли

Два дня после боя под Комаричами мы стояли спокойно. Приехал командир 1-го полка полковник Руммель. Я передал ему полк, а сам отправился в штаб дивизии в Дмитриев. В штабе получил приказ выступить с особым отрядом по красным тылам. Красные сильно наседали на Дмитровск, занятый самурцами.

Штаб согласился, чтобы в отряд вошли славные 1-й батальон и 1-я и 7-я гаубичная батареи; я еще подтянул две роты из моего секретного нештатного батальона. Утром отряд сосредоточился у большака на Дмитровск. Утро было серое, тихое. Я подскакал к строю.

- Смирно, слушай, на краул! - скомандовал внезапно командир батальона и довольно торжественно от имени офицеров и солдат 1-го батальона, которым я имел честь командовать до Севска, поднес мне большую серебряную братину превосходной работы с шестью серебряными чашами - по числу рот батальона, его пулеметчиков и связи.

Я поздоровался с отрядом, поблагодарил. Братина была полна шампанского. Сняв фуражку, я пил здоровье бойцов.

В Дмитровске мы были к сумеркам, хорошо выспались и рано утром перед фронтом самурцев пошли в наступление. Нас встретил жестокий огонь. 2-я рота, шедшая в голове, понесла большие потери; мы приостановились. Противник был сломлен только к вечеру. Раненых отправили в Дмитровск и выставили во все стороны сторожевое охранение. Последняя подвода с ранеными ушла – кольцо красных замкнулось за нами.

По тылам большевиков я должен был идти более сорока верст до села Чертовы Ямы – на него наступали самурцы, - а оттуда, описав петлю, вернуться в Дмитровск.

Пять дней и ночей, тесно сомкнувшись, без всякой связи со своими мы шли, охваченные большевиками со всех сторон. Мы несли раненых с собой и пополняли патроны и снаряды только тем, что брали с боя. Тогда мы вовсе не думали, что нашему маршу по тылам суждено было задержать весь советский натиск.

Красное командование уже переходило в общее наступление двумя ударными армиями: конница Буденного пошла в стык Донской и Добровольческой армий, а на левый фланг Добровольческой армии двинулись войска товарища Уборевича. Там, на левом фланге, бесменно дрался славный 1-й Дроздовский полк. Только по советской “Истории гражданской войны” я узнал, что дроздовский марш по тылам остановил тогда советское наступление.

На четвертый день марша как раз у села, где я должен был загнуть левым плечом и через Чертовы Ямы идти обратно в Дмитровск, мы столкнулись с латышской дивизией.

Часов в десять утра, когда в голове шла 1-я рота, слева в поле показались цепи противника. Рота повернула фронт налево и пошла в атаку, поднимая быструю пыль. Сильный огонь. Красные поднялись в контратаку. Наша артиллерия выкатила пушки так близко, что била почти в упор. Снаряды летели над самыми нашими головами. Красные дрогнули, откатились. Стали приводить пленных: они были из только что подошедшей латышской дивизии.

Мы подобрали убитых и раненых и лесом пошли к Чертовым Ямам. В лесу мы шли так тихо, что слышался щебет птиц. От Чертовых Ям доносился гул боя. Там уже могли быть самурцы. Внезапно на опушке замелькали серые солдатские шинели. Я рассыпал головную роту в цепь, и началась обычная в гражданской войне переключка: «Какого полка?» - «А вы какого?»

Я приказал приготовиться к огню, а капитан 4-й роты Иванов крикнул во весь голос:

- Здесь первый офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк!

За опушкой серые шинели тотчас же рассыпались в цепь. Огонь. Мы ответили. Лес загудел. Над вершинами понеслись птицы. Атакой мы взяли пленных, опять латышской дивизии. Две нечаянные встречи сильно потрепали ударные части советского наступления. Бой промчался, лес снова сомкнулся над нами. Все так же играет роса на влажном вереске, щебечут птицы.

К Чертовым Ямам мы подошли с высокого обрыва. Село с его разбросанными хатами лежало под нами в овраге. Кое-где курился дым. Вилась по дну оврага песчаная дорога. Там тянулась конница. Без бинокля можно было узнать красных. За оврагом, на холмах, гудел бой, дым бежал столбами. Очевидно, самурцы наступали оттуда на Чертовы Ямы.

В боевом порядке, без выстрела, в полном молчании мы стали пробираться по кустарникам в овраг. Красные нас не видели. Шорох песка под ногами, треск валежника, частое дыхание. Все притаились, ожидая команды. Казалось, что и кони, сползавшие в овраг на карачках, чуяли немое напряжение. Мне вдруг показалось, что так уже было когда-то, в иной, древней, жизни, что мы так, затаив дыхание, крались в овраг.

С коротким «ура» мы кинулись в атаку. Красные обомлели. Мы действительно грянули молнией. Мгновенно все было нашим. Одним ударом мы взяли Чертовы Ямы и тут же, в овраге, остановились. А самурцы так и не подошли к нам: с холмов они почему-то вернулись на свои позиции.

Утром из Чертовых Ям мы повернули назад, на Дмитровск. Замкнули петлю. Верстах в десяти от города нас встретили разъезды конницы генерала Барбовича. С бригадой Барбовича мы заночевали в селе, отослав раненых в Дмитровск. После обильного обеда все, кроме охранения, полегли мертвым сном.

Вечер, как бы оберегая наш сон, выдался необыкновенно тихий. А с утра снова загоготали пулеметы. Разъезды генерала Барбовича донесли, что на нас

наступает красная конница и пехота. 4-я рота, бывшая в охране, встретила их залпами. Отряд сосредоточился на окраине села. Я со штабом поскакал в 4-ю роту. Под ее контратакой редкие цепи красных стали отходить.

Я заметил, как на правом фланге от нашего взвода послали к лесу дозор из трех человек. Уже вся рота подтянулась у леса к холмам, когда из-за холмов вынеслись лавы красной конницы. Это было так внезапно, что рота не сомкнулась, только сгрудились взводы.

Взводы били по коннице залпами. Пулеметы открыли огонь через наши головы. Артиллерия гремела беглыми выстрелами. Я вижу и теперь темное поле у леса, где теснятся наши взводы, сверкающие огнем залпов, и мечутся всадники; слышу и теперь смутный вопль, их и; наш.

Случайно я заметил, как на правом фланге те трое дозорных не успели перебежать к взводу и упали в траву. Над ними неслись красные всадники. «Пропали, - подумал я о троих. - Все порублены».

Под нашим огнем конница шарахнулась назад, мы гнали ее беглыми очередями. 4-я рота заняла холмы у леса. Я с конвоем поскакал к прогалине, где упал дозор. Из затоптанной, в клочьях конского мыла травы внезапно поднялись трое солдат, серых от пыли, в поту, один в лопнувшей на плече гимнастерке, грудь в крови, лица дочерна закиданы землей из-под копыт.

- Смирно! - скомандовал своим старший дозорный.

- Братцы, да как же вы живы? - невольно вырвалось у меня; я от души поздоровался: - Здорово, орлы!

Все трое стояли передо мною во фронт. Теперь я увидел, что вокруг них грудями лежат в траве убитые лошади. Закостеневшие ноги всадников в зашпоренных сапогах торчат из стремян. Трава в черных бляхах крови. До десяти убитых было вокруг дозора на прогалине, где бесилась конная атака.

Трое дозорных тяжело дышали. Пот смывал с их лиц грязь и кровь. Они уже улыбались мне во все белые солдатские зубы. Все были фронтowymi солдатами, из пленных. Когда поскакала конница, они кинулись в траву. Старший дозорный приказал лечь звездой, ноги вместе, и открыть огонь во все стороны. Все, что скакали перед ними, были или убиты, или переранены. Потому-то во время боя многие заметили, как красная Конница на прогалине обскакивала вправо и влево какое-то невидимое препятствие.

Я поблагодарил их за лихое дело, за изумительную удачу. Потом спросил:

- А не страшно было?

Орлы, утирая лица рукавами и явно красеясь перед конвоем, заговорили все вместе:

- Да разве упомнишь, когда над головами копыта сигают?.. А только, господин полковник, хорошую пехоту ни одна кавалерия ни в жисть не возьмет...

Мои конвойцы сошли с коней, удивлялись, качали головами: кавалерия прониклась, как говорится, уважением к пехоте.

- Что за черт, - говорили между собой конвойцы. - Пехота что делает: трое, а сколько народу накрошили.

Наши отдельные люди, взводы, роты, попадая в беду, всегда были уверены, что полк их не оставит, вызволит обязательно. Верил в свой Дроздовский полк и этот дозор из трех бывших красноармейцев. Вера в полк творила в гражданскую войну великие дела. Потому-то Дроздовский 1-й полк ни разу не был рублен красной конницей.

Барбович остался тогда в селе, а я пошел на соединение с полком, и снова на станцию Комаричи. Уже бывали заморозки, тонкий лед затягивал лужи.

В Комаричах меня ждала телеграмма: я назначался командиром 1-го полка, разбросанного здесь поротно на большом фронте. Роты начали терять чувство единой силы полка, а батальоны, не ходившие со мной по тылам, были утомлены тяжелыми боями. Я заметил у всех усталость, подавленное настроение.

Тогда я решил собрать полк в один щит, чтобы люди снова почувствовали его боевую силу. Ночью я приказал оставить Комаричи и всем полком сосредоточиться у села Упорное. Полк собрался. На следующее утро я повел его атакой на станцию, уже занятую красными. В голове шел 2-й батальон, в первых цепях - 5-я и 6-я роты под командой поручиков Давидовича и Дауэ. Я со штабом шел с головным батальоном. Атака была изумительна. Под сильным огнем, во весь рост, с ротными командирами впереди мы бурно ворвались в Комаричи. Конный дивизион и архангелогородцы погнали красных. Мы взяли несколько сот пленных. У нас сильнее других пострадал штаб: были ранены в грудь навывлет Начальник службы связи капитан Сосновый и начальник пеших разведчиков.

Победный удар ободрил всех. Все глотнули силы полка, все почувствовали его единую боевую душу. В Комаричах мы стояли несколько дней спокойно. В тихом воздухе уже кружился сгоревший от заморозков лист, и не таял лед на лужах. Подходила зима. Взятый командой пеших разведчиков красноармеец сказал, что на нас готовят большое наступление, что начальник красной дивизии обещал в виде подарка реввоенсовету к годовщине октября взять у белогвардейцев Комаричи.

В утро этой годовщины берега Сейма потемнели от большевистских цепей. В тумане над густыми пехотными цепями рощами металась красная флаги. Доносился «Интернационал».

Первый батальон с артиллерией и пулеметной командой развернулся боевым строем на окраине Комаричей. Темные цепи с красными флагами быстро шли на нас. Мы не открывали огня. Гробовая тишина стала их смущать. Пение смолкло. Они стали топтаться на месте. Их устрасило наше безмолвие, совершенное молчание без выстрела.

Цепи большевиков выслали к нам разведку. Мы подпустили ее до отказа и открыли ураганный огонь из всех наших пушек и сорока пулеметов. 1-й батальон под командой Петерса пошел в атаку. Тут начался, прямо сказать, отчаянный драп большевиков. От нас все кинулись врассыпную, задирая на плечи полы шинелей.

Архангелогородцы и конные разведчики далеко гнались за красными. В повальном бегстве те взяли такой разгон, что бросили позиции, которые за-

нимали до своего наступления с «Интернационалом». Мы в тот день подобрали груды брошенных красных флагов. Потери у нас: один легко раненный, и тот остался в строю.

Но, все равно, в те дни наша судьба уже дрогнула. Части 5-го кавалерийского корпуса оставили Севск, красные повели оттуда наступление через Пробожье Поле на Дмитриев глубоко нам в тыл. Я получил приказ оставить Комаричи.

Мы отошли до Дмитриева, где разместились по старым квартирам. Хозяева стали теперь угрюмы, замкнуты, уже не верили в прочность нашей стойки. Мы отдыхали в Дмитриеве один день и с кавалерийской бригадой генерала Оленича повели наступление на Севск.

Все шло у нас теперь обрывками. Мы брали то, что сами же оставляли. Наша боевая судьба клонилась к отходу. Упорно и безнадежно, мы только метались в треугольнике Комаричи – Севск – Дмитриев, описывая петли, широкие восьмерки, возвращаясь туда, откуда уходили. Москва уже померкла для нас. Темная Россия с темным пространством гнала полчища большевиков. В глубине души у многих рождалось чувство обреченности.

Мы снова шли к Севску по звонкой дороге, схваченной заморозками. В воздухе реял снег. В полк, когда он выступал, приехал из отпуска поручик Петр Трошин, товарищ моего детства, добрый малый, легкая душа. Он воевал у меня в полку, получил должность взводного офицера, потом отпросился в отпуск. Я дал ему на месяц, а он проболтался по тылам целых три в надежде, что я по дружбе посмотрю на это сквозь пальцы.

Петр был кругом виноват. В наказание я встретил его с ледяным безразличием и перевел в офицерскую роту рядовым. А через два дня в бою рядовой Трошин был смертельно ранен в живот. Я подскакал к нему, спрыгнул с седла.

- Задело сильно, голубчик?

Я не мог простить себе устроенной ему ледяной встречи. Теперь я придерживал его голову; по его лицу уже разлилась предсмертная бледность.

- Это меня Бог наказал, - шептал он. - Зачем в отпуску болтался, когда вы стояли в огне... Прости... Напиши родным, что умер честно... в бою.

Не наказанием была его смерть, а избранием за Россию, святыню, правду, за человека в России...

Мы гнали тогда красных до Пробожьего Поля и на другой день к обеду заняли Севск. Он все время переходил из рук в руки. Красные каждый раз вымещали на горожанах свои неудачи. Город стал глухим кладбищем. Проклятая гражданская война.

Подошли разъезды 5-го кавалерийского корпуса, а мой отряд с бригадой Оленина выступил на станцию Комаричи, где уже стояли красные тылы. Петли, мертвые петли, все то же метание по треугольнику Дмитриев – Комаричи – Севск.

На вторые сутки марша глубокой ночью мы прорвали фронт красных и пошли по их тылам. На наш 2-й полк у моста под селом Литижь как раз наступали большевики. Мы вышли им в тыл. Артиллерия 2-го полка приняла

нас за красных, открыла по колонне огонь. Только потому, что никто в колонне под огнем не разбежался, артиллеристы поняли, что бьют по «дроздам».

Атакой с тыла мы захватили все пушки большевиков и, в который раз, снова взяли Комаричи. Там мы точно бы легли, замерли.

Наши люди были дурно одеты, терпели от ранних холодов. Уже ходили метели с мокрым снегом. Был самый конец октября 1919 года.

В оцепенении прошло три дня. Мы точно ждали чего-то в Комаричах. Как будто мы ждали, куда шатнет темную Россию с ее ветрами и гулками вьюгами. Движение исторического маятника, если так можно сказать, в те дни еще колебалось. Маятник колебался, туда и сюда, то к нам, то к ним. В конце октября 1919 года он ушел от нас, качнулся против.

В холодный тихий день – бывают такие первые дни русской зимы, когда серый туман стоит и не тронется, и серое небо и серая земля кажутся опустошенными, замершими навсегда, - мы узнали, что Севск снова отбит красными, что они сильно наступают на Дмитриев.

Курск был оставлен. На курском направлении, правее нас, разгорались упорные бои. Только что сформированный генералом Манатейном 3-й Дроздовский полк занял на правом фланге дивизии фронт в соседстве с корниловцами. В первом же бою полк был разгромлен. Молодым дрозд овцам не дали оглядеться в огне. Залитые кровью лохмотья полка пришлось свести в шесть рот.

Красные наступали громадными силами. 3-й Дроздовский полк и самурцы отходили под их напором. В день отхода красные повели на Комаричи сильную атаку. В памяти о том дне у меня гул студеного ветра навсегда смешался с гулом боя. Контратакой 1-й полк задержал красных, а ночью мы отступили.

В ту же ночь ударили морозы. Все побелело. Наш отход начался.

Баклажки

Известно, что плечом к плечу с офицером и студентом ходили в атаки в наших цепях гимназисты, реалисты, кадеты – дети Добровольческой армии. В строю вместе шли в огонь офицеры, студенты, солдаты из пленных красноармейцев и дети-добровольцы.

Мальчики-добровольцы, о ком я пытаюсь рассказать, может быть, самое нежное, прекрасное и горестное, что есть в образе Белой армии. К таким добровольцам я всегда присматривался с чувством жалости и немого стыда. Никого не было жаль так, как их, и было стыдно за всех взрослых, что такие мальчуганы обречены вместе с нами на кровопролитие и страдание. Кромешная Россия бросила в огонь и детей. Это было как жертвоприношение.

Подростки, дети русской интеллигенции, поголовно всюду отзывались на наш призыв. Я помню, как, например, в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убежали к нам от матерей и отцов. Они уходили за нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробирались к нам со всей России.

Русское юношество без сомнения отдало Белой армии всю свою любовь, и сама Добровольческая армия есть прекрасный образ русской юности, восставшей за Россию.

Мальчуганы умудрялись протискиваться к нам через все фронты. Они добирались до кубанских степей из Москвы, Петербурга, Киева, Иркутска, Варшавы. Сколько раз приходилось опрашивать таких побродяжек, загорелых оборвышей в пыльных, стоптанных башмаках, исхудавших белозубых мальчишек. Они все желали поступить добровольцами, называли своих родных, город, гимназию или корпус, где учились.

- А сколько тебе лет?

- Восемнадцать, - выпаливает пришедший, хотя сам, что называется, от горшка три вершка. Только головой покачаешь.

Мальчуган, видя, что ему не верят, утрет обезьяньей лапкой грязный пот со щеки, переменется с ноги на ногу:

- Семнадцать, господин полковник.

- Не ври, не ври.

Так доходило до четырнадцати. Все кадеты, как сговорившись, объявляли, что им по семнадцати.

- Но почему же ты такой маленький? - спросишь иной раз такого орла.

- А нас рослых в семье нет. Мы все такие малорослые. Конечно, в строю приходилось быть суровым. Но с какой нестерпимой жалостью помотришь иногда на солдатенка во все четырнадцать лет, который стоит за что-нибудь под винтовкой - сушит штык, как у нас говорилось. Или как внезапно падало сердце, когда заметишь в огне, в самой жаре, побледневшее ребяческое лицо с расширенными глазами. Кажется, ни одна потеря так не была по душе, как неведомый убитый мальчик, раскинувший руки в пыльной траве. Далеко откатилась малиновая дроздовская фуражка, легла пропотевшим донышком вверх.

Мальчуганы были как наши младшие братья. Часто они и были младшими в наших семьях. Но строй есть строй. Я вспоминаю, как наш полк подходил боевым строем к селу Торговому. С хутора Капустина, что правее железной дороги, загремела стрельба.

Всем матерям, отдавшим своих сыновей огню, хотел бы я сказать, что их сыновья принесли в огонь святыню духа, что во всей чистоте юности легли они за Россию. Их жертву видит Бог. Я хотел бы сказать матерям, что их сыновья, солдаты без малого в шестнадцать лет, с нежными впадинами на затылках, с мальчишескими тощими плечами, с детскими шеями, повязанными в поход домашними платками, стали священными жертвами за Россию.

Молодая Россия вся вошла с нами в огонь. Необычайна, светла и прекрасна была в огне эта юная Россия. Такой никогда и не было, как та, под боевыми знаменами, с детьми-добровольцами, пронесшаяся в атаках и крови сияющим видением. Та Россия, просиявшая в огне, еще будет. Для всего русского будущего та Россия, бедняков-офицеров и воинов-мальчуганов, еще станет русской святыней.

Дроздовцы в летне-осенних боях 1919 года.

Вскоре наши части перешли в наступление с целью овладеть городом Дмитриевом. Левее вел наступление 2-й Дроздовский полк. В городе были захвачены большие трофеи, пленные, шесть орудий, из которых два в полной упряжке, а остальные без передков. Два полка красной конницы были отрезаны и оказались в нашем тылу.

На другой день, не зная, что город Дмитриев уже занят отрядом полковника Туркула, самурцы повели на город наступление с таким жестоким упорством, что пришлось дроздовцам «выкинуть белый флаг» и навстречу самурцам послать свой разъезд. Самурцы сменили дроздовцев, и отряд полковника Туркула вернулся в Севск.

21 сентября красные повели наступление на город Дмитриев и было заняли город, но к 17 часам контрнаступлением наших частей вновь выбиты и город был окончательно занят нашими частями. Преследуя противника, самурцы продолжали наступление дальше.

Наступая, после занятия Дмитриева, самурцы 24 сентября с боем занимают город Дмитровск Орловской губернии и оттуда двинулись в направлении на Кромы. С самурцами действовала приданная им 3-я Дроздовская батарея. В этот день все решалось главным образом артиллерийским огнем. Возле села Бычкова сдался полностью 60-й советский полк, численностью в 200 человек.

24 сентября красные повели наступление на город Севск. На фронте появились у красных части, переброшенные с Сибирского фронта, латышские и китайские полки. В районе Севска дроздовцев сменили части 5-го Конного корпуса, и после этой смены произошел бой у станции Комаричи, кончившийся большой победой дроздовцев.

После поражения красных под Комаричами и Кромами ясно, что никто не ожидал с их стороны наступления на город Дмитровск и на участке у Кром. Для самурцев было полной неожиданностью, когда с утра 29 сентября красные большими силами повели наступление и их кавалерия вдруг, обойдя левый фланг, налетела на 6-ю и 9-ю роты самурцев с криками: «Бросай винтовки, а то всех зарубим». От неожиданности солдаты растерялись, бросили винтовки на землю и сдались. Только один взвод 6-й роты самурцев не растерялся и залпами отстрелялся от конницы красных. Командир 3-й Дроздовской батареи едва спасся бегом от красных кавалеристов, когда пошел выбирать наблюдательный пункт. Оказалось, что на участок против самурцев были переброшены свежие латышские и китайские части, а также и конница. Один из офицеров Самурского полка, поручик Новиков, отбиваясь от красных кавалеристов, получил два удара шашкой по голове и свалился, обливаясь кровью. Красные приняли его за убитого и ограбили. Через некоторое время поручик Новиков пришел в себя и полураздетый в конце концов пробрался к своим.

Этот день стоил самурцам очень дорого, так как, кроме убитых, было свыше 50 человек ранено и около 100 человек попало в плен. После этого в 6-й роте осталось только 20 человек, в 9-й осталось 17, а 12-я рота потеряла один взвод, который тоже попал в плен. К 18 часам красным удалось занять город Дмитровск. На радостях, что имели успех, красные, заняв Дмитровск, устроили грандиозную попойку и перепились, что стоило им во много раз дороже, чем день 29 сентября самурцам.

Чтобы восстановить положение на этом участке фронта, дроздовцы и самурцы, от последних участвовали две роты, из которых одна офицерская, 30 сентября в свою очередь, неожиданно для красных, повели стремительное наступление на Дмитровск и к 12 часам дня очистили город от красных. На улицах его валялось до 600 трупов китайцев и латышей, и в течение целого дня из различных домов и сараев вылавливали дроздовцы и самурцы красных и их «протрезвляли».

Корниловцы же, ведя наступление, после разгрома красных у Кром, 1 октября заняли город Орел. С занятием города Орла фактически, можно сказать, закончилось наступление Вооруженных сил Юга России на Москву, и в дальнейшем наступил период вначале оборонительных боев с перешедшими в контрнаступление красными, потом отступление Вооруженных сил Юга России до самого Новороссийска.

Красное командование к этому времени, сосредоточив ударные группы, отдало приказ о переходе в общее наступление на фронте против войск Юга России. Во главе ударной армии на стыке Донской и Добровольческой армий красные двинули конницу Буденного, а на левый фланг Добровольческой армии повели наступление части ударной группы войск «товарища» Уборевича. Там, на левом фланге, бился бесценно и славный 1-й Дроздовский стрелковый полк, а также в боях участвовал и 2-й Конный Дроздовский полк, который при конечном отступлении с другими частями Добровольческой армии отступил в Польшу.

На северном участке Добровольческой армии красные сосредоточили также ударную группу. В ее состав вошли части, которые состояли из латышских и китайских полков. Эта советская ударная группа получила задание занять Кромы и Малоархангельск, находящийся в верстах 50 южнее Орла, чтобы отрезать всю нашу Орловскую группу. Красные сосредоточили в этом районе до 10 000 пехоты, около 1200 сабель при 17 орудиях и около 400 пулеметов. Чтобы парировать их удар и ликвидировать ударную группу красных в этом районе, командование Вооруженных сил Юга России имело следующие силы: из города Дмитровска во фланг красным был отправлен отряд полковника Туркула в составе 800 штыков при шести орудиях, в районе Кром находился батальон марковцев, а из Орла в тыл красных должны были наступать два полка корниловцев. Самурцам же было приказано во что бы то ни стало удержаться на линии Кошелево – Бычки. Позже на усиление войск в этот район фронта прибыли: 3-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Манштейна и части 5-го Конного корпуса.

Во исполнение полученного приказа полковник Туркул со своим отрядом, прорвав фронт красных в районе севернее Дмитровска, уже находился в это время в тылу красных.

Н. Н. Ребиков

На московском направлении

Октябрь 1919 года

4. 2-й взвод, в составе двух 45-линейных английских гаубиц, при двух зарядных ящиках, под командой штабс-капитана Переслени, при начальниках орудий - 3-го поручике Ребикове и 4-го подпоручике Будянском. При взводе один пулемет системы Льюиса, обслуживаемый солдатами. Солдатский состав взвода - в большинстве мобилизованные жители Ставропольской губернии и несколько пленных. Добровольцы в составе команды телефонистов и разведчиков. Взвод стоит в железнодорожном поселке при станции Комаричи и находится в распоряжении командира 2-го Дроздовского полка полковника Румеля. Начальником артиллерии отряда командир 7-й батареи полковник Соловьев. При отряде еще взвод 1-й батареи и взвод 12-й батареи, последний под командой поручика Лунина. Получено приказание: в составе колонны перейти в 16 часов в село Жадино. Посланные вперед квартиреры квартир не нашли, так как почти во всех домах были больные тифом. Население очень бедное. Улицы в селе очень узкие. По обычаю крестьян в этой местности погреба находились на улице, едва прикрытые досками, так что был риск в темноте провалиться с лошадьёю в погреб. Грязь в домах очень большая.

5. Перед рассветом выступили к переправе через реку Нерусса у деревни Загрядское. Железнодорожный мост хорошо охраняется красными, и поэтому решено переправиться по деревянным мостам, которые находились на северной окраине села. Местность очень болотистая. Красные не заметили приближение отряда. 3-му орудью было приказано открыть огонь по окопам красных. Вперед пошла команда пеших разведчиков, а за ней 4-е орудие гаубичной батареи. При первых ружейных выстрелах красных 3-е орудие открыло огонь по окопам красных. После нескольких выстрелов красные пришли в замешательство и начали убегать по мосту. Наши и пешие разведчики быстро продвинулись вперед, дабы не позволить красным зажечь мост. Наши стрелки появились на мосту. Выпустив еще несколько снарядов вдогонку красным, 3-е орудие также направилось к переправе. Красные отступили в большом беспорядке. За мостами начинался лес. Орудие двинулось по дороге лесом. В лесу была видна позиция красной батареи, которая не успела сделать ни одного выстрела. От нее тянулись провода к мосту. Пройдя лес и выйдя на опушку леса, наша пехота затеяла перестрелку с красными, которые сопротивлялись очень слабо. В лесу было взято в плен много разбежавшихся красных. С опушки леса были видны постройки господского дома в Брасове - имении, принадлежавшем Великому Князю Михаилу Александровичу. Пошли дальше, обходя имение слева. Были видны следы разграбления. Дома были заброшены. Получено приказание выехать на позицию и обстрелять бронепоезд красных, который не давал возможности нашей пехоте продви-

нуться вперед. Влево на позицию стал взвод 12-й батареи. Стали на позицию и открыли огонь по бронепоезду, который был плохо виден (только дым). Стреляли и по цепям красных и заставили цепи залечь. Влево показалась бригада нашей кавалерии, двигавшаяся по направлению железнодорожного полотна, чтобы отрезать бронепоезд. Красный бронепоезд это заметил и начал быстро отходить, стреляя на ходу. Полковник Соловьев приказал 3-му орудию выехать вперед и обстрелять красную пехоту, толпившуюся в районе станции. Пройдя рысью вправо около версты, орудие стало на позицию и открыло огонь по красной пехоте. Как выяснилось, впереди нашей пехоты не было. Красные были вооружены совершенно новыми японскими винтовками. Показалась наша пехота, и красные обратились в паническое бегство. Подошел командир батареи и благодарил орудие за хорошую стрельбу. Получено было приказание идти в Брасово и становиться по квартирам. По дороге встречались большие группы пленных красных, на плечах они держали винтовки и охотно шли в плен. Оказывается, во время боя на станции Брасово был подан эшелон с недавно сформированным красным полком. Все это были недавно мобилизованные жители Тульской губернии. Они в большинстве попали к нам в плен. Разместились по хорошим квартирам в Брасово.

7. 2-й взвод стоит спокойно по квартирам в Брасово. Отношение жителей хорошее. Ожидается приказ относительно дальнейшего движения на Брянск. Наш бронепоезд (кажется, «Генерал Дроздовский») ходил на станцию Навля, никем не занятую, и высаживал там пехотный десант. Имеются сведения, что на станции, к северу от Навли, высадились свежие латышские части и что можно ожидать перехода красных в наступление. Наша же пехота вымоталась от непрерывных боев. Кроме того, наш левый фланг открыт, так как влево до 5-го кавалерийского корпуса большой разрыв.

8. Днем было получено приказание взводу отправиться на железнодорожную станцию и погрузиться в эшелон для перевозки на станцию Комаричи. Кроме гаубичного взвода, в эшелон были погружены обозы и пехотные части. На станцию Комаричи прибыли и выгрузились поздно вечером. Тут же, на путях, выгружались из эшелона кавалерийские части (кажется, смоленские уланы). Все пути на станции были заняты эшелонами и базами. Взвод стал в Комаричах по старым квартирам.

9. В 9 часов взвод, в составе колонны 2-го Дроздовского стрелкового полка (командир полковник Румель), выступил в село Избичня. Вместе с отрядом идет бригада кавалерии под командой генерал-майора Олейникова. Вправо от села Избичня взвод стал на позицию и открыл огонь по красным, выходившим в большом беспорядке из села Голышина. Огонь был очень удачен. Взвод стоял на открытой позиции. В это время пришло приказание от начальника артиллерии отряда полковника Соловьева, чтобы взвод перешел в село. По дороге взвод был задержан нашей кавалерией, переходившей на правый фланг. Вид у кавалеристов был неважный: много необученных, слабого здоровья юношей (учащаяся молодежь), путница и другое снаряжение было из веревок. Взвод стал в селе за домами и обстреливал цепи красных у села Избичня. Наша пехота продвигалась очень энергично, вправо разверну-

лась кавалерия. Затем взвод перешел на юго-западную окраину села и, став на позицию, открыл огонь по красным, двигавшимся по Московско-Киевскому тракту. Внезапно ружейная стрельба возобновилась в большой близости, оказывается, красные вновь заняли часть села. Взвод оказался в опасном положении. Пришлось пустить в дело пулемет Льюиса. Атака была отбита, причем в 3-м орудии был контужен ездовой. Атака нашей кавалерии на красную пехоту была неудачна, причем среди кавалеристов были люди со штыковыми ранами. С наступлением сумерек отряд вернулся назад в Комаричи. Бой нельзя было считать удачным, так как красных разбить не удалось и они вновь заняли Избичню.

10. В 12 часов взводу приказано поступить в распоряжение командира второго батальона 1-го Дроздовского стрелкового полка штабс-капитана Рейбула-Вакарэ. Батальон находился в селе Бочарово. Взвод перешел в село Бочарово. Приказано перейти в деревню Голунь, чтобы поддержать наступление нашей пехоты. Наступление велось довольно вяло: пехота развернулась, но далеко не пошла. Влево у хутора Ступино был слышен сильный бой. Там воевал 3-й батальон 2-го полка капитана Ващенко. С наступлением темноты приказано перейти в Комаричи, где на станции стоял бронепоезд «Генерал Дроздовский» под командой капитана Сомова (офицера Сергиевского артиллерийского училища). Приказано перейти в село Упорой (село большое). Пришли туда ночью и разместились по квартирам. В Упорое встретились с 1-м взводом нашей батареи, который пришел туда с 1-м Дроздовским полком.

11. На рассвете началось наступление. Вправо на станцию Комаричи наступал 1-й полк под командой полковника Туркула. Вдоль по тракту 2-й полк под командой полковника Румеля. Выйдя на окраину села, 2-й взвод стал на позицию и открыл огонь по красным, лежавшим за полотном железной дороги. Оба орудия, как и всегда, стреляли самостоятельно, ввиду обширности фронта и многочисленности целей. Сбив красных, мы пошли вперед по тракту. Дорога шла лесом. Вперед было послано 3-е орудие, причем в прикрытие была дана команда пеших разведчиков 2-го полка. Когда гаубица и команда пеших разведчиков вышли на опушку леса, они были обстреляны картечью красной батареи, которая стояла недалеко. Несколькими выстрелами красную батарею удалось прогнать. Приказано было вернуться назад. Задача полка была занять Казинские постоянные дворы и хутора Ступино. Первое было выполнено, но хутора занять не удалось ввиду наступившей темноты. Ночевать перешли в деревню Дерюгино, где разместились по квартирам. Ночью пришло приказание отправить одну гаубицу в распоряжение командира 2-го батальона, который должен был идти в село Литиж.

12. На рассвете 3-е орудие выступило в составе 2-го батальона 2-го полка в село Литиж. Прийдя в село Литиж, гаубица получила приказание немедленно вернуться на Казинские постоянные дворы. В том направлении была слышна сильная ружейная стрельба. Орудие пошло назад переменным аллюром. Когда подошли к Казинским дворам, то полковник Румель приказал орудию открыть огонь по отходящим красным. Стрелять, однако, не пришлось, так как красные успели отойти. Оказывается, на рассвете красные напали на

сторожевое охранение и его потеснили. Положение было восстановлено огнем 4-го орудия и Подоспевшими резервами. Было приказано идти вперед и взять хутора Ступино. К 15 часам они были взяты. Взвод стал на позицию и открыл огонь по красной батарее, которая была видна по вспышкам. Красную батарею удалось заставить замолчать. Рядом действовали две трехдюймовые пушки 10-й легкой батареи под командой полковника Самуэлова. Вечером взводу было приказано перейти в Казинские постоянные дворы, где стоял в резерве 1-й батальон 2-го полка под командой капитана Казака. В Ступинских хуторах остался 3-й батальон под командой капитана Ващенко. Во время боя за хутора на них со стороны Литижа вышел 1-й батальон 1-го полка под командой капитана Боровского. Капитан Боровский доложил полковнику Румелю, что он пропустил мимо себя массу красных, но ничего не мог сделать, так как у него не было артиллерии. 3-е орудие своим переездом очень измучило лошадей, но в бою приняло мало участия. Во время боя в 3-м орудии сильно ушиблен бомбардир Лупанос.

13. Взвод стоит на Казинских постоянных дворах. Размещены люди очень плохо. Помещения малы и грязны. Большинство людей находится под открытым небом, также и лошади. 4-е орудие днем ходило дежурить у Ступинских хуторов.

14. 1-му батальону приказано занять деревню Угреевичи, для чего 3-му орудью перейти в село Добричик, занятое нашими двумя ротами под командой полковника Савицкого. 3-е орудие пришло в село Добричик. Полковник Савицкий весьма обстоятельно ознакомил начальника орудия с обстановкой и указал, где наше охранение, где красное и т. д. Полковник Савицкий был георгиевский кавалер и бывший командир полка по Великой войне. В батальоне были офицеры, которые его знали по Великой войне как прекрасного командира полка. В Гражданскую войну он действовал неудачно и только упускал благоприятные случаи. Как офицеры говорили, он действовал слишком обстоятельно. Гражданская война требовала других методов и не была похожа на «большую войну». Этим объясняется, что в Гражданскую войну выдвинулся ряд молодых офицеров.

Когда показался наступающий справа 1-й батальон, то гаубица открыла огонь по Угреевичам. Наблюдение было очень хорошим и стрельба удачной. Красные заметались по селу. Была видна отходящая колонна красных, по которой был открыт огонь. Гаубица выехала на открытую позицию и продолжала огонь. 1-й батальон занял село. Гаубица получила приказание вернуться на Казинские постоянные дворы. С наступлением темноты 1-й батальон оставил Угреевичи.

15. 1-му батальону приказано перейти в Литиж вместе с 4-м орудием. 3-му орудью приказано перейти в распоряжение командира 3-го батальона капитана Ващенко. Явившись к командиру батальона, начальник орудия получил приказание стать на позицию на восток от хутора и вести наблюдение за противником. В 14 часов поднялась стрельба у Добричика. Видно было, как наша пехота отходила. Гаубица открыла огонь по красным, показавшимся у Добричика. На помощь в Добричик от 3-го батальона была послана одна рота

(штыковой состав в ротах был около 40 человек). В это время обнаружилось наступление красных на Ступинские хутора. Орудие пришлось стрелять по сектору более чем в 180 градусов. Видно было несколько цепей красных. Снаряды были на исходе. Наступила темнота. Капитан Ващенко послал в Литиж за помощью. Расстреляв все снаряды, орудие получило разрешение идти в Литиж. По дороге встретили 1-й батальон, шедший на помощь. Придя в Литиж, орудие разместилось по квартирам, уступленным 2-й батареей (под командой полковника Николаева). Командир 2-го Дроздовского полка полковник Румель приказал на следующий день вновь занять хутора Ступино.

16. На рассвете 3-е орудие перешло в Казинские постоянные дворы, где находится 3-й батальон. Командир батальона собрал командиров рот и объяснил им задачу наступать на Ступинские хутора. Отряд вытянулся. Вперед выехали батальонные разведчики. Вести бой, однако, не пришлось, так как хутора были оставлены красными. Орудие стало на прежнюю позицию. Вечером было получено приказание 3-му батальону вместе с орудием отойти в Литиж. В Литиже присоединилось 4-е орудие. Решено перейти к обороне.

17-19. 2-й взвод стоит в селе Литиж. В селе находится сожженный крестьянами в 1917 году винокурный завод Воейкова, бывшего дворцового коменданта. Полсела сгорело 25 сентября 1919 года от огня красного бронепоезда, когда наши наступили на станцию Комаричи. (25 сентября под Комаричами попаданием снаряда с бронепоезда был тяжело ранен начальник 4-го орудия 7-й гаубичной батареи подпоручик Уласюк и убиты младший фейерверкер Браун и доброволец Попов.) По очереди одна гаубица дежурит на площади у церкви (наблюдательный пункт на колокольне), а другая ходит в деревню Олешок-Починок, где стоит команда пеших разведчиков 2-го полка. Взводом, начиная с 8 октября, командует капитан Камлач, при взводе живет старший офицер батареи капитан Мусин-Пушкин. Размещены хорошо. Люди и лошади отдыхают после утомительного периода. На колокольне дежурит разведчик. 1-й полк с нашим 1-м взводом ушел под командой полковника Туркула в рейд на город Севск.

20. 3-е орудие на рассвете ушло дежурить в Олешок-Починок. Наблюдательный пункт на ветряной мельнице. Связь с орудием при помощи телефона. В 14 часов обозначилось сильное наступление красных на Олешок-Починок. Красные наступали несколькими цепями широким фронтом, обходя деревню справа и слева. Гаубица открыла огонь, причем наступавших в центре удалось задержать. Команда пеших разведчиков совсем растворилась в большой деревне и куда-то ушла. По прежней дороге на Литиж отходить было нельзя, так как красные уже заняли окраинные дома деревни. Гаубице пришлось идти по балке речки. Дорога была обледенелая, лошади падали. Прошли лесок и вышли на станцию Дерюгино. На станции стоял наш бронепоезд. Начальнику орудия удалось связаться по телефону с командиром 3-го батальона, прося указаний. Командир батальона приказал гаубице идти на Литиж с мерами охранения. Во время движения вперед был выслан пулемет Льюиса (очень слабое прикрытие). Пришли благополучно в Литиж, где орудие считали уже погибшим, так как команда пеших разведчиков донесла о

гибели орудия. Разведчик Медиков, посланный от орудия, чтобы узнать, свободен ли путь в Литиж, еле ускакал от красных в Литиж и там донес капитану Камлачу, что орудие погибло.

21. Стоим в Литиже. Олешок-Починок вновь занят нашими. На Киевском тракте появились части обходной колонны полковника Туркула. Красные в панике отходят по тракту. С колокольни села Литиж прекрасная видимость. Красный бронепоезд обстреливал колокольню, но безрезультатно.

22. Приказом главнокомандующего Вооруженными силами Юга России 3-я артиллерийская бригада переименована в артиллерийскую генерала Дроздовского бригаду.

2-й взвод получил приказание приготовиться к выступлению. В 8 часов колонна выступила на деревню Шулевку. Подойдя к деревне, колонна попала под обстрел. Взвод стал на позицию и открыл огонь по деревне. Сильный туман мешал наблюдению. Вдруг стрельба прекратилась. Оказывается, одна из рот батальона обошла деревню слева и захватила красных врасплох. Одна рота красных сдалась в плен целиком. Красный батальон, занимавший деревню, был всего несколько дней тому назад прислан с Архангельского фронта. Люди были хорошо одеты. Многие в английском обмундировании. Были захвачены пулеметы. Наш батальон двинулся дальше вдоль железнодорожного полотна. Донесли, что показался красный бронепоезд. 3-е орудие выехало вперед. Из тумана показался красный бронепоезд. Орудие остановилось и выпустило по бронепоезду несколько снарядов. После первого же выстрела бронепоезд начал отходить. Как потом сообщили жители, первый же снаряд попал в площадку бронепоезда. 3-й батальон собрался у железнодорожной будки. Привели пленных. Командир батальона приказал отобрать у красноармейцев лучшее обмундирование и заменить его худшим от своих людей. Началась процедура переодевания. На ночь отошли в Хлебтово, где разместились по квартирам.

23. С утра впереди Хлебтово началась перестрелка. Красные начали теснить наше охранение. Вперед выслали две роты и 3-е орудие под командой помощника командира батальона, штабс-капитана Потапова. Это был очень храбрый офицер. (В Северной Таврии в 1920 году он командовал батальоном у генерала Харжевского во втором полку. Был награжден орденом Святого Николая. Смертельно ранен в последних боях и умер в Константинополе.) Обе роты развернулись, а гаубица стала на открытую позицию. Из всех окружающих деревень начали высыпать красные, так что гаубица не успевала менять направление. Сектор стрельбы был более 180 градусов. Красные держали себя не стойко. Наши стрелки заняли Петровское и господский двор впереди Петровского, где удалось захватить пушку в полной запряжке. Там же был брошен зарядный ящик, но вывезти его не удалось, так как красные снова перешли в наступление. Сильный туман мешал наблюдению, и полную поддержку огнем оказать было невозможно. Наша пехота отошла за деревню. В это время подошли на помощь еще две роты и две пушки 10-й легкой батареи полковника Самуэлова, которые заняли позицию тут же вправо. Со стороны красных также появилась артиллерия, которая, однако, стреляла очень

плохо. Бой разгорелся, и наша пехота перешла вновь в наступление и сбила красных. Красные отошли окончательно. Пленные красноармейцы были по большей части жители Новгородской и Псковской губерний. Они были хорошо обмундированы. Брошенный ящик красные успели увезти. Во время боя пришлось также стрелять батарейному пулемету системы Льюиса. На ночь отошли в Хлебтово, где стали по старым квартирам. Несмотря на успех, положение все же было шаткое, у красных появлялись все новые и новые силы. У нас же оставалась все та же малочисленная, выбившаяся из сил, мерзнувшая и несущая потери пехота. В этом бою, например, был тяжело ранен один из командиров роты и убит взводный командир.

24. С рассветом начался отход на новые позиции. Пришлось сделать около 25 - 30 верст. Взводу было приказано перейти в распоряжение командира 3-го батальона 1-го Дроздовского стрелкового полка, подполковника Тихменева в деревню Бычки. Жаль было расставаться с батальоном капитала Ващенко. (Капитан Ващенко умер от сыпного тифа во время отступления по Кубанской области.) С пехотой у нас были отношения очень хорошие, и пехота также жалела о нашем уходе. В 16 часов пришли в деревню Бычки, где уже стоял 3-й батальон 1-го полка. Разместились по квартирам. Квартиры были неважные, фураж достать было очень трудно. Деревня бедная. Этот день, собственно говоря, можно было бы считать за начало отступления.

25. 7-я гаубичная батарея находится в распоряжении 1-го Дроздовского стрелкового полка. Начальником артиллерии, приданной полку (1, 7 и 12-я батареи), является командир 7-й гаубичной батареи полковник Соловьев. 2-й взвод батареи вместе с 3-м батальоном стоит в Бычках. 1-й взвод стоит в резерве на станции Дерюгино вместе с 1-м батальоном. 2-й батальон с 1-й и 12-й батареями находится в Красном Клане. Влево на Севском направлении части 5-го кавалерийского корпуса. Вправо в селе Клишине части Самурского пехотного полка.

26. На фронте 1-го полка спокойно. Ночью самурцы отошли в Пальцево.

27. На фронте 1-го полка спокойно.

28. В 2 часа ночи красные совершили внезапное нападение на 3-й батальон 1-го полка в Бычках. Застигнув врасплох заставу, красные быстро подошли к деревне. Лошади в гаубичном взводе были разамуничены. Под ружейным огнем начали быстро заамуничивать лошадей. 4-е орудие под командой капитана Камлача сделало выстрел для морального воздействия, при этом вследствие сильного мороза лопнула пружина накатника, и орудие выбыло из строя. Батальон, собравшись на юго-западной окраине деревни, перешел в контратаку и отбросил красных. На рассвете 3-е орудие стало на позицию на южной окраине Бычков, имея наблюдательный пункт на крыше дома. В продолжение дня красные пытались несколько раз перейти в наступление с севера и с востока, причем они накапливались в лесу, который находился в 3 верстах от деревни. Гаубица в течение дня открывала несколько раз огонь и отгоняла красных. Днем красные, подойдя со стороны Севска, заняли в тылу полка город Дмитриев. Заняв переправу на реке Свапа, они старались отрезать 1-й полк. В 19 часов пришло приказание отойти на станцию Дерюгино,

где сосредоточивался весь 1-й полк. В 2 часа ночи батарея (три орудия) выступила в составе колонны 1-го полка. Дорога шла лесом и была очень тяжелая. Скаты обледенели. Люди и лошади выбивались из сил. На рассвете колонна подошла к городу Дмитриеву с севера. Пехота начала разворачиваться в боевой порядок. Артиллерия стала на позицию, причем было приказано огня без приказа не открывать. Красные, по-видимому, не ожидали нападения. Наши стрелки, рассыпавшись в цепь, начали наступать на город. Когда цепи близко подошли к городу, то было видно, как красные начали выбегать из домов. Артиллерия открыла огонь. Красные, не выдержав огня, начали в беспорядке отступать на село Крупец. Упорное сопротивление красные оказывали в районе железнодорожной станции, так как со стороны Севска начали подходить подкрепления. Артиллерия перенесла огонь на Севское шоссе и разогнала подходившие резервы. Город был занят окончательно. В городе было взято семь трехдюймовых пушек и большой обоз.

Описание того же боя другим его участником, офицером 1-го Дроздовского полка, капитаном А. Павловым: «Наш полк (1-й Дроздовский) по бездорожью, лесными тропинками, по колено в снегу, повернул обратно к городу Дмитриеву. На рассвете мы подошли вплотную к городу, не чувствуя ног от усталости. Наши доблестные артиллеристы, полковники Чеснаков и Соловьев, выкатили все орудия на позицию и открыли по городу Дмитриеву ураганный огонь. Второй батальон пошел в лобовую атаку. Командир 4-й роты, капитан Иванов, с полуротой прикрывал правый фланг второго батальона и пошел на станцию, а я, будучи старшим офицером 4-й роты, по собственной инициативе с первой полуротой, в составе четырех офицеров: поручика Ключко, поручика артиллериста Тихона Криницкого, подпоручика Василия Ровного и поручика Троицкого, с двумя пулеметами, находившимися под командой поручиков Заносьева и Спене, и 72 стрелками перешел железнодорожную насыпь, пошел по Севскому большаку (дороге) и вскоре наткнулся на цепь красной пехоты (силою роты), с которой немедленно вступил в бой. Мы сбили красных с занятой позиции и начали их преследовать. От оставшихся красных раненых мы узнали, что недалеко от дороги, за буграми, стоит на позиции красная батарея. Не медля ни минуты, я повернул полуроту в направлении батареи, и мы бросились бегом в атаку на батарею. Та нас встретила огнем, но успела сделать один выстрел. Невзирая на сопротивление, мы захватили батарею, и поручик Т. Криницкий тут же из их орудий начал обстреливать убегающих красных».

Продолжение дневника капитана Ребикова.

Батарее было приказано перейти в район станции, откуда был прекрасный кругозор. Чтобы перейти на станцию, необходимо было переправиться на другой берег реки Свапа. Переправа была очень тяжелая (мост находился еще в руках красных), так как берега были очень крутые с обледенелыми скалами. Первым переправилось 3-е орудие. Сперва на руках спустили орудие без передка, а затем передок на одном корню. В это время со стороны Дерюгина начали подходить многочисленные цепи красных, очевидно догонявшие 1-й полк. Гаубица, без одного снаряда, рысью выехала на открытую позицию

около станции. Тут же стоял командир полка полковник Туркул со штабом. Оказалось, что на станции стоял брошенный эшелон со снарядами. Рота бросилась подносить снаряды из вагонов к орудию. Цепи красных были отлично видны. Пользуясь прекрасной видимостью, гаубица открыла беглый огонь. Снаряды рвались в цепях красных, и в их рядах началось большое замешательство. Цепи начали быстро отходить, что было весьма кстати, так как в наших обозах, которые были сзади, начался беспорядок. Начали подходить и другие орудия. Красные были окончательно отброшены. Батарея выпустила 180 снарядов.

30. В 9 часов красные начали наступать на город Дмитриев со стороны Дерюгина. Батарея стала на позицию в районе станции. Весь день продолжалась перестрелка. Красные наступали нерешительно. К вечеру красные были отбиты окончательно. Большую помощь при отбитии атаки красных оказал бронепоезд «Дроздовец», который врезался в цепи красных. Ночью со стороны Севска подошла батарея красных и обстреляла район станции. В ответ на это две гаубицы и три легких орудия при двух ротах вышли на Севское шоссе и, пройдя версты две, обстреляли деревню Кузнецовку.

31. В 12 часов красные крупными силами (по показаниям пленных, четырнадцати полков) атаковали город Дмитриев со стороны Крупца, Дерюгина и Севского шоссе. Батарея стала на позицию в районе станции и открыла огонь по красным, наступавшим несколькими цепями. Снаряды брались из брошенного на станции парка. Красные сильно обошли наш левый фланг и в конце концов вышли на железнодорожную линию к югу от Дмитриева, угрожая захватить деревянный мост через болотистую реку Свапа у села Рагозного, то есть единственный путь отступления. Отряд начал отходить под фланговым огнем красных вдоль железнодорожной линии. В это время показался наш бронепоезд «Дроздовец», стрелявший беглым огнем по красным. Красные бросились бежать и очистили путь отступления. Отход был тяжелым ввиду гололедицы. Батарея вместе со 2-м батальоном отошла в Ново-Першино, где стала по квартирам. Во время боя в батарее ранено пять солдат: бомбардир Гарденин, канонир Колесниченко, бомбардир Доаденко и двое других. Выпущено около 200 снарядов. На батарее осталось всего 16 бомб. Во время отхода было оставлено несколько лошадей, приставших от истощения. Два орудия батареи (2-е и 4-е) находятся при штабе полка, как испорченные.

А.А. Власов

О бронепоездах Добровольческой Армии

В конце сентября 1919 года легкий бронепоезд «Офицер» продвигался на север совместно с нашими войсками, наступавшими вдоль одной из главных железнодорожных линий Курск – Орел. 20 сентября бронепоезд вступил в бой с батареями и двумя бронепоездами противника к северу от станции Куракино, примерно в 50 верстах южнее Орла. Один из неприятельских бронепоездов был подбит огнем бронепоезда «Офицер». Наши наблюдатели видели, как этот подбитый бронепоезд был увезен вспомогательным поездом. 21 сентября бронепоезд «Офицер» вел бой севернее станции Куракино с бро-

непоездом и пехотой красных, которая пыталась наступать западнее полотна железной дороги. Под нашим пулеметным и артиллерийским огнем цепи красных отошли.

22 сентября утром легкий бронепоезд «Офицер» с вспомогательным поездом и тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита», также с вспомогательным поездом, двинулись к станции Куракино. Фронт наших пехотных частей находился тогда южнее этой станции. Боевым участком командовал генерал Пешня. Бронепоезда получили от него приказание продвинуться к северу до соприкосновения с противником, не вступать в сильный бой, но держаться до наступления темноты на последнем возможном рубеже. Наши бронепоезда шли, сохраняя зрительную связь между собой, по одному левому пути. Правый путь был испорчен на значительном протяжении посредством особого стального треугольника, прикрепленного к паровозу. При медленном движении этот треугольник вырывал на ходу все рельсы пути позади паровоза, иногда вместе со шпалами. Впоследствии выяснилось, что разрушение одного пути и оставление в целости другого, соседнего пути должно было создать ловушку для наших бронепоездов. Когда наши бронепоезда подошли к станции Куракино, то оказалось, что она никем не занята. С возвышенности был виден район следующей станции Змиевка и думы от паровозов, указывавшие на движение поездов. Боевой частью бронепоезда «Иоанн Калита» командовал в этот день штабс-капитан Амасийский. По его приказанию боевая площадка с шестидюймовым орудием Канэ была отцеплена от состава и заняла позицию в выемке с посадкой. Часть бронепоезда с головными орудиями (одним 42-линейным и одним пятидюймовым английским) выдвинулась дальше к северному краю посадки. На край посадки вправо был выслан десант чинов команды с тремя пулеметами. Примерно в 2 верстах влево был установлен наблюдательный пункт на холме, с которого открывался хороший обзор. При наблюдательном пункте находился один легкий пулемет Льюиса. Пулеметам был отдан приказ открывать только действительный огонь, с прицелом на расстояние не свыше 2000 шагов. Между тем легкий бронепоезд «Офицер» осторожно продвигался по левому пути дальше, для соприкосновения с противником. Когда этот бронепоезд вошел в другую выемку, севернее станции Куракино, то на правом пути, кроме его разрушения, был обнаружен еще завал из шпал, рельс и камней. Дальше по направлению к станции Змиевка правый путь был в исправности. Это обстоятельство обратило на себя внимание командира бронепоезда «Офицер», который стал двигаться еще осторожнее. Пройдя еще около 4 верст, бронепоезд «Офицер» в 10 часов утра поравнялся с леском. Тогда навстречу ему вышел советский бронепоезд, стреляя на ходу. Второй бронепоезд противника открыл огонь из-за складки местности. Третий бронепоезд красных начал стрелять, находясь на станции Змиевка. Вскоре к стрельбе по бронепоезду «Офицер» присоединились еще две неприятельские полубатарей (по два орудия), которые стояли у опушки леса юго-восточнее селения Змиевка. Несмотря на очень сильный, сосредоточенный артиллерийский огонь красных, бронепоезд «Офицер» не отступил к станции Куракино, а лишь маневрировал. Отгоняя два неприятельских бронепоезда,

он то приближался к станции Змиевка, то отходил и скрывался в выемке. Тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» принял участие в бою, стреляя из трех своих орудий. 42-линейное и пятидюймовое орудия открыли огонь по неприятельским полубатареям. Через полчаса они были принуждены замолчать и, по-видимому, снялись с позиции. В дальнейшем их огонь был очень редким и неточным, вероятно с предельной дистанции. Шестидюймовое орудие бронепоезда «Иоанн Калита» обстреливало бронепоезда красных. Была пристреляна точка на железнодорожной насыпи. Дальше нее бронепоезда красных не решались идти.

Когда бронепоезд «Офицер» еще раз подошел к станции Змиевка, преследуя неприятеля, то со станции вышел по правому пути состав из пяти обыкновенных вагонов с паровозом сзади и со все возрастающей скоростью двинулся навстречу бронепоезду «Офицер». Бронепоезд находился на соседнем левом пути, однако для него возникала большая опасность в случае крушения неприятельского поезда-брандера в выемке, где красные приготовили завал на пути. Поэтому бронепоезду «Офицер» пришлось отходить, отстреливаясь от двух советских бронепоездов, которые двинулись быстрым ходом от станции Змиевка на сближение. Шестидюймовое орудие бронепоезда «Иоанн Калита» встретило их выстрелом по заранее пристрелянному месту на насыпи. Снаряд разорвался точно на путях. Неприятельские бронепоезда сильно задымили и отошли к станции Змиевка. Но в это время неприятельский состав-брандер из пяти вагонов успел обогнать по соседнему пути отходящий бронепоезд «Офицер» и налетел на завал в выемке. Произошло крушение, загроздившее оба пути. Бронепоезд «Офицер» своевременно затормозил, но дальнейший путь через выемку был для него прегражден. Советская пехота вышла из леса и начала наступать к месту крушения, имея свою конницу на фланге. Артиллерийским огнем с бронепоезда «Иоанн Калита» она была остановлена, а затем принуждена отступить. Разъезд красных устремился к линии железной дороги между бронепоездом «Иоанн Калита» и его вспомогательным поездом, но пулеметным огнем с бронепоезда и вспомогательного поезда был отброшен. Началась работа по очистке пути в выемке для отхода бронепоезда «Офицер». С бронепоезда «Офицер» была прислана к бронепоезду «Иоанн Калита» связь с сообщением, что на работу потребуется не менее 3 часов. Поэтому необходимо, чтобы бронепоезд «Иоанн Калита» оставался все это время на той же позиции, чтобы прикрывать работу и отгонять противника. Это удалось. За день боя 22 сентября бронепоезд «Иоанн Калита» израсходовал не менее 150 тяжелых снарядов. С наступлением темноты бронепоезда «Офицер» и «Иоанн Калита» отошли к нашему расположению. 24 сентября бронепоезд «Офицер» вышел в бой к станции Змиевка в составе паровоза и только одной боевой артиллерийской площадки. После первого выстрела по неприятельскому бронепоезду установка орудия была повреждена при откате и орудие выбыло из строя. Противник продолжал стрелять. Тем не менее бронепоезд «Офицер» двигался вперед на сближение, не стреляя. Тогда бронепоезд красных отошел, сбросив брандер в виде состава с балластом. К счастью, он не причинил вреда бронепоезду

«Офицер», который обстреливал пулеметным огнем цепи неприятельской пехоты, отходившей на север. Бронепоезд «Офицер» дошел до следующей станции Еропкино, примерно в 10 верстах к северу от станции Змиевка. Однако вследствие позднего времени и из-за загроможденного пути бронепоезд отошел затем к расположению наших войск. 27 сентября бронепоезд «Офицер» вел бой с неприятельским бронепоездом у станции Еропкино. После починки пути, испорченного во многих местах, станция Еропкино была нами занята. Бронепоезд противника отошел к северу, продолжая портить железнодорожные пути. 28 сентября бронепоезд «Офицер» продвигался дальше, починив во многих местах путь на участке примерно в 10 верст между станциями Еропкино и Становой Колодезь. Не доезжая до последней станции, был встречен неприятельский бронепоезд, который портил полотно железной дороги посредством стального угольника, срывающего рельсы со шпал силой тяги двух паровозов. Несмотря на наступавшую темноту, бронепоезд «Офицер» открыл огонь, и бронепоезд красных был подбит. Исправляя путь, бронепоезд «Офицер» вел 29 сентября бой с подошедшим неприятельским бронепоездом, занял станцию Становой Колодезь, а к вечеру и следующую станцию Стишь, примерно на 10 верст еще севернее. Разрывом неприятельской гранаты был убит на бронепоезде один солдат команды связи. 30 сентября, продвигаясь дальше за станцию Стишь, бронепоезд «Офицер» встретил пехоту красных и фланговым огнем заставил ее уйти из окопов. Во время боя к бронепоезду подошел в конном строю отряд красных. Командовавший им корнет доложил командиру бронепоезда, что это эскадрон, состоявший при штабе 13-й советской армии. Корнет и 30 его подчиненных желают перейти на сторону Добровольческой армии. Эскадрон в полном составе был передан в конную сотню Корниловского полка и в тот же день участвовал в бою против красных. Снова починив путь и пройдя за день около 15 верст, бронепоезд «Офицер» к вечеру подошел к взорванному виадуку у Московско-Курского вокзала города Орла. Команда бронепоезда в пешем строю совместно с командой разведчиков Корниловского полка участвовала в атаке на красных, оборонявшихся на окраине города.

1 октября на рассвете бронепоезд «Офицер» вошел на станцию Орел. Затем бронепоезд продвигался к станции Песочная, примерно в 10 верстах к северо-востоку от Орла, и чинил путь, взорванный противником во многих местах. 2 октября 1919 года легкий бронепоезд «Офицер» и тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» подошли ко взорванному мосту за станцией Песочная. Расстояние от этого моста до Москвы примерно 345 верст, считая по линии железной дороги. Это было кратчайшее расстояние до Москвы, на которое удалось продвинуться бронепоездам Добровольческой армии.

По ту сторону моста находились четыре бронепоезда красных. Они открыли сильнейший огонь из шести орудий, при поддержке одной батареи. Нашим огнем был подбит, получив два попадания, один из неприятельских бронепоездов под курьезным названием «Смерть Директории». Были получены сведения о том, что на этом бронепоезде было несколько убитых и раненых. После 10 минут боя бронепоезда красных отошли. 4 октября вечером

бронепоезд «Офицер» выходил на разведку ко взорванному мосту и был обстрелян батареей красных, а на следующий день вел артиллерийский огонь по пехоте противника, наступавшей на Орел. 6 октября бронепоезд «Офицер» охранял станцию Орел, которая нами эвакуировалась. В ночь на 7 октября база бронепоезда отошла на станцию Поныри, в 80 верстах к югу от Орла. Перешедшая в наступление советская ударная группа вышла в район города Кромы, примерно в 30 верстах к юго-западу от Орла, стремясь произвести глубокий прорыв между нашими войсками Корниловской и Дроздовской дивизий. Отряды советской кавалерии из состава бригады Примакова угрожали железной дороге к югу от Орла. Поэтому впереди состава базы бронепоезда «Офицер» была поставлена бронеплощадка в боевой готовности. Команда бронепоезда не предполагала тогда, что наступил перелом в ходе кампании 1919 года и что предстоит долгое и трудное отступление.

Утром 8 октября бронепоезд «Офицер» вышел на позицию у станции Стишь, примерно в 15 верстах к югу от Орла. В это время наступавшие при поддержке двух четырехорудийных батарей части 5-го Латышского полка красных потеснили цепи 1-го Корниловского полка. Бронепоезд быстро выдвинулся во фланг противнику и заставил одну из неприятельских батарей сразу отходить, не дав по бронепоезду ни одного выстрела. Затем бронепоезд «Офицер», открыв огонь из двух своих орудий и всех пулеметов, отбросил латышскую пехоту и преследовал ее в сторону Орла. Бегущие красные скрывались от огня бронепоезда в оврагах и перелесках. Починив взорванный путь, чины бронепоезда сняли на железнодорожной будке телефон, проведенный на неприятельскую батарею. При этом был убит не успевший скрыться начальник связи латышской батареи. Бронепоезд двинулся дальше, миновал выемку и подошел ко входным семафорам станции Орел. В это время открыли огонь четырехорудийная батарея красных, пристреливая края выемки в 80 саженьях позади бронепоезда. Командовавший в этот день боевой частью штабс-капитан Шахаратов приказал отходить. Красные открыли заградительный огонь. Но бронепоезд выждал момент между двумя очередями и благополучно въехал в выемку. К вечеру по бронепоезду «Офицер», который находился на позиции близ станции Стишь, противник открыл огонь из тяжелых орудий. Из команды бронепоезда трое были ранены осколками. От командира Корниловского полка полковника Пешни была получена записка с благодарностью «за доблестную работу бронепоезда». 9 октября в бою у станции Стишь бронепоезд «Офицер» получил два попадания: в паровоз и в контрольную площадку.

11 октября все атаки противника на наши позиции у станции Стишь были отбиты и станция закреплена за нами. В этот день бронепоезд «Офицер» находился под сильным огнем многочисленной легкой и тяжелой артиллерии противника, вплоть до шестидюймового калибра. 12 октября бронепоезд был вызван на позицию вследствие аварии недавно сформированного легкого бронепоезда «Гром победы», который был зачислен в состав 9-го бронепоездного дивизиона. Этот бронепоезд сошел с рельс у входного семафора станции Стишь. Бронепоезд «Офицер» прикрывал работы по поднятию

сошедшего с рельс состава. Работам благоприятствовал туман. На рассвете 13 октября бронепоезд «Офицер» картечным и пулеметным огнем отбил атаку пехоты красных на деревню Михайловку около станции Стишь. В течение этого дня бронепоезд, маневрировавший на участке около 2 верст, находился под огнем семи легких орудий и нескольких тяжелых орудий 42-линейного и шестидюймового калибра. Однако попаданий в бронепоезд не было. На следующий день, находясь на станции Стишь в центре боевого участка, бронепоезд снова был под обстрелом батарей противника. Подходивший к станции бронепоезд красных был отогнан нашим огнем. Об этих боях у станции Стишь особо упоминает в своей книге, изданной в 1931 году, бывший главнокомандующий Южным фронтом, а затем советский маршал Егоров. По его мнению, «бои за станцию Стишь и противодействие бронепоездам белых, прорывавшимся через расположение бригады и подходившим к Орлу, весьма затрудняли продвижение латышей».

В ночь на 15 октября вследствие прорыва на нашем левом фланге части нашего 1-го корпуса были вынуждены отойти. Отход в сторону станции Змиевка, на 30 верст южнее, происходил без давления со стороны противника. Бронепоезд «Офицер» получил 15 октября задачу произвести разведку. Он дошел до станции Стишь, но противника не обнаружил. По показаниям местных жителей, красные проходили вдали от железной дороги, двигаясь к деревне Домнино. 16 октября бронепоезд «Офицер» обнаружил к северу от станции Еропкино колонну противника, двигавшуюся к югу, обстрелял и рассеял ее. К вечеру под артиллерийским огнем красных бронепоезд «Офицер» оставил станцию Еропкино. 17 октября бронепоезд был послан по железнодорожной ветке Глазуновка – Дьячьё, примерно на 25 верст южнее Еропкино. Оказалось, что железнодорожный мост на этой ветке не может по своей ветхости выдержать тяжести бронепоезда. Противник обнаружен не был.

После взятия Курска легкие бронепоезда «Генерал Корнилов» и «Слава Офицеру» поддерживали наши войска во второй половине сентября и в первой половине октября 1919 года, действуя на второстепенных линиях к востоку от главного направления Курск – Орел. Бронепоезд «Генерал Корнилов» сначала продвигался на восток от Курска, примерно на 100 верст, через станции Охочевка и Щигры, до узловой станции Мармыжи. Оттуда бронепоезд двинулся на север, через станцию Ливны, действуя совместно с частями Алексеевского полка. В начале октября бронепоезд «Генерал Корнилов» занял узловую станцию Верховье на линии Орел – Елец, пройдя от станции Мармыжи еще около 125 верст. Около 15 октября началось отступление наших войск от станции Верховье на юг, и бронепоезд «Генерал Корнилов» прикрывал отход, двигаясь обратно к станции Мармыжи. Бронепоезд «Слава Офицеру» участвовал в бою 17 и 18 сентября у станции Ливны, а затем перешел на железнодорожную линию Касторная – Новый Оскол.

К западу от главного направления Курск – Орел наступление наших войск развивалось в конце сентября 1919 года вдоль железнодорожной линии Льгов – Брянск. Тяжелый бронепоезд «Грозный» находился 20 сентября на станции Льгов. Одно пятидюймовое орудие бронепоезда было отправлено от-

туда в Екатеринослав для установки на тумбу с круговым обстрелом. 21 сентября бронепоезд перешел на станцию Арбузове, примерно в 50 верстах к северу от Льгова, а оттуда выдвинулся на позицию за станцию Дмитриев, еще на 15 верст севернее, для содействия наступлению Дроздовского полка. В присутствии начальника дивизии генерала Витковского бронепоезд «Грозный» обстреливал неприятельский бронепоезд и батареи красных. На следующий день, 22 сентября, бронепоезд стоял, вследствие порчи пути впереди, на станции Дмитриев. Туда подошел также легкий бронепоезд «Дроздовец». 23 сентября легкий бронепоезд «Генерал Дроздовский» и тяжелый бронепоезд «Грозный» двинулись к следующей станции Евдокимовка, обгоняя части Дроздовского полка, шедшие в походных колоннах. Бронепоезд «Генерал Дроздовский» вышел за станцию Евдокимовка, а бронепоезд «Грозный» остановился у входных стрелок и обстреливал бронепоезд красных, находившийся за железнодорожным мостом через реку Усожа. К ночи наши войска заняли позицию вдоль реки Усожа. Мост через нее оказался взорванным. 24 сентября были получены сведения о том, что от станции Комаричи, находящейся примерно в 40 верстах к северу от станции Дмитриев, подходят неприятельские бронепоезда. Тогда бронепоезд «Грозный» занял позицию в выемке, не доходя 2 верст до моста, но не успел еще привести в боевое положение свои орудийные платформы, как был обстрелян 42-линейными орудиями подошедшего советского бронепоезда «Большевик». Легкий бронепоезд «Дроздовец», стоявший у моста, подвергся в то же время обстрелу со стороны другого бронепоезда красных под названием «Брянский». (Этот советский бронепоезд «Брянский» не следует отождествлять с нештатным бронепоездом Добровольческой армии «Брянский», который был расформирован в октябре 1919 года.) Один из первых снарядов бронепоезда «Большевик» попал в путь позади бронепоезда «Грозный». Команда вспомогательного поезда тотчас же приступила к починке пути. Бронепоезд «Грозный» открыл огонь из пятидюймового и шестидюймового орудий. Однако через некоторое время шестидюймовое орудие заклинилось, а пятидюймовое английское орудие давало много осечек. Поэтому бронепоезд был вынужден прекратить стрельбу. Для того чтобы избежать напрасных потерь, командовавший в этот день боевой частью бронепоезда капитан Дубельт приказал команде отойти в лесок недалеко от железной дороги. Несколько снарядов с неприятельских бронепоездов разорвались вблизи от бронепоезда «Грозный», после чего красные прекратили обстрел. Команда вернулась на боевую часть, и бронепоезд «Грозный» отошел на станцию Евдокимовка.

На следующее утро 25 сентября началось наступление наших войск. Накануне была послана колонна Дроздовского полка для выхода в тыл красным у станции Комаричи, чтобы принудить неприятеля к отступлению от реки Усожа. Став на позицию в выемке, бронепоезд «Грозный» вел перестрелку с неприятельским бронепоездом, который стоял за рекой. Стала слышна сильная канонада в направлении станции Комаричи. Около полудня с наблюдательного пункта бронепоезда «Грозный» было замечено, что к бронепоезду красных подошел паровоз. После этого неприятельский бронепоезд отошел.

К вечеру стало известно, что станция Комаричи занята частями Дроздовского полка, которые отрезали три бронепоезда красных, в том числе бронепоезда «Большевик» и «Брянский».

26 сентября бронепоезд «Грозный» стоял на станции Евдокимовка. Не было возможности преследовать отходящих красных из-за порчи моста. Разведчики бронепоезда выехали на подводах и произвели осмотр железнодорожного пути до станции и брошенных боевых составов неприятельских бронепоездов. Они оказались сильно поврежденными. 27 сентября боевая часть бронепоезда «Грозный» была разделена. Одно исправное шестидюймовое орудие и пулеметная площадка, а также несколько жилых вагонов для их команды были оставлены на станции Арбузове. Другая часть бронепоезда была отправлена в Харьков для переделки вагонов резерва на зимнее положение. С резервом были увезены неисправное шестидюймовое орудие и второе пятидюймовое орудие; последнее для установки на тумбу с круговым обстрелом.

В начале октября прибыл на линию Льгов – Брянск легкий бронепоезд «Доблесть Витязя», которым командовал капитан Имшеник-Кондратович. Этот бронепоезд участвовал в боях между станциями Комаричи и Брасово, примерно в 65 верстах к югу от Брянска, будучи придан Дроздовской дивизии.

С.Т. Минаков,
д.и.н., профессор, г. Орел,
декан исторического факультета ОГУ.

Орловско-Кромское сражение 1919 года.

В настоящем небольшом очерке я намерен, опуская, условно говоря, первую часть Орловско-Кромского сражения, касающуюся боевых действий на подступах к Орлу и его взятия частями Корниловской дивизии (полагаю, что это будет сделано другими авторами), сосредоточить внимание на решающем и завершающем его этапе.

...Усиливая нажим на северо-восточном направлении, части корниловцев в ночь с 16 на 17 октября заняли Новосиль. Изменившаяся оперативная обстановка вокруг Орла вынуждала командование фронтом изменить характер боевых задач армиям и частям. Положение усугубилось возросшей активностью белогвардейских войск в районе Ельца. Его возможная потеря вместе с захватом деникинцами Новосилья и закреплением их в Орле могла привести к перемещению доминанты сражения с Дмитровско-Кромского в Орловско-Елецкий районы, ибо в распоряжении добровольцев оказывались важнейшие коммуникационные узлы и важный отрезок железнодорожной магистрали. В силу этого, скорейшая ликвидация орловской группировки и взятие Орла стали срочной и насущной оперативно-стратегической необходимостью. Л.Д. Троцкий, осуществлявший в то время верховное политическое и стратегическое руководство советскими вооруженными силами давал красноречивую политическую оценку взятию белыми Орла. Отмечая нарастающие военные успехи Добровольческой армии, он вспоминал: «Деникин...

взял Курск, взял Орел и угрожал Туле. Сдача нами Тулы была бы катастрофой, так как означала бы потерю важнейших ружейного и патронного заводов» и добавлял, что «сдача Тулы... была опаснее, чем сдача Москвы».

17 октября в 2 часа 30 минут командующий Южным фронтом Егоров определил новые боевые задачи вверенным ему войскам, вводя в операцию свой резерв – Эстонскую стрелковую дивизию, передавая ее в распоряжение командарма-14 И.П. Уборевича. Таким образом, вся сумма решений узловых оперативных задач в районе Дмитровска, Кром и Орла возлагалась на него.

Иероним Петрович Уборевич (1896-1937), литовский крестьянин из Ковенской губернии. Благодаря свойствам характера и природным способностям окончил Двинское реальное училище и поступил в Петербургский политехнический институт. За участие в бунте против полиции был отдан под суд. Бежал в Петроград, где был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. Весной 1916 г., после окончания училища, оказался младшим офицером в 15-м тяжелом артдивизионе подпоручиком. Затем – фронт, бои на Висле, в Румынии.

После февральской революции, в марте 1917 г., Уборевич оформил свое членство в большевистской партии. По собственному признанию, он в то время «точно оттенков большевизма, меньшевизма не знал», поэтому оказался связанным с большевизмом преимущественно эмоционально. В бурные дни и месяцы революции Уборевич – командир революционного полка, вел бои с румынами и австро-венграми. В феврале 1918 г. раненый попал в плен, из которого, спустя полгода, бежал. Вскоре на Северном фронте Советской Республики он становится командиром артиллерийской батареи, затем командиром бригады. Его доблесть в боях была отмечена орденом Красного Знамени. Отмечен он был и в штабе интервентов. «Иероним Уборевич, 22 года, математический склад ума, специальность артиллерист», - так значилось в разведсводке. Вскоре он был назначен командиром 18-й стрелковой дивизии в составе 6-й армии.

Последующая военная карьера И. Уборевича была стремительна. Уже осенью 1919 г. он – командующий 14-й армией, сыгравшей решающую роль в Орловско-Кромском сражении и поражении деникинских войск. В качестве командующего разными армиями на Кавказском, Юго-Западном фронтах, в Приморье во главе Народно-революционной армии Уборевич проявил выдающиеся способности военачальника. К этому времени полководческий авторитет Уборевича укрепился настолько, что его, 25-летнего командарма, офицера военного времени, без высшего академического образования, сочли достойным «причислить» в июне 1922 г. к Генеральному штабу. К ноябрю 1923 г. он занимал должность командующего 5-й Отдельной армией, на правах командующего фронтом. К этому времени он получил заслуженное признание в войсках и репутацию одного из самых лучших и самых молодых «революционных генералов».

Подобно большинству молодых «революционных генералов», поднявшийся на гребне революционной волны к вершинам ранней воинской славы и власти, он был пронизан честолюбивыми настроениями. По свидетельству

своих приятелей по военному училищу, Уборевич еще в юнкерские времена как-то обронил знаменательное признание: «Ну, уж если Наполеону суждено появиться, то им буду я». Достаточно яркая и стремительная военная карьера, молодость, некоторая созвучность с «наполеоновской» судьбой, несомненно, стимулировали развитие этих настроений в его мировоззрении, равно как и мнение, сложившееся о нем в военной и партийной элите СССР.

«Не случайно ходит анекдот в армии, - выступая на печально-известном заседании Военного совета при Наркоме обороны 1-4 июня 1937 г., говорил В.К. Блюхер, - что у Уборевича на письменном столе в его кабинете, налево – портрет Ленина, а направо – портрет Наполеона. Может, это анекдот, а может быть, и правда. И когда ему говорят, что как-то это не вяжется, то он обычно отвечает: «Он тоже был артиллерийским поручиком». Уборевич тоже был артиллерийским поручиком. Это определяет его характер. Вот почему с большим трудом на XVII съезде его проводили в члены ЦК».

В сущности, это мнение об Уборевиче было весьма распространено и устойчиво. Один из высокопоставленных партийных руководителей начала 30-х гг. так охарактеризовал Уборевича: «...Это человек очень самолюбивый и, по-видимому, очень способный, талантливый». В партийно-политических кругах Уборевича считали «человеком беспринципным, дьявольски самолюбивым», помнили, что «Уборевич... при выборах в ЦК получил несколько сот голосов против». Дело в том, что «во время XVI съезда на сибирской делегации кандидатура тов. Уборевича в ЦК обсуждалась довольно горячо. Некоторые товарищи возражали против этой кандидатуры весьма энергично. Во время обсуждения... кто-то бросил записку, смысл которой был примерно таков: «Человек, мол, способный, но в партийном отношении партией мало проверенный. Того и гляди, возомнит себя Наполеоном». Отсюда делали вывод, что Уборевич «в случае интервенции представляет особую опасность в смысле возможности проявления бонапартизма».

...В то время как части Ударной группы наступали на Орел с юго-запада, Эстонская дивизия должна была вести наступление вдоль железной дороги Орел – Брянск с северо-запада. За 9-й стрелковой дивизией сохранялась прежняя боевая задача – наступать на Орел с севера.

Советское фронтовое командование предполагало указанным выше боевым соединением окружить Орел с севера, запада и юго-запада, а 2-й латышской бригадой отрезав корниловцам пути отступления на юг, разбить их и овладеть Орлом. Главная роль в этой операции предназначалась Эстонской стрелковой дивизии под начальством Я. Паальвадре (3246 штыков, 11 орудий, 70 пулеметов). Общая численность всех частей Красной Армии, участвовавших во взятии Орла, равнялась приблизительно 15 тыс. штыков, до 1 тыс. сабель, 70 орудий, несколько сотен пулеметов, бронепоезд. 17 октября командующий Южным фронтом отдал приказ по армиям (14-й и 13-й) разбить орловскую группировку противника и овладеть Орлом.

Полковник Скоблин, получивший категорический приказ командующего корпусом генерала Кутепова и командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, стянул в Орлу все три полка Корниловской дивизии, ба-

тальон марковцев и два конных полка общей численностью не более 4 тыс. штыков и сабель. Начались упорные бои на ближних подступах к Орлу. За несколько дней до развернувшихся событий, получив радостное известие о взятии Орла, генерал Май-Маевский, будучи человеком трезвого ума (хотя часто пьяным), среди всеобщего ликования заметил: «Орел пойман только за хвост. Но у него сильные когти и крылья: как бы он от нас не улетел». Похоже, начинали сбываться опасения генерала. Корниловцы оборонялись упрямо, с отчаянием обреченных. Кутепов доносил в штаб армии: «Корниловцы выдержали в течение дня семь яростных атак красных. Появились новые части...». Красноармейским батальонам, истекая кровью, приходилось брать каждый населенный пункт. Стремясь приостановить наступление Ударной группы на Орел, Кутепов решил нанести ей удар во фланг и тыл в районе Дмитровск – Кромы силами Дроздовской дивизии. Еще 14-15 октября начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский по приказу корпусного командования начал стягивать большую часть сил своей дивизии. К 17 октября в районе Дмитровска сконцентрировался войсковой кулак в составе 1-го и 2-го Дроздовских, Самурского пехотного, 3-го Заамурского конного полков. Он расположился дроздовцев и до течения р. Оки занял позиции переброшенный туда 3-й Марковский полк. Уже 16 октября генерал Витковский повел войска в наступление на фронт 7-й советской стрелковой дивизии в тыл и во фланг Ударной группы. 18 октября против Ударной группы начал наступление частью своих сил из деревни Спасское в направлении Агеевки и полковник Скоблин. В 17 часов вечера корниловцам удалось потеснить части Латышской стрелковой дивизии, однако силами других ее подразделений к ночи положение удалось восстановить, и войска Ударной группы продвинулись до линии Плота – Большое Рыжково – Себякино – Кондрево – Хорошилово – Александровка. С боями 8-й латышский полк занял деревню Хмелевая, а 9-й полк – деревню Гремячая. К 19 октября наступление корниловцев из Орла удалось остановить, нанести им поражение и выйти на ближайшие подступы к Орлу.

Дроздовской группировке удалось в боях 18 октября потеснить части 7-й стрелковой дивизии и начать проникновение в тыл Ударной группы. Для ликвидации угрожающего положения Мартусевичу пришлось, задержав наступление на Орел, перебросить к юго-западу от Кром свой резерв – 1-ю латышскую бригаду и бригаду Червонных казаков. Это вынужденное разделение Ударной группы на две части, несомненно, ослабило ее наступательный потенциал, но было одобрено командованием 14-й армии. Мартусевичу, таким образом, удалось сдержать дроздовцев и нейтрализовать их натиск в районе Дмитровска и Кром, но операцию по взятию Орла пришлось отложить на сутки.

К 19 октября 9-я стрелковая дивизия, в основном уже закончившая преобразование (пополненная остатками 55-й, Сводной дивизий, отдельной бригады Дементьева, бригады Александрова и другими частями), с 17 октября возглавляемая боевым командиром, другом и боевым товарищем коман-

дарма Уборевича по северному фронту П.А. Солодухиным, находилась в 12-15 км к северу от Орла. Вечером 18 октября она перешла в наступление.

Получивший еще 17 октября в свое подчинение Эстонскую стрелковую дивизию, Уборевич докладывал командующему Южным фронтом Егорову о своих оперативных распоряжениях: «Приказано сосредоточенными силами Эстонской дивизии нанести решительный удар на Орел и занять таковой. Во исполнение чего начдиву Эстонской приказываю: к вечеру 17 октября сосредоточиться на линии Сергиевское – ст. Нарышкино – Богдановка – Ужаренка, 18 октября установить такую связь с частями Ударной группы Латдивизии и правым флангом 13-й армии продолжать сосредоточенными силами стремительное наступление с целью занятия г. Орел не позже 19 октября. В распоряжение начдива Эстонской передаю 22-й автобронепоезд и бронепоезд «Ермак Тимофеевич», каковым прибыть на ст. Нарышкино не позднее 24 часов 17 октября». Таким образом, Эстонская дивизия должна была вести атаку на Орел с северо-запада в лоб, в то время как Латышская и 9-я охватывали его с флангов на севере и юго-западе.

В 3 часа утра 19 октября Эстонская дивизия перешла в наступление. Корниловцы, не ожидавшие наступления на северо-западном участке обороны свежих и боеспособных красных частей, не выдержали натиска Эстонской дивизии. После ожесточенного боя ее полки заняли станцию и деревню Образцово (в 6 км к западу от Орла). К вечеру 19 октября с севера к окраинам Орла подошли части 2-й бригады 9-й дивизии. 2-я латышская бригада, получившая приказ к 12 часам дня 20 октября выйти на железнодорожную линию и, овладев станцией Стишь, перекрыть корниловцам пути к отступлению, запаздывала и лишь к вечеру 20 октября, преодолевая сопротивление деникинцев, вышла на заданные рубежи. Однако к этому времени полковник Скоблин, и ранее считавший рискованным концентрирование в пределах Орла всей Корниловской дивизии, ясно сознавая нависшую угрозу, приказал в ночь с 19 на 20 октября вывести из Орла все части Корниловской дивизии, оставив для прикрытия 2-й Корниловский полк с марковским батальоном под командованием полковника Пешни.

Утром 20 октября 1919 г. в перестрелке с корниловцами части Эстонской и 9-й дивизий возобновили наступление. Противник оказывал слабое сопротивление и, сдерживая наступавших, огрызаясь, покидал Орел. В 10 часов 10 минут 76-й полк 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии почти одновременно с 1-м кавполком кавалерийской бригады Ф.В. Попова вошел в Орел. Практически в то же время в 10 часов 20 минут, в город вступили батальоны 5-го эстонского полка Я. Грюнера и затем другие части эстонской дивизии, штаб которой разместился в гостинице «Белград», а ее начальник Я. Паальвадре был назначен комендантом Орла... Вскоре по улицам, заваленным поломанными заборами, кучами битого кирпича и щебня, верхом на своей Альме медленно, в сопровождении конвоя, ехал командарм-14 Уборевич, которому по праву принадлежала львиная доля заслуг в организации и координации действий войск, штурмовавших Орел. В 16 часов 20 октября 1919 г. член РВС 14-й армии Серго Орджоникидзе на вырванном из записной книжки листке написал

свою известную, лаконичную, но выразительную телеграмму: «Москва. Ленину. Привет из Орла. Орджоникидзе».

Возникает вопрос: могли ли деникинцы удержать Орел и развернуть боевые события в ином направлении, нежели те которые начали развиваться после отступления корниловцев из Орла? Командир Корниловской ударной дивизии полковник Скоблин полагал, что такое развертывание событий было возможно, но при определенных условиях.

...С 16 октября 1919 г., когда под Кромами начались бои, «полковник Скоблин предложил высшему командованию следующий план: фронт Алексеевской дивизии растянуть до Орла, а Корниловскую дивизию собрать в кулак и бросить против латышей. Скоблину было приказано продолжать оборону Орла, не покидая своего фронта перед городом. ... Трое суток Корниловская дивизия защищала подступы к Курску – атаки красных сменялись контратаками корниловцев. Корниловская дивизия потеряла треть своего состава, но продолжала отбиваться. Тогда большевики охватили корниловцев с обоих флангов; свободной осталась одна дорога на Фатеж. Полковник Скоблин, чтобы избежать полного окружения своей дивизии, воспользовался этой дорогой и быстрыми маршами вырвался из неприятельских клещей». Этот факт подтверждается и другими свидетелями, которые уточняют датировку.

«Эти бои (13-23 октября 1919 г.) показали, что три офицера, сдавшиеся с эскадроном около города Фатеж, и попавший в плен при взятии города Кромы полковник Генерального штаба были правы в своих показаниях о готовившемся сильном ударе в прорыве между нами и Дроздовской дивизией. В связи со сложившейся обстановкой начальник Корниловской Ударной дивизии (полковник Скоблин) просит командование со взятием Орла передать свой участок Алексеевцам, с тем чтобы своей дивизией в полном составе ударить по скоплению Красной Армии за нашим левым флангом, но ему в этом было отказано». (обращение было, видимо, к командиру 1-го армейского корпуса генералу А. Кутепову?). Трудно сказать, как бы развивались последующие боевые события под Орлом и Кромами, если бы предложение полковника Скоблина было принято.

Полковник Левитов также выражает сожаление в связи с отказом командования Добровольческой армии принять предложение командира Корниловской дивизии. «Очевидно, на параде (21.10.1919), - поясняет он, - генерал Май-Маевский и говорил про этот удар на Кромы, но все оказалось мыльным пузырем, и наш штаб дивизии оказался прав, прося об ударе дивизии на ударную советскую группу в момент, когда эстонская стрелковая дивизия находилась в 45 верстах от Орла, - тогда успех разгрома основной ударной советской группы был бы обеспечен». Левитов связывает с этим отказом и неудачное для деникинцев последующее развертывание событий. «Несмотря на то, что 2-й и 3-й Корниловский полки успешно отбрасывали противника и окружения не произошло, - рассуждает он, - но превосходство в силах у красных дало им возможность через Кромы сделать новую попытку: ударом на Фатеж и Поньри отрезать нам путь отступления на Курск. 26 октября дроз-

довцы оставили город Дмитровск, который от левого фланга дивизии находился в 62 верстах. Все это вынудило дивизию к новому отходу 27 октября».

Подводя итоги анализу оперативно-тактической обстановки, связанной с наступлением советской Ударной группы и предложением Скоблина использовать всю Корниловскую дивизию для удара по красным в районе Кром с передачей орловского района Алексеевской дивизии, полковник Левитов заключает: «Лично я уверен, что мог бы для ударной группы получиться и большой конфуз, если бы первоначальная просьба штаба Корниловской Ударной дивизии о передаче Орла алексеевцам была удовлетворена, и тогда дивизия в полном составе могла бы обрушиться на советскую ударную группу». Далее он добавляет, еще более усиливая свою уверенность в целесообразности принятия предложения командира Корниловской дивизии:

«Как жаль, что в битве Орел-Кромы командование не рискнуло использовать против ударной группы красных все полки дивизии. Обошедший нас тогда противник должен был быть сам обойден... Если бы латыши и эстонцы и не были бы уничтожены, а только отброшены, этим был бы уничтожен прорыв всей Красной Армии, и тогда бы 1-й конная армия Буденного не пошла бы на прорыв. Для нас это было все: надежда на приток пополнения и на продолжение с весной похода на Москву. Не было у нас резервов, но бил же красных генерал Май-Маевский в Каменноугольном бассейне и без них, значит, теперь он был далек от действительности нависшей над нами угрозы под Орлом». Таким образом, полковник Левитов, а также, судя по всему сказанному выше, и все старшие начальники Корниловской дивизии, начиная с полковника Скоблина, были убеждены в судьбоносном характере принятия или непринятия отмеченного выше предложения штаба Корниловской дивизии.

Однако это предложение не было принято. И хотя впереди были еще тяжелые бои, и хотя белые еще обладали достаточно мощным потенциалом к сопротивлению и не утратили пока намерений восстановить прежнее, вернуть Орел, его взятие частями Красной Армии 20 октября 1919 г. означало не только приостановку продвижения корпуса Кутепова на Москву. Белые командиры начали терять инициативу, постепенно переходившую в руки советского командования.

...Свежий, ослепляющий блеск победы, взятие Орла, радость торжества, заслуженно охватившая ряды советских войск, население, надо отдать должное характеру и интеллекту 23-летнего командарма-14, не помешали ему, однако, критически и объективно оценить итоги операции и сложившуюся ситуацию. На межармейском совещании в тот же день взятия Орла, созванном в гостинице «Метрополь», куда съехались «именинники» - командиры дивизий, бригад, воинских частей, Уборевич обратил внимание собравшихся на главное: цель операции достигнута не была – город взят, но противник от поражения ушел. Полковник Скоблин сумел воспользоваться «медлительностью» Ударной группы, отсутствием надлежащего взаимодействия между дивизиями, недостаточным опытом в маневрировании и обманул советских командиров, сумев вывести из почти захлопнувшегося капкана, хотя и с потерями, но всю Корниловскую дивизию, сохранив ее боевой потенциал. 6-й ла-

тышский полк 20 октября вышел к станции Стишь, когда корниловцы же вышли за пределы «кольца». Орловско-Кромское сражение переходило в новую стадию.

...Оперативная обстановка к вечеру 20 октября складывалась следующая. Части 2-й латышской бригады, выбив незначительные подразделения корниловцев со станции Стишь, закрепились на этом рубеже, сюда же в поддержку латышей двигалась и 9-я стрелковая дивизия. Эстонская дивизия осталась в Орле в резерве. 1-я бригада латышской дивизии продолжала движение в южном направлении, захватывая своим левым флангом железнодорожную линию Орел – Курск. Части 3-й бригады Латышской дивизии по приказу нового командующего Ударной группы Ф. Калныня (20 октября он сменил Мартусевича в должности начдива Латышской и командующего Ударной группы) двигались по большаку Лаврово – Плоское. Червоноказачья бригада сдерживала противника, наступавшего в северо-восточном направлении от Дмитровска. Войска Южного фронта контролировали два важных стратегических пункта (Орел и Кромы) из трех (в руках деникинцев оставался Дмитровск).

Свои ближайшие задачи белое командование в лице командира 1-го армейского корпуса генерала Кутепова видело: 1) в овладении станцией Стишь – трамплином для нового прыжка на Орел; 2) в овладении Кромами – вторым исходным рубежом атаки на Орел. В этих целях Кутепов совершил перегруппировку: всю Корниловскую дивизию с приданным ей 2-м батальоном 3-го Марковского полка он сосредоточил на орловском направлении, подкрепив ее бронепоездами; в районе Кром для атаки была сосредоточена другая группировка – Дроздовская дивизия и 3-й Марковский полк (без 2-го батальона). И хотя на 80-километровом фронте Дмитровск – Кромы – Стишь общая численность советских войск превосходила противника, Корниловская и Дроздовские группировки представляли собой еще весьма внушительную силу – 8 тыс. штыков и сабель. Постоянное давление, оказывавшееся 8-й советской армией и корпусом Буденного на правом фланге Добровольческой армии в направлении Воронежа, лишало командование этой армии возможности перебросить подкрепления Кутепову под Орел и Кромы. Поэтому командованию Добровольческого корпуса – Кутепову, Витковскому и Скоблину – приходилось компенсировать недостаток количества качеством своих войск.

...Командующий Южным фронтом Егоров, оценивая сложившуюся после взятия Орла оперативную ситуацию, исходит в своих последующих распоряжениях из того, что у деникинцев в руках остался один стратегический узелок – Дмитровск. В обстановке успешного продвижения Буденного и частей 8-й армии на Воронеж, взятие которого считалось вопросом двух-трех дней, и выхода конкорпуса на линию железной дороги Воронеж – Курск, сбить дроздовцев с Дмитровска не представляло особого труда. Поэтому, несомненно, несколько переоценивая последствия падения Орла, Егоров общестратегическую схему предстоявших боевых действий представлял в виде нанесения кутеповскому корпусу двойного флангового удара по сходящимся направлениям: от Дмитровска на Фатеж – Курск и от Орла и Верховья через

Ливны на Касторную. При успешном развитии событий Егоров предполагал окружить противника и разгромить его. Поэтому он и отдал в 9 часов вечера 20 октября приказ по армиям фронта, из которого следовало, что командарму-14 Уборевичу ставилась задача в «кратчайший срок при содействии Ударной группы Латдивизии ликвидировать дроздовцев в районе Дмитровска, основной же удар эта группа должна наносить на Фатеж – Курск». Иными словами, Ударной группе фактически, как это оказалось, намечены были два расходящихся направления – на Дмитровск и на Фатеж. В этом, очевидно, сказывалась недооценка сил и возможностей дроздовцев в районе Дмитровска. В направлении Малоархангельска должна была вести наступление Эстонская дивизия. Таким образом, две самые боеспособные ударные группировки должны были вести наступление на южном – юго-западном направлениях. Другие дивизии 13-й армии (этим приказом Эстонская дивизия также передавалась в подчинение командарму-13) – 9-я, 3-я и 42-я со своих исходных позиций должны были наносить удар через Ливны на Касторную во фланг и тыл Кутепову. Однако суровая реальность в скором времени вынудила отказаться от этого хорошего, трудно реализуемого в тех конкретных оперативных условиях, плана. Червоноказачья бригада Примакова, направленная Калнынем на Дмитровск, в районе деревни Столбище натолкнулась на части 1-го Дроздовского полка уже 20 октября. В боевых стычках 21 и 22 октября с переменным успехом разворачивались события в районе Дмитровска. Населенные пункты, села и деревни Волобуево, Красная Роща, Гнездилово мелькали в оперативных сводках, переходя из рук в руки; то их занимали дроздовцы, то червонные казаки, то части 2-й латышской бригады. 21 октября в 13 часов 2-й Дроздовский полк (командир полка полковник А.В. Туркул) и 83-й Самурский начали наступление на Кромы с юга. Но их атака вдоль шоссе была отбита. Спустя два часа они возобновили натиск на фронте Волобуево – Красная Роща – Кутафьино.

В течение 21-22 октября завязались бои между дроздовцами и «червонцами» в районе деревни Волобуево. Результат был предreshен отходом частей 1-й бригады 7-й советской дивизии, находившейся на фланге Примакова. Ее полки были измотаны предшествующими боями, понесли большие потери (в 59-м полу оставалось всего 120 штыков, а в 58-м и 60-м – около 300). Отступая, они обнажили фланг Ударной группы. Несмотря на жесточайшие меры, расстрел каждого, самовольно покидающего позиции, принятые Калнынем, сдержать превращение отступления в панику в 7-й дивизии не удавалось. Ударная группа вынуждена была оставить свои позиции и отступить под угрозой обхода со стороны дроздовцев. Утром 23 октября белые заняли Кромы. Чаша весов в сражении вновь покачнулась в сторону кутеповского корпуса. Дроздовская группировка обеспечила себе вновь один из плацдармов для нового наступления на Орел.

В это время, 20-23 октября на южных подступах к Орлу в районе станции Стишь и Становой Колодезь разворачивались еще более драматичные события.

...Как уже было сказано выше, 20 октября 6-й полк 2-й латышской бригады вышел на линию железной дороги и, выбив незначительные подразделения корниловцев, занял станцию Стишь. Однако, подтянув все части Корниловской дивизии, полковник Скоблин бросил ее на станцию и вновь вернул себе. На рассвете 21 октября части 5-го латышского полка выбили корниловцев со станции. Через полчаса корниловцы вновь пошли в атаку. Две атаки корниловцев были отбиты. Готовясь к третьей, Скоблин подкрепил действия своих частей бронепоездами, попытался обойти фланг латышского полка, но при поддержке артиллерии была отбита и третья атака. На помощь своим товарищам прибыли 4-й и 6-й латышские полки, атаковавшие корниловцев у станции Становой Колодезь, но с потерями отошли. Наиболее кровопролитные и в буквальном смысле жаркие бои начались и продолжались 22 октября. Корниловцы силами 1-го и 3-го полков двинулись на 4-й латышский полк. Без успеха. За ними последовали все новые попытки на штыках прорваться в глубину расположения советских полков. Участники этого сражения вспоминают, что из строя вышли несколько пулеметов и много винтовок, у которых от интенсивного огня плавилась стволы. За день по корниловцам было выпущено около 110 тыс. патронов. Корниловские цепи несли большие потери, но с фанатичным упрямством стремились вперед. Велики были потери убитыми и ранеными и полках 2-й латышской бригады – до 220 человек. Не меньшие потери были в бригаде Павлова, также активно участвовавшей в боях 22 октября у станции Стишь.

...Получив сведения о мощном сопротивлении корниловцев на южном направлении и переходе их в контрнаступление, командующий Южным фронтом вынужден был в 5 часов 20 минут утра 21 октября отменить свой категорический предшествующий приказ и переориентировать направление удара 9-й стрелковой дивизии, которая была вскоре брошена в поддержку и на смену латышам под станцию Стишь. Однако четыре полка 9-й стрелковой дивизии, перейдя в наступление, столкнувшись с сильным контрударом корниловцев, отхлынули назад и начали отступать на 5-й латышский полк. Части корниловцев постепенно стали обтекать фланг 5-го латышского полка, вынудив его также начать отступление. В связи с этим сложилась тревожная обстановка в Орле. Эстонская дивизия, находившаяся в резерве, начала занимать оборонительные позиции в предместьях Орла. 23 октября полковник Скоблин занял станцию Стишь.

«Несмотря на отданный мною приказ о немедленном выдвижении и решительном действии, правофланговые части 9-й дивизии до сего времени находятся в тылу частей Латдивизии, оголяя ее фланг и подрывая не только тактический успех частей Латдивизии, но и их моральный устой. Тяжелая обстановка под Орлом сложилась исключительно от бездействия частей 9-й дивизии, - такова была оценка причин поражения и ситуации Егорова в приказе от 23 октября. Оперативная инициатива вновь перешла к Кутепову, который в один день 23 октября частями дроздовской и корниловской группировок занял вновь удобные исходные позиции для атаки на Орел. 24 октября и 25 октября, выполняя приказы командующего Южным фронтом, командармы-3 и

14, направляя подчиненные им дивизии на Кромы и Стишь, в упорных и кровопролитных боях пытались сбить деникинские части с захваченных позиций. 24 октября частям 3-й латышской бригады удалось выбить корниловцев из Кром, но после неоднократных контратак, после боев в районе выселок Козлы (четырежды переходивших из рук в руки), потеряв около 200 человек убитыми и ранеными и почти весь комсостав, 8-й латышский полк вынужден был отойти. В сложившейся ситуации комбригат-3 приказал оставить Кромы, и город вновь 25 октября был занят деникинцами. 25 октября приказом Егорова Эстонская дивизия была выведена из резерва, подчинена командарму-13 Геккеру и вновь брошена в бой.

...В районе станции Стишь ситуация оказалась еще более тревожной и опасной. После попытки овладеть неприятельскими позициями у деревни Дубовик 23 октября, части 2-й латышской бригады и бригады Павлова вынуждены были отступить. На следующий день в 14 часов корниловцы отбросили части 9-й дивизии от станции Стишь и деревни Михайловка и начали продвигаться к Орлу. По 4-му латышскому полку, находившемуся на пути у белых, за час было выпущено до 380 снарядов. Полк начал отступление, нанося ощутимый урон атаковавшим его ротам 2-го и 3-го Корниловских полков. Их потери в отдельных ротах свели численность до 30 штыков. Безуспешны оказались атаки 9-й дивизии и частей Эстонской дивизии на станцию Стишь и 25 октября.

...Еще в приказе по армиям от 20 октября Егоров напоминал командармам: «Памятуя условия достижения нами успехов под Орлом и Воронежем, не разбрасывать своих сил, а бить на избранном направлении сосредоточенно, кулаком на узком фронте, стремительно и решительно. Поддерживать все время прочную связь со своими частями и соседними». Это, казалось бы, элементарное правило тактики и оперативного искусства далеко не всегда удавалось соблюдать молодым, еще недостаточно опытным командармам, начдивам, против которых дрались, несомненно, более искусные в маневрировании войсками на поле сражения белогвардейские командиры. Хронический недостаток резервов и количество они вынуждены были восполнять умением создавать на нужном направлении относительное превосходство сил. Оценивая неудачи в боях под Орлом и Кромами с 21 по 25 октября, член РВС Южного фронта И.В. Сталин в разговоре по прямому проводу с членом РВС 14-й армии Г.К. Орджоникидзе (конечно же, опираясь на мнение командюжа) объяснял тем, что «противнику удалось искусным маневром растолкать Ударную группу на отдельные полки и бить их по одиночке».

В соответствии с директивой Егорова от 25 октября, наконец, совершенно четко, как это еще 21 октября сделал Кутепов, командование фронтом фактически создавало две армейские группировки, получившие самостоятельные задачи: командарму-13 – «разбить орловскую группировку противника, отбросив ее на юго-восточном направлении»; командарму-14 «частями ударной группы Латдивизии разбить кромскую группу противника, отбросив ее на юго-западном направлении». При этом совершенно обоснованно командование фронтом считало, что в первую очередь следует нанести поражение

дроздовско-марковской группировке в районе Кром. Докладывая в Реввоенсовет фронта о намерениях командования 14-й армии, Орджоникидзе отмечал, что «сегодня шла перегруппировка, которая ночью окончится, и тогда вновь ударим для занятия Кром». По его словам, на станцию Комаричи в поддержку 57 дивизии действия которой в районе Дмитровска должны были не допустить дополнительных перебросок белогвардейских частей под Кромы. В районе предстоящих боевых действий были подтянуты части 2-го латышского полка, 3-й латышской бригады, которая должна была наносить удар с севера, и червонные казаки. 26 октября командующий Ударной группой Калнынь приказал: 3-й стрелковой бригаде Латышской дивизии (7, 9 и кавалерийский полки) под командованием комбрига Стуцка занять деревню Коровье Болото и с бронемашинами по шоссе Орел – Кромы наступать на г. Кромы и взять его. Остальные части дивизии и группы должны были обеспечить прикрытие наступления 3-й бригады, уничтожать или нейтрализовать противника, если какие-либо его части вознамерятся оказать содействие 3-му Марковскому полку, оборонявшему Кромы. В этих целях червонные казаки на одном фланге, 2-я латышская бригада – на другом должны были осуществить ложные маневры для отвлечения других частей дроздовцев и введения их в заблуждение. Вскоре с боями 1-я латышская бригада вышла на условленные позиции и к вечеру была уже на берегу р. Крома. Продвигаясь с боями, к 18 часам 26 октября полки 3-й бригады подошли к г. Кромы и атаковали оборонительные линии марковцев. Предпринятые трижды атаки были отбиты. Тогда было решено совершить ночную атаку. 3-й Марковский полк (командир полковник Наумов), очевидно, удовлетворенный исходом дневного боя, не ожидал ночной атаки. Он был захвачен врасплох. В рукопашной схватке погибло много офицеров, около 200 человек было взято в плен. Остатки полка были выбиты из Кром и вскоре присоединились ко 2-му Корниловскому полку, поступив под командование помощника командира Корниловской дивизии полковника Пешни. Спустя несколько дней, потеряв в общей сложности до 500 человек, 3-й Марковский полк был отведен в резерв в Курск.

Еще раньше, утром 26 октября, красные части 41-й стрелковой дивизии (начдив Р.П. Эйдеман), действовавшей правее Латышской дивизии, атакой на Дмитровск попытались взять город. Дроздовцы в течение дня отбивались, но к вечеру вынуждены были оставить Дмитровск. Взятие Кром и Дмитровска 26 октября 1919 г. было весьма значительным событием на Южном фронте: был прорван деникинский фронт и создавалась угроза их орловской группировке.

Разгром 3-го Марковского полка в Кромах, вступление в город советских войск и отступление марковцев к югу в район станции Дьячьё вынудили полковника Скоблина оставить станцию Стишь на подступах к Орлу и отойти на станцию Становой Колодезь. Генерал Кутепов в целях предотвращения дальнейшего отхода частей своего корпуса от Кром распорядился перебросить в район станции Дьячьё 2-й Корниловский полк и 2-й батальон Марковцев. 27 октября остатки двух разгромленных батальонов 3-го марковского полка со-

единились со своим 2-м батальоном и 2-м Корниловским полком и образовали отряд под общим командованием помощника Корниловской дивизии полковника Пешни. 1-й и 2-й корниловские полки с конными частями под командованием полковника Скоблина продолжали удерживать прежнюю линию обороны.

Несмотря на сильное давление частей 13-й и 14-й советских армий, продвижение вперед красных войск было крайне медленным и с большими потерями. Латышская стрелковая дивизия к этому времени потеряла более половины командного и 40 процентов рядового состава (5 тыс. человек), бригада Павлова – до 30, а червоноказачья бригада Примакова – около 33 % личного состава. «Продолжающиеся упорные бои в районе Кром, Орла и Ельца, к участию в коих противник, по-видимому, стянул свои лучшие силы, свели наступление частей 13-й и 14-й армий в этом районе к лобовым атакам, - констатировал штаб Южного фронта. – При таких условиях боевой обстановки главнейшая наша задача – уничтожение живой силы противника, действующего в указанном районе, может быть достигнута в кратчайший срок лишь путем нанесения удара во фланг и тыл этой группе с востока...». Командование Южным фронтом, исходя из вышесказанного, определило в качестве первоочередной задачи (чтобы нанести поражение Корниловской дивизии) «энергичное наступление 13-й армии, подкрепляемой действием конного корпуса Буденного по левому флангу деникинцев, в районе Елец – Ливны, с выходом на линию Касторная – Болкны». Такова была оценка ситуации к концу 27 октября 1919 г. В течение последующих трех суток корниловцы под командованием полковников Скоблина и Пешни в районе Дьячье упорно, теряя людей, неся большие потери, продолжали удерживать в непрекращавшихся боях прежние позиции. «За трое суток Корниловская дивизия, - по свидетельству полковника Скоблина, - потеряла треть своего состава», - таков был натиск советских дивизий и таково было сопротивление белогвардейцев.

К 1 ноября численное соотношение советских и деникинских войск на фронте от района Кром до линии железной дороги Орел – Курск в районе станции Еропкино было следующим; 14-я красная армия (23159 штыков, 3658 сабель, 138 орудий, 578 пулеметов) силами своей Латышской дивизии, бригады Павлова, 8-й Червоноказачьей дивизии, 7-й стрелковой дивизии (указанные части общей численностью в 8,5 тыс. штыков, свыше 2,3 тыс. сабель, 64 орудий, 225 пулеметов), силами своей Эстонской стрелковой дивизии в 3846 штыков, 11 орудий, 87 пулеметов (всего, таким образом, советских войск было свыше 14 тыс. штыков и сабель при 75 орудиях и 312 пулеметах). Им противостояло 4300 штыков, 1300 сабель, 26 орудий и 105 пулеметов Корниловской дивизии. Таким образом, несмотря на почти трехкратное превосходство, сломить отчаянную оборону отборных частей деникинской «гвардии» не удавалось.

...30 октября в Шарыкино в штабе Латышской стрелковой дивизии собрался совет под руководством командарма-14 Уборевича с участием начдива Латышской Калныня, Примакова, комбригов. Было выслушано предложение командира «червонцев» об осуществлении рейда по тылам Корниловской ди-

визии, который во взаимодействии с наступающими с фронта частями Ударной группы позволил бы нанести поражение этой центральной кутеповской группировке. Было решено осуществить прорыв белогвардейского фронта в районе Чернь – Чернодье в стык Дроздовской и Корниловской дивизий силами 1-й и 2-й бригад Латышской дивизии и в образовавшуюся брешь пустить Червоноказачью дивизию Примакова (только что развернутую из бригады).

Пока шли приготовления к рейду, оперативная обстановка на фронте 14-й армии еще более осложнилась: генерал Кутепов, решив нанести поражение 14-й армии, начал сосредоточивать части Корниловской дивизии к западу от железной дороги Орел – Курск. С этой целью полковник Скоблин отступил к станции Змиевка и направил полковника Пешню против 1-й латышской бригады Вайняна. Почти одновременно Кутепов начал стягивать к правому флангу 14-й армии части Дроздовской дивизии. Уже 26 октября полковник Туркул, только что назначенный командиром 1-го Дроздовского офицерского полка, вновь взял Комаричи и двинулся на северо-восток к Дмитровску. Одновременно белогвардейские части, преднамеренно отступая на левом фланге советских войск, начали концентрироваться в районе Ливен. В этом направлении развивались события до 2 ноября.

...Командарм Уборевич приказал начдиву Латышской, оставив на всей линии обороны одну бригаду, двумя другими скрытно от противника сгруппироваться в районе Чернь – Чернодье. Рано утром 3 ноября части 1-й и 3-й латышских бригад (комбриги Вайнян и Стуцка) сосредоточились у указанных населенных пунктов и в пять часов утра в маскировочных накидках (уже шел снег) без выстрелов, в штыки атаковали Чернь и Чернодье и после короткого, но ожесточенного боя прорвали деникинский фронт.

...Примаков взял в рейд сильных всадников, численностью в 1500 сабель, 32 пулемета на тачанках, 6 орудий, необходимый боезапас, снаряжение и в шестом часу утра, передев своих казаков в белогвардейское обмундирование, нацепив погоны, ворвался в образовавшийся прорыв, выдавая себя за дивизию генерала Шкуро.

...Его рейд по корниловским тылам с 3 по 6 ноября был стремительным и результативным. За четыре дня червонные казаки прошли 120 км, уничтожили снаряжение, боеприпасы, обозы и тыловые части противника в Фатеже, на станции Поньри, взорвали пути на 10 км севернее этой станции, нарушив пути сообщения между фронтовыми частями и командованием Добровольческой армии, прервав связь между Корниловской дивизией и вышестоящими штабами. Полковник Скоблин, впрочем, как и высшее корпусное и армейское командование, полагал, что это части советской армии, наступавшей с северо-востока. Первые тревожные известия о появлении в своем тылу красной конницы вынудили Кутепова прекратить натиск своих дивизий на фланги 14-й армии, и в ночь на 5-е ноября они начали отход. Командование Добровольческой армии признало свое поражение в Орловско-Кромском сражении. Корниловская дивизия начала отступление к Курску.

Участники событий Орловско-Кромского сражения и военные историки по-разному видят причины неудачи белых войск под Орлом и причины их от-

ступления. Поэтому в качестве заключения я приведу основные мнения-выводы на этот счет.

«...Колоссальный перевес в силах и удачный маневр красных, подводил в своих воспоминаниях о боевых действиях Корниловской дивизии полковник Левитов, - не дал им ожидаемого «молниеносного разгрома» Добровольческой армии, и основной причиной тому было мужество и доблесть Корниловской Ударной дивизии в боях под Орлом.

По-моему, здесь и закончилась Орловско-Кромская операция, а с ней и участь всего фронта Вооруженных сил Юга России. Явная недооценка нашим командованием силы интернациональной ударной группы под Орлом, колоссальный перевес в силах, минимум один против двадцати, отсутствие у нас резервов, особенно кавалерии, исключительно большие потери в рядах 2-го Корниловского Ударного полка, два раза – Орел-Кромы и станция Дьячье – принимавшего на себя главный удар всего прорыва красных, и отсутствие зимнего обмундирования – все это создало то, что называется переломом. Отсюда началось не бегство, а отход с лихими и весьма большими контрударами, и, бог знает, не будь самостийных раздоров с генералом Деникиным и неладов среди генералов, быть может, Красная Армия и была бы разбита.

Орловско-Кромское сражение, начавшееся 6 октября с линии село Поньри и станция Дьячье, закончилось на той же линии с отходом от Орла 10 ноября 1919 года».

Н.Е. Какурин, не сомневаясь, считал Орловско-Кромское сражение генеральным в ходе боевых действий между «красными» и «белыми». Независимо от непосредственных причин поражения деникинских войск, коренную он видел в принципиально «авантюристической стратегии Деникина». Поражение войск Добровольческой армии и отход Корниловской дивизии он считал следствием, прежде всего «развития успехов конного корпуса Буденного», которое «по времени совпало сведением в дело на севском направлении 46-й стрелковой дивизии, которой удалось, наконец, сломить сопротивление противника под Севском». Это обстоятельство, по мнению Какурина, и привело к тому, что «отказавшись от борьбы за инициативу в орловском районе, противник начал медленно отходить». Однако Какурин считал, что стремительного отступления Корниловской дивизии не было, как не было и главной для него причины – поражения. Советский историк отмечал, что корниловцы отходили, «местами, однако, оказывая упорное сопротивление». Не считая, что Корниловская дивизия и другие части Добровольческой армии, участвовавшие в Орловско-Кромском сражении, потерпели решительное поражение, Какурин считал причинами отступления корниловцев от Орла два боевых эпизода: прорыв конницы Примакова на Фатеж, в глубокий тыл Корниловской дивизии и появление, с другой стороны, в районе Касторной, в глубоком тылу Добровольческой армии конницы Буденного. «Оба эти эпизода, - заключает Какурин, - явились конечными актами того генерального сражения, кризис которого под Орлом затянулся почти на целый месяц».

Командующий красным Южным фронтом А.И. Егоров причины отхода белых усматривал в несколько иных факторах. Признавая успехи деникин-

ской армии, он достаточно высоко оценивал все-таки боевое мастерство не всей армии в целом, но ее отдельных частей. «Части белых армий во многих случаях действовали очень удачно, - подводил он итог рассмотрения боевых действий в Орловско-Кромском сражении. – Офицерские части дрались упорно». Особое внимание он обращал на «наличие крупных конных частей», что «давало в руки белых неоценимое преимущество над красными войсками, ибо позволяло в широкой степени применять маневрирование, создавать превосходство в силах в момент, когда этого менее всего ожидали, и сводить на нет достигнутые перед тем красными успехи. Однако свое преимущество белые использовали часто не по нужному направлению». Егоров признает крупный оперативно-стратегический успех Добровольческой армии на первом этапе Орловско-Кромского сражения. «Армия прорывает фронт у Курска, - отмечает он, и незамедлительно приступает к обеспечению дальнейшего своего продвижения, расширяя этот прорыв до стратегических размеров и проявляя нужную заботливость об обоих своих флангах. Но по мере продвижения к Орлу левый фланг постепенно начинает выпадать из внимания командующего Добровольческой армией, и это обстоятельство сыграло губительную для всей операции роль».

В своей «Гражданской войне 1918 – 1921» Н.Е. Какурин и И.И. Вацетис считали «дни 24-26 октября... днями окончательного перехода счастья на сторону красных на орловском направлении». Какурин, который писал, в частности, и этот раздел указанной книги, как и в 1925 г., считал, что «два момента определяют это событие: разгром конницы белых конной армией под Воронежем и успех 14-й красной армии на Севском направлении, где решительное влияние оказало введение в дело 46-й стрелковой дивизии». Какурин, однако, в гораздо большей мере, чем в 1925 г. акцентирует внимание именно на действиях частей 14-й армии (46-й стрелковой дивизии) под Севском. «Эта дивизия, - усиливает свое мнение военный историк, - в условиях полного истощения оперативных резервов белых явилась тем тактическим золотником, который резко ускорил исход месячной борьбы на Орловском направлении». Какурин дополнительно поясняет, что «на фронте столкновения главных сил сторон (район Дмитровск – Орел) эта борьба шла под знаком борьбы на истощение, и решающую роль в ней мы должны отнести на долю 14-й армии». При этом, признавая важную стратегическую роль действий корпуса Буденного на Касторную, Какурин считал, что «отзвуки ее, пространственно удаленной почти на 200 км от Орловского направления, не могли так скоро докатиться до него и повлиять сразу на начало общего отхода противника».

Главком С.С. Каменев, оценивая боевые действия Красной Армии на Южном фронте против войск генерала Деникина и признавая, что боевые задачи, поставленные командованием Южного фронта «в общем были выполнены», тем не менее делал общий вывод: «Но нам не удалось в полной мере отрезать добровольцев от казаков, и лучшая часть добровольческих сил – их Корниловская дивизия – успела отойти на Кавказ и соединиться с казаками».

В.В. Соколов,
старший преподаватель

Орловского государственного университета.

Образ Красной армии в общественном восприятии эпохи Гражданской войны и «мировой революции».

Гражданская война, инерционное психоментальное ожидание продолжения «мировой революции» и «наступательно революционной войны» в течение нескольких лет после ее окончания, Красная Армия играли весьма значительную, если не доминирующую роль в общественном сознании советских граждан в первой половине 20-х гг. Отношение к ней у различных слоев российского населения расколото и изнуренного гражданской войной, было неоднозначно. Этому способствовал и внешний ее облик, особенно в первые годы этой войны, когда внешний вид красноармейцев и их командиров, подчас никак не вязался с привычным обликом военнослужащих старой русской армии.

В феврале 1918 г. генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич обратил внимание на «отряд Дыбенко», «на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами...». Впрочем, пожалуй, более выразительными оказываются свидетельства людей, относительно нейтральных, гражданских. «Вчера видел взвод солдат, новых солдат-красноармейцев, - отметил Г.А. Князев 1 мая 1918 г. - Впереди шел хор музыкантов. Бравурный марш и молодеватая выправка создавали эффект. Впереди взвода шел офицер или «инструктор» - не знаю, как теперь их называют, - без шашки, без погон, такой жалкий, беспомощный. Все были одеты в полусолдатскую одежду. Новое войско...».

К августу 1918 г. советской власти удалось, если не обеспечить Красную армию новым единым обмундированием, то, по крайней мере, одеть ее в то, что оказалось на складах под рукой. «Забавно видеть социалистическую и даже коммунистическую армию в красных бархатных штанах, - вновь обратил внимание Г.А. Князев. - Говорят, что в других местах новые воины разряжены в гусарские ментики, расшитые мундиры... Кто бы мог сказать, что такой вид будет у пролетарской армии?». Впрочем, «гусарский» облик автор записок увидел непосредственно. «...Так забавно видеть «Коммунистов» в красных гусарских фуражках, - отметил он, спустя год, осенью 1919 г. почти маскарадное одеяние «революционной армии». - Думали ли лихие гусары, что их головной убор так придется по вкусу тем, кто с такой энергией проклинал войну и ненавидел армию, милитаризм...».

Однако и к ноябрю 1918 г. внешне красноармейцы в своем большинстве производили жалкое впечатление. «Видел сегодня взвод Красной Армии, - отметил петроградец тех лет. - Все большие мальчишки 18-20 лет. Идут с винтовками врассыпную, в желтых стеганых куртках, серых меховых шапках. Все одеты по-разному. Какая-то разношерстная кучка вооруженных людей». Это впечатление оставалось и в начале 1919 г. «Вчера через город проходило множество красноармейцев на фронт, - записал тот же наблюдатель. - Шли кучками. Некоторые повисли на трамваях. Та же серая масса. Все больше

юнцы...». Даже по случаю главного революционного праздника 7 ноября 1918 г., даже для парада оказывалось невозможно найти подобающее обмундирование, чтобы придать красноармейцам надлежащий облик. «По просьбе трудящихся Сызрани мы организовали военный парад, - вспоминал много позже один из «красных командиров». - ...День выдался довольно прохладный, но еще бесснежный. На площади выстроились все части Сызранского гарнизона. Внешний их вид был далеко не блестящим – винтовки всех существующих в мире систем, изношенные до дыр шинели, порыжевшие кожаные куртки, нередко подпоясанные ремнями с медной пряжкой, на которой двуглавый орел старательно затерт или даже замазан краской. А обувь и того хуже – просто не разберешь, что у кого на ногах...».

12 сентября 1920 г. И.Э. Бабель передал на страницах своего дневника впечатления о внешнем облике Красной армии. «Русский пехотинец, - отметил он, - босой, не только не модернизированный, совсем «убогая Русь», странники, распухшие, обовшивевшие, низкорослые, голодные мужики». А 15 сентября 1920 г. другая дневниковая запись: «Разговоры об нашей авиации, ее нет, все аппараты сломаны, летчики не умеют летать, машины старые, латаные, никуда не годные».

Однако были в Красной Армии и воинские части, выглядевшие совершенно иначе, хотя и одетые тоже не по форме. Многое зависело от командира, его личного авторитета, характера. «Вот идет какая-то конная часть, - вспоминал В.В. Шульгин. – Очевидно эскадрон дивизии Котовского. Очень приличный внешний вид. Хорошие лошади, седла, амуниция – все в порядке. Если бы они носили погоны, это напоминало бы старую русскую армию». А вот еще один образ, воссозданный по памяти тем же автором. «Впереди – колоссальный красный плакат с золотой надписью: «Кто не трудится, да не ест», - вспоминает Шульгин. – За оркестром – небольшая военная часть, которой командует товарищ командир, расписанный, как картинка. Красные чакчиры, гусарские сапоги, голубой доломан... Без погон, но на рукаве роскошно вышитая золотом и серебром звезда. На голове кубанка, ноги пружинят, голос звенит...».

Надо отметить, что и «красные командиры», даже высшего ранга первоначально выглядели внешне также весьма пестро. Отчасти потому, что старались в тогдашних условиях крайнего социального противостояния и нетерпимости не раздражать своих подчиненных или даже «коллег» из бывших «нижних чинов». «В те годы, - вспоминал один из командиров Красной Армии, бывший офицер, - некоторые бывшие офицеры стремились всячески «опроститься»: редко брились, щеголяли в драных гимнастерках, не чистили сапог. Им казалось, что таким образом они приобретают «пролетарский вид». А чтобы еще больше приспособиться к «простому люду», некоторые даже сквернословили, сплевывали под ноги, курили козьи ножки, лутили семечки». Однако не только и не столько мотивы «социальной мимикрии» обуславливали пестроту внешности командиров «революционной армии», но элементарное отсутствие необходимого и приемлемого обмундирования для них. «Он сидел в туго перехваченной ремнем гимнастерке со следами погон

на плечах, - таким увидел командарма 1-й Революционной М. Тухачевского один из его подчиненных (дело было в июле 1918 г.), - в темно-синих, сильно поношенных брюках, в желтых ботинках с обмотками. Рядом на столе лежал своеобразный головной убор из люфы, имевший форму не то пожарной каски, не то шлема, и коричневые перчатки». Другой свидетель отмечал, что Тухачевский «демонстративно носит гимнастерку с вышивками лейб-гвардии Семеновского полка...». Очевидно, скорее всего, потому, что больше ему носить было нечего. Офицеры фронтового штаба Тухачевского, даже летом 1920 г., еще не имели возможности одеться по единой военной форме. Один из них был одет «в чесучевую рубаху, черные брюки навыпуск и парусиновые ботинки». Начальник Оперативного управления штаба фронта А.М. Перемытов... донашивал офицерскую гимнастерку и зеленые диагональные брюки со штрипками. Начальник штаба Н.Н. Шварц носил китель цвета хаки и штатские брюки какого-то неопределенного цвета». Даже «Б.М. Шапошников, бывший тогда начальником Оперативного управления штаба Республики, приезжал к нам в хорошем штатском костюме и накрахмаленной рубашке с черным шелковым галстуком».

Попытки ввести единую военную форму предпринимались еще осенью 1918 г. «Многие командиры и отличившиеся в боях красноармейцы, - вспоминал один из командиров, - получили от ВЦИК... комплекты кожаного обмундирования...». Но такое обмундирование было слишком дорогим удовольствием для армии в несколько миллионов человек, каковой она стала в 1920 г. Одно время, в 1919-1920 гг. пытались ввести форму «революционного» красного цвета. М.Д. Бонч-Бруевич, вспоминая 1919 год, свидетельствовал: «Примерно в час дня в штаб прибыл Фрунзе. ...Командующего Туркестанским фронтом сопровождал конвой, почему-то одетый в ярко-красные шелковые рубахи при черных штанах...». Один из близко наблюдавших Тухачевского его сослуживцев в 1919 г. вспоминал, что «одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями». По свидетельству одного из сотрудников штаба Западного фронта и в 1920 г. Тухачевский также был одет в красную рубаху. Впрочем, гимнастерки ярко-красного (точнее, малинового) цвета или форменные рубахи были в дореволюционное время у личного состава лейб-гвардии императорских стрелковых полков. Поэтому, в случае с Тухачевским, а также у личного эскорта М.В. Фрунзе, красные рубахи были взяты с военных складов дореволюционного времени и предназначались для «императорских стрелков», которые считались наиболее любимыми гвардейскими полками Николая II. Видимо, красные, точнее малиновые, рубахи достались со складов императорских стрелков. Об этом говорил, оказавшись в вынужденной эмиграции один из высланный из Советской России осенью 1922 г. преподавателей Военной академии РККА некий Цветков. «Рассказывал, - записал в своем дневнике полковник А.А. фон Лампе 16 ноября 1922 г., - о новой форме, изобретенной Велико – рубаха и кафтан по типу стрелков Императорской Фамилии с галунами по роду войск на груди! Типично старорусская и вполне одобренная ...Троц-

ким!» Впрочем, в конце 1920 г. еще один свидетель так описывал внешний облик Тухачевского. «На нем черная кожаная куртка, ... На голове – шлем с красной звездой». В армейском жаргоне тех лет за таким форменным суконным шлемом закрепилось прозвание «громоотвод». «Одернув потрепанную кожанку, - вспоминал тот же свидетель, - поправив на голове «громоотвод» (так мы называли иногда свои островерхие шлемы)...». Широко известное название «буденовка» появилось позднее. Во всяком случае, эта деталь воинского обмундирования в 1920 г., судя по дневниковым записям И.Э. Бабеля, совсем не была характерна для конармейцев. «Начдив Тимошенко в штабе, - запечатлел он образ будущего маршала в 1920 г. в своем дневнике. – Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка...». Еще один образ из того же времени, человека в будущем прославленного официальной пропагандой на всю страну. «Ворошилов, - лаконично зафиксировал свои впечатления в дневнике тот же Бабель, - коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами...».

Лишь в 1920 г. значительная часть, особенно отборных фронтовых соединений и частей, наконец, была переодета во введенную еще в 1919 г. форму – шинели с широкими петлицами и красноармейские суконные шлемы. Последние вскоре получили расхожие армейские жаргонные прозвания – «громоотвод», «буденовка», «фрунзевка», «синагога».

Внешний вид, форменная одежда не просто украшение регулярной вооруженной силы, армии. Он дисциплинирует ее, превращает из вооруженной и разнузданной орды в регулярное войско, подчиняющееся приказам своих начальников. Конечно, многое удалось сделать руководству Красной Армии в центре и на местах, однако полностью изжить элементы «партизанщины», «атаманщины», особенно в конных частях не получилось до конца Гражданской войны. Впрочем, сама обстановка любой войны, особенно Гражданской в России, несомненно, создавала массу больших и малых помех для наведения полного порядка в вооруженных силах Советской России.

«...Когда, в связи с эвакуацией Врангелевской армии исчезла ближайшая опасность для Советской власти, - указывалось в справке ответственного сотрудника ВЧК, - осталась другая опасность – сама же Красная армия, которую необходимо было перевести на мирное положение, т.е., иначе говоря, отнять у каждого красноармейца привилегию распоряжаться чужим имуществом как своим собственным; после долгих усилий, когда борьба с Красной армией приняла характер открытых сражений, Советской власти удалось временно устранить препятствие к полному повиновению Красной армии, недовольной прекращением «военного времени» и начавшей форменную войну с той же Советской властью, как например, армия Буденного, Червонное казачество, Богунская и Таращинская бригады и т.д.». Такая ситуация в первой половине 20-х гг. наблюдалась и в других регионах Советской России и других советских республик.

Казначеев А.

студент исторического факультета ОГУ

А.И. Деникин и П.Н. Врангель: история конфликта.

«Историю делают личности», - говорят одни. «Историю делают массы», - говорят другие. Взяв срединную этих двух полярных взглядов, можно сказать, что творцами истории выступают как массы, так и отдельные личности, однако в разный период времени и разных условиях, соотношение вклада в историю и тех и других разнится. Время смут и лихолетья – время особенно-значимого влияния отдельных людей на ход истории, и Русская Смута начала 20-го века наглядно это показала. На ее гребне оказались не только белые и красные, но и многие другие социально-политические силы: зеленые, «атаманщина», сепаратисты, но главными противоборствующими силами стали белые и красные. И у тех и у других были свои ярко выраженные «вожди», которые начинали борьбу: не редко можно встретить мнение, что не будь Ленина и Троцкого с одной, Корнилова и Алексеева с другой стороны, не было бы междоусобной войны. Так или иначе, но именно личности начинали борьбу за власть (под теми или иными причинами), и именно от них во многом зависел успех или неудача своей стороны. Это и есть так называемый «субъективный» фактор, который был и у белых, и у красных.

С рабоче-крестьянскими «бандами» начинали Ленин и Троцкий – с офицерскими отрядами начинали Корнилов и Алексеев. Пока Ленин создавал красное государство, Троцкий создал из «банд» дисциплинированную и боеспособную Красную Армию – Деникин, - ставший во главе антибольшевистских сил на Юге после смерти Корнилова и Алексеева, - создал из офицерских волонтеров многочисленную (по сравнению с тем, что было вначале) разветвленную армию, а на огромных освобожденных территориях построил белое государство – ВСЮР.

Как уже отмечалось выше, с увеличением значимости личностного фактора в Гражданской войне, соразмерно увеличивается ответственность отдельной личности, руководящей той или иной военно-политической силой. Соответственно, можно говорить с полной уверенностью, что вина за поражение белых сил Юга лежит на Деникине, как военно-политическом лидере, учитывая так же и объективные причины, от него не зависевшие. После пика удач ВСЮР в октябре и наступления времени неудач, с ноября авторитет лидера Белого Юга резко падает, и эти два фактора стали причинами вылившегося кризиса Белого движения на Юге. Кризис этот заключался в том, что в следствии указанных выше причин, выявились все худшие стороны антибольшевистских сил, одной из которых являлась политическая разобщенность. Кризис обнажил все те проблемы, которые зрели, но не были видны во время военных удач, и от Главнокомандующего ВСЮР отвернулись и общественно-политические круги, и военные, что предредило его отставку.

Прежде чем перейти к рассмотрению тех причин и событий, которые повлекли, сопровождали и следствовали падению авторитета Деникина, необходимо учесть важные аспекты, которые влияли на генезис и развитие Белого Движения.

Во-первых, это *геополитический аспект*: взглянув на карту России в 1918-м году, мы увидим, что все зародившиеся очаги белой борьбы возникли

на *окраинах* развалившейся империи. На Юге - на Дону и Кубани, зимой 1918-го, начинала свой путь Добровольческая армия генералов Корнилова и Алексеева; на Востоке - в Поволжье, находились отряды «Народной армии» ген. Болдырева – в будущем лучшие части войск адмирала Колчака; на западном клочке Псковской губернии, у границ Эстонии, формировалась будущая Северо-Западной армия ген. Юденича; в Архангельске при приближении флота «союзников», появилась Северная армия ген. Миллера. Немаловажно, что 2 из 4-х очагов, - а именно Юденича и Деникина, - находились в особенно-сложном национально-политическом положении. Эти два фактора: окраинное положение и соприкосновение с получившими или еще стремящимися к суверенитету на развалинах империи национально-политическими образованиями, были одной из серьезнейших причин неудачи Белого движения.

Во-вторых, важным аспектом, сопровождавшим зарождение Белого Движения, являлось *добровольчество*: и на востоке, и на юге, и на севере, первые малочисленные воинские соединения создавались по принципу добровольной службы, что не сходилось с вековыми основами Царской Русской армии. Этот принцип, необходимый вначале борьбы, сильно повлиял на дальнейшее развитие Белого Движения: молодые, храбрые и амбициозные поручики, порой, вели в бой старых полковников, что накладывало психологический отпечаток на чиновничество. Устои воинской дисциплины претерпели изменения в офицерской среде, и часто случались конфликты начальников и подчиненных, широко известные: между Деникиным и Врангелем, между Колчаком и Гайдой, Семеновым, между Юденичем и Родзянко.

Оба этих важных аспекта, возникших при зарождении Белого движения, ставили и в начале, и в перспективе перед генералом Деникиным определенные проблемные вопросы внутривластного характера, которые он должен был решить как диктатор Белого Юга.

Феномен «добровольчества» сильно повлиял на чиновничество офицерства и генералитета Белых армий, что создало почву для соперничества между военачальниками как за лучшие «позиции», так за звания и должности. И, несмотря на то, что ген. Деникин старался строить ВСЮР «по образу и подобию» старой, Императорской русской армии, это все же была иная армия – революционная. В стане красных так же существовало соперничество между военачальниками, однако большевики не отличались гуманностью и к врагам, и к себе. И эксцессы, когда один лидер мог подрывать авторитет другого, решались просто: к стенке и пулю в затылок. У белых же подобные меры заменяли отставки под разными предлогами и без них. К одному из самых ярких таких примеров относится конфликт между Деникиным и Врангелем...

Для начала можно привести оценки и описания современников обоих генералов.

«Врангель – честолюбив, властолюбив, хитер и в душе предатель, но самый умник из оставшихся генералов», - писал о нем один из самых известных героев Белого движения Я.А. Слащев. Несомненно, его взгляд субъективен, учитывая как сложились его с бароном отношения, однако схожую точку зрения отмечают и другие.

«...крайне честолюбив... ради своей выгоды готов потопить кого угодно; не терпит подчиненных с умом и сильным характером; не держит своего слова; ставит свой интерес выше всякой идеи» - писал о бароне полковник Э. Гильбих.

Таких же взглядов придерживался и ген. Мильковский, описывая барона: *«Достаточно умный, честолюбивый, себялюбивый и страдающий манией величия... В выборе помощников не терпит людей с собственным мнением. Большой интриган».*

Надо сказать, что огромное честолюбие и склонность к интриганству отмечали почти все, кто знал барона. Сам Врангель, будучи тяжелобольным тифом, в январе 1919-го года, считал свою болезнь Божьим наказанием «за свое честолюбие».

«... генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладающего большой военной эрудицией начальника», - описывал Врангель свои впечатления от встречи с Деникиным. Надо отметить должную объективность оценки барона – в том же духе высказывались и другие люди, знавшие Главкома ВСЮР:

«Говорят, что по первому впечатлению можно судить о призвании человека. В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя. Но просто честного человека, одного из тех «добрых» русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени...», - писал проф. К.Н. Соколов.

Проф. Н.Н. Алексеев был схожего мнения: *«Бывают люди, с которыми достаточно поговорить несколько слов, чтобы определить внутреннее существо их характера. Вот с таким твёрдым убеждением о характере главнокомандующего вышли мы тогда от него. Это был хороший русский человек, застенчивый, скромный, без славолюбия и гордости – качества, которые, может быть, и не нужны были в то смутное время, в которое ему приходилось действовать».*

Генерал Б.А. Штейфон пронизательно писал о лидерах Белого Юга: *«По складу ума, характера и по своим мировоззрениям А.И. Деникин и П.Н. Врангель были людьми совершенно различными. И судьбе было угодно, чтобы столь разные натуры усвоили, каждый вполне самостоятельно, одно и то же убеждение. Генерал Деникин и генерал Врангель заподозрили друг друга в том, что их расхожденья... объясняются не идейными соображениями, а исключительно личными мотивами. Это трагическое, но вполне добросовестное заблуждение повлекло за собою много печальных и тяжелых последствий».*

Любопытно сравнение уже упоминавшегося выше Н.Н. Алексеева: *«Первое впечатление, определявшее внешнюю разницу двух этих людей, формулируется у меня в военном противопоставлении: инфантерия — кавалерия. У генерала Деникина не было ни внешнего блеска, ни светских манер, но в то же время была в нем какая-то глубокая почвенная сила. Врангель был красив, статен, а главное - отмечал его действительный, не напускной лоск*

обращения. Внешне он был человеком, который мог очаровать, но я не заметил в нем черт, изобличающих гипнотизирующее излучение власти».

Действительно: два совершенно разных типа лидера. Один лидер, пользуясь классификацией Макса Вебера, традиционно-бюрократический – Антон Иванович Деникин. Человек, который всю свою жизнь тянул солдатскую лямку, который армию воспринимал как единственный смысл своей жизни и военную службу воспринимал именно как служение, а не как способ делать карьеру. Он был скуповат на похвалу, угловат, прочно придерживался традиционной морали, хранил узы дружбы и товарищества и был, по сути, романтиком-идеалистом, желающим перенести взгляды своего внутреннего мира на действительность. И с другой стороны Петр Николаевич Врангель – лидер харизматический. Яркая, незаурядная личность, с биографией, которая показывает взлеты и падения. Карьера, которую он начинал как горный инженер, резко и зигзагообразно меняется: он переходит на службу в кавалергардский полк, затем в казачий и так далее. То есть, человек, который постоянно искал возможность прославиться, возможность выделиться, возможность стать тем самым командиром, лидером. Врангель был настоящим светским львом, привыкшим к власти и повиновению; лощеным циником, который мог ради своей цели перешагнуть через дружбу и прошлые заслуги; безусловно, способный дипломат, он был более гибким в вопросах внутренней и внешней политики, чем Деникин.

Безусловно, в условиях Гражданской войны люди с такими противоположными характерами, диаметрально противоположными взглядами на жизнь, не могли не вступить в конфликт.

Однако до поры до времени, пока руководимые Деникиным армии продвигались с лета-осени 1919-го года все дальше, все нелады с бароном имели пассивный характер. Открыто они начали проявляться лишь к зиме 1919-го, когда «полководческая удача» от Главкома отвернулась, и можно было, явно и не скрывая, обвинять его и его Штаб во всех неудачах, выставляя как «спасителя положения» Врангеля, еще с весны 1919-го вступившего в разногласия со Ставкой в оперативно-стратегическом плане...

С рапорта от 4 апреля 1919-го года и далее, начались нападки Врангеля на Ставку и Штаб Деникина. В своем рапорте барон указывал на ошибочность Харьковского направления, предлагая вместо него Царицынское, где находилась его Кавказская армия. Врангель отмечал, что необходимо соединение с войсками Колчака. Однако барон не учитывал конкретных фронтовых условий весны 1919-го – когда ВСЮР реально смогли наступать на Царицын, Красная Армия уже гнала армии Колчака к Уфе. И вообще соединение, если бы оно произошло, могло бы дать лишь моральное удовлетворение, т.к. театр военных действий опирался бы тогда на безлюдные приволжские степи, где не было ни развитых коммуникаций, ни крупных городов, ни продовольственной базы для снабжения войск. Как бы то ни было, предложение Врангеля было отвергнуто, а сам барон, затаив обиду и постоянно «атакуя» Ставку упреками то по продовольственной, то по материально-людской части, выжидал времени, когда можно было бы придать огласке уже и без того извест-

ные его расхождения с Деникиным. Весной же Врангель имел первые встречи с А.В. Кривошеиным – будущим премьер-министром его правительства, бывшим сотрудником Столыпина по аграрной реформе. Кривошеин, по словам Врангеля, так же был недоволен «ошибочной стратегией главного командования» и видел «в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера». Здесь примечательны два момента. Первый заключался в том, что Кривошеин, человек сугубо штатский, всячески поддерживал идею Врангеля о правильности его, Врангеля, стратегии на соединение с Колчаком. Второй момент объясняет первый: Кривошеин рассчитывал на участие в работе Особого Совещения, - правительства Белого Юга, - но, будучи человеком крайне правых взглядов, «пробиться» туда не смог, и, затаив обиду на слишком «либерального» по его мнению Деникина, решил привлекать в свою союзники популярных генералов. Таковым был Врангель, кроме всего прочего, имевший такие же монархические взгляды, как и Кривошеин, входящий в правую политическую организацию «Совет Объединения».

После взятия 18 июня Кавказской Армией ген. Врангеля Царицына, слывшего неприступным «красным Верденом», все газеты Белого Юга превозносили барона как «героя Царицына», его фотографии развешивались на всех столбах, в его честь один из офицеров сочинил даже гимн. *«Уже под Царицыном он доказывал, что Деникин никуда не годится, и тогда еще нанятые им люди и газеты рекламировали его на всех перекрестках, выдумывая несуществующие доблести и заставляя толпу невольно этому верить»*, - писал Слащев. Популярность Врангеля растет и в среде тылового офицерства, и фронтового. Примечательно, что уже тогда, летом, молодой Э.А.Гиацинтов, командовавший группой конных разведчиков «элитной» Марковского эскадрона, приписывал уход корпуса Мамантова от направления Москвы в его знаменитом рейде работе *«красных ставленников в окружении генерала Деникина»*, и в заключение добавлял: *«Не то было бы, если бы вместо Деникина в это время командовал нашей армией генерал Врангель»*.

На молодого, удачливого генерала обратили внимание «союзники», наградив его орденом Святых Михаила и Георгия.

Тогда же Врангель излагает Деникину план по созданию конной группировки под его, Врангелем, руководством, для нанесения удара по кратчайшему направлению *на Москву* – что противоречило его весеннему рапорту о преимуществах Царицынского направления над Московским. Деникин посчитал предложение барона желанием «первым войти в Москву», отклонив его так же по той причине, что создав такую конную группировку за счет Кавказской Армии, можно было опасаться контрудара красных на Царицын, которые стягивали туда в это время все новые и новые силы. Кроме того, Главком уже давно вынашивал свой оперативно-стратегический план, который был оглашен через 2 дня. Это была знаменитая «Московская директива», провозглашающая начало похода на Москву. Сам Врангель оценивал ее как «смертный приговор армиям Юга России». Однако сложно согласиться с этим, т.к. в ходе наступления на Москву Вооруженными Силами

Юга России были освобождены огромные территории, которые стали главной продовольственной базой для всего Белого Юга, увеличив численно Белые Армии на Юге в 3 раза. Так или иначе, главной действующей силой отныне стала Добровольческая Армия, а Кавказская выполняла второстепенную роль, что, несомненно, уязвило Врангеля.

Барон продолжал засылать Ставку своими претензиями.

«Не проходило дня, чтобы от генерала Врангеля Ставка или я не получали телеграмм нервных, требовательных, резких, временами оскорбительных», - писал позже Деникин.

Осень 1919-го стала апогеем успехов ВСЮР, и началом их конца. В ноябре, когда Добровольческая армия начала тесниться ударами противника, Ставка разрабатывает план контрудара, считая, что неудачи лишь временны. Для этого привлекаются свободные конные полки, которые должны были составить противовес конармии Буденного, едва ли не одной из главных причин быстрого отката Белых Армий к югу. Руководствуясь тем, что Врангель опытный кавалерийский начальник, Деникин назначает его командующим Добровольческой армией. По воспоминаниям главы Отдела пропаганды проф. Соколова, в данном назначении была заинтересована и штабные офицеры: *«Штабная молодежь видела в этом назначении большую свою победу над «высшими сферами». Они добивались этого назначения целый месяц».*

Несомненно, что это назначение встречало положительные отклики в «Совете Объединения» - Врангель продолжал встречаться с Кривошеиным, который «никак не сочувствовал политике Главнокомандующего». И барон вполне разделял эту точку зрения, считая что Деникин «боится самостоятельных, сильных людей» (то бишь – его самого). Однако в приведенных выше характеристиках генералов Мильковского и Гильбиха мы видим, что и сам Врангель *«в выборе помощников не терпит людей с собственным мнением».*

В своих воспоминаниях Деникин отмечал, что Врангель сильно недолюбливал Начальника Штаба Ставки И.П. Романовского – ближайшего друга и советника Главкома. Надо сказать, что по тем или иным причинам, Романовского недолюбливали многие, что вылилось в конце концов в его трагическое убийство. Многие, в том числе и Врангель, считали что Романовский оказывает слишком сильное влияние на Деникина, чуть ли не управляет Главкомом. Однако эти это было явным преувеличением. К тому же тот же ген. Мильковский писал о Врангеле: *«Твердости нет. Начальник штаба и начальник контрразведки имеют на него влияние».* Если насчет «твердости» можно поспорить, то насчет того, что ген. Шатилов, – вечный Начальник Штаба Врангеля, его приближенный и единомышленник, - оказывал сильное влияние на Врангеля, спорить не приходится.

«Новое назначение генерала Врангеля внесло много осложнений в атмосферу внутреннего разлада», - писал Деникин. И, правда, почти сразу после назначения, генерал Врангель направил в Ставку свой рапорт от 9 декабря, в котором обрисовывал все наследство от ген. Май-Маевского, критиковал Ставку в «пренебрежении основных принципов военного искусства» в про-

шлом и настоящем, и преимущества его, Врангеля, идей и планов. Довольно дерзким поступком со стороны барона было то, что он «для воздействия на генерала Деникина со стороны ближайших помощников», отослал копии рапорта генералам Романовскому и Лукомскому и пересказал его содержание Савичу – члену Особого Совещания. С точки зрения военной морали и дисциплины, этот поступок Врангеля, будь даже из благих намерений, вне всяких сомнений аморален и бестактен. Этот рапорт вышел за рамки тех лиц, которым была передана копия, и частично стал известен в военной среде на фронте и тылу, что, несомненно, только прибавило барону известности и популярности. Однако спасти положение Добровольческой армии он уже не мог – слишком велико было превосходство противника и слишком обескровлены части армии. И отходя все южнее и южнее, Врангель опять вступил в спор с Главкомом по оперативно-стратегической части, настаивая, что армию нужно отводить на запад, в Крым, а не на восток в направлении Ростова. Несмотря на военную целесообразность, подобный отход был морально недопустим по отношению к казачеству. Предложение Врангеля было отклонено, и это стало еще одной трещиной в отношениях между терявшим авторитет Деникиным и приобретающим популярность Врангелем, неминуемо ведущей к конфликту. Затем последовал еще один рапорт от 11 декабря, с которым Врангель так же ознакомил старших начальников. Тем же днем он имел встречу с командующим Донской армией ген. Сидориным, которому зачитав свои рапорты, высказал жесткую критику стратегии Ставки. Барон собирался без разрешения главнокомандующего собрать совещание командующих армиями, что было бы прямым нарушением воинской дисциплины. И Деникин, «оставляя в стороне вопрос о внутренних побуждениях» барона, указал командующим на недопустимость такого образа действий. Так же остутился от советов Деникина барон, удалив от армии генералов Шкуро и Мамантова, которых он (не без оснований) считал виновниками развала белой конницы, но которые пользовались большой популярностью в казачьей среде. Этим действием Врангель внес еще большее расстройство в возглавляемые этими генералами конные части.

20-го декабря Врангель имел беседу с ген. Сидориным и его Начальником Штаба Кельчевским, которые, если доверять воспоминаниям Врангеля, «жестoko обвиняли и генерала Деникина, и генерала Романовского», говоря что «они с делом справиться не могут». Сам Врангель, по его словам, уже тогда в беседе заявлял о возможности замены Главкома. Странно, однако, что ген. Сидорин не доложил об этом разговоре Деникину, как должен был по уставу, учитывая, что докладывал о планах Врангеля собрать совещание без его ведома. Однако подобное отношение донских командующих, вероятно, преувеличенно Врангелем в мемуарах с целью подтвердить, как тогда сильно были все недовольны Ставкой и Деникиным в частности.

В конце декабря, когда спешно эвакуировались «белые столицы» Ростов и Новочеркасск, а полки Добровольческой армии уменьшились более чем в 10 раз, было решено свернуть армию в корпус во главе с ген. Кутеповым, а Врангеля отправить на формирования на Кубани конных соединений. Барон

прибыл в Екатеринодар, и принял решение поставить во главе формирующихся трех корпусов генералов Топоркова, Науменко и... Шкуро.

По воспоминаниям последнего, Врангель в кубанской столице пригласил Шкуро в свой вагон, *«наговорил массу любезностей»* и *«начал расспрашивать о настроениях казачества на местах, о степени популярности генерала Деникина среди казачества и офицерства и вскользь несколько раз бросил мысль, что Главное Командование совершенно не понимает обстановки и всех нас ведет к гибели и что против этого надо бороться и искать какой-либо выход»*. Позже, 23-го, Шкуро вновь встречался с Врангелем, *«который настойчиво доказывал»* ему *«что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в генерале Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие генерала Романовского на посту начальника штаба даже преступным; что необходимо заставить во что бы то ни стало генерала Деникина сдать командование другому лицу и что с этим вполне согласны и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским атаманами, с председателями их правительств, а также с командующим Донской армией генералом Сидориным и его начальником штаба генералом Кельчевским, с кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской Рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что все вполне разделяют его, Врангеля, точку зрения, и что теперь остановка только за мной и за Терским атаманом, а тогда в случае нашего согласия мы должны предъявить генералу Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться ни перед чем»*.

Шкуро, - надо отдать ему должное, - отказался от предложения Врангеля и доложил, как полагается, Деникину.

Генерал Вдовенко, терский атаман, так же отмечал, что Врангель предлагал ему имею переворота, где сам барон занял бы «место командующего казачьими войсками» (наверняка сам барон метил выше), причем *«генерал Врангель очень волновался, поэтому почти после каждой фразы обращался к генералу Шатилову: «Не правда ли, Павлуша?»»*. Вдовенко резко отказавшись от участия в планах барона, тут же командирует своего представителя к Донскому атаману и командующему Донской армией, и для них «это была новость». Позже выяснится, что и Кубань так же была против врангелевской затеи, высказав «что генерал Врангель потерял свой престиж на Кубани». В это же время Тверской, - будущий министр внутренних дел врангелевского правительства в Крыму, - осведомлялся у пребывающих в Кисловодске представителей общественности, сможет ли барон Врангель получить поддержку общественных и финансовых кругов в случае переворота. На это был отрицательный ответ. Таким образом к концу декабря ни попытка сплотить вокруг себя союзников по свержению Деникина, ни попытка создать казачью армию Врангелю не удалась, и оставшись не у дел, он был зачислен в резерв Главнокомандующего.

«Врангель стал крайне враждебен по отношению ко мне. Имей в виду», - писал Деникин жене.

Действительно, к началу 1920-го года отношения Деникина и Врангеля накались до предела, что совпало с полосой неудач и Главкома в борьбе с большевиками. Однако, думаю, можно утверждать точнее – это во время полководческих неудач Деникина обострились его отношения с бароном Врангелем.

Деникин хотел дать барону назначение в Штаб Главноначальствующего Новороссийской области ген. Н.Н. Шиллинга, - человека, по определению Слащева «доброего и слабохарактерного», - и в январе 1920 года Врангель выехал в Крым.

В это время, накануне падения Белой Одессы, известный политик и публицист В.В. Шульгин, генерал А.М. Драгомиров (бывший председатель Особого Сопещения и Главноначальствующий Киевской области), и кадет В.А. Степанов, провели совещание, на котором признали возможность поддержания кандидатуры Врангеля в случае смены командования. Драгомиров же, собственно, и привлек Врангеля к Белому движению, и впоследствии сыграл заметную роль в его выдвижении на роль Главкома.

Приезд барона совпал с мятежом капитана Н.И. Орлова, требовавшего смены руководства Армией и наведения порядка в тылу. Укрываясь в горах и совершая набеги с целью грабежа на близлежащие города, мятежный капитан в своих прокламациях заявлял, что будет подчиняться только Врангелю, что породило подозрение в Ставке, что сам барон инспирировал «орловщину» для укрепления своего авторитета и смещения как минимум Шиллинга, как максимум Деникина.

О поддержке Врангеля заявили офицеры Черноморского флота, советовавшие Шиллингу уступить свой пост Врангелю даже без одобрения Главкомом.

Открыто встал на сторону барона и пребывающий в это время в Крыму ген. А.С. Лукомский, *«лицо, - по словам Деникина, - дружественное барону Врангелю»*, бывший председатель Особого Сопещения, один из влиятельнейших высших начальников Белого Юга, начинавший борьбу на Юге с самого начала. *«Генерал Врангель, по общему в Севастополе, а так же по моему мнению, мог остановить развал Крымских войсковых частей и водворить порядок в тылу»*, - писал он в своих воспоминаниях. Лукомский телеграфировал в Ставку, что необходима скорейшая замена Шиллинга Врангелем.

Пришло в Ставку и обращение «общественных деятелей Крыма» с требованием поставить во главе власти в Крыму генерала Врангеля.

Пытались привлечь на свою сторону сторонники барона и генерала Я.А. Слащева, второго после Шиллинга военного лица обороняющего Крым, однако тот уклонился от активного участия в интригах, заявив что *«не будет мешать назначению Врангеля, но он должен быть назначен Деникиным»*. Позднее Слащев вспоминал, что напряженная ситуация в Крыму дошла до такой точки кипения, что он *«каждую минуту ждал приказа от Шиллинга арестовать Врангеля, а от Врангеля — арестовать Шиллинга (войск ни у того, ни у другого не было)»*. Так оно и случилось бы, - Врангель решился на

арест Шиллинга, но Слащев предупредил, что «ничего антидисциплинарного делать не будет», т.е. в случае необходимости сам арестует Врангеля.

В дело по дискредитации Главкома вступило духовенство, во главе монархически-настроенным епископом Вениамином, который с завидным упорством и рвением старался убедить всех видных деятелей Белого Юга, пребывающих в Крыму, в необходимости переворота в пользу Врангеля.

Вскоре сам Шиллинг, будучи убежден настойчивыми просьбами с буквально всех сторон, просил Деникина уже 8-го февраля заменить его Врангелем, однако Главком отказал. Примечательно, что в «походе на власть», как называл его Деникин, главную роль играл уже не сам барон, а те политические группы и круги (особенно – «Совет Объединения» Кривошеина и Струве), которые, имея чисто практический расчет, стремились сменить поставленных Деникиным властных лиц и весь политический курс Юга. Сам же Врангель, будучи честолюбивым и уверенным в своей правоте, искренне считал, что его поддерживает все офицерство и вся общественность исключительно из соображений более эффективной борьбы с большевизмом. Как бы то ни было, общая политическая обстановка в Крыму создавала давление на Ставку со всех сторон, и у генерала Деникина должно было сложиться впечатление, что и фронт и тыл выступает за привлечение Врангеля если не к смене Главкома, то к активной деятельности. В действительности, как считал Астров, барона опасно было оставлять без дела, ибо в таком случае тот становился источником «тыловой фонды». Но к этому времени чаша терпения Деникина, который, по воспоминаниям генерала Махрова «проявил себя долготерпимым» по отношению к интригам и заговорам Врангеля, была переполнена. И одним приказом от 8-го февраля Главком увольняет Врангеля, Лукомского и Шатилова.

«Всем было понятно, что перечисленные в телеграмме лица увольняются в отставку за интригу против генерала Шиллинга и вмешательства не в свое дело, возбуждая вопрос о назначении генерала Врангеля», - писал впоследствии Лукомский.

Однако Деникин подписал указ еще 6-го февраля, на основании ходатайств, возбужденных всеми тремя 24 и 28 января.

Немного ранее Врангель посылал письмо Орлову, убеждая его выйти на фронт и подчиниться властям. Действительно, мятежный капитан 10-го февраля вышел на фронт... чтобы 3 марта самовольно уйти. Слащев приказал догнать дезертиров и расстрелять, однако Орлову удалось с несколькими офицерами скрыться в горах. Однако на этот раз – окончательно.

А Врангель на одном корабле с Шатиловым, Струве и Кривошеиным уплыл в Константинополь. Как оказалось – ненадолго.

Однако были и другие претенденты на власть – в начале марта бывшие не у дел генералы Покровский и Боровский, посетили генерала А.П. Кутепова, узнавая, как отнесся бы Добровольческий корпус к перевороту под руководством Покровского. Кутепов ответил что ни он, ни корпус не подчинится. В это же время активировался Слащев: прощупывая возможность самому стать во главе Белого Юга, амбициозный генерал, по свидетельствам генера-

ла А.П. Кутепова, предлагал ему участие в совещании, которое потребует сдачи командования Деникина, и вместе с тем вел переговоры и с Врангелем, и с Покровским. Однако никто из борцов за власть не знал, что сам Деникин еще в конце февраля принял решение сложить свои полномочия...

Когда-то, вскоре после окончания Первого кубанского похода, генерал Деникин в беседе с офицерами о задачах Добровольческой армии закончил свою речь пророческой фразой: *«В тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжить борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными»*. С того момента прошло почти 2 года, и 23 февраля Деникин получил телеграмму от ген. Кутепова, в которой тот в довольно резкой форме требовал проведения ряда мер для спасения кадров Добровольческого корпуса. Деникин же, считавший «добровольцев» своей последней опорой, разувевшийся в казачестве, был сильно шокирован подобного рода телеграммой от его начальника.

«Те настроения, которые сделали психологически возможным такое обращение добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в это день я решил бесповоротно оставить свой пост», - писал впоследствии Главком.

Однако прежде Деникин решил не бросать армию в тяжелый момент, а сложить полномочия лишь после эвакуации в Крым и закреплении там.

Деникин остался верен своему слову – 13 марта остатки белых войск и эмигрантов покинули Новороссийск, и эта эвакуация, проведенная в спешке и в среде морального разложения, произвела на очевидцев, которые назвали ее «Новороссийской катастрофой», удручающее впечатление. Реорганизовав армию и правительственный аппарат, 21 марта генерал Деникин приказал созвать «Совещание высших начальников для избрания преемника Главнокомандующего ВСЮР».

Надо сказать, что Деникина усердно старались отговорить от этого шага и частным образом, и официальными заявлениями. Но, зная, как важна для армии вера в своего полководца, он все же заявил о непреклонном своем решении уйти. Выражал нежелание ухода Деникина и собранный Совет, откуда его председатель А.М. Драгомиров высылал телеграммы о нежелании смены Главкома всеми участниками. Особенно упорно и настойчиво вели себя представители от Добровольческого корпуса и сам Кутепов, считая, что без генерала Деникина борьба проиграна. Позже Кутепов признавался, что ошибался в настроениях добровольцев и жалел о посланной Главкому телеграмме от 23 февраля. Однако Деникин настаивал на выборе. Заседание Совета часто прерывалось, и, в конце концов, один из морских офицеров (впоследствии перешедший к большевикам) в минуту, когда никто не мог назвать имя преемника, попросил слова и назвал генерала Врангеля. После еще некоторого времени заседания, ввиду непреклонности Деникина, генерал Драгомиров оповестил, что Совещание остановило свой выбор на бароне, и Деникин, отдав свой последний приказ вечером 22-го о назначении Врангеля Главнокомандующим, 23-го отбыл на пароходе в Константинополь. Так закончился «дени-

кинский период» в Белой борьбе на Юге, период полный побед и неудач. Так закончилось и его противостояние с бароном Врангелем, где Деникин проявил себя честным, порядочным человеком, не способным к интриге и осознающим всю пагубность междоусобной борьбы. Долгие годы возглавляющий борьбу с врагами внутренними и внешними, он, поняв что его политический и военный авторитет подорван, не стал цепляться за власть, и поступил как требовали того обстоятельства, уступив власть другому во имя общего дела.

Одной из главных субъективных причин поражения Белого движения, по моему мнению, было то, что все белые лидеры были людьми сугубо военными, в то время как Гражданская война являлась особенно политизированной. Эта война была продолжением начавшейся еще в феврале 1917-го года революцией, и она требовала решения сложнейших социальных вопросов, которые вынесла Русская Смута. У Деникина и Колчака были Правительства, и Министерства, полные политиков дооктябрьской эпохи, но всё же главными людьми оставались генералы. Не имея ни политического, ни дипломатического опыта, белые генералы, волей судьбы ставшие во главе антибольшевистских сил, не смогли ответить на те вызовы, которые бросало время Смуты.

Генерал Деникин – талантливый военачальник, но посредственный политик, не имел того груза политиканства, накопленного Лениным и Троцким за долгие годы подпольной политической работы. Опытные демагоги, большевики знали, чего хочет народ, и, несмотря на смутные представления о способах решения этих нужд в перспективе, большевики действовали на данный момент – главное было привлечь на свою сторону народ и возбудить его против противника. О том, что большевики не выполняли тех лозунгов, с помощью которых они создали 5 миллионную армию, свидетельствует количество крестьянских восстаний все 20-е годы, которые называли «малой гражданской». Генерал Деникин, сам выросший в нужде и бедности, сын бывшего крепостного, так же полностью понимал, чего хочет крестьянская Россия, понимал что крестьянство – есть основной материал для пополнения армии. Однако он был военным человеком, и, видя, чем закончилось построенное на демагогии Временное правительство, никогда не допускал мысли давать народу обещания, которые он не сможет выполнить. При решении столь острого аграрного вопроса, генерал Деникин встречал крайне сильное сопротивление помещичьих кругов, не желавших отчуждения земли, на котором основывалась деникинская реформа. Не было и хороших исполнителей, а если таковые и попадались, то тонули в бюрократической волоките. Политический деятель Деникин показал своим историческим опытом, что без умения выдвигать популярных политических лозунгов, обеспечивающих поддержку общественности, без претворения их в жизнь на практике чисто-военные успехи не помогут выиграть в кровавой борьбе, являясь временными без поддержки широких масс. Так, нерешенность (как конечный итог) земельного вопроса была одним из основных камней, заложенных в фундамент неудач осени-зимы 1919 года.

Деникин умел принимать решения и нести за них ответственность, никогда не перенося ее на других. Он в сложнейшей обстановке, сумел создать наиболее прочный из всех военно-политический противовес большевистской России, который перенял все лучшие и худшие стороны России дооктябрьской. Под его умелым руководством Белые силы Юга смогли подойти ближе всего к красной Москве, поставив под угрозу само существование большевистского государства. Но в силу конкретно-исторических условий, в силу своих личностных качеств, ему не удалось создать политически достаточно прочного государства, не удалось сплотить и консолидировать разрозненные и разобщенные антибольшевистские силы. Государство «царя Антона», - как называли Деникина в народе, - слабо спаянное внутренне, держалось за счет армии, за счет ее успехов или неудач. Побеждала армия – жило, пусть со сбоями, Южное Белое государство; терпела армия поражения – обнажались все накопившиеся проблемы, обострялись многочисленные политические противоречия, грозившие разрушить хрупкое тело государства. Поэтому в полосе неудач осени 1919 года, в которую Деникин вошел как полководец, быстро таял авторитет Деникина, которого многие знали только по плакатам – стало проще валить всю вину и ответственность на Главкома и его Ставку. И как карточный домик готов был рухнуть тот государственный и военно-политический союз, который он долгим трудом с упорством создавал. В остром вопросе с казачьим сепаратизмом, Деникин показал себя противником силовых мер, сторонником «худого мира», однако жизнь показала, что те меры, к которым он прибегнул в последний момент, были уже запоздавшими.

В ситуации, когда его авторитет стремительно упал, Деникин показал себя человеком абсолютно не властолюбивым, несшим верховную власть на Белом Юге не как источник власти и безнаказанности, а как тяжкий крест. Будучи человеком прямолинейным, он проявлял долготерпение к своим подчиненным, руководствуясь способностями и умением людей, а не личными отношениями. В любых ситуациях, даже самых безвыходных и нравственно-тяжелых, когда сохранялась угроза смерти, Деникин сохранял одно крайне-важное и редкое качество, которого не хватало многим в условиях русской Смуты и Гражданской войны...

Это качество ярко отметил недруг и политический оппонент генерала в белой эмиграции А.А. фон Лампе:

«Лучшее его достоинство и составляет его недостаток – честность».

Р.М. Абинякин,
К.и.н., доцент,

докторант кафедры истории России ОГУ

Бывшие белые офицеры в Орловской губернии в 1920-е гг.

Положение бывших офицеров в Советской России является до сих пор малоизученной проблемой, несмотря на активизацию исследований в конце 1980-х гг. Особенно это касается участников Белого движения, в отношении лишь единиц из которых имеются отдельные биографические статьи. Исто-

рически бывшим белым, оставшимся на родной земле, повезло гораздо меньше, чем их сослуживцам-эмигрантам.

К концу Гражданской войны подавляющее большинство бывших белых офицеров на Орловщине составляли заключенные концлагеря, никак с ней не связанные. В 1920 г. в Орловской губернии действовало два лагеря для пленных чинов Белых армий. Мценский лагерь военнопленных можно смело называть солдатским, так как среди 401 заключенного не было ни одного офицера. Орловский же концентрационный лагерь принудительных работ (иногда именовавшийся концлагерем № 1) был средоточием офицеров и военных чиновников.

В Орле пленные белогвардейцы содержались с лета 1920 г. до лета 1921 г. Орловский концлагерь никоим образом не был «лагерем смерти» подобно архангельским и холмогорским. Главными в его деятельности были не только изоляция белых офицеров и военных чиновников, но и повторная, более тщательная их фильтрация. Для этого проводилось подробное анкетирование и сравнение с прежними сведениями. Практически все заключенные благополучно прошли первичную, самую жесткую проверку в фильтрационных комиссиях армейских Особых отделов и по их решениям в концлагерь были направлены до окончания Гражданской войны. Вторым этапом была губернская комиссия по разбору дел военнопленных офицеров.

Всего выявлено 345 заключенных – бывших белых офицеров и 25 – бывших военных чиновников. Анкеты и прочие персонально-биографические документы имеются на 282 офицеров, а оставшиеся 63 известны лишь по спискам, причем в отношении 41 нет указания даже чина.

Бывшие белые офицеры попадали в руки противника разными путями. Сведения об этом имеются лишь непосредственно в анкетах, то есть у 249 офицеров, тогда как на остальных отсутствуют. Львиную долю – 58,2% – составляли добровольно сдавшиеся одиночно (101 человек) и участники массовых сдач (44 человека). Другие попросту дезертировали от белых еще в период боев – 13 человек, или 5,3% – причем четверо сначала перешли к «зеленым». Третьи были брошены при отступлении в лазаретах – 25 человек (10,0%). Четвертые остались в родной местности ввиду невозможности эвакуации и не считали себя пленными, так как не сдавались Красной Армии – 18 человек (7,2%). Девять человек (3,6%) были арестованы лишь после явки на офицерские регистрации, еще четверо (1,6%) были ранее уволены белыми из армии, а пятеро (2,0%) отрицали участие в Белом движении. Всего трех офицеров (1,3%) взяли в плен в бою. Немалое число не указало способ пленения (28 человек, или 11,2%).

Следовательно, добровольно ушли от белых 127 офицеров (51,0%), по независящим от них обстоятельствам – 66 (26,6%), а против своей воли – 28 (11,2%). В результате можно отчасти согласиться с белыми мемуаристами и следующими за ними исследователями, которые констатировали отсев наиболее нестойкого элемента при поражении. Вместе с тем уход от обреченной борьбы свидетельствовал не только о деморализации и самосохранении, но и

об определенном мужестве (учитывая полную неопределенность будущего), а также о мировоззренческом переломе.

В Орловском концлагере содержались два полковника (0,7%), четыре подполковника (1,3%), 14 капитанов (4,6%) и еще пять офицеров (1,7%), не указавшие чин, но отнесенные к кадровым. Однако к ним следует добавить еще трех кадровых офицеров, имевших более низкие чины – штабс-капитана А.А. Самохина и поручиков Л.Ф. Кузнецова и В.А. Карпицкого. Казалось бы, это повышает их удельный вес среди заключенных до 9,2%. Симптоматично, что оба полковника высказали в анкетах оценки Красной Армии, близкие к восхищению и вполне искренние. Они были очарованы дисциплиной войск победителей и, несмотря на возраст (53 и 54 года), явно не возражали бы продолжить военную службу; кроме того, обремененные семьями и детьми полковники были кровно заинтересованы в стабильности.

Четверо обладателей «кадровых» чинов – есаулы А.М. Баранов, П.В. Пешиков, И.П. Свиначев и капитан Э.Ф. Меднис – были офицерами военного времени. Это вызвано дальнейшим продвижением в чинах в годы Гражданской войны, при котором имели место случаи производства в полковники и даже генерал-майоры бывших офицеров военного времени, а то и лиц без военного образования. В результате кадровых офицеров в Орловском концлагере насчитывалось 23 человека, что не превышало 7,8%. Следует иметь в виду, что чин подполковника во ВСЮР был упразднен, и его указание в анкете либо означало намеренное занижение, либо могло указывать на отправку в лагерь отставного офицера, у белых не служившего.

Вполне понятно, что больше всего среди заключенных подпоручиков – 88 человек (29,0%), затем идут поручики – 60 человек (19,7%) и штабс-капитаны – 27 человек (8,9%). Относительно же 53 человек (17,4%), которые числились прапорщиками, возникают некоторые сомнения. Известно, что в сентябре 1919 г. приказом Главнокомандующего генерал-лейтенанта А.И. Деникина все прапорщики были переименованы в подпоручиков, с упразднением чина прапорщика, а в июне 1920 г. генерал-лейтенант П.Н. Врангель издал приказ «о производстве всех офицеров до штабс-капитана включительно» в следующий чин.

Правда, 28 человек из них носило казачий чин хорунжего, который не упразднялся. Из оставшихся же 25 человек 24 (7,9%) попросту указали лишь первый офицерский чин и скрыли последующие (исключение составляет прапорщик-колчаковец, так как на Востоке отмены этого чина не было). Так поступали даже выпускники ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков 1915-1916 гг., что выглядело совершенно неправдоподобно. Вместе с тем, путаницу усиливало и само расследование, оперировавшее вначале понятием «последний чин старой армии», а не у белых.

Характерно, что чины 14 офицеров (4,6%) установлены при расследовании и указаны лишь в резолюциях анкет. Наконец, 22 человек (7,2%), будучи офицерами, свои чины не указали вообще, а 29 (9,5%) ограничились указанием должности младшего офицера, и установить их не удалось даже чекистам. Вместе с лже-прапорщиками получается внушительный результат – 24,6%.

Это отчасти объясняет превентивные мотивы заключения в концлагерь ряда офицеров: относительно пятерых в резолюциях приведены следующие основания для направления в концлагерь – «Как не дающий о себе точных показаний», «Лицо подозрительное» и т. п.

Еще больше, чем чины, заключенные офицеры пытались скрыть подробности участия в Белом движении. Среди 282 офицеров одни вообще отрицали службу у белых – 14 человек, или 5,0%. Другие всячески подчеркивали ее тыловой или нестроевой характер – 28 и 26 человек соответственно, что в сумме составляет 19,2%. Третьи не указывали название воинской части – 89 человек (31,6%). Соккрытие места службы было самым эффективным способом, так как при расследовании выяснить его удалось только у 11 офицеров. Но в то же время такое поведение вызывало наибольшее недоверие большевиков.

Вместе с тем анкетные данные заключенных серьезно корректируют – если не опровергают – категорическое утверждение того же С.В. Волкова, будто все офицеры, военные чиновники и солдаты «цветных» полков подлежали поголовному расстрелу. Так, в Орловском концлагере содержалось 27 офицеров именных частей – два корниловца, пять марковцев, десять дроздовцев и десять алексеевцев, что составляло 9,6% заключенных. Более того, выявлено пять офицеров-первопоходников – участников 1-го Кубанского (Ледяного) похода – или, во всяком случае, вступивших в Добровольческую армию еще в 1917 г. Это поручик-марковец А.Д. Лускино, штабс-капитан 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона С.Н. Корабликов, подъесаул В.П. Буданов, сотник С.Б. Мелихов и назвавшийся прапорщиком Е.А. Амохин (ввиду состояния документа возможно прочтение Самохин). Заметим, что четверо из них, кроме А.Д. Лускино, прежде отсутствовали даже в самых подробных списках первых добровольцев. Учитывая, что время вступления в Добровольческую армию эти офицеры указали в анкетах сами, а удлинять белогвардейский стаж было не в их интересах, можно констатировать, что они установлены нами впервые.

В действительности первопоходников в Орловском концлагере было больше, ибо некоторым удалось скрыть свой служебный стаж. Трое – полковник (назвавшийся подполковником) В.А. Вельяшев, подпоручики Г.И. Козлов и М.В. Малиновкин – сомнений не вызывают. Кроме того, еще семерых офицеров можно достаточно уверенно идентифицировать как первопоходников – подъесаула Н. Брызгалина, подпоручика А.Ф. Машенко, поручиков Н.Е. Петрова и Ф.А. Чурбакова, штабс-капитанов В.В. Долгова и И.А. Шурупова и не указавшего в анкете чин штабс-капитана А.В. Владимирова. Это повышает их долю среди заключенных до 15 человек, или 5,3%. Один заключенный, хорунжий П.П. Павлов, туманно указал, что, будучи юнкером, отбыл «в октябре 1917 г. на Дон в отпуск». Известно, что Алексеевская организация использовала отпуска как один из способов легендирования переброски своих кадров на Юг, поэтому можно предположить и его принадлежность к первым добровольцам. Еще трое – поручик В.Д. Березин, прапорщик А.Ф. Веремский и подпоручик Н.Д. Перепелкин – в анкетах не смогли скрыть

симпатию к «отряду» Л.Г. Корнилова и большую осведомленность о его «сильном духе», что также могло косвенно указывать на участие в нем.

Совершенно особого упоминания заслуживает служба заключенных офицеров большевикам. Согласно анкетам, 24 из них (8,5%) служили в Красной Армии еще в 1918-1919 гг., а к белым попали как захваченные в плен, так и добровольно. Еще 28 (9,9%) работали в различных властных структурах – ревкомах, Советах, различных комитетах, причем имеются даже сотрудники милиции, комбеда и народный судья. Правда, истинность анкет несколько сомнительна, так как под судом у белых за сотрудничество с большевиками побывало всего пятеро и еще один за сокрытие офицерского чина при мобилизации – 2,1%. Наибольшее количество приходится на принятых в РККА весной 1920 г. после поражения ВСЮР – 65 человек, или 23,1%. В целом 117 белых офицеров (41,5%) уже служили большевикам до их направления в концлагерь; среди остальных встречались трудоустроившиеся в 1920 г. при новой власти на гражданские должности, в основном учительские. Конечно, придавать чрезмерное значение этому нельзя, так как прошлые связи с большевистским режимом могли рассматриваться этими офицерами при сдаче в плен как некоторая индульгенция и всячески преувеличиваться, что, несомненно, усиливало решение сдаться (для чекистов же они, напротив, могли выглядеть предателями). Похоже, некоторые были готовы истово служить новому режиму и легко шли на искоренение прежних соратников – заслуживает внимания пример подьесаула Е.С. Аксенова, который начал служить большевикам в весьма специфической воинской части – в 1-м Ростовском карательном полку.

Таковы данные о временном, но довольно многочисленном контингенте военнопленных офицеров Белых армий.

В самой же Орловской губернии находились единицы бывших белых офицеров, причем лишь двое состояли на советской службе. Это объясняется недолгим пребыванием здесь ВСЮР и жестким запретом их назначения в родные места. В 1920 г. заместителем военного руководителя Орловского уезда был штабс-капитан Д.И. Широин – бывший колчаковец, который до прибытия в Орел уже успел послужить у красных командиром взвода 6-х Сибирских командных курсов. Другой бывший белый офицер, В.Ф. Скобин, работал в должности воспитателя Орловской центральной изоляционной тюрьмы и Орловского исправительного дома, а после увольнения 16 сентября 1922 г. был направлен для трудоустройства в губернское управление Союзкооперации. В 1922 г. был демобилизован и поселился в Елецком уезде колчаковец полковник Л.И. Болдескул.

После завершения Гражданской войны количество бывших белых офицеров в Орловской губернии заметно увеличилось. Это было вызвано демобилизацией из Красной Армии, отменой в 1922 г. прежних ограничений на пребывание по прежнему месту жительства, а также возвращением из эмиграции. В результате к концу 1922 г. в Орловском губвоенкомате числился 161 бывший белый офицер, что составляло 18,4% от общего числа учтенных бывших офицеров старой армии. Впоследствии их количество увеличилось

еще на несколько человек – так, только в 1923 г. в СССР из Константинополя вернулись бывшие офицеры А.Д. Заварзин и А.И. Осипов (корниловец), которые впоследствии осели в Орле. Как минимум трое – корниловцы С.Ф. Костомаров и В.В. Литовник и алексеевец В.Г. Вознесенский – принимали непосредственное участие в боях под Орлом, Кромами и Ельцом в 1919 г., а один перешел к белым из Красной Армии, будучи начальником команды Орловских инженерных командных курсов (Я.П. Перелыгин).

Судя по орловским материалам, лишь небольшая часть бывших белых офицеров (около 25,4%) так и не смогла интегрироваться в новое общество. Многие из них «вращались исключительно среди бывших людей и офицеров» и «вели замкнутый образ жизни» (Г.С. Безчастный, Г.Э. Фишер и др.). Этот сценарий адаптации современная социология культуры называет добровольной социальной геттоизацией – максимальное дистанцирование от чуждого мира и общение в основном с себе подобными. Некоторые постепенно опускались, злоупотребляя алкоголем и азартными играми. Двое во время службы в Красной Армии в 1921 г. получили по 5 лет за контрреволюционные выступления (А.А. Звягинцев и М.Н. Потураев). Встречались и явно асоциальные типы – как спекулянты (Н.П. Колле и П.М. Сперанский), так и уголовник-рецидивист, имевший шесть судимостей за воровство и грабежи (А.А. Овсянников). Следует подчеркнуть, что поведенческие девиации имели в основном морально-психологические, а не материальные корни – почти все бывшие белые офицеры в Орле нашли источники доходов (лишь один зарегистрирован как безработный).

Очевидно, что к концу 1920-х гг. большинство бывших белых офицеров было снято с особого учета и не подверглось лишению избирательных прав. Известно, что 8 июля 1929 г. комиссией Орловского окружного военного комиссариата было вынесено решение о лишении звания командира РККА, зачислении в тыловое ополчение и ходатайстве о лишении избирательных прав всего 41 бывшего белого офицера. Все они активно сражались против красных, четверо служили в Корниловском и Алексеевском полках, пятеро перешли к белым из Красной Армии, трое вообще вернулись из эмиграции (Турция и Китай), – но числились командирами запаса РККА и не были лишены избирательных прав. При этом всего 16 человек (39,0%) попали в список на основании только прошлой службы у белых. Для остальных указаны не менее веские причины: контрреволюционная агитация (что в то время само по себе было составом преступления) и антисоветские настроения – 17 человек, чуждое социальное происхождение или имущественное положение – пять человек, моральное разложение (в основном пьянство) – 14 человек, совершение уголовных преступлений – трое. Суммарная численность выше списочной, так как большинство проходило по нескольким категориям.

Таким образом, бывшие белые офицеры были до конца Гражданской войны в Орловской губернии людьми случайными – как уроженцы других регионов, перемещенные в Орел лишь для временной изоляции, и к 1921 г. выбыли с принудительным трудоустройством либо с призывом в Красную Армию. Орловские же уроженцы стали возвращаться в родные места с середи-

ны 1922 г. Большинство из них добровольно сдалось в плен, побывало на советской службе и стремилось просто к мирной жизни. Повидав неприглядную изнанку крушения Белого движения, его разочаровавшиеся участники начинали искать стабильность у победителей. На орловских примерах видно, что свыше 75% из них сумели преодолеть неизбежную деморализацию, и их настрой оказывался довольно позитивным для вхождения в новый режим.

А.И. Перелыгин
К.и.н., председатель Орловского церковного
историко-археологического общества.

Православная Церковь Орловской губернии в смутные годы.

Октябрь 1917 года положил начало трагическому периоду в истории Русской Православной Церкви. Многие годы атеистическая пропаганда в СССР создавала миф об антигосударственной и антинародной сущности Русской Православной Церкви. Ее называли реакционной и черносотенной; обвиняли в мракобесии и контрреволюционности. Однако факты свидетельствуют о том, что такая оценка деятельности Русской Церкви носит предвзятый и односторонний характер. Поместный Собор еще 1 сентября 1917 г. заявил, что «Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий». Когда 28 октября в Москве развернулись бои между сторонниками Временного правительства и Красной гвардией, Собор обратился к враждующим с призывом к примирению и милосердию к побежденным. Однако большевики, захватив власть в стране, уже первыми декретами показали свое понимание принципа свободы совести. Декрет «О земле», принятый 26 (8 ноября) октября 1917 г., объявил все церковные и монастырские земли всенародным достоянием. Согласно декрету Совнаркома 11 (24) ноября 1917 г. из Петрограда в Москву поступила депеша о конфискации у Церкви всех учебных заведений. Вот тогда Поместный Собор, проходивший в Москве, назвал социалистическую революцию «нашествием антихриста и беснующимся безбожием». Согласно декретам «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» 18 (31) декабря 1917 г. и «О расторжении брака» 16 (29) декабря 1917 г., Церковь больше не могла влиять на юридические отношения между супругами и между родителями и детьми. В январе 1918 года ликвидировались духовники в армии, отменялись все государственные дотации и субсидии Церкви и духовенству. 20 января (2 февраля) 1918 г. был принят и 23 января (5 февраля) опубликован декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (позднее утвердилось новое название декрета – «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»), который стал основой "церковной политики" Советского государства. Согласно декрету, Церковь теряла юридическое лицо, лишалась собственности и права приобретать ее. Отныне она ставилась в жесткие рамки ограничений и запретов. 25 января (7 февраля) 1918 г. Поместный Собор постановил, что издание этого декрета «представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения».

Повсеместно, в сложившейся атмосфере полного произвола и беззакония, велась жестокая борьба с религией - церкви и монастыри закрывались, имущество конфисковывалось, а духовенство подвергалось арестам и, даже, расстрелам. Еще в декабре 1917 г. в Петрограде был убит протоиерей Иоанн Кочуров (в 1994 году причислен к лику Святых), а 19 января (1 февраля) 1918 г. в Александро-Невской Лавре красногвардейцы убили священника Петра Скипетрова. В ответ на эти действия Патриарх Тихон 19 января (1 февраля) 1918 г. выступил с посланием, в котором призвал всех православных стать на защиту Церкви, а тех верующих, кто участвовал в беззакониях, жестокостях и расправах отлучил от Таинств и предал анафеме.

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей - загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей - земной. Властью, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной».

Как видно из этого послания, Патриарх предает анафеме не советский строй, как пишут из книги в книгу некоторые историки, а участников расправ над невинными людьми, никак не определяя при этом их политическую принадлежность.

По поводу событий в Александро-Невской Лавре и в знак протеста против гонений на Церковь 21 января в Петрограде и 28 января в Москве верующие провели крестные ходы. По их примеру в Орле также был устроен крестный ход. Несмотря на холодную погоду, и на то, что в ночь на 2-е февраля город объявили на военном положении крестный ход вышел грандиозным - в нем участвовало до 20 тысяч человек. Начался ход от Иверской при вокзальной церкви. По пути в город к нему присоединились крестные ходы из других церквей. Процессия с пением «Христос Воскресе», «Воскресение Христово видевшие» направилась к Кафедральному Петропавловскому собору, где Преосвященнейший Серафим (Остроумов) совершал литургию. По ее окончании на плацу Епископом Серафимом в сослужении с епископом Амвросием и всем городским духовенством был совершен молебен. Перед началом молебна епископ Серафим сказал слово, в котором охарактеризовал тяжелое положение Православной Церкви, а затем протодиакон огласил воззвание Собора к православному народу по поводу декрета о свободе совести. В конце молебна настоятель Болховского Оптина монастыря иеромонах Даниил (Троицкий Дмитрий Александрович) с большим воодушевлением и подъемом сказал слово, в котором он призывал православный народ стать на защиту своей Матери Церкви и дать в этом торжественную клятву перед лицом архипастырей. В ответ на призыв со всех сторон раздалось громкое «клянемся».

По свидетельству очевидцев, участники крестного хода были исполнены религиозного воодушевления и энтузиазма. На плацу во время речей епископа Серафима и иеромонаха Даниила у многих на глазах показались слезы. Накануне за всеобщей по всем церквам города было прочитано послание

Святейшего Патриарха Тихона и роздано богомольцам, при этом настоятелями было сказано соответствующее моменту слово. Во время крестного хода поддерживался строгий порядок и никаких инцидентов не произошло. В тот же день в Туле также состоялся крестный ход, который в отличие от Орловского закончился трагедией. Многотысячная мирная процессия была в упор расстреляна большевиками из ружей и пулеметов. Пытавшихся остановить кровавую бойню, стреляли на месте. В городе Орле, 2 февраля, вероятно в отместку за крестный ход, солдаты под командой матроса ворвались в епархиальное училище и произвели обыск, который сопровождался неприличной бранью. При этом матрос сильно избил инспектора училища священника И.Д. Соколова и защищавшую его жену.

За день до этого события также произошел серьезный инцидент. 1 февраля при попытке снять с колокольни Покровской церкви четыре больших позолоченных герба, у церкви стала собираться толпа, вообразившая, что грабят церковь и снимают с нее кресты. Кто-то ударил в набат. Сбежался народ. Мастеров снимавших гербы жестоко избили. Прибывшие отряды милиции, красной гвардии и кавалеристов открыли стрельбу в воздух. Толпа стала расходиться. При ее разгоне был засечен нагайкой мальчик выбежавший из ограды с револьвером в руках.

Насилие, охватившее города, быстро распространялось и по Орловскому краю. Так, 13 января 1918 г. крестьянами села Коростовки Севского уезда был разгромлен винный склад близ села Витич. При этом в столкновении с охраной склада погиб один из солдат – погромщик. Односельчане решили похоронить его с особыми почестями. По их требованию священник отслужил заупокойную литургию. Присутствовавшие при этом пьяные крестьяне хотели запеть «Марсельезу». Священнику с большим трудом удалось отговорить их от кощунства. После литургии ему было заявлено, что похороны состоятся в церковной ограде. Священник предложил комиссару и отцу убитого отказаться от своего намерения, так как для этого нужно было разрешение епископа, но те упёрлись: «Земля наша, где хотим, там и хороним! А если Вы, батюшка, не пойдёте служить погребения, то мы заставим вас сделать это под штыками». Священнику пришлось уступить. Похороны представляли собой нечто ужасное: беспорядочный трезвон колоколов, выстрелы, пение революционных песен пьяной толпой.

О творившемся беспределе, нередко переходящем в дикую вакханалию свидетельствует событие происшедшее в ночь на 28 ноября 1917 г. в селе Добрунь Севского уезда, где солдаты и крестьяне разгромили домовую церковь и барскую усадьбу Подлиневых. С криком «бери ковры, будет тут «иготникам» топтаться!» крестьяне топорами подрубили престол, растащили сосуды и ризы, а затем подожгли дом и церковь. Но этого им показалось мало. Они вытащили из могил, тут же около церкви погребенные, трупы владельцев Подлиневых. Истлевшие останки владелицы: голову, руки, ноги - разбросали; а труп владельца, сохранившегося в целости раздели, положили на солому и подожгли: «как свинью палили», - говорили православные. При этом били палками по животу и выдирали усы. Затем его тут же неглубоко

зарыли, а цинковый гроб утащили.... Позже, подобная участь постигла и захоронение поэта с мировым именем А. Фета-Шеншина в храме села Клейменово. Почему же жгли и громили помещичьи усадьбы? На этот вопрос ответил простой крестьянин, который сказал, что мы не дураки, а жгем потому, чтобы помещики не вернулись обратно, как грачи, в свое гнездо (по материалам газеты «Орловский вестник» 8 ноября 1917 г.).

От безудержной свободы хулиганствующих масс страдали не только люди – живые и мертвые, но и вполне невинные, бессловесные животные. Например, в 1918 году, в Малоархангельском уезде местные крестьяне поймали быка и живьем сдирали с него шкуру, при этом от души радовались, а в Орловском уезде крестьяне облили керосином породистую лошадь за то, что она буржуйская, и подожгли.

Губернские власти не только не пресекали этот произвол, но и сами принимали в нем участие. Так, в Орле 9 февраля с их согласия был захвачен Епархиальный свечной завод. 14 марта, отряд матросов под командой тов. председателя Исполнительного комитета Совета Аронова ворвался в здание Петропавловского братства, произвел обыск участников Епархиального съезда, наиболее видных представителей духовенства арестовали и отправили в Совет, откуда по выяснении личностей препроводили в каторжную тюрьму, где они провели неделю. Обыск провели в архиерейском доме, а с епископа Серафима взяли подписку о невыезде. 6 июля 1918 г. чекисты вновь произвели обыск в архиерейском доме и арестовали епископа Елецкого Амвросия (Смирнова). В тот же день под угрозой расстрела чекисты разогнали епархиальное собрание, а епископа Серафима и двух церковнослужителей арестовали. 1 сентября по приказу властей, батальон караульной службы реквизировал здание духовной консистории и выбросил её архив в сарай и подвал, а часть под открытое небо, где он и пришел в полную негодность.

В конце 1918 года местные власти принимают решение о муниципализации архиерейского дома. Тогда же и пропали музейные коллекции. С этого времени были прекращены легальные заседания церковного историко-археологического общества. 3 ноября 1921 г. его председатель епископ Даниил (Троицкий), а также некоторые священнослужители и миряне были арестованы, а печать общества изъята.

Несмотря на протесты и выступления в печати в защиту Русской Православной Церкви, в том числе инословного и иноверного духовенства, среди них представителей евангельской и армяно-григорианской церквей, иудеев и мусульман, - повсюду шли аресты, убийства православных священников и иерархов Русской церкви. В обстановке повсюду воцарившейся дикости и жестокости происходили удивительные случаи добра и милосердия со стороны иноверцев. Например, 9 ноября 1917 г. Одигидриевский мужской монастырь Уфимской губернии Белебеевского уезда был совершенно разгромлен русскими крестьянами. Разгром продолжался несколько дней. Разграбили старый, а новый храм остался цел, благодаря одному солдату – татарину, который из тысячной толпы подбежал к наружным дверям церкви и закричал: «Что вы делаете? Бога хотите грабить! Я никого не пущу в церковь, а кто

первый полезет, тот смерть получит!». Так сей добрый мусульманин с простертыми руками все время стоял у храма.

Подобные злодеяния имели место и в Орловской губернии. 26 апреля 1918 г., на пасхальную неделю, в селе Усть-Нугрь Болховского уезда объявился отряд красноармейцев, около 70 человек, с пулеметами. Окружив усадьбу священника Иоанна Панкова они ворвались в дом и выстрелили ему в голову, а затем искололи его штыками. Вместе с ним убили двоих его сыновей: Николая, офицера вернувшегося с фронта, и Петра, ученика 2 класса духовной семинарии, который успел выбежать на улицу, где его сразила пуля. Убиты были также крестьянин, пришедший к священнику, чтобы договориться о свадьбе и юноша случайно пробежавший около усадьбы. В живых оставили только престарелую тещу отца Иоанна. Имущество священника было разграблено и частично увезено, а над дарохранительницей красноармейцы надругались.

На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года они были прославлены: иерей Иоанн Панков как священномученик, а его сыновья Николай и Петр – мученики, празднование дня кончины которых приходится на 26 апреля по старому стилю.

Убийства священников происходили и в других населенных пунктах и городах губернии. Священник Григорий Рождественский из села Цветынь Орловского уезда, духовник семинарии, был избран накануне смерти 3 сентября 1917 г., убит грабителями. 4 апреля 1918 г. убит священник Василий Лебедев села Сетное Севского уезда, а его жена была убита по дороге на станцию Михайловский хутор. На смерть священника Василия Лебедева Орловские епархиальные ведомости отозвались с горечью и прискорбием: «Это был глубоко религиозный и прямолинейный священник-патриот. Он в самом расцвете сил нашел свою Голгофу, как новый русский священномученик».

21 июня 1918 г. злоумышленники застрелили священника с. Дровосечное Малоархангельского уезда Василия Осипова. Так же были убиты: о. Михаил Тихомиров в городе Ельце, игумен Гервасий - настоятель Брянского Свенского монастыря, а при нападении 25 июня 1918 г. на дом священника села Троицкого-Кудинова Ливенского уезда Михаила Петровского, уходя, грабители бросили бомбу и убили его девятилетнюю дочь, сам Петровский в это время был арестован большевиками и находился в городе Ливны. В то же время в Орловский центральный работный Дом были заключены монахи Бело-Бережской Пустыни игумены Корнилий и Маврикий, а также иеромонахи Ипполит, Климент, Иоасаф и Павлин, освобождены по амнистии 9 (22) ноября 1918 г.

Первым иерархом Русской Православной Церкви, который был расстрелян по официальному приговору советской власти, стал бывший епископ Орловский и Севский Макарий (Гневушев Михаил Васильевич). Он родился в 1858 году в селе Репьёвка Ардатовского уезда Симбирской губернии. Воспитанник Киевской духовной академии, которую он окончил в 1882 году, со степенью кандидата богословия. Со временем он стал известным миссионером и прекрасным проповедником, был активным членом киевского Комите-

та по защите евреев от погромов. После смерти жены, в 1908 году с нареченным именем Макарий постригается в монашество в Киевском Михайловском монастыре и оставляет духовно-учебную службу, имея желание пребывать в монастыре. 11 июля 1914 г. архимандрит Макарий Высочайшею волей назначается епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии. Строгий монах и милостивый Владыка пользовался искренней любовью нижегородцев: даже после назначения на Орловскую кафедру он избирается почётным членом нижегородского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах. 28 января 1917 г., по Высочайшему повелению, Преосвященный Макарий перемещается на самостоятельную кафедру в г. Орёл. Прибыл епископ Макарий в Орёл 25 февраля утром с почтовым поездом из Москвы. На вокзале встречали начальник губернии граф П. В. Гендриков, вице-губернатор Н.К. Комаровский, городской голова И.А. Гумбин и др. Встречавшие знали о Преосвящённом Макарии как известном, крупном церковном деятеле, философе, одном из основателей Союза Русского Народа. О нём говорили, что он являет собой Кормчего, «знающего, - по его собственному выражению, - жизнь, выдавшего на своём веку много бурь и знающего им цену», а также Архипастыря, высоко ставящего пастырское служение и отзывчивого ко всем явлениям церковно-общественной жизни... По вопросу об участии духовенства в политической жизни и в государственном строительстве – Преосвящённый говорил, что «духовенство призванное законодателем к участию в Государственной Думе и Государственном Совете,... не должно уклоняться от участия в политической жизни страны. Помятуя заветы великих святителей русских – святых Петра, Алексея, Ионы, Филлипа, Геомогена, преп. Сергия, патриархов Филарета, Никона и других, принимавших самое близкое участие в жизни государства, болевших его болезнями, смертью запечатлевших свою любовь к Родине (как свят. Филипп и Гермоген)». «Внимайте себе и своему стаду». Обращаясь к духовенству, он говорил: «Современные пастыри в дни, - когда народная душа мятется в вихре политических страстей, ищет руководства, куда, к какому берегу, к какой партии пристать, - не могут, не отстраняться от авторитетного руководства и отталкивать от себя вопрошающих, но смело, твёрдо звать свою паству сплотиться под знаменем, на котором написано – Православие, самодержавие и русская народность». Преосвящённый Макарий, на основе личного опыта и переживаний огромное значение придавал педагогической деятельности, как для личной жизни педагога, так и для подготовки к жизни молодого поколения. «Все, имевшие в жизни свой жребий, - учить и воспитывать других, - говорил Преосвященный, - хорошо знают – сколько радостей, тех именно чистых и высоких радостей, которые создают действительное счастье на Земле, доставляет воспитание и обучение души человеческой... Как ни труден путь учительский, он всегда являлся в моём сознании чуть ли не единственно высоким, не единственно увлекательным и дающим наиболее ценные плоды для общественной и личной духовной жизни». Будучи ещё в Нижегородской епархии, епископ Макарий, как председатель Епархиального Училищного Совета, проявлял большую заботу о развитии просвещения. Он лично посетил множество школ, церковных и

светских, находившихся не только в городе, но и отдалённых уездах. Народное бедствие, вызванное первой мировой войной, приток беженцев в Нижний – тоже нашло отклик в его добром сердце. Владыка старался поднять духовную бодрость беженцев и, стремился, насколько от него зависело, и своих возможностей, улучшить их материальное положение. В своем викариатстве он был во главе местного отдела о беженцах. Для них епископ Макарий изыскивал материальные средства, открыл трудовую помощь, основал общежития и школы, дал им возможность бесплатно получать медицинскую и юридическую помощь. В дни великих христианских праздников, устраивал для неимущих праздничный стол, разговенье, а для детей – рождественскую ёлку с подарками. Владыка не забывал и наших братьев по вере: сербов и черногорцев, горячо призывал оказывать им помощь. Его призыв и организованный сбор дал не одну тысячу рублей, которые были переданы нашим братьям по вере и союзникам по оружию. Личность и многогранная деятельность епископа Макария были хорошо известны российскому обществу и вызывало глубокое уважение.

Вскоре, по прибытии в Орел, епископ Макарий выступает с Архипастырским посланием к возлюбленным пастырям и православным чадам Церкви и земли Орловской, в котором он призвал пастырей «действовать в согласии с устанавливаемым строем жизни государственной и общественной, - а также, - наставляйте, вразумляйте, с вдохновенной ревностью останавливайте, где нужно, свою паству, дабы мирное течение жизни не нарушалось, дабы ложно, часто нарочито ложно понимаемая свобода не приводила младенчающую часто паству к нарушению существующих и ещё никем не отменённых законов о жизни, чести и имуществе всех граждан Русской земли». Однако, несмотря на подобные заявления, по наветам местных революционеров из Комитета общественной безопасности епископ был вызван в Петроград, к обер-прокурору Синода для доклада о положении дел в епархии и отбыл из Орла 14 апреля 1917 г., где был поставлен вопрос о его увольнении. В защиту Владыки выступил епископ Елецкий Павел, который 28 апреля 1917 г. в адрес Синода направил телеграмму Обер-прокурору и копию – архиепископу Сергию Финляндскому: «Считаю возможным оставаться на службе лишь в том случае, если не будет уволен Преосвящённый Макарий, безупречный, идеальный пастырь-проповедник, несправедливо оскорбляемый подозрениями со стороны людей политического азарта или недомыслия, которым некому сказать трезвое слово: освобождение России совершилось, какие вам снятся страхи в вашем углу. Подробности почтой». Но перепуганный революцией Синод не внял голосу разума и 26 мая 1917 г. отправил Преосвящённого Макария на покой, а епископа Павла перевели в Рязанскую епархию, викарием Михайловским. 8 июня 1917 г., утром, епископ Макарий выбыл из Орла в южном направлении. Позже он проживал в Смоленском Спасо-Авраамиевом монастыре, а с января 1918 года находился на покое в Спасо-Преображенском, по другим данным в Свято-Предтеченском или Свято-Духовском монастыре Смоленской епархии. В начале августа Владыку арестовывают: поводом послужил отказ признать законным закрытие мона-

стыря и изъятие церковного имущества по постановлению местных Советов. На призыв епископа Макария защитить православные святыни поднялись жители Вязьмы. В защиту епископа поступали в органы местной власти прошения с многочисленными подписями граждан, а 22 августа 1918 г. зазвучал набат монастырской церкви. Вяземская Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией расценила всё это как заговор против Советской власти, но, не придя к единому мнению, направила материалы в Чрезвычайную комиссию Западной области, которая без какой-либо дополнительной проверки 4 сентября 1918 г. вынесла постановление о расстреле Владыки. В числе 14 мучеников он был убит в пустынном месте. По рассказам очевидца, епископ Макарий находясь в конце шеренги с чётками, горячо молился за каждого из казнимых, и если замечал упадок духа, то, никем не останавливаемый, выходил из линии и благословлял несчастного. По словам свидетелей, смерть он принял мужественно. Обращаясь к одному из солдат, сказал: «Не бойся, выполняй волю пославших тебя!». Подойдя к указанному месту казни, добавил, обращаясь к небу: «Отец мой! Прости им, не ведают бо, что творят. Приими дух мой с миром!». Празднование дня кончины священномученика епископа Макария приходится на 22 августа. Прокуратурой Смоленской области епископ Макарий реабилитирован 14 апреля 1993 г.

Заменивший его на Орловской кафедре епископ Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович) с июня 1917 года временно управляющий, а после избрания, с 22 августа 1917 г. утверждённый епископом Орловским и Севским. Он родился 6 ноября 1880 г. в Москве в семье псаломщика. В 1904 году окончил Московскую духовную академию магистрантом и, как талантливый студент был оставлен в Академии для приготовления к учёной деятельности. Но юный стипендиат, повинувшись внутреннему влечению своего сердца послужить Богу и ближнему в подвигах иночества, отрекается от мира и принимает от епископа Дмитровского Трифона монашеский постриг, с наречением имени Серафима и тут же удаляется в Оптину пустынь – эту родину истинных светильников русского монашества. В Оптиной пустыни о. Серафим прожил целый год простым монахом, неся послушание сперва на кухне, а потом по канонаршеству, и только после годичного испытания поступает на духовно-учебную службу в Московскую духовную академию. Затем 8 лучших лет своей жизни он пробыл настоятелем Яблочинского монастыря. Обитатель стала неузнаваемой и даже образцовой, а настоятель её известным церковным деятелем Холмщины (территория Польши, которая входила тогда в состав Российской империи). В конце января 1914 года о. Серафим назначается ректором Холмской духовной семинарии. В годы первой мировой войны, особенно, в дни бегства холмского населения из родного края в наиболее сильной степени проявилась любовь о. Серафима к народу, выразившаяся в заботах и помощи беженцам. Находясь уже в Москве, архимандрит Серафим стремился удовлетворить все просьбы беженцев Холмского края, нашедших там приют. Среди кипучей и разнообразной деятельности в Москве он был 3 апреля 1916 г. хиротонисан во епископа Бельского, первого викария Холмской

епархии. Высокий пост ещё более окрылил молодого энергичного епископа в его заботах на благо епархии.

После установления власти Временного правительства его назначают временно Управляющим Орловского епархией. 3 июня 1917 г. Владыка прибыл в Орёл и приступил к своим обязанностям. В тот же день, после богослужения в кафедральном Петропавловском соборе Преосвящённый Серафим обратился к народу со словом, в котором призвал всех трудиться в единении для блага церкви, переживающей трудное время. Обращаясь к духовенству, прозорливо сказал: «В наши дни пастыри должны не только проповедовать Христа, но и исповедывать Его, т.е. быть готовыми к подвигу». Указом Святейшего Синода, от 24 июня 1917 г. за №6735, было дано благословение Орловскому епархиальному съезду духовенства и мирян произвести выборы кандидата для замещения Орловской кафедры. 12 августа выборы состоялись. Из 379 членов Епархиального съезда присутствовали 347 от духовенства, мирян, монашествующих и духовно-учебных заведений, 308 – проголосовало за Преосвященного Серафима. Указом Св. Синода от 22 августа за №8503, избранный свободным голосованием клира и мирян Орловской епархии епископ Бельский Преосвящённый Серафим был назначен епископом Орловским и Севским. В 1917 - 1918 гг. он член Собора Российской Православной церкви. Будучи учёным-богословом, Владыка с большим вниманием относился к деятельности Орловского церковного историко-археологического общества, был его попечителем. Именно в архиерейском доме проходили собрания Общества. До большевистского переворота он много заботился о развитии просвещения во вверенной ему епархии, создавал детские кружки по обучению различным ремёслам, по его словам, чтобы «отвлечь детей от праздного шатания по улицам и дать полезное им занятие». В 1917 году он выделял личные деньги на содержание госпиталя имени Орловской епархии. На Орловской кафедре Владыка находился, с перерывами, до 1 ноября 1927 г. и показал себя как мужественный и твердый в вере православный архипастырь. 28 января 1918 г. на воскресной литургии Преосвящённый Серафим осудил декрет Советской власти «О свободе совести и церковных и религиозных обществах», отметив «явное беззаконие и злую антихристианскую цель декрета об отобрании церквей и церковного достояния..., и призвал, - В день Сретения, в Орле, по примеру Петрограда и Москвы ... устроить торжественный крестный ход из всех церквей, в котором должны принять участие все от мала до велика, чтобы многотысячная церковная процессия явилась внушительным свидетельством отношения верующего русского народа к нынешней противохристианской политике большевистского правительства». Крестный ход состоялся 2 февраля и вышел грандиозным. Однако гонения на Православную Церковь продолжали ужесточаться. Грабежи и убийства священников происходили по всей губернии. 6 июня 1918 г. чекистами было разогнано епархиальное собрание, произведён в архиерейском доме обыск; сам владыка был арестован, но вскоре отпущен на свободу. 13 октября 1919 г. Орёл был занят войсками Деникина и белые предложили епископу Серафиму отслужить публичный благодарственный молебен. Он отка-

зался. К чести белых, нужно сказать, что они были недовольны таким поведением архиерея, но не применили к нему никаких репрессий. Отказ от сотрудничества с белыми не спасает его от преследования большевиков. В 1922 году епископ Серафим вновь арестовывается по обвинению в сокрытии церковных ценностей и, хотя на суде, как и другие обвиняемые, виновным себя не признал, по приговору губернского революционного трибунала от 20 июня 1922 г. заключается на 7 лет в Центральную исправительную тюрьму, со строгой изоляцией. Впоследствии срок заключения был сокращён до одного года и 10 месяцев, а в 1924 году Владыку освобождают по амнистии. Будучи запрещённым властями в служении, святитель Серафим в тайне оставался подлинным управителем епархии для клириков и мирян, сохранивших Веру. Об огромном авторитете Владыки говорит и тот факт, что в мае 1924 года постановлением Святейшего Патриарха Тихона епископ Орловский и Севский Серафим был введён в состав Святейшего Синода (в связи с отказом властей в регистрации в июле работа Синода была прекращена). 29 мая 1924 г. епископ Серафим был возведён в сан архиепископа и, с разрешения властей продолжает служение. С 1 ноября 1927 г. - назначается архиепископом Смоленским и Дорогобужским, где управлял вверенной ему епархией до 1936 года. В 1937 году его вновь арестовали и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27 марта 1937 г., якобы, за участие в контрреволюционной группе приговаривают к пяти годам лагерей. Но кому-то этого показалось мало, и решением Особой тройки УНКВД Смоленской области от 28 ноября 1937 г. - без отмены ранее вынесенного приговора, архиепископ Серафим был приговорён к высшей мере и 8 декабря - расстрелян. Празднование дня кончины священномученика арх. Серафима приходится на 25 ноября.

Почему же происходили такие зверства в отношении священнослужителей и монашествующих? Во многом это зависело и от отношения некоторых представителей духовенства к простому народу. Так, во время проводов воинов на сражения Первой мировой войны, один священник после молебна подошел к офицерам, и, угодничая перед ними, сказал, что ему «очень жаль господ офицеров, которые могут погибнуть на войне» и, махнув рукой на стоящих в строю солдат, сказал: «а их не жаль, этого навоза у нас хватит», что вызвало горькую обиду и переживания у простых воинов.

В соответствии с декретом «О земле» национализации подлежали все церковные и монастырские земли. К 1914 году в России, по неполным данным, насчитывалось 43 515 церквей и 1 025 монастырей, им принадлежало церковной земли – 2 271 000 десятин, а в Европейской части России – 140 000 десятин земли; монастырской – 802 436 десятин, из них удобных земель – 600 000 десятин.

Изъятие церковных и монастырских земель происходило также и в Орловских пределах, где по данным изданной Союзом Воинствующих безбожников брошюры «Социалистический труд и религия», им принадлежало 378 500 десятин земли. Например, в Ливенском уезде ещё с осени 1917 года начал подвергаться грабительским набегам Марии-Магдалинский монастырь. Крестьяне рубили монастырский лес, таскали овощи с огорода, оскорбляли

монахинь. 9 декабря вечером крестьяне деревни Андриановки, собравшись на монастырском дворе, избili рясофорную послушницу Екатерину Черных, охранявшую амбары. Услышав шум и крики, монахини ударили в набат. На звон монастырского колокола отозвалась церковь в соседнем селе Губаново-Никольском, жители которого разогнали погромщиков. Но дело на этом не кончилось. На другой день Кудиновский волостной комитет вместе с другими сельскими комитетами устроил в монастырской трапезной собрание, на котором было принято постановление: ключи от амбаров у монастыря забрать. При этом комитетчики вели себя вызывающе: курили, сквернословили, сидели в шапках. 23 февраля 1918 г. был разграблен монастырский хутор. Крестьяне деревни Марьино угнали весь скот: 22 рабочих вола, 20 лошадей, 3 дойных коров, 39 овец, 5 ангорских коз.... Приставленные волостным комитетом к монастырю контролёры отказывались давать на нужды монастыря хотя бы одну лошадь.

19 ноября 1918 г. монастырь был полностью разгромлен. Вечером толпа крестьян из села Губаново оцепила монастырь солдатами, захватила колокольню, чтобы помешать монахиням ударить в набат. Окружив корпус настоятельницы, толпа угрожала ей убийством. Игуменья была вынуждена, переодевшись, покинуть монастырь и уехать в Ливны. Толпа растащила всё, что ещё оставалось от предыдущих погромов. Убыток монастыря составил 200 000 рублей. Полному разгрому подвергся и Предтеченский женский монастырь в п. Кромы. Зачинщиками подобных действий, как правило, были солдаты и матросы, уголовный элемент, проникавший, благодаря своей дерзости и «революционности», в местные органы власти. По свидетельству сельского священника, еще в марте 1917 года в деревни стали валом валить солдаты, карты, самогонка.... Проповеди в храме встречаются смехом, злобой, угрозами, анонимные письма «сожжем». Из общественных учреждений ушла вся местная интеллигенция, а выборные места получили «отстой, навоз, воры и каторжане».

Однако одним разграблением дело не ограничилось. По распоряжению советских властей церкви и монастыри стали закрывать. В Орловском крае до революции насчитывалось примерно 960 православных храмов, не считая домовых церквей и часовен, а также 18 монастырей. В результате проводимой большевиками антицерковной политики с 1917 по 1923 годы было закрыто 26 православных храмов, из них в Орле - 17. Наибольшая активность по закрытию действующих церквей приходится на последние годы гражданской войны.

В это же время, 27 августа 1920 г., было издано постановление СНК «О ликвидации мощей», согласно которому местные исполкомы обязывались «последовательно и планомерно проводить полную ликвидацию мощей». В Болхове местные власти вскрыли мощи Макария Глухарева. Во Мценске 3 июля 1919 г. местные власти надругались над находящимися в монастыре мощами святого Кукши, а потом порешили взять древнюю скульптуру – икону святого Николая Угодника и бросить его в реку. Такие действия вызвали открытое возмущение: собралась тысячная толпа, в ответ власти дали три

выстрела и уехали. В Орле в 1919 году мощи святого Тихона Задонского изъяли у церкви и передали в музей. Тогда же, в 1919 году, в г. Орле начали громить Успенский мужской монастырь. В 1921 году постановлением Президиума Губисполкома в Орле закрыли Христорожественскую церковь женского монастыря, которую передали под клуб рабочего городка и Тихвинскую церковь. К концу 1923 года все 5 церквей женского монастыря были закрыты.

По решению губисполкома с 1921 по 1923 годы прекратили свою деятельность 6 православных храмов Успенского мужского монастыря, где размещалось военное ведомство, а также Михаило-Архангельская церковь, новый Петропавловский собор, старый Борисоглебский собор, церковь при бывшей Малой семинарии, Введенская церковь, Иверская церковь и еврейская синагога. В Орловском уезде закрыли Воскресенскую церковь, в Болховском - мужской и женский монастырь, в Дмитровске – Троицкую кладбищенскую, в Кромах - Никольскую церковь, в Кромском уезде Предтеченский женский монастырь, в Малоархангельском уезде - Преображенскую церковь, в Мценске - две церкви, Петропавловский мужской монастырь и Кирика-Улиты.

Все церкви переоборудовались под культурно-хозяйственные нужды. Например, Введенскую церковь отдали под клуб «Кожтреста», церковь бывшей Малой семинарии - под клуб 5-й больницы, Иверскую под железнодорожную школу, Петропавловский собор - окрархивбюро, Михаило-Архангельскую - музей религиозных искусств, его летнюю половину, а в зимней - продолжалось богослужение; в домовый церкви бывшей тюрьмы разместился клуб изолятора, в домовый церкви бывшего кадетского корпуса - клуб военной школы им. Фрунзе, в домовый церкви бывшей Большой семинарии - клуб школы, в домовый церкви бывшего института благородных девиц - клуб техникума; церковь бывшего военного кладбища, Ильинскую часовню и часовню дома трудолюбия передали Госфонду и снесли.

Следует отметить, что политика ликвидации церквей проводилась целенаправленно, а не стихийно, о чем находим подтверждение в документе подписанном 26 апреля 1923 г. Н.И. Троцкой, женой главного вдохновителя и организатора борьбы с Церковью Льва Давидовича Троцкого. Вот он: «г. Орел, Губисполком. Отдел по Делах Музеев Наркомпроса настоящим сообщает, что на учете и под охраной отдела Музеев в г. Орле и Губернии состоят следующие церкви и монастыри:

1. г. Орел - Петропавловский собор, ц. Архангела Михаила, ц. Богоявления на молочном базаре, Введенская церковь, Успенская церковь в мужском монастыре.

2. г. Мценск - Собор св. Николая, Петропавловский монастырь, ц. Михаила Архангела, ц. Вознесения.

3. г. Ливны - Троицкий собор.

4. г. Болхов - Троицкий Оптин Монастырь, Троицкая церковь, Рождественская церковь.

5. г. Малоархангельский - ц. в усадьбе бывшего Куракина, доводит до Вашего сведения, что в случае ликвидации богослужения в этих храмах, они

могут получить другое назначение только при условии сохранения в неприкосновенности их внутреннего и внешнего облика. Списки по Елецкому, Дмитровскому и Кромскому уездам будут сообщены дополнительно.

Кроме того, Отдел Музеев на основании Декрета об отделении церкви от Государства предлагает ввести в Комиссию по ликвидации заведующего Орловским Губмузеем с правом решающего голоса и признать непременно его участие во всех ликвидациих, дабы он мог производить отбор для Музея и определить назначение памятников художественно-исторического значения.

Заведующий Отделом по Делах Музеев (Н.Троцкая)
Ученый секретарь (Детинов)».

Как видно из этого циркуляра, с одной стороны власть признавала происходившую ликвидацию церквей, а с другой - была попытка сохранить некоторые из них как памятники культуры, в то же время, не забывая, произвести отбор ценностей для государства. В будущем, перечисленные в этой охранной грамоте церкви как памятники культуры, также безжалостно уничтожались. Среди них: Петропавловский собор в г. Орле, Введенская церковь, Успенская и др. К концу 1921 года в Советской России было закрыто 600 монастырей, многие из которых обладали большой исторической и культурной ценностью.

Репрессии против духовенства и погромы не ослабли и после того, как Патриарх Тихон 25 сентября 1919 г. опубликовал Послание «О прекращении духовенством борьбы с большевиками». Однако, следует признать, что на территории белого движения этот указ Патриарха практически не исполнялся. До Крыма этот акт дошел уже во времена Врангеля, когда Церковь принимала довольно активное участие в политической борьбе против советской власти, и поддерживало белое движение. Общее число жертв среди духовенства и мирян, стоявших вне гражданской войны, с октября 1917 г. по конец 1921 г. превысило 10 000 человек. Сюда не входят священники, погибшие в рядах белого движения. Но самые тяжелые испытания для Русской Церкви были еще впереди.

В условиях завершения гражданской войны и в немалой степени порожденного ей голода правительство 2 января 1922 г. издало Декрет об изъятии музейного имущества, а 23 февраля в дополнение к нему было опубликовано постановление ВЦИК об изъятии из церквей драгоценных металлов и камней. Эта же задача была поставлена и в секретном письме Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., в котором он призвал жестоко расправиться с духовенством, а ценности отобрать.

Весьма драматично происходило изъятие ценностей в Орловской губернии. С 14 февраля 1922 г. начались заседания Орловской губернской Чрезвычайной Комиссии по учёту и изъятию ценностей, на которой присутствовали председатель Тройки - зав. Губфинотделом Лапин, члены Тройки – Зампред Губчека Сенечкин и Губвоенком Мазуров. На первом заседании предложили в секретном порядке заведующим всеми Губотделами и прочими соответствующими учреждениями в срочном порядке выяснить, где в подведомственных им учреждениях и помещениях имеются какие-либо ценности и

принять меры к немедленной сдаче таковых в Губфинотдел. Отделу управления было предложено в 15-дневный срок принять меры к проверке инвентарных описей церквей и монастырей, имея в виду, что там имеются нередко ценности, нигде не записанные и поэтому «могущие ускользнуть в случае изъятия».

Подобные комиссии были созданы в уездах Губернии. В помещении орловского Губмузея с 23 марта 1923 г. располагалась Губернская Научно-Художественная экспертная Комиссия в составе председателя комиссии Преображенского, он же представитель Губоно, и членов комиссии: зав. Губмузеем Ткачевского, он же эксперт, зав. Губфинотделом Лапина, представителя Губюста Якунина и РКИ Мачина, которые занялись изъятием ценностей из музейных хранилищ. Кроме того, одновременно с ними были созданы комиссии ЦК помгол (помощи голодающим – А.П.) по изъятию ценностей действующих церквей, причем губкомиссии по учету ценностей должны были продолжать (в соответствии с разъяснением Замособоуполномоченного Совнаркома Базилевича от 4 марта 1922 г. № 825) свои работы в общем порядке и являться фактическими выполнителями технической стороны работ ВЦК помгол в отношении изъятия, транспортирования и охраны отправляемых в Центр церковных ценностей. Орловскую губернскую комиссию помощи голодающим при губисполкоме возглавил Тулупов, расположившийся в здании губисполкома, комната № 12, по улице Садовой, бывшей Присутственные места. Судя по документам, комиссия имела большие полномочия и не упускала случая вмешательства в церковную жизнь, что подтверждает распоряжение предгубкомиссии настоятелям православных церквей, в котором говорится: «Под ответственность священнослужителей в означенные часы (с 10-ти до 4-х) служба совершаться не должна».

Сохранившиеся акты изъятия и описи свидетельствуют о том, что в Орловских церквях и музеях, несмотря на лихолетье гражданской войны, всё ещё оставалось множество вещей, которые имели неоценимое художественное и историческое значение для культуры России. Только в церквях Болхова находились такие художественные редкости и предметы старины, как образ Спасителя Новгородского письма XVI века, серебряный потир - дар воеводы Ржевского, рукописное Евангелие 1614 года, ризы, стихарь древнего покроя шитые собственноручно царицей Софьей Петровной XVII века, Евангелия времен императрицы Елизаветы Петровны, иконы XVII-XVIII веков, митра 1640 года и т.д.

Разграбление и уничтожение древней российской культуры сопровождалось яростной пропагандистской кампанией. На собрании красноармейцев 6-ой стрелковой дивизии, 49-го стрелкового полка, 19-ой отдельной роты ГПУ, работников губернской милиции, Орловской заготконторы в начале апреля были приняты резолюции с призывами немедленно изъять церковные ценности в пользу голодающих Поволжья. Выполняя указания Москвы, орловские богоборцы со знанием дела принялись за ограбление церквей и музеев. Уже 9 апреля, в воскресенье, зав. Губфинотделом Лапин обратился к начальнику

Губтранса с совершенно секретной просьбой предоставить к 3 часам дня большой грузовой автомобиль для перевозки ценностей и охраны на вокзал.

20 апреля губернская комиссия обратилась к епископу Серафиму с требованием немедленно предоставить список храмов г. Орла, и тут же приступила к изъятию находящихся в них ценностей. Духовенство и верующие пытались сохранить наиболее важные священные предметы. Иногда им удавалось убедить представителей власти не изымать некоторые необходимые для богослужения сосуды и иконы. Однако более высокая инстанция, как правило, отменяла такое решение и производила повторное изъятие ценностей. Например, председатель Губкомиссии по изъятию церковных ценностей Тулупов распорядился 27 апреля отобрать временно оставленные ризы на иконах Михаило-Архангельской церкви, а 28 апреля сообщил в Иверскую церковную общину об отказе в оставлении ризы и иконы Иверской Божией Матери. 4 мая Президиум Губисполкома предложил правлению Орловской ювелирной артели к часу дня выслать в Губфинотдел ювелиров Пудлина, Литвина для участия в комиссии по оценке изъятых в церквях ценностей. С их помощью к 18 мая подготовили второй транспорт церковных ценностей в количестве 174 пудов серебра, который был отправлен в Москву в Гохран 19 мая и составил целый вагон.

К середине мая начали прибывать отдельные партии церковных ценностей из уездов. Все они, за редким исключением, были плохо упакованы, находились в полуразвалившихся ящиках, золотые вещи и драгоценные камни перемешаны с серебром и даже без подробной описи, что не исключало умышленных потерь и хищений.

Очередной вагон намечалось отправить в начале июня 1922 года. А в Орле продолжала действовать комиссия в составе Тулупова, зав. окружной кассой Комарова, контролера Ардзиевского, кассира Малиновского с участием представителя РКИ Новикова и оценщиков Корчмарского, Огородникова, Г.З. Диментборга и М.Я. Фабера. В неистовом рвении они забирали все вплоть до личных вещей церковнослужителей и монашествующих. Так, при изъятии ценностей женского Введенского монастыря из монашеских келий уполномоченные забрали ризы с икон принадлежавших инокиням, что вызвало возбуждение среди сестер монастыря и жалобы к местной власти. Предгубкомпомгола вынужден был отдать распоряжение вернуть их имущество, так как оно представляет «частную собственность монахинь». Однако подпись на документе Тулупов не поставил.

Официально изъятие ценностей в губернии продолжалось до 1 июля 1922 г. Только в Орле с 1 мая по 1 июля из церквей было изъято более 169 пудов 22 фунтов серебра, 2 фунта 3 золотника 50 долей золота, 18 фунтов меди, 25 фунтов 93 золотников 40 долей - жемчужного шитья, 147 алмазов и т.д. По Орловскому уезду было собрано более 20 пудов серебра и 4 фунтов золота, по Ливенскому уезду более 77 пудов серебра, по Мценскому уезду из 12 церквей изъято более 4 пудов серебра, по Кромскому уезду из 10 церквей более 16 пудов серебра, из 23 церквей Болхова и 57 храмов уезда - изъято более 153 пудов серебра, в Малоархангельском уезде из 11 церквей - более 56 пудов се-

ребра, в Дмитровском уезде более 23 пудов серебра, в Елецком уезде из 46 храмов изъято более 165 пудов серебра, 49 золотника 74 доли золота и более 15 пудов меди. Всего было изъято 688 пудов 15 фунтов 9 золотников 61 доля серебра, 7 фунтов 10 золотников 66 долей золота и 15 пудов 32 фунта 75 золотников меди и большое количество камней. На проведение этой операции, только по Орлу, власти израсходовали более 90 тыс. рублей. Немало ценностей было сокрыто, поэтому изъятие церковных сокровищ не прекращалось. Так, 18 сентября 1922 г. по постановлению президиума Губисполкома в некоторых храмах г. Орла проводилась новая реквизиция ранее сокрытых церковных ценностей, а 14 октября производится изъятие ценностей и прочего инвентаря из бывшей тюремной церкви при исправдоме. По отношению к тем, кто отказывался сотрудничать с властями или укрывал ценности были организованы судебные процессы.

В Орле с 18 по 20 июня 1922 г. проходит показательный суд над правящим епископом Орловским Серафимом и викарным епископом Елецким Николаем, а также мирян И.В.Преображенским, И.М.Тритенко, В.Н.Соповым, Е.Д.Краевич. Подсудимые виновными себя не признали. Однако решением губернского Ревтрибунала епископа Серафима осудили на 7 лет в Центральную исправительную тюрьму со строгой изоляцией, а епископа Николая – на 3 года. Впоследствии срок заключения для епископа Серафима был сокращён до одного года и 10 месяцев, а в 1924 г. его освобождают по амнистии.

В сентябре 1922 года за сокрытие церковных ценностей и верность Патриарху Тихону последовали новые аресты среди священнослужителей и мирян. Многие из них подверглись высылке в северные районы страны. Собранные за многие столетия церковные богатства: драгоценные камни, золото, серебро, иконы, старинные евангелия, митры, священнические одежды изымались и отправлялись в государственные хранилища, а оттуда шли на нужды партии, Коминтерна, ГПУ. Многие церковные предметы, имевшие большую художественную и историческую ценность, были расхищены и безвозвратно утеряны.

Кроме изъятия церковных ценностей продолжались репрессии против священно- и церковнослужителей. Так, в июне 1922 г. губернский ревтрибунал осудил ряд орловских иерархов Церкви и священнослужителей, занимавших видное положение в епархии. В сентябре 1922 г. последовали аресты за сокрытие церковных ценностей среди рядовых церковнослужителей и верующих города Орла. Большинство из них подверглось высылке в северные регионы страны.

Церкви были разграблены, как и приказал Ленин, «с беспощадной решительностью» и «в кратчайший срок». В обстановке массовых репрессий многих священников и мирян охватил страх.

Никогда Православная Церковь у нас в России не переживала такого поругания, такого попрания ее святынь, как в период наступившей после свержения царской династии и начавшейся Гражданской войны. Причины этих событий общеизвестны: война, вековое угнетение народных масс, включение Церкви в государственный механизм управления, пренебрежительное отно-

шение к народу со стороны многих представителей церковных кругов и т.д. С приходом к власти большевиков, которые видели в христианском учении своего главного идейного врага, будущее существование Православной Церкви, как и других конфессий, стало делом времени.

К.Б. Грамматчиков

Гражданская война в творчестве поэта-орловца монархиста С.С. Бехтеева.

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоей кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час...

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

г. Елец, Орловская губ., октябрь 1917 г.

Эти строки, адресованные Царской Семье, принадлежат известному поэту русской эмиграции Сергею Сергеевичу Бехтееву. Долгое время их авторство приписывалось целому ряду лиц, в том числе Великой Княгине Ольге Николаевне и даже Императрице Александре Федоровне. Липецкие краеведы в 60-70 годы XX века записали это стихотворение в селах Елецкого и Задонского районов Липецкой области у крестьян, считавших эти строки древней молитвой. В советское время «Молитва» стала известна широкой аудитории через романс, написанный на бехтеевские стихи, исполнявшийся в сериале «Государственная граница» (естественно, без указания автора).

С.С. Бехтеев родился 7 апреля 1879 г. в селе Липовка Елецкого уезда Орловской губернии. Род Бехтеевых известен с XVI века, среди предков поэта

были дипломаты, чиновники, военные. Четыре деда поэта Сергей, Иоасаф, Василий и Николай служили морскими офицерами, как и его отец – тоже Сергей Сергеевич, более прославившийся на государственной службе, являясь одним из лидеров «Объединенного дворянства», крупным орловским землевладельцем, построившим в Ельце первый в России элеватор. Автор целого ряда работ по сельскому хозяйству, камергер двора С.С. Бехтеев-старший относился к правому крылу Государственного Совета, его ставили в один ряд с К.П. Победоносцевым, П. Н. Дурново, А.А. Нарышкиным. Монархисты до мозга костей, эти люди стояли на принципе общей «земли и почвы», но не крови, как многие славянофилы и националисты. Еще до начала Первой мировой войны, лидер правых в Госсовете П.Н. Дурново в записке на имя Императора Николая II настойчиво предостерегал от возможного участия России в международном конфликте, фактически предсказав катастрофические последствия не только для Российской Империи, но и для всех основных европейских монархий. Уход из жизни «столпов консерватизма» (по выражению С.Ю. Витте) еще до февраля 1917 года многих ближайших сподвижников Императора Александра III был невосполним для его сына Императора Николая II, который лишился искренних советников-реалистов, оказавшегося между «молотом и наковальней» - думскими политиками-либералами типа Родзянко, Гучкова, Милюкова и националистами типа Шульгина, Меншикова, Пуришкевича.

Николай II (отрывок)

Предатели, рожденные рабами,
Свобода лживая не даст покоя вам,
Зальете вы страну кровавыми ручьями,
И пламя побежит по вашим городам.
Не будет мира вам в блудилище разврата,
Не будет клеветам и зависти конца;
Восстанет буйный брат на страждущего брата,
И меч поднимет сын на старого отца...
Пройдут века; но подлости народной
С страниц Истории не вычеркнут года:
Отказ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вам будет навсегда!

г. Орел, 1917 г.

Эти строки Сергея Бехтеева были написаны на третий день «бескровной русской революции», в марте 1917 года, среди общего ликования беснующейся толпы. В наши дни Бехтеева называют поэтом-пророком. Но, как и его отец, он был, в первую очередь, реалистом. В отличие от столичных сановников, и салонной аристократии и интеллигенции, после окончания Императорского Царскосельского лицея в 1903 году, и службы в Кавалергардском полку (который он оставил из-за увечья на маневрах) С.С. Бехтеев много лет с 1905 года работал в Елецком уездном земстве Орловской губернии, «варился» в самой гуще народа, их чаяний и проблем. Сумел остановить крестьянские

волнения, являясь гласным округа во время первой русской революции методами не силы, но убеждения.

В Первой мировой войне, получив тяжелое ранение и находясь на излечении в Царскосельском лазарете, в котором сестрами милосердия работали Императрица и ее дочери и три сестры поэта – фрейлины Екатерина, Зинаида и Наталья. Он понимал цели клевет и клеветы, распространяемых про Царскую Семью людьми, находящимися при Дворе. Дискредитация Царя открывала для них дорогу к власти. Как напишет позже историк С.С. Ольденбург: «Государь дал своим противникам все, что мог, они все равно оказались бесильными перед событиями. Руль был вырван из рук державного шофера, автомобиль рухнул в пропасть. «Кругом измена, и трусость, и обман», - начертил Государь в своем дневнике в марте 1917 года».

В Орле и Орловской губернии в 1917 – 1918 годах С.С. Бехтеевым были написаны одни из самых ярких в его творчестве стихотворений: «Россия», «Святая ночь», «Свобода», «Великий хам», «Конь красный», «Земля и воля», «Конец русской былины», вошедшие во многие его зарубежные сборники и антологии поэзии русского зарубежья.

С началом Гражданской войны он уезжает в Добровольческую Армию.

Две армии (отрывок)

Армия белая, армия красная,
Сестры кровавой судьбы,
Вас породила година ненастная
Междоусобной борьбы.

Враг нашептал вам заветы лукавые,
Души враждою разжег,
Зло подтолкнул на затеи кровавые,
Ложною славой увлек.

Поднял на брата безумного брата,
Вас на себя ж ополчил,
Русь изгорбатил на смех супостата
Грудами свежих могил.

Но... иззубрятся мечи подневольные,
Время рассеет туман,
Поздно ли, рано ли - братья крамольные
В муках поймут свой обман.

Скроется в вечность година злосчастная,
Снова в единую рать –
Армия белая, армия красная
Дружно сольются опять.

Снова воскреснут заветы старинные

Славных, великих времен,
Грозно расправятся крылья орлиные,
Вздыбятся древки знамен.

И, возвратив свою честь и достоинство,
Будет в России, как встарь, –
Христолюбивое славное воинство
И его Вождь – Государь.

Севастополь, Белый Крым. 1920 г.

Участвуя в Белой борьбе, Сергей Бехтеев не испытывал симпатии к вождям добровольчества. Уже тогда ему было известно о той роли, которую сыграли в отречении Царя генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов и другие. Прямыми или косвенными участниками февральского заговора против Государя были многие представители генералитета, в том числе дядя Императора Великий Князь Николай Николаевич и другие его родственники. Распространенное мнение о монархизме в рядах белых не соответствует действительности, так как никто из официальных вождей добровольчества монархических лозунгов никогда не выдвигал. Более того, несмотря на то, что до 70% офицеров-добровольцев (согласно сведениям историка С.В. Волкова) были настроены монархически, промонархические настроения преследовались. Представителям Императорской фамилии было отказано в участии в борьбе против большевиков в частях Вооруженных Сил Юга России. Как говорил Л.Д. Троцкий: «Если бы белые выдвинули знамя кулацкого царя, мы бы не продержались бы и двух недель».

В 1918 – 1919 года на Украине, Дону, Прибалтике, в Пскове были попытки создания монархических Южной, Народной, Северной, Западной Армий под руководством генералов Ф.А. Келлера, П. Н. Краснова, П.П. Скоропадского, при поддержке германских военных на оккупированных ими территории Российской Империи. Но не поддержанные белым генералитетом под нажимом Антанты, эти воинские формирования были или нейтрализованы «союзниками», как, например, Западная армия генерала Бермонт-Авалова, выдвленная из Прибалтики в Восточную Пруссию англичанами, латышскими и эстонскими националистами; или влились в состав Северо-Западной (Северный корпус Вандама и отряд генерала Ливена) и во ВСЮР (остатки Южной и Народной Армий). Есть определенные сведения о том, что С.С. Бехтеев мог участвовать в попытках освобождения Царской Семьи, являясь курьером между Кавказом, Крымом, Одессой и Киевом, где находились монархические организации и скрывались Царские родственники. Такая организация, возможно, существовала и в Орле. Одним из немногих владык, не принявшим отречение Императора Николая II и не признавшим Временное Правительство был епископ Орловский и Севский Макарий (Гневушев), расстрелянный в 1918 году. Корреспонденцию для Царской Семьи в Тобольск и Екатеринбург доставляли фрейлины Императрицы графиня А.В. Гендрикова – сестра последнего орловского губернатора (убита с Царскими слугами в 1918 г.) и М.С. Хитрово – близкая подруга З.С. Толстой (урожд. Бехтеевой) –

обе уроженки Орловской губернии. Муж родной сестры поэта – Зинаиды полковник Кавалергардского полка Петр Толстой (убит в 1918 г.) продал особняк в Одессе и вырученные средства передавал через доверенных лиц Царственным узникам, на которые приобретались необходимые продукты. Двоюродный брат С.С. Бехтеева – подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка И.С. Хвостов с конца 1918 года возглавлял в Крыму отряд по охране вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны.

Единственным военачальником, получившим благословение Патриарха Тихона на борьбу против большевиков был генерал от кавалерии Фёдор Артурович Келлер, пользовавшийся расположением матери Царя Императрицы Марии Фёдоровны. В марте 1917 года он отправил в Ставку телеграмму: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрёкся от Престола. Прикажи, Царь, придём и защитим тебя». Ф. А. Келлер должен был возглавить формируемые монархические соединения, но в конце 1918 года был убит в Киеве петлюровцами. Фигуры, равной Келлеру, не нашлось в рядах Белых вождей. Генерал А.И. Деникин, с которым Ф.А. Келлер вел переписку на предмет совместной борьбы в 1918 году, всячески дистанцировался от монархистов. В его окружении находился целый ряд одиозных фигур, участвовавших в февральском заговоре 1917 года, скомпрометировавших себя генералов и политиков. Поэтому многие кадровые офицеры не видели смысла в своем участии в борьбе на стороне революционеров февраля против революционеров октября. Позже они будут мобилизованы красными в качестве военспецов, что во многом предопределило успех Красной Армии. По мнению военного историка А.Г. Кавтарадзе 40% кадрового офицерства воевало на стороне большевиков, 30% - на стороне белогвардейцев и 30% вообще не принимали участия в Гражданской войне, предпочитая остаться в стороне от вооруженной борьбы или эмигрировать. Одной из причин трагедии Гражданской войны, когда брат шел на брата и друг против друга воевали бывшие однополчане, С.С. Бехтеев возлагал на разложившуюся российскую элиту и аристократию, заговоры, интриги которых, по его мнению, против Божьего Помазанника, привели к Гражданской войне и всеобщему хаосу.

Опомнись, знать! (отрывок)

(Обращение к съезду белого совдепа в Париже)

Там далеко, завейный снегами,
Кровавым сном, спит бедный, милый край,
Распятый на кресте исконными врагами,
Раздетый донага руками красных стай.

Там стон и вопль, рыдания и слёзы;
А здесь, в кругу сановных богачей,
Постыдный торг, попреки и угрозы,
И злая оргия разнузданных речей.

Опомнись, знать! Вернувшись из изгнания,
Ответ ты дашь, как изверг, как злодей,

За лишний день народного страданья,
За каждый стон умученных людей.

За то, что нагло взяв себе опеку трона,
Чтоб волю навязать корыстную свою,
Ты колебала мощь Российского Закона,
Вселяя злой раздор в Державную Семью.

За то, что обратясь в бунтующую свиту,
За чуждым рубежом предательство творя,
Не встала, как один, ты грозно на защиту,
Многострадального, далекого Царя!

Королевство СХС, 1922 г.

Бехтеев был хорошо информирован о процессах, происходивших в столице до 1917 года ближайшими родственниками, занимавшими высокие посты в Российской Империи, среди которых были дядя А.А. Хвостов – министр юстиции, двоюродный брат А.Н. Хвостов – министр внутренних дел. В эмиграции С.С. Бехтеев вместе с братом Алексеем издавали в Белграде газеты «Вера и Верность» и «Русский Стяг», в которых пытались осознать причины русской трагедии.

В наши дни целому ряду историков стали доступны документы о роли думских политиков в подготовке Февральской революции и стоящими за ними дипломатов и резидентов спецслужб и разведок правительств стран Антанты, целью которых было уничтожение Российской Империи в конце Первой мировой войны, понесшей основные людские и материальные потери и претендовавшей на лавры победительницы.

Чтобы не допустить триумфа русского оружия, как это было в 1812-1814 годах после войны с Наполеоном, когда русские Императоры были основными арбитрами европейской и международной политики вплоть до середины XIX века, направлявшие правительства Европы и Америки, круги международной олигархии ставили целью расчленение Российской Империи в масштабах мирового территориально-финансового переустройства. Именно ими была развязана Гражданская война, основной задачей которой являлось ослабление России и контроль за ее ресурсами и недрами. Наиболее четко среди вышедших недавно на эту тему работ, это показано в книгах Н.В. Старикова «1917 год. Разгадка русской революции», «Ликвидация России. Кто помог красным победить белых в Гражданской войне» и других, где подробно раскрывается закулисная роль Англии, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, использовавших все противоборствовавшие стороны Гражданской войны России в своих интересах.

Не обладая всей полнотой информации в 1920-ые годы в Югославии, С.С. Бехтеев интуитивно давал оценку происходящим в мире событиям.

Союзникам (отрывок)

Когда, забыв свои невзгоды
И слёзы вдов, и их печаль,

Надменно празднуют народы
Врагом подписанный Версаль;

И в славный день священной тризны,
Спеша на зов со всех сторон,
Словами горькой укоризны
Звучит предсмертный русский стон:

«Не мы ли честно умирали
За вас во рвах, у вражьих стен,
Не мы ли грудью отстояли
И ваш Париж, и ваш Верден!

За что ж теперь душой коварной
В хмелю триумфов и пиров
Вы в слепоте неблагодарной
Забыли подвиг русских львов?!

Ликуйте! празднуйте победу!
Но будет день – и битый враг
По окровавленному следу
Направит вспять зловецкий шаг.

Тогда на стон предсмертной муки
На зов и вопли из Арден,
Спасать не выйдут наши внуки
Ни ваш Париж, ни ваш Верден!»

Королевство СХС, 1921 г.

В изгнании С.С. Бехтеев активно участвует в общественно-политической жизни русской эмиграции, возглавляет «Железный Союз Долга и Чести». Его боевым крылом руководит командир Алексеевского полка, сражавшегося под Орлом, полковник П.Г. Бузун. Долгое время Бехтеев не верил в гибель Царской Семьи, предпринимая попытки установить их местонахождение. Последнюю попытку провозглашения монархии в России предпринял Земский Собор, прошедший во Владивостоке в 1922 году, избравший Верховным Правителем России генерала М.К. Дитерихса, служившего до Первой мировой войны в 52-м драгунском Нежинском полку, квартировавшем в Ельце.

До конца 1920-ых годов С.С. Бехтеев поддерживает Великого Князя Кириллы Владимировича, но вскоре разочаровывается в политике и уезжает во Францию. За границей в Югославии, Германии и Франции у него выходят несколько поэтических сборников: «Песни русской скорби и слёз», «Царский гуслиар», «Два письма», «Песни сердца», «Святая Русь» и многочисленные статьи. Большинство своих поэтических произведений Бехтеев посвящает России и боготворимой им Царской Семье: «Жизнь за Царя», «Кормчий», «Царевич Алексей», «Мученики», «Святой Царь», «Царский Крест» и др. В

Ницце, вместе с последним командиром Кавалергардского полка графом Ф.Н. Безаком, он участвует в обустройстве небольшого храма Державной иконы Божией Матери и в воздвижении Креста-памятника Царственным страсто-терпцам в храме Святого Благоверного Князя Александра Невского в Париже.

Будучи человеком глубоко верующим, воспитанным в благочестивой семье, из которой вышли подвижники веры, такие как монах Никандр (Бехтеев) и инокиня Елена (Бехтеева), многие свои стихи он посвящает русским святым: «Угодник», «Апостолы», «Святому», «Афон», своему небесному покровителю святому Сергию Радонежскому, Святому праведному Иоанну Кронштадскому, Святителю Тихону Задонскому и другим. Он верил в духовное возрождение России и русского народа: «Она жива, Великая Россия», «Моей Родине», «Утро России».

Мой народ

Среди скорбей, среди невзгод
Всегда я помню мой народ,
Не тот народ, что ближним мстит,
Громит, кощунствует, хулит,
Сквернит святыни, нагло лжёт,
Льёт кровь, насилует и жжёт,
Но тот народ – святой народ, -
Что крест безропотно несёт,
В душе печаль свою таит,
Скорбит страдает и молчит.
Народ, которого уста
Взывают к милости Христа
И шепчут с крестного пути:
«Помилуй, Господи, прости!...»

Ницца, 1937 г.

Сергей Сергеевич Бехтеев прожил тяжелую жизнь на чужбине, перебиваясь случайными заработками. Он постоянно нуждался, но гонорары от своих книг жертвовал на церковь и дела благотворительности. Женат он был всего один раз, но детей не имел. Брак его был неудачным и последние годы жизни он проживал со своей родной сестрой Натальей в маленькой комнатке.

Родственников поэта жизнь раскидала по разным частям света. Многие из их потомков проживают во Франции, Бельгии, Польше, Румынии, Аргентине.

Скончался С.С. Бехтеев 4 мая 1954 г. в Ницце. Третий день по его кончине выпал на праздник Великомученика и Победоносца Георгия. Он был похоронен на аристократическом кладбище Кокад, в одной могиле с сестрой Натальей рядом с могилой выпускника Орловского Бахтина кадетского корпуса, Георгиевского кавалера, командующего Румынским Фронтом в Первой мировой войне, генералом от инфантерии Д.Г. Щербачёвым. На надгробии поэта сделана надпись: «Лицеист. И.А. лицея 59 курса. Царский поэт. Офицер Белой Армии Сергей Сергеевич Бехтеев. 07/19 апреля 1879 г. – 21 апреля/4 мая 1954 г.».

После 1991 года в России вышло 6 сборников С.С. Бехтеева, два из которых были изданы журналом «Истории русской провинции».

В день 130-летия со дня рождения поэта 19 апреля 2009 г. в Орле, в музее И.С. Тургенева, состоялся вечер его памяти, которую организовало Православное молодежное Братство во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия. 21 ноября 2009 г. в городе Воронеже состоялись первые Бехтеевские чтения, организованные межрегиональным фондом любителей русской истории и культуры имени С.С. Бехтеева. Однако, самым важным событием в год юбилею русского поэта стало возрождение храма Святого Сергия Радонежского в селе Липовке Липецкой области – родовом имении Бехтеевых. В городе Липецке именем Сергея Сергеевича Бехтеева названа одна из новых улиц.

Грядущее (отрывок)

*Пройдя сквозь грозный строй невзгод
И раскусив нутром обманы,
Начнёт зализывать народ
Свои дымящиеся раны.*

Он вспомнит набожных Царей,
Их правду, милость и смиренье
И проклянёт поводырей
Боготпротивного движенья.

И будет мир, и будет лад,
Хлеба оденут гладь пустыни,
И чернь найдёт зарытый клад
В обломках попоранной святыни...

Гляжу спокойно в даль веков,
Без опасений и без страха –
И зрю Россию без оков
В Державной шапке Мономаха.

Старый Футог. Сербия, 1927 г.